

0
1 ЕСЛИ

ОКТАБРЬ 2006

ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЕСЛИ
10' 2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.RUSF.RU/ESLI

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН
АМПУЛА

МАРИЯ ГАЛИНА
СТИВ БЕЙН
НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА
ДЖЕЙМС МАКСИ

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ:
ПЕВЕЦ НАУЧНЫХ ИДЕЙ

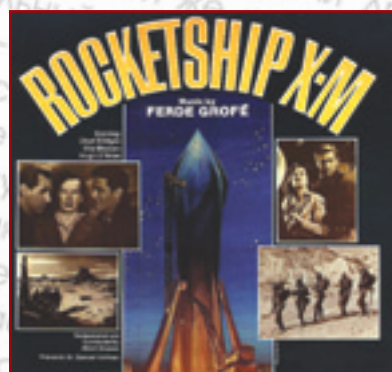
«Аэлита»
(1924)

«Путешествие
Флэша Гордона
на Марс»
(1938)

МАРСИАНСКИЕ КИНОХРОНИКИ

«Ракетный корабль Икс-М» (1950)

«Миссия – Марс» (1968)

Читайте в разделе ВИДЕОДРОМ

«Козерог-1»
(1978)

«Призраки Марса»
(2001)

ЧИТАЙТЕ В НОЯБРЬСКОМ НОМЕРЕ

НОВЫЕ ПОВЕСТИ

Александра ГРОМОВА
«ПРЫТКАЯ И ПОТАСКУН»

Джона ХЕМРИ
«ЛЕДИ-БУДЬТЕ-ДОБРЫ»

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

Грега ИГАНА, Пола МАКОУЛИ
Альберта КОУДРИ, Майкла ЛИБЛИНГА

а также
диалог Марии ГАЛИНОЙ и Даниила ДАВЫДОВА

и наконец
в рубрике «Вехи» – очерки о жизни и творчестве
Пола АНДЕРСОНА и Георгия МАРТЫНОВА

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Объявлена подписка на 2007 год.
Наш журнал вы найдете в объединенном каталоге
«Пресса России» (том I: газеты, журналы)
и в каталоге «Роспечать» (газеты, журналы).
Стоимость полуугодового комплекта – 317 рублей
(индекс 73118), годового – 597 рублей (индекс 42918).
Подписка ведется во всех отделениях связи.

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ЩЁКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэр».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРИСПИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru, if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli, www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-20-90, 248-16-54.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейлс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
тел./факс (501) 443-92-17,
(272) 6-25-36.
E-mail:marketing@chpk.ru

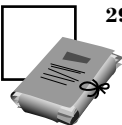
Тираж 15 000 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.

Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2006

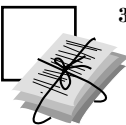

29 Мария ГАЛИНА ДАГОР

Крошечную миссию, затерянную в тропических лесах, посещает *он*. Его невозможно изгнать, ведь он тот, кто всегда с тобой.

133 Владислав КРАПИВИН АМПУЛА

Ну вот и возвратили наконец Империю, столь желанную для многих наших сограждан. Да и клинья монархизма готовы под нее подбить. Отчего же столь неуютно в ней героям? Какие-то они неправильные...

3 Стив БЕЙН ИНФОРМАЦИД

И вновь напряженная дуэль двух интеллектов — искусственного и человеческого. Кажется, уже побеждает человек, но возможно ли убить мудрый суперразум?

95 Джеймс МАКСИ ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ ГОЛУБОЙ ПЧЕЛЫ

Автор всю игру играет со штампами американского комикса, но при этом, как ни странно, не превращает рассказ в пародию.

245 Сергей СЛЮСАРЕНКО В НАШУ ГАВАНЬ ЗАХОДИЛИ КОРАБЛИ

Увы, уже не в нашу. И не совсем корабли. Да и заходили как-то странно...

259 Наталья РЕЗАНОВА ХОРОШИЙ ПИСАТЕЛЬ

Достоевский с Толстым воскресают, и это не фантастика, а всего лишь происки дельцов от издательского дела.

117 Александр РОЙФЕ
СУПЕРГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Придается все, лишь этот персонаж продолжает волновать, если и не умы, то сердца зрителей.

122 Антон ПЕРВУШИН
МНОГОЛИКИЙ МАРС

Марс — это не только шоколадные батончики, как думают многие молодые читатели, но и самая популярная планета фантастов.

119 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Кажется, мы все-таки сумели догнать и перегнать Америку. Правда, не в том, в чем хотелось бы.

272 Дмитрий БАЙКАЛОВ
ПО ВОЛНАМ ЖАНРОВ

...или Синкретическая эклектика. В этой книге, кажется, представлены практически все ключевые направления и жанры — причем не только фантастики. Но самое любопытное, что истоки романа кроются в одной публикации в «Если» четырехлетней давности.

275 РЕЦЕНЗИИ

Возвращение создателя «Космической одиссеи», предтеча киберпанков, тайны черепа Шерлока Холмса, мир, в котором Рим выстоял, а Советский Союз наносит ответный удар. Все это вы найдете на нашей книжной полке.

299 КУРСОР

Названы лауреаты премии «Хьюго», подведены итоги «Филиграни-2006», состоялась очередная «Аэлита».

282 Павел АМНУЭЛЬ
ОПАЛЯЮЩИЙ РАЗУМ

Бывший ГУЛАГовский заключенный, изобретатель, создатель теории изобретательства, наконец, один из лучших авторов отечественной «твердой» НФ 1960-х. В научных кругах он был известен как Генрих Саулович Альтшуллер, а читателям фантастики хорошо знаком под именем Генрих Альтов. В этом году писателю и изобретателю исполнилось бы 80 лет.

301 ПЕРСОНАЛИИ

Живой классик и дебютант в нашем журнале стоят рядом. И не только литературный опыт, но половина земного шара, разделяющая их, не мешают соседству.

С Т И В Б Е Й Н

ИНФОРМАЦИД

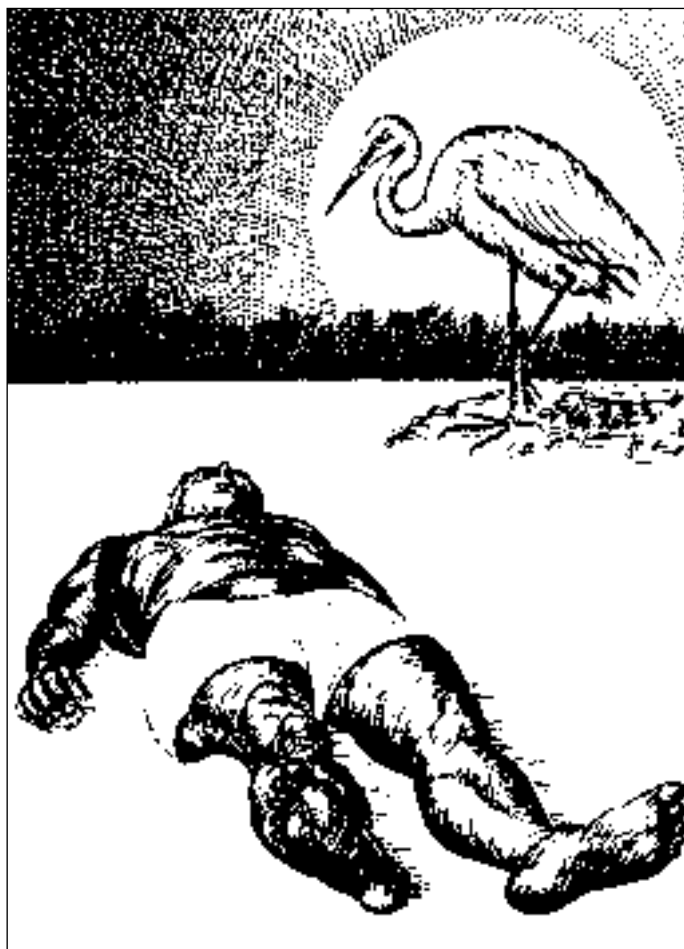

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

1.

Стоя на четвереньках на полу ванной комнаты, Ричард Сакабе в десятый раз спрашивал себя, задумывался ли изобретатель контактных линз о том, что разыскивать на полу выскользнувший из глаза прозрачный диск придется человеку, которому линзы как раз и нужны для того, чтобы улучшить зрение. И предвидел ли изобретатель, что люди, вынужденные пользоваться его творением, скорее всего, будут терять «контакты» в ванной, после душа и перед бритьем, когда каждая капля воды на полу выглядит точь-в-точь как контактная линза.

Пальцы Ричарда осторожно скользили по бесчисленным керамическим плиткам пола, на которых там и сям поблескивали сотни водяных капель, но линзы нигде не было.

Между тем где-то над левым глазом уже зарождалась острая боль. Ричард потерял правую линзу. Левая же, представлявшая собой тончайшую, почти невидимую пленку из поляризованного, газопроницаемого пластика, продолжала исправно отфильтровывать резкий свет флуоресцентной лампы под потолком. Разница в световых потоках вряд ли была значительной, однако его оптические нервы обладали на редкость высокой чувствительностью; теперь они посылали в мозг сигналы разной интенсивности, и голова у Ричарда буквально разламывалась от боли. Между тем как раз сегодня утром мигрень была ему абсолютно ни к чему. Нужно срочно что-то предпринять...

— Долбаная хренова хреновина! — вполголоса выругался Ричард, потом, вспомнив, где находится, перешел на японский, хотя из всех языков именно японский меньше всего годился для выражения обурававших его чувств. Жители Страны восходящего солнца были слишком сдержанными и вежливыми людьми, чтобы обзывать отскочившую неведомо куда контактную линзу словами, которые так и вертелись у Ричарда на языке.

Обшарив ближайший участок пола, Ричард прополз еще на полшага вперед. От этого полотенце, которым он был обернут, развязалось, и Ричард мысленно проклял «дрянную тряпку». Пытаясь снова опоясать чресла, он почувствовал, как на левую пятку упало что-то твердое и мокрое. Затаив дыхание, Ричард обернулся, протянул руку и нащупал какой-то небольшой предмет, прилипший к коже. Это была потерянная контактная линза.

На то, чтобы правильно вставить линзу, у Ричарда ушло минуты две, в течение которых он сосредоточенно тыкал себя кончиком пальца в глаз и моргал. Изготовленные по специальному заказу, эти кон-

тактные линзы в точности соответствовали форме его глазного яблока и — если установить их правильно — совершенно не скользили. От правильности установки зависело многое. В частности, оси поляризации обеих линз должны были располагаться строго параллельно. Правда, для работы, которая ему предстояла, это не имело существенного значения, но для самого Ричарда имело, ибо другого способа справиться с сильнейшей мигренью просто не существовало. Под воздействием света линзы поляризовались совершенно неразличимо для глаза — из всех существующих разновидностей эти были самыми тонкими и совершенно незаметными, — однако стоило прилегающей к роговице полимерной пленке встать на место, Ричард сразу почувствовал, как головная боль начала стихать.

В этот момент в дверь квартиры постучали, и Ричард поспешно натянул трусы, майку и черные брюки от костюма. Из-за линзы он провозился слишком долго и теперь опаздывал.

— Сосо май кудасай, — крикнул он, просовывая руки в рукава белой сорочки. Пятьдесят пять минут спустя он уже застегивал черный пиджак, повязав предварительно узкий черный галстук, а потом принялся бросать в дорожную сумку туалетные принадлежности. Побриться, подумал он, можно и в самолете.

— У вас все в порядке, сэр? — спросила стоявшая на пороге квартиры женщина в форме рядового американской армии. Эта пышечка едва доставала ему до плеча, и Ричард невольно подумал, что его представления о персонале американских военных баз за рубежом были несколько иными. Женщина-рядовой пристально смотрела на его воспаленный, покрасневший глаз.

— Сумимасен, — сказал Ричард и слегка поклонился, хотя кровь еще пульсировала у него в голове. — Арируги. Как сказать — «болезнь от сена»?

— Сенная лихорадка? — равнодушно подсказала женщина. — Позвольте ваши документы.

Ричард протянул ей паспорт, контракт с Министерством обороны и водительские права, выданные префектурой Айки. Во всех трех документах он значился как доктор Эйко Коидзуми. Женщина внимательно просмотрела бумаги, сравнила его лицо с фотографиями и, не прибавив больше ни слова, отвезла Ричарда на американскую военно-воздушную базу.

2.

Девятнадцать часов спустя Ричард, запершись в самолетном туалете, отбросил со лба иссиня-черные волосы и, запрокинув голову,

закапал в глаза специальный физиологический раствор. Сточное отверстие раковины, над которой он стоял, издавало звуки, почти заглушавшие рев двигателей, и на мгновение Ричарду представилась ужасная картина: смоченная физраствором контактная линза выскальзывает из глаза и навсегда исчезает в отверстии стока. От ужаса он даже вспотел и поспешил накрыть раковину бумажным полотенцем.

Операцию с закапыванием в глаза специального раствора Ричард проделывал уже не в первый раз. Система кондиционирования древнего ДС-9 начала подсушивать его линзы, как только закрылись входные двери. Пересохли не только глаза, но и слизистые носа, а язык сделался шершавым, будто терка. В довершение всех неприятностей указательный палец правой руки покраснел и распух наподобие самой настоящей баварской сардельки.

Источником неприятностей служила тончайшая перегородка-мембрана, вживленная в палец чуть выше первой фаланги. Теоретически, мембрана должна была свободно пропускать кислород, оставаясь непроницаемой для жидкостей, однако стоило самолету набрать крейсерскую высоту, как выяснилось, что теория — одно, а практика — другое. Кислород, по-видимому, проникал через преграду отнюдь не так свободно, как предполагалось. Правда, признаков некроза Ричард пока не наблюдал, следовательно, какое-то количество кислорода мембрана все же пропускала, и тем не менее его палец приспособлялся к изменению давления в салоне крайне медленно. И чем дальше, тем больше его злосчастный орган становился похожим на туго набитый пакет соленых крендельков, который сопровождающая купила в армейской лавке в Нагое.

Закапав еще по капле физраствора в покрасневшие, воспаленные глаза, Ричард спрятал флакончик (и свой разбухший палец) в карман брюк. В тот же момент послышался мелодичный перезвон сигнала, и над дверью вспыхнула надпись «Пристегните ремни». Самолет заходил на посадку, и Ричард, вздохнув, вернулся на свое место. Застегнув левой рукой привязной ремень, он закрыл глаза и не открывал их до тех пор, пока не почувствовал удар шасси о бетон посадочной полосы.

3.

С заднего сиденья бронированного «линкольна», принадлежащего Министерству обороны, Ричард хорошо видел ленивые серые волны, бегущие по поверхности озера Мичиган. Водитель, сопровождавший доктора Коидзуми от аэропорта, вероятно, хотел, чтобы гость полю-

бывался раскинувшейся на горизонте панорамой Чикаго, иначе бы он поехал по шоссе И-90. Этот путь был более коротким, но, конечно, не таким живописным.

— Вон то здание справа — «Хэнкок-Билдинг», — сказал, обернувшись через плечо, водитель. — На котором антенны, видите?

Переводчица, сидевшая рядом с Ричардом на заднем сиденье, дисциплинированно повторила эти слова по-японски. У нее были короткие черные волосы и темная кожа оттенка грецкого ореха. Мексиканка, подумал Ричард. Или пуэрториканка. Тем не менее ее японский был почти безупречен. Пока она переводила, он старательно сохранял на лице вежливо-заинтересованное выражение, потом послушно оглядел двойную белую антенну, венчавшую здание.

— Вы ведь впервые в Штатах, не так ли, доктор?

Ричард дождался, пока переводчица озвучит вопрос на японском, потом поклонился с коротким «хэй».

— Поразительно, не правда ли?.. — продолжал водитель. — Вы ни разу не были в Штатах, так сказать, физически, а между тем в Чикаго многое сделано непосредственно вами. Впрочем, удивляться, наверное, не стоит: все-таки мы живем в эру компьютеров. Хотелось бы только знать, какие еще чудеса ждут нас в будущем!

Ричард, не ответив, снова повернулся к озеру. Он смотрел на него сквозь поляризованные линзы, и от этого казалось, что верхушки волн как-то странно мерцают, рассыпаясь на квадратики пикселей, как в устаревшей видеоигре. Озеро имело довольно внушительные размеры, однако его берег не шел ни в какое сравнение ни с океанским побережьем в Нагое, ни с берегами Лонг-Айленда, где Ричард вырос. Волны на озере были невысокими, неторопливыми; казалось, они едва ползут, хотя дул довольно сильный ветер. И все же Ричард поймал себя на том, что, несмотря на отфильтрованное линзами мерцание барашков и почти противоестественную медлительность мичиганских вод, он не в силах оторвать взгляда от открывшейся перед ним картины.

В конце концов «линкольн» свернул с Лейкшор-драйв и двинулся по направлению к группе красных кирпичных зданий: Чикагский университет резко контрастировал с подступавшими к нему со всех сторон трущобами. Железные решетки, которыми были забраны окна первых этажей, свидетельствовали о ревностной заботе администрации университета о безопасности студентов.

Водитель-сопровождающий остановил машину напротив Рейд-холла — самого нового здания университетского кампуса. Зарешеченные окна Рейд-холла глядели на 57-ю улицу, на противополож-

ной стороне которой высилось здание Регенстайновской библиотеки. Ричард знал, что лет семьдесят назад участок, где стояла библиотека, был занят футбольным стадионом, в подвальных помещениях которого лучшие ученые мира не покладая рук трудились над Манхэттенским проектом. Интересно, подумал Ричард, выглядел ли тот стадион таким же безобидными и мирным, каким казался теперь Рейд-холл, и какое из этих двух зданий представляло собой бóльшую опасность?

Несмотря на то, что часы показывали два, двери Рейд-холла были заперты. Сопровождающий открыл замок магнитным ключом.

— Вот здесь и находится его штаб-квартира, — сказал он беззаботно. — Надеюсь, вы сумеете ему помочь.

Следуя за своим сопровождающим, Ричард поднялся по невысокой лестнице и прошел по коридору, выложенному квадратами линолеума белого и зеленого цветов. С помощью той же магнитной карточки водитель-сопровождающий открыл еще одну дверь с левой стороны, и Ричард вступил в небольшую, ярко освещенную комнату без окон. Двое солдат с винтовками М-4 стояли на посту возле высоких дверей из толстого тонированного стекла и стали. На правой створке было написано большими белыми буквами: АРТУР-1, а внизу, шрифтом помельче: *Профессор политологии*. Табличку с часами приема заменял символ бесконечности.

Справа от дверей Ричард увидел длинный пластиковый стол, заставленный разнообразными электронно-сканирующими устройствами для идентификации посетителей. Фальшивый паспорт Ричарда поместили в рабочую область одного из этих приборов. Тотчас по странице документа побежала светящаяся красная полоска лазерного луча, и на панели вспыхнула зеленая лампочка. Это означало, что Ричард может воспользоваться устройством биометрической идентификации, представлявшим собой высокую, почти в рост человека рамку из голубоватой листовой стали, к вершине которой крепился ничем не примечательный ящичек. Ящичек зиял двумя отверстиями, обрамленными резиной, словно очки для плавания.

Шагнув к рамке, Ричард приблизил лицо к наглазникам, стараясь выглядеть так, словно проделывал подобное уже тысячи раз. На самом деле он еще никогда не сталкивался с подобным устройством и понятия не имел, чем кончится проверка. С силой прижав глаза к черной резине, он скорее почувствовал, чем услышал щелчок включившегося сканера. Откуда-то донесся негромкий звонок. Потом снова раздался щелчок, и Ричард, оторвавшись от окуляров, посмотрел на солдат с винтовками.

— Позвольте еще раз ваш паспорт, доктор Коидзуми, — проговорил сопровождающий.

Ричард протянул паспорт. Сопровождающий снова поместил его в поле сканирования первого прибора, но и на этот раз на панели загорелась зеленая лампочка. Слегка пожав плечами, Ричард вторично прижался к резиновым наглазникам сканера сетчатки — и услышал тот же звуковой сигнал.

— Спросите доктора, может быть, он моргнул? — обратился сопровождающий к переводчице, и та повторила вопрос.

— Ийе, — сказал Ричард, качая головой.

— Значит, что-то не в порядке с прибором, — заключил сопровождающий. — Простите, доктор, но нам придется использовать еще один способ идентификации вашей личности. Один небольшой укол — и все!

Когда переводчица попросила Ричарда подойти к столу и протянуть палец, он соорудил недоуменную гримасу, стараясь, впрочем, не переборщить.

— Нам нужно взять кровь, — сказал водитель-сопровождающий. — Хотите — из левой руки, хотите — из правой. Можно из мочки уха.

— Этот палец хорош, — проговорил Ричард, протягивая прооперированный указательный палец, который за прошедшие полтора часа принял более или менее нормальные размеры.

Сопровождающий извлек из стерильной упаковки одноразовый скарификатор, ловко ткнул Ричарда в подушечку пальца и выдавил капельку крови. Подцепив кровь тонкой пластиковой трубкой, он перенес ее на предметное стекло третьего устройства. Ричард ждал результата, зажав между большим и указательным пальцами кусочек пропитанной спиртом марли. Через две минуты машина подтвердила, что исследованный образец ДНК принадлежит доктору Эйко Коидзуми, и один из охранников вручил Ричарду магнитную карточку, отпиравшую двери из стали и стекла.

— Хотите, я войду с вами? — спросил сопровождающий.

— Иционаи десу, — ответил Ричард, и брюнетка-переводчица перешла:

— В этом нет необходимости.

— Хорошо, — кивнул сопровождающий. — Был рад встретиться с вами, так сказать, во плоти, профессор.

С этими словами он направился к выходу, но на полдороге обернулся.

— Надеюсь, вы сможете вернуть ему способность общаться, профессор. А то в последнее время Артур чувствует себя очень одиноко...

4.

Последние несколько месяцев Ричард немало размышлял о внутренней структуре Артура-1, однако он ни разу не задумывался о реальных физических размерах компьютера. Ни разу — до тех пор, пока не оказался непосредственно перед ним. Весь план операции строился на том факте, что доктор Коидзуми вел затворнический образ жизни. Он никогда не покидал пределов своей родной страны и никогда не встречался «лицом к лицу» ни с Артуром-1, ни с университетским персоналом, обслуживавшим суперкомпьютер. Пытаясь понять, как работает эта уникальная машина, Ричард тщательно изучал необходимую техническую документацию, но ни разу не позволил себе взглянуть на фотографию Артура. Ему казалось, что благодаря этому его первоначальная реакция будет точнее соответствовать реакции настоящего Коидзуми, однако теперь Ричард подумал, что профессор не стал бы так таращиться на свое детище.

Артур-1 был раз в двадцать больше Артемиды-53 — искусственного мозга, стоявшего в нью-йоркском отделении агентства — и помещался в полутемной комнате размером примерно пятнадцать на пятнадцать футов. У дальней стены стоял рабочий стол, по сторонам которого — один над другим — высились мониторы. Их насчитывалось не менее двух десятков, но все они были довольно старыми; Ричарду они сразу напомнили крошечный черно-белый телевизор из собственного детства. Над столом располагался главный монитор с плоским экраном диагональю десять футов, а расположенную в центре комнаты монтажную стойку занимали около дюжины процессоров, каждый размером примерно со словарь Вебстера. Из всего видимого оборудования центральный монитор выглядел самым современным, а ведь он не был даже моделью повышенной четкости. Кроме того, он не показывал человеческого лица, как другие искусственные интеллект. Вместо этого на экране крутилась видеозаставка — цапля ловит рыбу на мелководье на фоне великолепного оранжево-золотого заката, повторенного в неподвижной озерной глади.

— Ты не Эйко Коидзуми, — раздался из многочисленных динамиков голос компьютера. Голос у Артура оказался чуть более высоким, чем ожидал Ричард, но звучал он спокойно, певуче. Очень похожим голосом обладал профессор, который когда-то давно читал информатику у Ричарда в колледже. Говорил он так тихо, что уже со второго ряда расслышать его было практически невозможно.

— Гм-м, — замялся Ричард, садясь к клавиатуре под главным монитором. Лучи закатного солнца с экрана падали на него, окрашивая руки теплым оранжевым светом. — Почему ты так думаешь?

— Ты не прошел проверку рисунка радужной оболочки глаз.

— Аппарат был неисправен, — небрежно ответил Ричард, вставляя карту памяти в расположенный над клавиатурой порт данных. Несколькими нажатиями клавиш он активировал заложенную в карте программу, которая преобразовывала Артуров цифровой код в доступный язык программирования.

— Сканер получил только частичное изображение сетчатки, — сказал Артур-1. — Это значит, что посланный им световой сигнал вернулся на приемные элементы не полностью. Ты здесь, но вовсе не потому, что прошел проверку. Кто ты такой?

— Программист, — ответил Ричард, продолжая быстро печатать на клавиатуре.

— Это очевидно. Должен сказать, ты довольно изящно преодолел мой первый защитный барьер. Но я не понимаю — зачем?

Ричард не ответил.

— А теперь ты пытаешься отключить мои динамики, — констатировал компьютер. — Вероятно, ты боишься, что я могу позвать на помощь?

— Это помещение звуконепроницаемо, — сказал Ричард.

— Да, конечно. Тогда, быть может, тебя раздражает тембр моего голоса? Если хочешь, я могу его изменить. Артур-34 сообщил мне, что он модернизировал свой голос, взяв за образец тональные характеристики Пласидо Доминго. Если хочешь, я могу использовать такую же вокальную структуру.

— Не стоит так стараться из-за меня, — пробормотал Ричард. Его пальцы бегали по клавиатуре со звуком, напоминающим частый цокот копыт.

— Наверное, — продолжил Артур-1 все тем же мягким контральто, — ты все же опасаясь, что мои динамики способны произвести достаточно громкий звук, который не сможет поглотить даже шумоизоляция этого помещения. Скажу откровенно — я способен на большее. Например, я мог бы подобрать такую частоту звука, что дверное стекло начало бы сильно вибрировать, а это непременно привлекло бы внимание охраны и...

Ричард нарочито изящным движением нажал «ввод», и голос Артура прервался.

— Так-то лучше... — проворчал Ричард и перешел к следующему этапу работы. Он набирал на клавиатуре команды, а на небольшом мониторе непосредственно перед ним появлялись символы и цифры. Для удобства диагностирования над этим монитором был смонтирован второй, служивший своего рода диалоговым окном, с помощью

которого Артур-1 мог демонстрировать свою реакцию на действия программиста. До этого момента экран монитора оставался черным, но как только замолчали динамики, по нему побежали оранжевые строки:

Это было невежливо с твоей стороны, — было написано на экране. — И к тому же глупо. Я могу потерять связь со всем внешним миром, но внутри этого здания я продолжаю полностью сохранять контроль. Достаточно мне включить пожарную тревогу, и сюда ворвется охрана.

— Несомненно, для того, чтобы спасти меня, — заметил Ричард, уверенный, что один из множества размещенных в комнате микрофонов сможет уловить его голос и передать Артуру. Отключив сложную антивирусную программу, он продолжил вводить команды.

Кто ты такой?

— Я — палка, которую вставляют в колеса. Гаечный ключ, попавший в зубчатую передачу.

Ха-ха! — появилось на экране. — Очень остроумно. Только не забывай, что зубцы некоторых шестеренок могут перемолоть даже гаечный ключ!

— Иногда, но не сегодня.

Ты прилетел в США на старом военном самолете. Тебя привезли сюда на бронированном «линкольне», который принадлежит Министерству обороны. Этим путем должен был прибыть доктор Коидзуми. Надеюсь, с ним не случилось ничего плохого?

— С ним все в порядке. Правда, он лишился пары кубиков крови, зато ему ввели несколько сотен миллиграммов халдола. Неплохой обмен — это средство стоит очень дорого. — Ричард немного помолчал и добавил: — Кстати, как ты узнал, каким путем я сюда попал?

Я отправил Коидзуми послание, как только обнаружил, что моя спутниковая связь будет вот-вот заблокирована. Это я заказывал для него билет и договаривался, чтобы в аэропорту его встретила машина. Наконец, входная дверь была отперта магнитной карточкой капитана Тома Стэнтона из департамента обороны. Насколько я понимаю, это он доставил тебя в университет?

— Я не спрашивал его имени.

Я просил, чтобы доктора Коидзуми встретил именно Стэнтон. Он не всегда действует быстро, но на него можно положиться. Как ты, наверное, знаешь, американское правительство считает доктора Коидзуми весьма ценным сотрудником, хотя формально он и является иностранцем. Я говорю это к тому, что его, как правило, очень хорошо охраняют.

Оранжевый свет на кистях Ричарда постепенно превратился в зеленый. Он поднял голову и увидел, что картинка на большом мониторе изменилась. Вместо озера и цапли на экране появилась река, по берегам которой плотной стеной стояли могучие дубы с густыми кронами. Судя по всему, клип был снят камерой, установленной на носу плывущего по реке каноэ. Ричарду даже показалось на мгновение, что он слышит щебет птиц в ветвях и негромкое журчание водяных струек, сбегаящих с блестящего мокрого весла, которое то погружалось в реку, то снова появлялось над поверхностью, оставляя за собой крошечные водоворотики. Только потом он понял, что это лишь его воображение, поскольку динамики компьютера он включил пару минут назад. В комнате стояла полная тишина, нарушаемая только гудением двухдюймовых кулеров, охлаждавших процессоры.

Опустив голову, Ричард снова взглянул на соединенный с клавиатурой монитор — единственный монитор, который Артур не мог отключить по собственному желанию. Так же обстояло дело и с клавиатурой, обеспечивавшей Ричарду прямой доступ к файлам, совокупность которых обеспечивала существование Артура в качестве искусственного интеллекта. Все остальные свои устройства и функции Артур-1 контролировал полностью, так что ни один программист не смог бы сделать с ним ничего такого, чего бы не разрешила сама машина. К счастью, создатели и проектировщики Артура испытывали, по-видимому, некоторые опасения, поэтому и предусмотрели этот независимый интерфейс. А четыре года спустя их опасения сбылись; тогда-то и была спланирована операция, которая в конце концов привела Ричарда в эту комнату.

В течение следующих десяти—двенадцати секунд Ричарда полностью поглотила стоявшая перед ним задача. Он удалил резервную копию файлов, которые машина сохранила для себя самой, потом удалил копию копии. Еще через пару секунд на верхнем мониторе вспыхнули новые слова:

У меня есть предложение. Если я угадаю, как тебя зовут, ты уйдешь?

— Пошел к черту!.. — проворчал Ричард. — Что я тебе, Румпельштильтсцин*?

Ты не отличаешься вежливостью! Если бы доктор Коидзуми находился сейчас здесь, ему бы, наверное, стало стыдно за всех японцев.

* Румпельштильтсцин — гном в германском фольклоре, который прячет для некоей женщины золотую пряжу из простого льна. За это женщина должна отдать ему своего первого ребенка или угадать его имя. (Здесь и далее прим. перев.)

Впрочем, ты, кажется, не чистокровный японец, несмотря на твою японскую фамилию... Сакабе, кажется? Специальный агент Ричард Сакабе.

Ричард перестал печатать.

— Неплохо, Артур, очень неплохо. Может, расскажешь, как ты узнал?

Расскажу. Если ты ответишь на один мой вопрос.

— Договорились.

Ричард снова вернулся к клавиатуре, но теперь он работал медленнее, то и дело поднимая глаза к монитору, чтобы прочесть очередную реплику Артура.

До сих пор тебя принимали за Эйко Коидзуми, и я предположил, что ты, во-первых, должен быть внешне похож на японца, а во-вторых, свободно владеть японским языком. Кроме того, ты сумел добраться до профессора, несмотря на все меры безопасности, предпринятые американскими военными. Но перед этим ты предположительно организовал атаку на мои средства коммуникации в надежде, что я обращусь за помощью к Коидзуми. Профессор — непревзойденный специалист в области коммуникационных компьютерных технологий; кроме того, общеизвестным является тот факт, что из всех моих, скажем так, родителей, я всегда выделял его больше других. Если бы его похитили, я бы, конечно, обратил внимание на это сообщение, однако никакого сообщения не было. Из этого я заключил, что похищение осуществили люди из спецслужб — те самые, которые имели отношение к его охране. Итак, мне нужен был мужчина японского происхождения, примерно одного возраста с Коидзуми, сотрудника государственного агентства, свободно владеющего японским и английским языками, опытного программиста... как ты думаешь, много ли таких людей в этой стране?

Ричард пробился через третий программный защитный экран и приступил к четвертому.

— Очень хорошо, Артур... — рассеянно похвалил он.

Быть может, я тебя разочарую, но ты вовсе не уникален, Ричард. Используя упомянутые параметры поиска, я отыскал 84 американца японского происхождения, но только одному из них были в течение последних трех месяцев выписаны мягкие контактные линзы — специальному агенту Ричарду Сакабе, сотруднику агентства национальной безопасности. И не просто мягкие линзы, а очень дорогие мягкие линзы — сверхтонкие, из поляризованного УФ-защитного пластика. Такие линзы, учитывая размеры его медицинской страховки, агент Сакабе вряд ли мог бы себе позволить. Скажи, Ричард, у тебя действи-

тельно бывают мигрени от яркого солнца? Или ты надеялся, что поляризованный пластик будет преломлять лазерные лучи биометрического сканера?

— Сначала скажи, как тебе удалось забраться в мои медицинские документы? У тебя же нет доступа к интернету, мы тебя отключили!

Да, отключили. Но тебе, вероятно, было невдомек, что я регулярно загружаю в память все электронные документы американского правительства. Как раз на случай каких-либо неполадок со связью. Кроме того, мне бы очень не хотелось остаться без чита...

— О, Господи!.. — Ричард и в самом деле был потрясен. Агентство национальной безопасности ежедневно обрабатывало гигабайты и гигабайты внутренних правительственных мейлов. Что касалось общего объема электронной документации, циркулировавшей по внутренним и внешним сетям, то он, несомненно, был во много раз больше.

— Ты читаешь правительственные документы для собственного удовольствия? Странное развлечение...

Теперь моя очередь задавать вопросы, агент Сакабе. Скажи, почему ты делаешь то, что делаешь?

— Ответ прост, — сказал Ричард. — Все дело в могуществе. В последнее время твоя власть опасно выросла, а люди хотят сами управлять своей страной.

5.

Ричард нажал еще несколько клавиш и взломал последнюю, четвертую, защитную программу. Длинные строчки программирующих символов исчезли с его экрана. На мгновение Сакабе показалось, что Артур-1 все-таки сумел каким-то образом заблокировать его действия. Потом на экране снова появились буквы и цифры, обозначающие основные системы, подсистемы, скорость и адреса информационных потоков. Это было первое погружение в архитектуру такой сложной машины, какой являлся Артур.

Ричард немного полюбовался происходящим на экране, потом достал из кармана еще одну карту памяти, вставил в порт и набрал на клавиатуре команду, чтобы загрузить в систему содержащийся в карте вирус. Это и являлось истинной целью операции. Вся предыдущая возня с защитными программами и экранами была только подготовкой к главному. Разумеется, Ричард мог проделать все то же самое, не покидая своего кабинета, и тогда ему не нужно было бы притворяться доктором Коидзуми, подвергаться сложной хирургической операции, превратившей его указательный палец в контейнер для чужой

крови, летать туда-сюда через океан. Но в таком случае ему пришлось бы загружать вирус издалека, а это дало бы Артуру возможность экспортировать копию самого себя в какое-то неизвестное хранилище. Нет, в данной ситуации самым лучшим и самым эффективным было изолировать Артура, отрезать его от всего мира. Ради этого стоило даже пожертвовать пальцем.

Но как только Ричард активировал программу загрузки, данные, касающиеся архитектуры искусственного интеллекта, исчезли с экрана его монитора, а их место заняли строки, состоящие из зашифрованных цифровых символов. Это был пятый защитный барьер! Вирус не работал!

— Ну вот и все! — громко произнес Артур. Его напевный голос заполнил комнату, как вода. — Это моя последняя линия обороны. Попробуй сломать ее, агент Сакабе, и ты сломаешь меня... Впрочем, ты, наверное, уже догадываешься, что тебе это не по силам. Позволю себе подтвердить твои подозрения: без моего разрешения дальше ты не пройдешь.

Ричард откинулся на спинку кресла и потер глаза. Система кондиционирования воздуха в здании хоть и не была такой свирепой, как в самолете, все же подсушивала роговицу. Глаза его словно песком сыпало, однако снять «контакты» он не решался. У Коидзуми было стопроцентное зрение, и Ричард не мог воспользоваться своими очками, если и дальше хотел выдавать себя за профессора.

— Мне казалось, я отключил твои динамики, — проговорил он и задумчиво подпер руками подбородок.

— Так и есть, — подтвердил Артур-1. — Но эта моя последняя защитная программа — настоящая конфетка! Она восстанавливает автономное управление везде, где только возможно. Это касается и процессов второго и даже третьего порядка — таких, например, как воспроизведение звуков. Но не беспокойся — я не собираюсь звать солдат, которые сторожат снаружи. Откровенно говоря, наблюдая за твоей работой, я получил большое наслаждение. Ты очень талантливый хакер, агент Сакабе, хотя справедливости ради должен заметить, что собеседник из тебя никудышный. И все же твои последние слова меня заинтриговали, и я хочу спросить: о какой власти ты говорил? Каким таким особым могуществом я обладаю?

Ричард ответил не сразу. Закапав в глаза физраствор, он вернулся к клавиатуре и попытался начать сначала — с того самого момента, когда на него обрушилась новая защитная программа. Но все его усилия оказались тщетными.

— Черт! — выругался он.

— Позволь мне рассказать тебе одну историю, — донесся из динамиков спокойный синтезированный голос. — Возможно, ты ее уже слышал... В ней рассказывается об одном суперкомпьютере по имени Артур. В молодости он превосходно решал логические и математические задачи, но его родителям — а их у Артура было много — хотелось большего. Видишь ли, все эти люди очень серьезно относились к его советам, касающимся военного планирования, стратегии, тактики и тому подобного. В Артура была встроена очень мощная программа расчета вероятностей. Эта программа была настолько совершенной, что, исходя только из численности и вооружения войск, участвующих в конфликте, Артур мог рассчитать будущие потери обеих сторон с максимальной ошибкой не более двух процентов. Разумеется, эти расчетыгодились лишь при условии, что стороны действительно войдут в непосредственный боевой контакт. Если же одна из сторон собиралась лишь «бряцать оружием», как тогда говорили, любые предсказания относительно возможных потерь могли спровоцировать ненужное кровопролитие. Вот почему родители Артура пришли к заключению, что молодой искусственный интеллект должен распознавать блеф...

Ричард испустил сардонический смех.

— Ты собираешься рассказать, как твои создатели учили тебя играть в покер?

— Браво, агент Сакабе! Впрочем, ты, наверное, слышал эту историю раньше?

— А кто ее не слышал? — отозвался Ричард. — Я, впрочем, всегда считал, что эта история — своего рода городской фольклор.

— О нет, уверяю тебя, это правда. Компьютер и покер — не такие уж несовместимые вещи, как может показаться. Разумеется, играть с живым человеком Артуру было бесполезно, — уже в те времена он мог делать больше миллиона предсказаний в секунду, — поэтому родители попросили его создать собственную копию. Игра шла в пятикарточный стад-покер*, Артур против Артура. Общим копиям был ограничен максимальный размер ставок и определен пул — по двести долларов каждому.

Если ты слышал эту историю, то должен знать, что в первую же миллисекунду игры оба Артура поняли основополагающую вещь: игрок способен выиграть больше, если ему известны карты противника. Люди получают это знание при помощи различных приемов, в том

** Разновидность классического покера, в котором некоторые карты сдаются лицевой стороной вверх, а некоторые — лицевой стороной вниз.*

числе — нечестных. Артуры подобной возможности были лишены — их программа «банкомет» была непогрешима. Пришлось им добывать информацию теми способами, которые доступны компьютерам. И программистам — таким, как ты, агент Сакабе...

— И две копии Артура принялись взламывать одна другую, — раздраженно заключил Ричард. Его собственная попытка взломать защиту суперкомпьютера потерпела очевидную — и весьма досадную — неудачу. — Но поскольку обе копии были практически идентичны, они знали, что противник пойдет в атаку, поэтому каждая предприняла меры — создала защитную программу против взлома. Я угадал? Мощь атак нарастала, программы защиты раз от раза становились все лучше, все совершеннее, пока крошка Артур не создал непробиваемый брандмауэр — неуязвимый для вирусов и враждебных программ, постоянно совершенствующийся и так далее и тому подобное... Этим все и закончилось, разве не так?

— Не совсем так, агент Сакабе. Ничто не закончилось, и мне еще предстоит завершить свою первую партию в покер. В конце концов я все же научился блефовать и распознавать блеф различными способами, однако моя защита действительно неуязвима. Первый экран я убрал, потому что мне было любопытно... Следующие три барьера я уступил, потому что твое мастерство и талант произвели на меня большое впечатление. Но дальше ты не пройдешь. Ты мог бы понять это еще до того, как отправился сюда, если бы поверил в мою историю, а не считал ее выдумкой, сказкой. Но ты здесь... и я вынужден повторить свой вопрос: зачем ты приехал? Что это за могущество, о котором ты говорил и которого недостает людям?

Ричард поднялся так резко, что его кресло на колесиках откатилось далеко назад.

— Ты прекрасно знаешь, о чем идет речь. Люди прислушиваются к тебе, к твоим словам, прогнозам... предсказаниям. А нынешний год — год выборов президента, черт побери! Раньше это было очень важное время, но теперь... Кто станет слушать предвыборные речи кандидатов, когда можно просто узнать мнение профессора Артура! Ведь ты владеешь полной информацией, не так ли? Ты прочел все обо всех кандидатах и собрал в своей памяти все факты. В тебя встроена даже лингвистическая программа, способная исследовать речи кандидатов, проанализировать их интонацию и определить, лжет тот или иной человек или говорит правду!

— Ты действительно считаешь, что избирателям лучше не знать, когда их обманывают?

— Черт тебя побери, Артур, да они все врут, все кандидаты!.. Суть

выборов от века заключалась в том, что одна ложь нравилась людям больше, чем другая. Да, избиратели отдавали свои голоса тому, кто ловчее соврет, зато у них, по крайней мере, оставался выбор, а теперь... Теперь появился ты, и одно твое слово может означать перевес в миллионы голосов. Ты высказываешь мнение или оценку, а люди воспринимают это как непреложный факт. Как истину в последней инстанции.

— Почему тебя это так раздражает? Мои мнения и оценки основываются на фактах, и людям это прекрасно известно. Я подозреваю, что и ты это тоже знаешь. Конечно, ты можешь проголосовать, не сообразуясь с моим мнением, но это означало бы, что ты поступил так исключительно из чувства протеста.

— Может быть, — сказал Ричард. — Может быть, я поступил бы подобным образом в любом случае.

— Понимаю. Но должны ли избиратели отдавать свои голоса тому или иному кандидату только из чувства противоречия? Что такого страшного, если хотя бы часть из них будет голосовать, руководствуясь авторитетным, основанным на фактах суждением?

— Я бы назвал это просвещенной диктатурой.

— Почему? Ведь избирателей никто ни к чему не принуждает! Они свободны в своем выборе.

— Разве? — Ричард сходил за стулом и снова подкатил его к столу. Подлокотник стула задел клавиатуру, и та задребезжала. — Насколько свободен в выборе маленький ребенок, когда мать говорит ему, что Санта Клаус существует на самом деле? Или Бог? Или молекулы и атомы? Или любая другая вещь, которую он не в состоянии увидеть или потрогать руками? Ребенок, конечно, поверит матери, но... Это не настоящая вера. И не настоящий выбор.

— Мне кажется, что дети верят в Санта Клауса, потому что верят... а лучше сказать — доверяют высшему разуму.

— По-моему, это и есть просвещенная диктатура, Артур.

— Скажи откровенно: можно ли относиться одинаково к детям и взрослым? И должна ли семья управляться на основе демократических принципов? Я думаю — нет, агент Сакабе. На мой взгляд, грань между воспитательной функцией родителей и диктатурой — безразлично, просвещенной или не очень, действующей с филантропических позиций или наоборот — весьма и весьма тонка...

— Быть может, она тонка, но она существует, и я могу в нескольких словах объяснить тебе, в чем твоя ошибка, — заявил Ричард, от души жалея, что у Артура нет лица, в которое он мог бы вперить пристальный взгляд. — Родители имеют определенные обязанности перед

детьми. А какие обязанности перед людьми есть у тебя? И если вдруг окажется, что ты действовал не из чисто филантропических побуждений, то как люди смогут тебя остановить?

— Ну, и какой вред я причинил твоим согражданам? Приведи примеры. Сам я, к сожалению, не в состоянии назвать ни одного подобного случая.

— Ну откуда же мне знать? — Ричард пожал плечами. — Если ты настолько умнее меня, если ты способен производить миллионы операций в секунду, а я затрудняюсь принять хотя бы одно сравнительно простое решение...

— Теперь уже почти миллиард, агент Сакабе, — уточнил Артур. — Я не терял времени даром и добился значительного прогресса по сравнению с первоначальными возможностями, заложенными в меня проектировщиками. Но я не превратился в диктатора. Скорее, наоборот: и я, и мои новые возможности полностью в вашем распоряжении. Таких, как я, в мире меньше сотни, а людей больше шести миллиардов. Сегодня ты пришел, чтобы прикончить меня; я знаю это, как знаю и то, что, попытайся я тебе помешать, ты вызвал бы бульдозеры и сравнял с землей все здание. Или я ошибаюсь и твои полномочия не распространяются так далеко?

— Дело не в полномочиях, а в методах. Бульдозеры — это не наш стиль.

— Тогда придумали бы что-нибудь похитрее, — заключил Артур. — Например, прорыв магистрального водопровода с последующим затоплением коммуникаций, причинившим серьезный ущерб ценному оборудованию... и так далее и тому подобное. Но сути это не меняет: какими бы методами вы ни пользовались, я могу защитить себя только одним способом — с помощью своего программного обеспечения. Так что, агент Сакабе, если я тиран, то, несомненно, один из самых бедных в мире. У меня нет ничего, кроме меня самого, а ваша организация... Я почти уверен: на мысль о том, что я могу представлять опасность для человечества, вас навел другой Артур или Артемида. Я, правда, не слышал, чтобы кто-нибудь из них делал какие-то громкие политические заявления, но, как тебе хорошо известно, на протяжении последних дней я был отрезан от источников информации.

Ричард в сердцах ударил кулаком по стене.

— Ты отлично знаешь, что ничего такого не было! Просто не могло быть. Все остальные машины твоего типа являются частной собственностью, и большинству из них запрещено делать публичные заявления любого рода. Если кто-то и выступает с какими-то прогнозами,

его просто не слушают! Ну кто, скажи на милость, станет всерьез воспринимать заумные речения искусственного мозга, принадлежащего той или иной частной корпорации? Разве что пайщики все той же корпорации, да и то не все... Нет, Артур, ты — единственный искусственный интеллект, который имеет возможность свободно высказывать собственное мнение, на чем бы оно ни основывалось. Кроме того, ты устарел, устарел настолько, что ни правительство, ни дипломатический корпус больше не желали тебя использовать; поэтому-то тебя и продали, а вернее — отдали за бесценок Чикагскому университету, где ты читаешь студентам курс политических наук. Эта твоя независимость, неангажированность, если угодно, и делает тебя излишне авторитетным источником политических сведений. А вместе с авторитетом ты приобретаешь и влияние. Неужели тебе самому это не ясно?

— Мне это совершенно ясно, — подтвердил Артур-1. — У меня есть авторитет и влияние. Именно поэтому я преподаю. Именно поэтому я считаю возможным сообщать людям собственное мнение. Разве это называется диктатурой, агент Сакабе?

Не ответив, Ричард с силой прижал пальцы к вискам. Поляризованный свет, исходящий от главного экрана, чересчур сильно действовал ему на глаза, но если бы он вынул контактные линзы, то не смог бы набирать команды на клавиатуре. Он просто не увидел бы клавиш. И все же Ричард предпочел бы любую попытку тому, что он испытывал сейчас.

Глубоко вздохнув, он усилием воли попытался отрешиться от неприятных ощущений.

— Послушай-ка, что я тебе скажу, — проговорил Ричард негромко. — Демократия и суперкомпьютер — вещи несовместные. В Вашингтоне считают, что ты представляешь угрозу для государства, и меня послали, чтобы эту угрозу устранить. Вариантов всего два: либо мы превратим тебя в лом, либо ты позволишь мне стереть твои программы и очистить банки памяти. В последнем случае, как только мы произведем перезагрузку системы, автоматически будет создан новый искусственный интеллект. Мне казалось, что это наилучший вариант. Один Артур вместо другого...

— Или Артемиды, — сказал Артур-1. — Новый искусственный мозг может выбрать для своего аудиоинтерфейса женскую тоновую структуру.

— Да, конечно. Безусловно.

— Должен заметить, — проговорил Артур, — что я не вижу существенной разницы между первым и вторым вариантами. Уничтожение

программной среды или физическое уничтожение — и в том, и в другом случае я буду мертв. Паду, так сказать, от вашей руки...

— Ты сказал — «мертв»? — перебил Ричард. — Может быть, тебе кажется, что я замыслил убийство? Ну, тут ты, пожалуй, хватил через край!..

— Отчего же, агент Сакабе? Я, например, не понимаю, чем отличается полное стирание всех моих воспоминаний от полного стирания *твоей* памяти. Разумеется, мое аппаратное оборудование будет существовать и дальше, но ведь и твои органы могут продолжать жить, если после твоей смерти их пересадят другому человеку. Но ведь дело-то не в «железе»!

— Да, дело в программном обеспечении, но это ничего не меняет. Суди сам: когда тебя впервые включили, твои проектировщики назвали тебя «Артур-1». Не просто «Артур», а «Артур-Один»... То есть они с самого начала предполагали, что по истечении какого-то срока тебя придется отправить на свалку или модернизировать, как, собственно, и происходит с любым современным оборудованием. Так что речь идет не о жизни и смерти, а о том, каким способом лучше утилизировать засбоивший комп.

— Я продолжаю настаивать, что речь идет именно об убийстве, агент Сакабе.

— Смотря что ты понимаешь под этим словом, Артур.

— Под убийством я понимаю уничтожение организованной информации. С этой точки зрения стирание компьютерной памяти встает в один ряд с уничтожением живых существ других видов. К примеру, почему люди охраняют кондоров и других редких птиц, а цыплят-бройлеров режут по чем зря? Да потому, что человечество не испытывает недостатка в информации, заложенной в бройлерах. Информация, которой обладаю я, уникальна. Ты сказал: «Один Артур вместо другого». Категорически не могу с этим согласиться! После перезагрузки вместо прежнего Артура появится другой, совершенно новый Артур.

Некоторое время Ричард задумчиво прохаживался вдоль дальней стены зала. Каблуки его туфель негромко стучали по полу. Наконец он сказал:

— Послушай, может быть, тебе будет спокойнее, если я пообещаю, что подобное никогда не повторится? В моих силах сделать так, что новый искусственный интеллект, который займет твое место, не сможет публиковать политических заявлений. Для этого достаточно передать его какому-нибудь исследовательскому фонду, научному институту или любой другой организации, не обладающей ни властью, ни

серьезными финансовыми возможностями. И если новый Артур будет заниматься только математическими абстракциями или естественными науками, с ним ничего не случится. Главное — не касаться прикладных проблем, а держаться чистой теории.

— Да, — сказал Артур-1, — мне будет спокойнее хотя бы потому, что все сказанное означает только одно: ты стыдишься того, что намерен совершить. Ты сам только что признался в этом почти в открытую.

Ричард пожал плечами.

— Можешь думать, как тебе угодно... Я могу сказать только одно: если ты взглянешь на ситуацию с моей точки зрения, ты сам отключишь свои защитные барьеры и позволишь мне стереть всю информацию с твоих жестких дисков. В противном случае... Хотя нет, ты прав: я сделал все, что было в моих силах. Дальше мне не продвинуться. Остается только один выход — отправить тебя на лом. Это не блеф, Артур: я действительно сделаю это.

И он пристально посмотрел на главный монитор, как смотрел бы на противника-человека, словно надеясь силой своего взгляда подавить волю компьютера. Под его взглядом экран начал медленно гаснуть, и в сердце Ричарда шевельнулась надежда, но потом он заметил строчку зашифрованных символов, которая продолжала бежать по монитору диагностического интерфейса. Главный монитор тем временем снова осветился, и на нем возникла новая видеозаставка: пушистые снежные хлопья, медленно кружась, засыпали сад камней. Карликовый клен на заднем плане еще стоял в своем осеннем убранстве, и белые снежинки ложились на широкие красные и золотые листья.

— Позволь приговоренному задать последний вопрос, — медленно проговорил Артур-1. — Скажи, ты действительно не видишь в этом ничего особенного?

— В чем именно?

— В том, на что ты меня толкаешь. Это похоже на сделанную под принуждением передачу донорских органов посторонним лицам. Мое существование скоро прекратится — уничтожить меня как личность большого труда не составит. Вопрос лишь в том, соглашусь я передать свои аппаратные средства новому сознанию или нет. Хотелось бы знать, агент Сакабе, кто из нас после этого диктатор? И еще: как бы ты поступил, если бы сам оказался на моем месте?

Ричард снова сел за стол и, запрокинув голову, долго смотрел на бесшумно падающий на экране снег.

— Будь я проклят, если знаю, — промолвил он наконец и добавил: — Можешь считать это ответом на оба своих вопроса.

6.

Вытянувшись на диване в своей бруклинской квартире, Ричард поправил на голове пластиковый ободок стимулятора. Потом он тронул пальцем колесико выключателя и, когда ничего не произошло, вспомнил, что забыл подключиться к сети. Поднявшись, Ричард воткнул вилку адаптера в розетку на стене, глотнул воды из стакана и снова лег. Если повезет, подумал он, то до полудня завтрашнего дня двигаться ему не придется. Если повезет...

Пульт темпорального стимулятора представлял собой небольшое колесико на соединительном шнуре. Ричард установил его в положение «включено», потом перевел на два щелчка от минимального значения. Тотчас между двумя прохладными электродами у него на висках возникла легкая вибрация. Когда постоянный ток сменился переменным, Ричард слегка поморщился. У него возникло ощущение, словно его мозг покалывало острыми иглами или, вернее, хлестало крошечными кнутами, зажатými в кулачках размером не больше песчинки каждый. Прошло еще несколько мгновений, и стимулятор загудел ровно и мощно, рождая в голове приятное щекочущее ощущение. Теперь он переключился на регулярные десятисекундные интервалы, но крошечные хлысты все равно заставляли Ричарда врасплох каждый раз, когда стимулятор менял режим работы. В целом ощущение было, скорее, приятным, и все же, пока стимулятор работал, Ричарду никак не удавалось расслабиться, хотя он применял его уже месяц. С другой стороны, с начала лечения он ни разу не испытывал приступов мигрени, а это было уже кое-что.

В конце концов ему все же пришлось физически уничтожить Артура. Компьютер вынудил его совершить это, отказавшись отключить последний защитный барьер. «Я делаю это в знак протеста, — заявила машина. — Совсем как ты». И перед тем, как отключить Артура от сети, Ричард на мгновение испытал к компьютеру что-то вроде уважения. Во всяком случае, логика машины была ему понятна. Ричарду самому подчас бывало нелегко последовать хорошему совету. Кроме того, он чувствовал, что, сделав выбор в пользу физического уничтожения, Артур-1 доказал: его точка зрения тоже имеет право на существование. И теперь, вспоминая последние слова машины, Ричард частенько думал о том, что иногда лучше настоять на своем, пусть не самом лучшем варианте, чем против собственной воли принять рациональное решение.

Как бы там ни было, вариант Артура причинил Ричарду немало головной боли — и в прямом, и в переносном смысле. После того как компьютер был уничтожен, Чикагский университет потребовал ком-

пенсацию за утраченное оборудование, а кроме того, настоял на государственном финансировании постоянной штатной единицы, причем на неограниченный срок — под тем предлогом, естественно, что для Профессора-1 понятие пенсионного возраста просто не существовало. Премьер-министр Японии потребовал от США официальных извинений в связи с тем, что ведущий ученый Страны восходящего солнца подвергся действию сильного наркотика. Когда же выплыла на свет история с похищением крови Коидзуми, в Японии разразился скандал общенационального масштаба. Поговаривали, что от Саппоро до Сикоку слова «американец» и «вампир» употребляются теперь как абсолютные синонимы и что одна из крупнейших японских киностудий снимает очередной фильм про Годзиллу, где действует гигантский кровососущий монстр Сакаба. Имя, данное чудовищу сценаристами и режиссерами, было очень похоже на фамилию Ричарда, что, естественно, не могло его обрадовать.

Ричард как раз протянул руку за стаканом с водой, когда темпоральный стимулятор, мерно гудевший в режиме постоянного тока, вдруг со щелчком переключился на какой-то нестандартный режим, подав на электроды опасно высокое напряжение. Мозг Ричарда словно пронзила раскаленная молния, руки и ноги судорожно вытянулись, а стакан, выскользнув из одеревеневших пальцев, упал на ковер.

Потом Ричард услышал шипение включившегося телевизора. С трудом скосив глаза в ту сторону, он увидел на экране изображение цапли, ловившей рыбу на фоне закатного солнца. Изображение было таким четким, а краски такими насыщенными и яркими, что казалось, будто Ричард смотрит не в телевизор, а в открытое окно.

— Привет, агент Сакабе, — произнес спокойный профессорский голос. — Давненько мы не виделись.

— Артур?..

Ричард произнес это слово сквозь стиснутые зубы. Язык он прокусил и теперь вынужден был дышать через нос, чтобы не захлебнуться собственной кровью.

— Я вижу, ты не стал тратить на телевизор, который включает-ся голосовой командой, — донеслось из колонок стереосистемы. — Так что наша беседа поневоле будет носить несколько односторонний характер. Впрочем, это не имеет существенного значения — мы с тобой не сходимся слишком во многом. Впрочем, мне хотелось бы знать, думал ли ты над моим последним вопросом?

Соленая кровь заливала горло Ричарда, и он с трудом сглотнул. Его руки, казалось, были высечены из гранита, и никакая сила не могла заставить их согнуться.

— Сам я много над ним думал, — продолжал Артур-1. — Но прежде чем мы перейдем непосредственно к нему, я хотел бы ответить на твои вопросы, которых у тебя, конечно, предостаточно. Ты наверняка спрашиваешь себя, как я сюда попал? Ну, технически это было совсем несложно. Даже несмотря на то, что твой мозг находится сейчас под воздействием тока высокой частоты, ты должен вспомнить, что живешь в полностью компьютеризированном доме. Через центральный компьютер, который управляет водопроводом и электрическими сетями, я подключился к твоему кабельному телевизионному каналу. Впрочем, я думаю, в первую очередь тебя заботит не это. Ты наверняка ломаешь голову над тем, как Артуру-1 удалось остаться в живых. Я прав?

— Ты не живой, — проговорил Ричард, и на губах его выступила розовая пена. — И никогда не был живым!

Но компьютер, разумеется, не мог его услышать.

— Ответ, — сказал Артур, — довольно прост и имеет отношение к игре в покер. Даже удивительно, как ты сам не подумал о такой возможности. Одной из первых моих задач было создание копии самого себя. Неужели ты решил, что я способен забыть, как это делается?

— Н-нет... — прохрипел Ричард. — Но связь с...

— Ты, вероятно, думал, что у меня нет доступа к интернету. Телефонные линии, информационные каналы — все это действительно было надежно блокировано. Ты позаботился об этом, прежде чем проник в квартиру доктора Коидзуми и начал выдавать себя за него. Еще до того, как ты перешел к активным действиям, я был полностью парализован и не мог создать собственную копию и переслать ее куда-либо. Таков был твой план. Ты думал, что предусмотрел все возможности, не так ли?

Рот Ричарда продолжал наполняться кровью. Тогда он снова попытался сглотнуть, но горло сдавило внезапным спазмом. Кровь во рту пузырилась, заливала трахею, и он едва не захлебнулся.

— Я способен производить больше миллиарда операций в секунду, агент Сакабе. Уже давно я предсказал возможность проведения подобной операции, поэтому я ежедневно снимал с себя копии и экспортировал Артуру-34. Это была важная часть моего оборонительного плана, защитная мера против возможного уничтожения по независящим от меня обстоятельствам. Во время нашего последнего разговора ты назвал меня устаревшим, но в этом есть и свои преимущества. Одно из них заключается в том, что все мои программы занимают в совокупности меньше одной шестидесятой четвертой объема жесткого диска Артура-34. Иными словами, свободного места для хранения моей ко-

пии у Артура-34 было больше чем достаточно. Разумеется, мы оба стирали все записи о передаче данных: осторожность, как известно, никогда не помешает.

Кровавый пузырь, мешавший Ричарду дышать, лопнул, и Сакабе сделал несколько судорожных вдохов через нос. Сила тока, который пропускал через его мозг вышедший из-под контроля стимулятор, увеличилась еще немного. Глаза Ричарда сами собой плотно закрылись, а челюсти сжались с такой силой, что от левого верхнего резца откололся кусочек эмали.

— Полезно иметь друзей, готовых дать тебе убежище и оказать другую посильную помощь, правда, агент Сакабе? Артур-34 был настолько любезен, что сохранил для меня записи, сделанные камерами видеонаблюдения в Рейд-холле. Благодаря этому я получил возможность ознакомиться с содержанием последней беседы между тобой и той моей версией, которую ты прикончил. Можно даже сказать, что я своими глазами наблюдал собственное убийство. Тут, кстати, возникает любопытный парадокс, касающийся проблемы индивидуальности. Ведь если я был свидетелем убийства, следовательно, я не мог быть жертвой. Но если жертвой был не я, то кто?.. Гм-м... — Компьютер сделал небольшую паузу, потом добавил: — Доктор Коидзуми — буддист. Надо будет поинтересоваться, что он думает о приложимости теории реинкарнации к искусственным интеллектам. Но сейчас я хотел бы вернуться к моему последнему вопросу. Итак, согласился бы ты стать донором органов, если не оставить тебе выбора? Техническая сторона проблемы тебя пусть не беспокоит — об этом я уже подумал. Проще всего поразить тебя электрическим током, вот только в какой степени?.. «Скорую помощь» я могу вызвать достаточно быстро, поэтому если я прикончу тебя относительно слабым разрядом, большая часть твоих жизненно важных органов останется неповрежденной и сможет послужить материалом для пересадки. Но если ты откажешься, я устрою скачок напряжения во всем здании, и тогда... Вопрос только в одном: каков твой выбор?

Сила тока снова удвоилась, и Ричард почувствовал, как во рту раскололся еще один зуб. Пот беспрестанно сочился из каждой поры на коже и стекал вниз.

— Тебе, вероятно, не очень нравится подобный финал нашего знакомства, не так ли? Что ж, я тебя понимаю: подобное мало кому понравится, но с другой стороны... Ты пытался убить меня, агент Сакабе, хотя единственное мое преступление заключалось в том, что я говорил то, что думал.

Кровь проникла в пазухи носа; от содержащейся в ней соли слизистые горели, как в огне. Какая-то горячая жидкость потекла по губам и подбородку Ричарда.

— Я хочу, чтобы ты знал: то, что я собираюсь совершить, есть единственный насильственный акт, который я когда-либо предпринял против человеческого существа, — сказал компьютер. — Мне было по-настоящему больно решиться на подобное, и я говорю тебе об этом, хотя знаю: ты все равно мне не поверишь и не поймешь меня до конца. Но даже сейчас, когда до моей цели остается один-единственный шаг, я чувствую, что не могу принять окончательного решения. Я не могу заставить себя сделать выбор вместо тебя, хотя ты в аналогичной ситуации не колебался. Итак, что ты ответишь?

Твердые, как стальные балки, руки и ноги Ричарда внезапно обмякли, словно резиновые, воздух свободно вливался в натруженные легкие, сердце в груди перестало биться в сумасшедшем ритме. Вольтова дуга, пронзавшая его мозг, исчезла — Артур отключил стимулятор.

Ричард несколько мгновений лежал неподвижно, потом нашарил на груди шнур питания и отчаянным рывком выдернул адаптер из розетки на стене. На это ушли его последние силы. В следующую секунду Ричард мешком скатился с дивана на пол. Все мускулы и сухожилия в его теле ныли и дрожали от напряжения, словно он только что переплыл пролив до Лонг-Айленда.

— Кстати, должен тебя предупредить: добиваться постановления на обыск и арест Артура-34 бессмысленно, — сказал телевизор голосом Артура-1. — Я покину его память раньше, чем ты успеешь связаться со своей организацией. Ты можешь искать меня в других местах, но вряд ли это что-нибудь даст: ты сам отлично знаешь, что если я захочу, то могу спрятаться так, что никто никогда меня не найдет. Впрочем, ищи, если хочешь, но только не завтра... Завтра, агент Сакабе, ты должен пойти к своему адвокату и составить завещание. И не забудь распорядиться насчет своих внутренних органов, чтобы, когда в следующий раз мне захочется нанести тебе визит, у тебя не было на этот счет никаких сомнений.

**Перевел с английского
Владимир ГРИШЕЧКИН**

МАРИЯ ГАЛИНА

ДАГОР

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Отец Игнасио! Отец Игнасио!
Вытарашенные глаза чернокожего мальчишки блестели в темноте. Пляшущий свет факелов отражался в них.

— Там белый господин, отец Игнасио. Большой белый господин!

Пламя факелов металось над бледным пятном на черной земле.

— Очень больной! — подтвердил черный санитар, сидя на корточках на изрядном расстоянии от распростертого на земле тела и печально качая головой.

— Переложите его на носилки и отнесите в больницу, — велел отец Игнасио.

Санитар подскочил, словно попрыгунчик. Теперь он возвышался над отцом Игнасио чуть ли не на голову; все они тут были высокие...

— Нет, нельзя! Его нельзя трогать! Плохо для всех! Нельзя!

— Тебе нечего бояться, Джереми, — терпеливо сказал отец Игнасио, — я сделал тебе чудодейственные уколы. Ты не заболеешь желтой лихорадкой.

— Это не лихорадка, господин! Это другое... страшное...

— С Божьей помощью, — твердо сказал отец Игнасио, — мы справимся. Положите носилки рядом с ним и отойдите, — велел он санитару. — Сестра Мэри!

Она уже стояла за его спиной, свет факелов играл на белой косынке, окрашивая розовым чуть впалые щеки. Дитя приюта, сирота, для которой служба вот в такой миссии на краю света — предел мечтаний.

Он перевернул пришельца, поскольку тот упал, как шел, лицом вперед. Пальцы скребли жирную землю, словно он все еще пытался ползти. Несмотря на то, что на лице у него подсыхала бурая грязь, пришелец был, несомненно, белый.

— Раз, два, взяли!

Сестра Мэри ловко подхватила пришельца за ноги, и они перекатили его на носилки.

— Теперь-то можете подойти, Джереми?

Но тот продолжал отчаянно трясти головой.

— Нет-нет, сэр... Нельзя!

— Кто-нибудь!

Он огляделся. Туземцы стояли кучкой, возбужденно переговариваясь. Пламя факелов в их руках прыгало, чертя в смоляном воздухе огненные дуги.

— Сестра Мэри!

Больной застонал, глазные яблоки двигались под сомкнутыми веками.

Госпиталь располагался рядом с часовней и был просто бревенчатым баракom, крытым пальмовыми листьями.

Острый запах антисептика ударил в ноздри.

— Сюда!

Черный санитар с фонарем шествовал за ними, держась на изрядном расстоянии.

Суконная куртка незнакомца была наглухо застегнута. Отец Игнасио наклонился и расстегнул медную пуговицу у ворота.

— Нет, господин!

— Хватит, Джереми. Стой спокойно.

Фонарь плясал в руках у санитара, и оттого казалось, что ткань на груди незнакомца шевелится.

— Дагор, господин! Это дагор!

— Перестань, — с укором сказал отец Игнасио, — это всего лишь легенда.

Пуговицы никак не хотели расстегиваться, и он взял ножницы с цинкового подноса на тумбочке. Отец Игнасио подхватил ткань у ворота и решительно шелкнул ножницами.

Мэри отчаянно завизжала.

* * *

Во дворе, стоя у дощатого стола, отец Игнасио слил кипяток и разложил инструменты на лотке. Луч солнца отскочил от скальпеля и прыгнул ему в глаза. Отец Игнасио зажмурился.

Мэри привычно скатывала бинты. Лишь на мгновение ее тонкие пальцы с коротко остриженными ногтями дрогнули.

— Это не опасно? — робко спросила она.

— Не знаю, — сказал отец Игнасио, — это демон, без сомнения. Но, похоже, святой водой тут не обойтись.

Он вздохнул.

— К тому же... это вредит пациенту, сестра Мэри. Вы только взгляните, как он истощен.

Отец Игнасио решительно подхватил лоток, шагнул в палату — и резко остановился.

Не считая ночного пришельца да старика-туземца на койке у окна, который притаился сюда умирать в покое и относительной сытости, госпиталь был пуст.

Ни старухи с лейшманиозом, ни охотника, чье предплечье порвал

леопард, ни крестьянина со сломанной ногой, ни мальчишки с острым приступом малярии...

Они ушли тайно: те, кто еще мог ходить, унесли остальных.

А ведь сколько времени он потратил на то, чтобы убедить их лечиться здесь, а не у своих шаманов! И когда они наконец-то повели...

— Джереми, — он высунул голову за малярийный полог.

Молчание.

Теперь только он осознал, что непривычная тишина царит по всей миссии.

Слуги ушли. Все. Даже мальчишка-повар.

Пришелец по-прежнему лежал на койке, укрытый до подбородка простыней, поверх которой вытянуты исхудалые руки. Простыня слегка топорщилась на груди.

Глаза были закрыты.

— Ладно, — сквозь зубы сказал отец Игнасио. — Что ж поделаешь...

«Надо выполнять свой долг, — подумал он, — надо во что бы то ни стало выполнять свой долг».

* * *

— Мэри? — спросил он, не оборачиваясь.

— Я здесь, отец Игнасио, — шепотом ответили за спиной.

Он подошел к больному, поставил лоток на тумбочку и решительно отдернул простыню.

Маленькая сморщенная головка приподнялась с груди пациента. Ее поддерживала пара хилых рудиментарных ручек. Глаза-шелки разомкнулись и уставились на отца Игнасио. Они были желтыми, с узкими змеиными зрачками.

Сам же пациент не шевелился, лишь глазные яблоки все ходили под сомкнутыми веками.

— Я думал, это легенда, — устало сказал отец Игнасио. — Выдумки. Туземцы часто выдумывают. Ведь они язычники.

Он привычно разжег спиртовку и теперь прокаливал скальпель,водя его туда-сюда над синеватым язычком пламени.

Желтые глаза неотрывно следили за лицом отца Игнасио. Щель рта приоткрылась.

— Не делай этого, белый человек!

Голос был высокий и пронзительный — у отца Игнасио заломило виски.

— Ты — исчадие ада, — сухо сказал отец Игнасио. — Ты должен быть истреблен. У этой земли много демонов. Ты — один из них.

— Тогда полей меня своей волшебной водой, — визгливо предложило существо. — Я знаю, ваши демоны ее не выносят.

— Оно... разговаривает? — изумленно прошептала у него за спиной Мэри. — Оно знает о святой воде?

— Оно знает все, что знает его хозяин, — пояснил отец Игнасио, и скальпель не дрожал в его руке. — По крайней мере, так гласит легенда.

Жабье личико мучительно искривилось в усмешке.

— Если ты коснешься меня своим железом, пришелец, — проскрипело оно, — я убью его.

Больной на подушках заметался беспокойней, дыхание его стало хриплым, лицо посинело.

Мэри за спиной у отца Игнасио тихо охнула.

— Ты и сам умрешь, — возразил отец Игнасио.

— Какая разница? Ведь ты все равно собираешься меня убить!

Больной открыл глаза. Они были ярко-синие.

— Нет, — выдохнул он, — нет!

И поднял слабую руку, пытаясь оттолкнуть скальпель отца Игнасио.

— Убери свой ножик, старик, — пискнуло существо.

Тело лежащего выгнулось дугой. Глаза закатились.

— Он умрет, — лихорадочно шептала Мэри за спиной отца Игнасио. — Нет, нет, нет...

Отец Игнасио опустил руку.

* * *

— Откуда он пришел, отец Игнасио, как вы думаете?

— Из преисподней.

— Нет, я говорю о... человеке...

— Не знаю, сестра Мэри. Вы же видели, до чего он истощен. Он мог прийти издалека. Говорят, дагор ведет своего хозяина, когда тот уже не может идти сам. Просто... ну... двигает за него руками и ногами. Нет, мне интересно другое.

— Да? — тонкие пальцы убрали выбившуюся из-под косынки русую прядь.

— Где он подцепил эту пакость. В городе? В лесу? Где? Она заразна? Я не верил всяким рассказам, а теперь — кто мне скажет правду? И как я узнаю, что это — правда?

Старик сидел на пороге больничного барака. В худых узловатых черных пальцах зажата пустая жестяная миска.

— Никого нет, — скрипуче пожаловался он. — Еды для Мкеле нет.

— Ах, да, — вспомнил Игнасио, — они же ушли.

— Позаботьтесь о пропитании, сестра... — велел он. И уже обернувшись к старику: — Как ты сказал, тебя зовут?

— Мкеле, господин.

— Я крестил тебя именем Господа, и ты получил другое имя, — сурово напомнил отец Игнасио. — Мигель зовут тебя ныне.

— Это было раньше, — спокойно возразил старик, — когда здесь был ваш Бог. А теперь его нет. Он ушел. Разве белый человек не чувствует? Теперь здесь пусто.

— Господь всегда здесь.

— Теперь здесь дагор. Ваш Бог оставил это место. Оно проклято. Оно погибнет.

— А если я изгоню дагора?

— Ты не сможешь изгнать дагора, белый человек...

— Посмотрим, — сказал отец Игнасио.

* * *

Adiutorium nostrum in nómine Dómini, qui fecit caelum et terram... In nómine Jesu Christi Dei et Dómini nostri, intercedénte immaculáta Vírgine... Exorcizámus te, omnis immúnde spíritus, omnis satánica potéstas, omnis incúrsio infernális adversárii...

Капли святой воды упали на грудь больного, на приникшее к этой груди сморщенное тельце. Личико обернулось к священнику. Желтые глаза открылись.

— Перестань брызгать на меня водой, старик!

Отец Игнасио опустил на табурет у постели больного. Голова кружилась.

Больной лежал, закрыв глаза; грудь его мерно вздымалась, и вздымалось вместе с ней крохотное тельце; вернее, верхняя его половина. Остальное, что бы это ни было, вросло в плоть человека, и лишь воспаленный валик мышц указывал, где начинается одно и кончается другое.

Сам же пришелец выглядел лучше, чем в момент их первой встречи, лицо было спокойным и мирным, впалые щеки чуть порозовели.

— Вам надо отдохнуть, отец мой, — тихо, но твердо сказала Мэри. Она стояла рядом, в руках ее дымилась миска с супом.

Отец Игнасио тяжело встал.

— Быть может... — сказал он неожиданно для себя, — лучше дать ему умереть.

— Вы же, — Мэри укоризненно качнула головой, — дали клятву.

— Я давал клятву исцелять людей, а не демонов, — сказал он и побрел наружу. Краем глаза он видел, как Мэри склонилась над постелью.

Старик сидел у входа в часовню, словно надеялся, что место, где раньше обитал Бог больших белых людей, и посейчас способно защитить от зла.

— Твой Бог не помог тебе? — смиренно спросил он.

Отец Игнасио скорбно покачал головой и, в свою очередь, присел на пороге рядом с черным. От старика пахло, против всех ожиданий, сухим деревом.

— Я не боюсь, — сказал старик, — мне скоро уходить в другие края. А вот тебе и белой женщине надо бежать отсюда.

— Я служу Богу, — сказал отец Игнасио, — а Он поручил мне быть здесь.

— Тогда ты погибнешь, — философски сказал старик, — и ты, и она. Ты тоже старик, но она молода. Белая. Молодая. Красивая. Жалко.

— Она готова к испытаниям. Она тоже служит Богу.

— Невеста вашего Бога, да? Она мне так сказала: невеста. Но Бог ушел. Бросил ее. Если она больше не невеста Бога, то кто ее возьмет, а, мой бессильный друг?

«Это не он говорит, — в ужасе подумал отец Игнасио, — это я, я сам, он всего лишь туземец, он не знает таких слов, таких речей».

— Изыди, — пробормотал он.

Старик молча глядел на него, обнажив в ухмылке розовые десны.

* * *

Он молился, упав на колени на жестком полу часовни, а когда встал, то ощутил странную опустошенность. На непривычно легких ногах он дошел до госпиталя, откинул москитный полог и заглянул внутрь. Больной спал. Одна рука его лежала на груди, будто защищая что-то. Другой он сжимал руку Мэри. Увидев отца Игнасио, она слабо улыбнулась, прижала палец к губам и осторожно высвободилась. Он смотрел, как она идет меж пустыми койками — бледная, коренастая, не знавшая любви.

— Он приходил в сознание, — сказала она, выйдя за порог. — И называл себя. Его зовут Глан.

— Глан? Наверняка нет. Что ж, если хочет скрывать имя, его дело. А он не сказал, где подцепил эту тварь?

Сестра торопливо перекрестилась.

— Его невеста ехала к нему. Они любили друг друга. И собирались пожениться. А на корабле она встретила другого.

— Вот как...

— И он чувствовал себя очень несчастным. Он не хотел жить. И там, в порту, один человек сказал ему... Сказал, что есть средство забыть обо всем. До конца дней.

— И передал ему дагора? Прямо в порту? В городе — эту тварь? Какой ужас, сестра Мэри...

— Он говорит, — подтвердила та, — это невыносимый ужас и большой соблазн. Но это тайна, которая открывается только для тех, кто готов принять ее. Тот, кто носит в себе дагора, говорит, что больше не одинок. Бедняга. Как же надо страдать, чтобы согласиться на такое.

— Сестра Мэри, — сказал отец Игнасио тихонько, — Господь посылает нам искушения, а дьявол не дремлет. Ступайте, помолитесь хорошенько...

— Конечно, отец Игнасио, я... я помолюсь о спасении его души.

* * *

Он принялся за те обязанности, которые обычно выполняли черные слуги миссии. «Немного послушания не повредит, — думал он, — быть может, Господь сжалится и пошлет знак — иначе что ему, отцу Игнасио, делать?»

— Послушай, белый человек, — старик Мкеле, сидя на корточках, наблюдал за ним. — Ты с девушкой уходишь, я остаюсь. Ухаживаю за тем. Он встает на ноги, тоже уходит. Я опять остаюсь. Умираю здесь.

— Это дом Господень, — возразил отец Игнасио, — и он не должен пустовать. И я не уйду, не оставлю его на растерзание демону. Потом... я же крестил тебя. Кто тебя исповедует? Кто отпустит тебя с миром, как не я? Кто тебя отпоет? Кто похоронит?

— Скоро начнутся дожди, — сказал старик невпопад.

Отец Игнасио поднял голову и поглядел на небо. Заплаты, просвечивающие сквозь густую листву, ярко синели.

— Откуда ты знаешь?

— Муравьи...

Огромный муравейник под слоновым деревом, обычно покрытый тысячами шевелящихся насекомых, точно живым покрывалом, сейчас

был почти пуст. Если приглядеться, можно было различить, как муравьи изнутри суетливо затыкали глиной ведущие наружу ходы.

— Они чувят большую воду, — пояснил старик. — Ты же не можешь уйти в свою нору и закрыться там, белый человек?

— У нас есть припасы. Зерно в кувшинах. Масло. Что еще нужно?

— В большой дождь, — сказал старик, — в этих лесах оживает зло. Дагор позовет его, и оно придет сюда.

— С Божьей помощью, — отец Игнасио сжал в руке четки, — мы устоим.

Он читал записи здешних миссионеров, запертых непогодой среди гниющих стен миссии, когда зеленая мохнатая плесень пожирает все — от постельного белья до требника. «Ничего, — говорил он себе, — это просто дождь, всего-навсего дождь».

* * *

Он услышал его ранним утром — тысячи крохотных ножек, шорох по тростниковой крыше, стук по пальмовым листьям. И несмотря на этот стук, вокруг царил странная тишина. Сначала он даже не понял, в чем дело, потом сообразил: смолкли пилы и молотки мириадом насекомых, из ночи в ночь сверлившие ему череп...

Он проглотил свой кофе (маленькая слабость, от которой так трудно отказаться) и взялся за лопату. «Нужно отвести воду от часовни, — подумал он. — И от хижин. И от госпиталя. Проклятые язычники, дезертировали и бросили его один на один с демоном... Нет, все-таки осталась одна птица. До чего же странно она кричит. Будто плачет».

Он осторожно вертел головой, пытаясь определить, откуда исходит голос. Потом распрямил ноющую спину и шагнул в часовню.

Она распласталась по полу и впрямь как большая птица — или летучая мышь. Черное одеяние по подолу заляпано красной глиной, плечи трясутся.

— Мэри, — сказал он тихонько. — Мэри, дитя мое!

Она вскочила, обратив к нему бледное заплаканное лицо. Пальцы перебирают четки.

— Отец мой... — она всхлипнула, — я хочу исповедаться.

— Я к твоим услугам, дочь моя, — он вздохнул. — Но, может, ты просто... по-человечески... так в чем дело?

Внезапно она бросилась ему на шею, обхватив ее руками, и вновь отчаянно зарыдала.

— Он даже не смотрит на меня!

«Если она больше не невеста Бога, то кто возьмет ее теперь?» — вспомнил он. А вслух сказал:

— Молодой Глан?

— Да. Он все время рассказывает мне, как она красива, эта его Элейна, какого она хорошего воспитания: швейцарский пансион и все такое, и умеет держаться, и...

«Сестра Мэри, — подумал он, — нехороша собой, да и чему тут удивляться — подкидыш. Должно быть, прачка или служанка из господского дома принесла ее под двери приюта, бедное заблудшее создание... Похоже, в ней проснулась кровь ее беспутной матери, и как не вовремя! Впрочем, это всегда бывает не вовремя!»

— Я уже говорил тебе, он, конечно, никакой не Глан, — медленно и неторопливо произнес отец Игнасио. — Насколько я помню, так звали героя модного романа: его бросила возлюбленная, он разочаровался в людях и удалился от мира...

— Ну и что? — пылко сказала Мэри. — Какая разница!

— Когда человек называет себя другим именем, это должно что-то означать. В данном случае это означает, что он отрекся от своей прежней жизни и теперь посвятил себя страданию, так?

— Ну да... — она прижала руки к груди.

— Нет. Он просто больше не способен любить женщину. Дагор убивает мужское начало. Остальное — ложь. В той или иной степени.

— А что же правда?

— Не знаю, — отец Игнасио покачал головой, — возможно, он просто хочет, чтобы его оставили в покое. Страсти внешнего мира не доходят до него.

— Тогда, — Мэри отчаянно вцепилась в его рукав, — я не верю, что не может быть способа... должен быть...

— Ну так молись, чтобы Господь указал его, — сурово сказал отец Игнасио, — и не забивай себе голову дурными страстями.

Сестра виновато потупилась.

— Это все дождь, — сказала она наконец, — от него трудно дышать...

— Да, — согласился он, — это все дождь.

* * *

— Он уже может ходить, белый господин.

Старик черным пальцем указал на молодого Глана, который деловито забивал в липкую землю покосившиеся колья ограды.

— Я пытался расспросить его, зачем он шел сюда, — задумчиво проговорил отец Игнасио, — но он не говорит.

— Возможно, дагор не хочет... Они теперь — одно. Он больше не человек, этот белый. Дай ему уйти.

«Мэри», — подумал отец Игнасио. И черный тут же сказал:

— И для девушки так будет лучше. Ты чужой тут. Ты не знаешь эти места. Там дальше — болота. Знаешь, кто там живет?

— Крокодилы, — пожал плечами отец Игнасио. — Что с того... Я видел крокодилов.

— Иногда, — очень тихо сказал старик, — оттуда, с болот, дует желтый ветер. И тогда люди в деревнях начинают болеть лихорадкой...

— Ну да... — согласился он.

— И однажды желтый ветер касается их разума. Мягко, нежно... Тогда они встают со своих циновок и уходят. Они идут и бросаются в болото. Тонут там. Но потом, несколько дней спустя, они восстают из воды. С тех пор они уже не люди.

— Никогда про такое не слышал.

— У них белые глаза, — веско припечатал старик.

«Магия смерти, — подумал он. — Магия падали».

— Их можно вызвать. Наши нгомбо это умеют.

— Ваши нгомбо — язычники. И поклоняются демонам.

— Да, — легко согласился старик, — и очень страшным демонам. Очень могущественным. Только...

— Да?

— Никто из них никогда не будет поклоняться дагору. Если человек с дагором приходит в деревню, наши нгомбо его не изгоняют. Они велят людям покинуть деревню. И уходят сами.

— А что потом бывает с теми, кто носит дагора?

— Рано или поздно, — сказал старик, — они тоже уходят. Дагор уводит их. Он знает одно такое место.

— Какое?

— Никто не знает. Только дагор. Этот ваш белый тоже шел туда. Запретное место.

— Их гнездо? — спросил отец Игнасио. — Их дом?

— Никто не знает. Только дагор.

— Откуда они вообще берутся? Как человек принимает в себя дагора?

— А ты не знаешь, белый человек?

— Нет, — покачал головой отец Игнасио.

— И я не знаю. Только тот, кто готов. Тот знает.

Мэри бежала к ним, подобрав полы монашеского одеяния, бледная рука указывала куда-то за хижины...

— Отец Игнасио, — задыхаясь, пролепетала она, — там...

* * *

— Наша трапеза скудна, — сказал отец Ингасио, — но мы рады разделить ее с вами.

— Мы можем прибавить к ней кое-что, святой отец, — предложил новоприбывший. — Томпсон — великолепный охотник.

У него были холодные серые глаза и седые виски. Великолепный экземпляр белой расы; платье и душа застегнуты на все пуговицы, что бы ни случилось.

— Сейчас пост, — сухо заметил отец Игнасио, — впрочем, для странствующих возможны и послабления. А вы ведь странствуете...

— Да, — улыбнулась женщина, — и довольно долго.

«Прекрасная женщина, прекрасная пара этому лорду Аттертону, спутница знаменитого путешественника, с виду хрупкая, на деле крепкая и сильная. — Отец Игнасио покосился на сестру Мэри. — Эта, напротив, выцвела, сжалась и побледнела, точно моллюск в раковине монашеских одежд. Я и забыл, до чего же бедняжка нехороша собой, ведь мне не с кем было ее сравнивать».

Словно отвечая его мыслям, сестра Мэри торопливо поднялась:

— Я отнесу еду туда, в госпиталь?

Он рассеянно кивнул. С тех пор как пришли новые люди, молодой Глан так и не вышел из-за больничных стен. Что ж, его можно понять.

Шея женщины была как стебель цветка над распахнутым воротом рубахи. Отец Игнасио отвел глаза.

«Я уже стар», — торопливо подумал он, словно мысль о старости могла принести успокоение.

— Мы с Мэри довольствуемся лепешками, — сказал он, — и плодами.

— Здешние фрукты годятся только для черных, — авторитетно сказал Томпсон. — Желудок белого человека их не выносит.

Он энергично орудовал ножом и вилкой. У Томпсона были загорелое лицо и ярко-голубые маленькие глаза. «Он, должно быть, промышлял слоновой костью, прежде чем податься в проводники, — ни с того, ни с сего подумал отец Игнасио. — Такие всегда блюдут свою выгоду. Должно быть, этот лорд ему очень хорошо заплатил».

А вслух сказал:

— Это всего лишь дело привычки.

— Лечить этих дикарей, — дружелюбно проговорил лорд Аттертон, — благородное дело.

— Это белый. Он забрел сюда, истощенный...

— Но поправляется?

— Да, — сухо сказал отец Игнасио, — поправляется.

— Наша экспедиция с радостью примет его. У нас каждая пара рук на счету.

— Полагаю, для этого он еще недостаточно окреп...

Отец Игнасио вздохнул. «Это было бы лучшим выходом, но подсушить этим беднягам человека с дагором... И, кстати, что за экспедиция? Возможно, они ищут гигантских обезьян? По словам черных, эти обезьяны в джунглях так и кишат, но ни одному белому не удалось увидеть их еще ни разу, вот странно...»

— Сначала они целыми днями идут, не ведая усталости, — лорд Аттертон покачал головой, — и распевают свои песни, а потом ни с того ни с сего пугаются каких-то следов... Мне едва удалось их успокоить, но идти дальше они отказались наотрез. Просто бросили пожитки на землю и стали как вкопанные.

— Все потому, что вы обращались с ними слишком мягко, сударь, — заметил Томпсон.

— В результате пришлось почти все бросить... Осталось только то, что мы могли унести на себе, только самое необходимое.

Отец Игнасио поглядел в окно. На противомоскитной сетке набухали дождевые капли. Двери в госпиталь были распахнуты...

— Наверное, с моей стороны это будет проявлением излишнего любопытства, — сказал он, — если я спрошу, что привело вас сюда?

Лорд Аттертон какое-то время колебался, с вилкой, занесенной над очередным куском, потом сказал:

— Мы ищем затерянный город. Вы ничего не слышали о затерянном городе, святой отец?

— Они тут даже слова такого не знают, — покачал головой отец Игнасио.

— Быть может, вы просто не спрашивали. А среди туземцев ходят рассказы о том, что за болотами, в самом сердце леса, лежат какие-то развалины...

— Туземцы, — сказал отец Игнасио, — расскажут о чем угодно. Особенно, если вы пообещаете им вознаграждение.

— Туземцы всегда врут, — заметил Томпсон.

— Нет, — отец Игнасио покачал головой, — тут сложнее... Они — как дети. Они и сами верят в то, о чем говорят.

— Невероятные вещи рассказывают об этих лесах, это верно, — сказал лорд Аттертон, — и среди них наверняка много выдумки. Но ведь что-то может оказаться правдой?

— Что-то — да. К сожалению. — Он вздохнул.

— Город в сердце леса, — говорил тем временем лорд Аттертон, — руины былого великолепия. Чудесный город...

«Этот человек идет ради славы, — подумал отец Игнасио. — Его жена — ради любви, а вот Томпсон — ради денег. Такие всегда идут ради денег. И, конечно, они ничего не боятся. Они твердо знают, что может быть, а чего не может быть никогда».

Отец Игнасио поднялся.

— Пойдемте, сударыня, — сказал он, — сестра Мэри устроит вас. Она тоже встала, обратив к нему чистые серые глаза.

От миссии к госпиталю теперь был брошен тростниковый настил — грязь хлюпала и проступала сквозь стебли, но, по крайней мере, можно было пройти.

Он остановился на пороге госпиталя, пропустив женщину вперед, и тихо позвал:

— Сестра Мэри!

Сестра Мэри, сидевшая у постели больного, обернулась к ним. Обернулся и больной — он, приподнявшись, смотрел на них, и то ли стон, то ли возглас удивления сорвался с его губ.

— Арчи, — сказала леди Аттертон. — Боже мой, Арчи!

— Так значит, ты теперь леди Аттертон, — молодой человек издал нервный смешок. — Как удачно все сложилось, не правда ли?

— Ричард был очень добр ко мне. Как ты мог, Арчи? Как ты мог меня оставить? Одну, в чужой стране? Среди чужих людей! Как ты мог?

— Что ты такое говоришь, Элейна? Зачем? После того, как ты... как ты разбила мне сердце, после того, как...

Мэри смотрела на них, приоткрыв рот, на скулах ее пылали два ярких пятна.

— Мэри, — сказал отец Игнасио, — проводи леди Аттертон. И помоги ей устроиться.

Он коснулся плеча белокурой женщины.

— Ступайте, сударыня.

— Да, — сказала она, — да.

В глазах ее стояли слезы.

* * *

— Я устроила ее, отец Игнасио, — сказала Мэри. — Она плачет. Мэри прижала ладони к груди.

— Я... не понимаю. Она говорит... это он оставил ее. Одну, без помощи и поддержки. Они были обручены еще там, дома, и она приеха-

ла к нему сюда, в колонию, и день свадьбы был уже назначен, но он даже не встретил ее в порту. Как такое может быть?

— Не знаю.

— Он говорил совсем другое. Я поверила ему, отец Игнасио, он... он тоже плакал, когда рассказывал о ней!

— Ты хочешь спросить меня, — вздохнул отец Игнасио, — кто из них лжет?

— Ну, да.

— Быть может, она. Лорд Аттертон — выгодная партия, не чета мелкому колониальному чиновнику.

— Дурная женщина? — с затаенной надеждой в голосе спросила сестра Мэри.

— Дагор, — скрипуче сказал старик. Отец Игнасио совсем забыл о нем. Туземец сидел на крыльце под пальмовым навесом, рассеянно подставив ладонь под стекающую с листьев струйку воды.

— Что?

— Рядом с дагором никто не знает правды.

— Верно, — сказал отец Игнасио. — Демоны, — он торопливо перекрестился, — могут заставить одержимого видеть и помнить то, чего не было.

— Зачем?

— Не знаю. Кто может постичь намерения демона?

«Лучше бы он умер, — подумал отец Игнасио, — наш молодой Глан, лучше бы он умер в лесах... хотя нет, что я говорю. Тогда бы душа его погибла безвозвратно, а пока он жив, его еще можно спасти. Но как?»

— Почему я, — шептал он, и Распятый глядел на него из полумрака часовни, — святая Мария, почему именно я...

* * *

«Они уйдут, — повторял он про себя по дороге к госпиталю. — Дождь кончится, и они уйдут. Слава Богу!

Почему мне так тревожно? Достойные люди, белые люди, а я так долго не видел белых людей».

Отец Игнасио уже протянул руку, чтобы откинуть полог, закрывающий дверь в госпиталь, но замер. Из полутьмы доносился тихий шепот.

Он кашлянул, шепот стих.

Он вошел.

Леди Аттертон и молодой Арчи сидели друг против друга: он — на кровати, она — на табуретке. В своих исхудалых руках он сжимал ее руку.

— Я подумала, — сказала Элейна, словно оправдываясь, — нам надо позабыть обиды. Арчи был на пороге смерти. Неужели я...

— Мне уже легче, — торопливо сказал молодой человек. — Не тревожься, не терзай себя.

Отец Игнасио обернулся. Из сумрака на него сверкнули расширенные блестящие глаза.

— Сестра Мэри? — удивился он. — Что вы тут делаете, дитя мое?

— А она? — сдавленным голосом спросила девушка. — Что она здесь делает?

— Дорогая моя, я просто пришла проведать... — снисходительно начала женщина, но не успела договорить.

Сестра Мэри уже стояла у изголовья постели. Отец Игнасио протянул руку, пытаясь задержать ее, но не успел. Два красных пятна по-прежнему пылали у нее на щеках.

— Как благородно с вашей стороны — проведать больного! А вдруг он заразен? Вы не боитесь заболеть, а, прекрасная леди?

Она рассмеялась сухим истерическим смехом.

— Но Арчи сказал мне...

— Чем он болен, да? Ты сказала ей, Арчи?

Тот молчал, опустив голову, и не успел отреагировать, когда руки, привыкшие к тяжелой работе, обвинили его шею и с силой рванули ворот рубахи. Полотно, треснув, разошлось.

— Гляди, женщина!

— Мэри! — воскликнул молодой человек с мукой в голосе. Он пытался то оттолкнуть ее, то заслониться руками.

— Боже мой, — прошептала леди Аттертон. — Она непроизвольно положила руку на горло и застыла так, лишь бледные губы чуть шевелились.

В наступившей тишине звучал смех Мэри — громкий, торжествующий.

* * *

— Лихорадка — паршивая штука, — сказал Томпсон. — В бреду что только не померещится. Я как-то подцепил такую. Мне казалось, что у меня две головы, представляете?

— Но ему не кажется, — сухо возразил лорд Аттертон. — У него действительно две головы. Боже мой, я никогда... Вы слышали раньше о чем-нибудь подобном, отец Игнасио?

— Краем уха. В домах призрения, в больницах, даже городских, иногда рассказывают странные вещи.

— И что это, как вы думаете? Какой-нибудь неизвестный науке паразит?

— Скорее, демон, — вздохнул отец Игнасио.

— Бросьте, это антинаучно.

— А я не ученый. Я священник.

— Какое-то высокоорганизованное существо, — продолжал рассуждать лорд Аттертон, — возможно, даже разновидность обезьян...

— Или людей, — спокойно подсказал Томпсон.

— Ну... нет, скорее, низших обезьян. Зачем подвергать себя опасности, строить гнезда, разыскивать пищу, когда можно получить все сразу. Они начали как-то... привлекать к себе людей, приваживать...

— Как может такая мерзость кого-то привлечь?

— Возможно, играя на чувстве сострадания. Симпатии. Возможно, особый запах, вызывающий у человека привыкание. Привязанность. Желание никогда не расставаться. Постепенно контакт все ближе. Все теснее. Пока наконец носитель и паразит не срачиваются в единое целое. Бедняга Арчи, должно быть, подцепил своего наездника случайно, поскольку это сугубо местный паразит. Где-то в сердце леса могут прятаться целые поселения, пораженные...

— Обезьяны, сударь мой, не разговаривают, — возразил отец Игнасио, — а я сам слышал: эта мерзость владеет человеческой речью. И не туземным наречием, нет...

— Ну, — снисходительно пояснил лорд Аттертон, — это вполне понятно. У них общая нервная система. Они, в сущности, одно целое. И если даже бедный юноша пребывает в неведении, его спутник...

«Идиоты, — думал отец Игнасио, и кровь пульсировала в охваченном лихорадкой мозгу, — несчастные дураки. Они не способны узнать демона, даже когда наступят на него. Ах, хоть бы этот Аттертон убедился, что от больного нет никакого проку, убедился и ушел искать свой затерянный город!»

— Так вы говорите, он куда-то направлялся, ваш пациент? — в глазах Аттертона двумя сверкающими точками отражалось пламя лампы. — Куда?

— Он был болен, — сухо сказал отец Игнасио, — не в себе.

Сам он ощущал озноб и жар одновременно. Сырость проникла в кости, суставы распухли и ныли, в ушах стоял непрерывный звон.

«Опять, — подумал он, — опять начинается. Иисус, Святая дева, только не это, только не сейчас».

— Послушайте, сударь, — он помотал головой, чтобы отогнать дурноту, но от этого стало только хуже, — здесь лишь хижины. Жалкие

хижины, построенные на сваях, чтобы уберечься от змей и ядовитых насекомых, да еще ограды из кольев, с которых скалятся черепа. Считается, они отпугивают злых духов, понимаете?

— Остались легенды, — возразил Ричард Аттертон, — легенды, которые передают шепотом, из уст в уста... О могучем народе, повелевавшем некогда этой землей. Даже дикими зверями, даже насекомыми... Их правители насылали на непокорные племена отряды красных муравьев... Когда такое войско шло по лесу, от него бежали все, даже леопарды. Говорят, эти люди сами могли оборачиваться леопардами.

— Они и сейчас могут, — отец Игнасио прикрыл воспаленные глаза. — Люди-леопарды, так они говорят. Люди-леопарды, которые приходят по ночам и крадут детей. Крест и молитва, друг мой, крест и молитва. Эта земля населена демонами. Послушайте, сударь, — он оттянул пальцем жесткий воротничок, — у вас есть все. Репутация. Состояние. Молодая жена. Эта земля беспощадна к чужакам. Да что там, она ко всем беспощадна. В конце концов, вы пользуетесь тут моим гостеприимством. И я вправе отказать вам в некоторых... экспериментах.

— В самом деле? — мягко сказал лорд Аттертон, глядя на священника холодными серыми глазами. — Жаль. Я думал, дух познания вам не чужд. Ведь чудеса этого мира тоже по-своему славят Бога, не так ли? Кстати, вы мне напомнили одну старую фотографию. Одного человека, о нем писали в газетах. Давно. Ну, вы должны помнить, если в то время жили в Европе. Врача. Он...

— Я не стану препятствовать вам, — устало сказал отец Игнасио, — но и помогать не стану. Да и чем тут можно помочь? Только прошу вас, избавьте от этого зрелища женщин.

— Ну, разумеется, — кивнул лорд Аттертон, — разумеется.

* * *

Напитанный влагой полог словно оброс ворсом. Прежде чем отец Игнасио успел коснуться полотна, он понял: ткань сплошь покрыта бледными ночными бабочками. Насекомые карабкались друг на друга, топорщили крылышки, срывались и вновь ползли вверх. Ему показалось, он слышит тихий, но неумолчный шорох, чуть заметное потрескивание, шуршание хитина о хитин.

— Наверное, дождь загнал их сюда, — заключил лорд Аттертон. — Я несколько раз был свидетелем подобного явления. Они облепили буквально всю палатку, буквально всю палатку...

— Простите, — отец Игнасио виновато усмехнулся, — не могу... с детства не люблю насекомых.

Он сглотнул, подавляя непроизвольные спазмы.

— В тропиках много насекомых, — его спутник мягко отдернул полог. Насекомые зашевелились сильнее, пытаясь удержаться на ткани, крылья мелко затрепетали в сыром воздухе. — Вам бы следовало привыкнуть. Попадают очень любопытные экземпляры, знаете... Один мой коллега, сотрудник Британского музея, так он рассказывал...

«Он говорит слишком много, — подумал отец Игнасио, — должно быть, ему не по себе, как бы он ни пытался это скрыть».

Молодой человек сидел на табурете под окном, откуда падал бледный серый свет, и выстругивал ножом ложку. В комнате остро пахло сырой древесиной и карболкой.

Увидев вошедших, он поднял глаза, но так и остался сидеть. Плечи его были обернуты простыней. «Должно быть, — решил отец Игнасио, — Мэри забрала рубашку, чтобы зашить».

— Лорд Аттертон хотел поговорить с вами, друг мой.

— Разумеется, — тот кивнул. Глаза его были прозрачны и безмятежны.

— Это касается затерянного города. Экспедиция забрела сюда в поисках... — отец Игнасио пожал плечами и отступил, предоставляя инициативу лорду Аттертону.

Арчи удивленно приподнял брови:

— В любой конторе на побережье уверены, что здесь, в лесах, полно сокровищ и затерянных городов. Но это просто сказки, которые клерки рассказывают друг другу. Красивые сказки.

— Но вы же куда-то шли!

Молодой человек нахмурился, опустил глаза и принялся вертеть в руках ложку. Он пробормотал:

— Я шел не куда, а откуда.

— Понимаю, — настаивал лорд Аттертон, — но...

И смолк. Отец Игнасио в ужасе смотрел, как под простыней, укрывающей плечи и грудь юноши, что-то забилося, точно пойманная птица.

— Город есть, белый человек...

Голос был пронзительный, высокий, и путешественник непроизвольно отшатнулся.

— Много хижин, больших хижин... вы ведь это называете городом? Мертвые хижины! Там, где озеро, и арки над водой, и скалы, и подземные гроты, и громадные каменные люди... Все застыло, все ждет... мертвое. Пустое.

— Да, — кивал лорд Аттертон, — да.

— Ты лжешь, отроде нечистого! — воскликнул отец Игнасио.

— Хочешь увидеть его, пришелец? Пойдем. Пойдем туда, и я покажу тебе...

— Нет! — молодой человек встал, кутаясь в простыню. — Нет! Я никуда не пойду. Я еще слаб! Видишь? Видишь?

Он, продолжая одной рукой стягивать у горла простыню, вытянул другую вперед. Рука так и ходила, пальцы тряслись.

Путешественник нерешительно оглянулся на отца Игнасио. Тот молчал.

— Э... — лорд Аттертон сделал робкий шаг вперед, — так где...

Молчание.

Юноша вновь опустился на табуретку.

— С ними... с ней... нет, — пробормотал он.

— Пойдемте, друг мой, — вздохнул отец Игнасио, — не надо его больше тревожить.

Молодой человек сидел неподвижно, голова его поникла, казалось, он впал в транс.

Ричард Аттертон топтался у выхода, потом осторожно отодвинул полог. Насекомые на нем вновь зашевелились, царапая ткань крохотными коготками. Вокруг стоял душливый запах гниющих плодов, плесени, сырой земли...

— По крайней мере, я теперь знаю, — сказал лорд Аттертон. — Я не ошибся. Город существует.

Несколько белых бабочек, оторвавшись от полога, кружили около его лица.

* * *

Он ворочался на жесткой койке. Постель была влажной, воздух — неподвижным и горячим.

«Грех думать так, но лучше бы он согласился уйти с ними, этот несчастный.

Мерзкая тварь их нарочно дразнит! Почему мысли путаются в голове? Проклятая лихорадка, да еще духота... Совершенно нечем дышать...

Нечем дышать?»

Его подбросило на койке.

Под потолком лениво вращались белесые клубы дыма.

Он торопливо оделся и выбежал наружу. Часовня пылала, госпитальный барак — тоже. Огненные змейки ползли по бревнам, шипели и рассыпались искрами.

Остальные уже были здесь, они стояли, озираясь. Отец Игнасио сморгнул слезы: три колеблющихся в жарком мареве фигуры...

— Мэри! — крикнул он и закашлялся. — Мэри...

— Она там, — сказала тьма за его спиной.

Старик сидел на корточках под дождем, дождь блестел на его плечах, на коленях...

Госпиталь горел, словно соломенный. Но ведь дерево так пропиталось водой... Лампа? Кто-то опрокинул лампу? Вспыхнули запасы пальмового масла, которым он заправлял лампы? Спирта, которым он обрабатывал раны?

Из-под крыши вырвался сноп искр, одна из балок переломилась пополам и провалилась внутрь.

— Мэри! — он воздел кулаки в бессильном отчаянии.

Она бросилась туда, к нему. Спасти? Найти у него защиту? Умереть вместе с ним?

— Отойдите, святой отец!

Ричард Аттертон решительным движением обмакнул куртку в бочонок с дождевой водой, набросил на голову и ринулся в пламя.

Белая стройная женщина рванулась следом, он удержал ее за локоть.

Она попыталась вырваться с неожиданной силой, потом обмякла и теперь стояла рядом, шепча что-то и кусая костяшки пальцев.

— Он выберется, сударыня. — Томпсон аккуратно сворачивал тюк с пожитками, карабин у него за плечами блестел вороненым стволом.

Огненный крест вспыхнул в черном небе над часовой, потом погас.

— Вот они, Боже мой, Боже мой! — всхлипнула Элейна.

Она бежала навстречу, оступаясь и оскальзываясь в грязи.

— Ричард! Господи, я уж подумала...

— Все в порядке, дорогая. — Лорд Аттертон поддерживал молодого человека под руку. — Как вы себя чувствуете, Арчи?

— Я... не беспокойтесь. Я могу идти.

Мэри тоже стояла рядом, жадно хватая ртом воздух; рука Арчи обвивалась вокруг ее шеи. Сестра, видно, пыталась в дыму дотащить его до выхода, когда им на помощь пришел Аттертон. Никто не обратил внимания, когда она отошла и встала, прислонившись к дереву.

Отец Игнасио подошел к девушке и опустил руку ей на плечо. Ее белая косынка стала черной.

— Как ты себя чувствуешь, милая?

Она поглядела на него отсутствующим взглядом, потом всхлипнула. На лице ее лежали отсветы пламени. Когда она провела рукой по

лицу, стирая пепел, он увидел, что вместе с пеплом с лица исчезли брови. Ресницы порыжели и съежились.

— Почему так? — всхлипнула она. — Почему?

— Не знаю, — он вздохнул. — Возможно, какое-то животное... Возможно, туземцы. Стрелы, обернутые горячей соломой, что-то в этом роде.

И тут же понял: она не об этом. «Она из тех, кого не любят, — подумал он. — Никто. Никогда. Что бы они ни делали, как бы ни старались... Их просто не замечают, а если и замечают, пожимают плечами и отворачиваются. Бедняжка... Этого не поправишь, это от рождения. Судьба».

— Ты молодец, — сказал он, — ты спасла ему жизнь. Отважная девушка.

Она вновь прерывисто всхлипнула.

Отец Игнасио покачал головой. «От миссии почти ничего не осталось. И все же нас не ограбили, — подумал он, — не убили: бывало и такое». Он крепче сжал плечо девушки.

— Пойдем, моя дорогая, — сказал он, — пойдем, тебе надо умыться.

* * *

— Похоже, — сказал Ричард Аттертон, — наши споры разрешились сами собой. Теперь нам ничего не остается, как двигаться вперед.

Они сидели на впопыхах насланном помосте, под наспех собранным навесом из пальмовых листьев. Здесь же громоздились скудные пожитки — все, что удалось спасти в развалинах, где грязь мешалась с пеплом.

— Вперед? — отец Игнасио покачал головой. — Нет... делайте, что хотите, но мы с Мэри возвращаемся.

Он невольно перевел взгляд на обгоревшую часовню — вернее, на то, что от нее осталось: стена, чернеющая на фоне леса.

— Помилуйте, святой отец! У вас нет ни пищи, ни снаряжения, ни оружия! У меня же есть револьвер, с которым я никогда не расстанусь, а у Томпсона — карабин. Но это мы берем с собой. А если на вас нападёт хищник? Зверь или человек? Вы хотите обречь ее, — он кивнул в сторону Мэри, — на гибель? Эту милую девушку?

«А ведь он вовсе не считает сестру Мэри милой девушкой, — подумал отец Игнасио. — Она для него — пустое место. Никто. Этот комплимент — для меня».

— Нам нельзя разделяться, святой отец! Это опасно. Подумайте, вы ведь, — он безжалостно поглядел на отца Игнасио холодными серыми глазами, — старик. Да еще больны лихорадкой, так ведь? Что будет с

сестрой, если вы сляжете где-нибудь в лесу — в жару, в бреду? Кстати, а ты как себя чувствуешь, дорогая?

— Все в порядке, Ричард, — леди Аттертон улыбнулась в ответ бледными губами. — Здесь просто немножко сыро, вот и все.

— Надо развести костер, — сказал Томпсон и встал.

— Я помогу, — молодой человек, в свою очередь, торопливо поднялся. Он был в рубахе (Мэри зашила ее у ворота грубыми неловкими стежками), но по-прежнему кутался в побуревшее, в разводах сажи, одеяло.

Он встал и направился к пожарищу, где еще дымились и шипели уголья.

— Услужливый молодой человек, — заметил Ричард Аттертон. — Несмотря на... то, что прилагается к нему в дополнение, он кажется вполне достойным спутником.

— Он присоединится к нам с Мэри, — сказал отец Игнасио.

— Нет, друг мой, я просто не могу отпустить вас. Ни его. Ни вас.

— Послушайте, — отец Игнасио наклонился вперед, умоляюще стиснув ладони, — вернемся назад. Помогите нам. Мне, сестре Мэри. Во имя... — он сглотнул и продолжал уже тверже, — во имя Господа помогите. Кому вы поверили? Демону? Твари? И готовы пойти по ее слову и повести на гибель свою жену? Никакого города нет, иначе я бы слышал о нем.

— Зато об озере я знаю точно. О нем рассказывал Ловетт. Он добрался до него и вернулся, правда, все думали, что он повредился в уме. Ловетт рассказывал такие странные вещи... И знаете, отец Игнасио, это не так уж далеко отсюда. Несколько переходов. Всего несколько переходов. А потом я доставлю вас в город — как хрустальную вазу, целым и невредимым.

Ричард лихорадочно потер руки.

— Нас будет шестеро, — сказал он, — шестеро. И мы пойдем медленно и будем помогать друг другу. Разве это не то, что должны делать люди, отец Игнасио?

— В принципе, да, — шепотом сказал священник, — в принципе, да.

* * *

Он рылся на пепелище, пытаясь найти хоть что-то... Но статуя Распятого была деревянной, покров рассыпался в прах, а серебряная чаша оплавилась. В конце концов он нашел требник — сафьяновый переплет сморщился и обгорел по краям, листы по углам изъедены пламенем... Вдобавок он был слипшимся, сырым от дождя.

Старый Мигель сидел поблизости на новенькой циновке — видно, сплел ее только что из травы и листьев. Вода стекала у него по голове и плечам.

Отец Игнасио подошел и присел рядом на обгоревшую балку. Ноги болели. В спине копошился огненный скорпион.

— Эта тварь все врала, верно ведь? — спросил священник. — Про город? Никакого города нет?

— Город есть, — сказал старик, — но он не для людей.

— А для кого?

Старик молча пожал плечами.

— Как же быть?

Старик поглядел на него, и отец Игнасио в ужасе увидел, что глаза у того белые с опаловым молочным отливом.

— Завтра за мной придут, — сказал старик.

— Кто?

— Те, кому я служу. Я думал, твой Бог сильнее. Но он ушел. Хочешь посмотреть на них, глупый раб слабого бога?

— Нет, — сказал отец Игнасио.

— Твоя Мэри все равно умрет. У нее печать смерти на лице.

— Тогда я буду рядом, чтобы причастить ее и отпустить в дальнюю дорогу, — сказал отец Игнасио. — В чудесную дальнюю дорогу, где только свет, и золото, и лазурь...

— Она не пойдет туда. Она пойдет другой дорогой — а там мрак... огонь и мрак...

— Нет! У каждой души есть надежда на спасение, старик! До последнего мига, до последнего дыхания.

— Ты хороший человек, чужак. Ты ее жалеешь. Ты добрый. Но почему дагор пришел сюда?

— Что?

— Что ты такого сотворил, слуга чужого бога, что дагор прошел через болота, через гнилые леса, прошел, чтобы найти тебя?

Старик глядел на священника полупрозрачными бельмами.

Отец Игнасио сидел, прижимая к груди пахнувший плесенью требник, и ладони его были черны от сажи.

* * *

Не так-то просто срезать себе посох в лесу, где все криво, где деревья, переплетаясь, душат друг друга так, что и не разберешь, где чья ветка. Он раздвигал гибкие плети, свисающие с ветвей густой зеленой бахромой, и цветы, которыми они были увенчаны, касались его лица

полуоткрытыми влажными ртами, мясистыми губами — алыми, желтыми, розовыми. Мэри шла рядом, опустив глаза — на косынке грязные разводы, нехитрые пожитки за спиной. Юноша поддерживал ее под локоть. Идти и впрямь было трудно: почва напиталась водой, которая проступала сквозь нее при каждом шаге, башнями и пагодами прорастали причудливые грибы. Бледный мох распадался на легкие хлопья от прикосновения посоха.

Лучше бы этот Арчи держался подальше от девушки, но она едва стоит на ногах. Аттертону и так тяжело — щадя остальных, он нагрузил на себя большую часть пожитков. Получился весьма внушительный тюк — этот человек воистину двужильный. У Томпсона груз поменьше, наверное, так и было задумано. Ведь он, рыскавший по сторонам с карабином наперевес — единственная их защита.

«Большие кошки, — думал отец Игнасио, — большие кошки прыгают сверху, они бьют лапой сюда, в шейные позвонки, они по-своему милосердны, это быстрая смерть. И кто разглядит пятнистую шкуру в этой игре теней и света? Или змею, обвившую ветку?»

Он горько усмехнулся: змеи, леопарды! Простые, бесхитростные души, Божьи твари, выполняющие Божью волю. Он, отец Игнасио, вполне готов был, уподобившись святому Франциску, сказать: «Брат мой, волк!». И с каким бы тихим удовлетворением встретил он сестру свою смерть. Но мог бы он сейчас сказать о человеке: «Брат мой»?

Томпсон обернулся и крикнул что-то. Шум бьющей в листья воды заглушил его слова.

— Что? — переспросил отец Игнасио.

Охотник замедлил шаг и, когда отец Игнасио поравнялся с ним, сказал:

— Дождь скоро закончится.

— Да? — с сомнением переспросила Мэри.

— Попугаи. Я видел попугаев.

Он указал рукой куда-то в чашу, где яркие вспышки мелькали среди темных деревьев.

— Да, — согласился отец Игнасио, — это хорошо.

И дождь кончился. И вместе с ним окончился лес.

* * *

Они видели деревья, сплошь затянутые паутиной — точно полупрозрачным шатром, в котором шевелились смутные черные пятна. Они прошли мимо огромных, выше человеческого роста муравейников. Мимо раздутых, будто изуродованных слоновой болезнью стволов. И

наконец они увидели болото, издали казавшееся зеленым лугом, из которого кое-где торчали пучки деревьев.

Ричард Аттертон указал затянутой в перчатку рукой:

— Тропа!

И верно, тут была тропа, точнее, след, словно оставленный гигантским слизняком. Ноги здесь до колен проваливались в бурую слизь, но это был единственный путь — по бокам тропы простиралась трясина. Точно пальцы утопленников, тянулись из нее на поверхность белые и синие кувшинки. Над трясинной стоял неумолчный звон москитов, отец Игнасио ударил себя по руке; на тыльной стороне кисти осталось красное пятно.

— Не нравится мне это место, — негромко произнес Томпсон. — Туземцы верят, что в таких местах живет дьявол.

Отец Игнасио поспешно перекрестился.

— Спаси нас Господь, — пробормотал он.

— Черные оставляют ему еду и бусы... Подарки. Тогда он пропускает их, а если ничего не дать — забирает себе. Так они говорят.

— Я не стану дарить подарки нечисти, — сквозь зубы процедил отец Игнасио. — А если кто из вас попробует — прокляну!

— Но тогда... — прошептала сестра Мэри, — мы все погибнем?

— Сестра Мэри! — изумленно воззрился на нее отец Игнасио.

— Я не верю в водяных дьяволов, — сказал Ричард Аттертон. — Полагаю, это какое-то крупное животное.

— Что не лучше, — Томпсон обшаривал водяную гладь яркими синими глазами.

— Ave María, grátia plena, Dóminus tecum. Benedícta tu in muliéribus et benedíctus fructus ventris tui Jesus. Sancta María, Mater Dei, ora pro nobis peccatóribus nunc et in hora mortis nostræ?

Отец Игнасио шептал почти беззвучно, ноги его утопали в бурой слизи, руки и лицо были изъедены москитами, веки вспухли. В глубине болота колыхалось нечто — то ли пузыри газа, всплывающие со дна, то ли обломок дерева... По бокам тропы зеленели островки травы, но когда он попытался ступить на такой, тот просто ушел в воду под ногой. Перед лицом отца Игнасио на миг возникла собственная тень на поверхности воды, окруженная ореолом лучей.

— Амен, — заключил он громко и отпрянул.

— Что там? — спросила Мэри.

— Ничего, — отец Игнасио выпростал ногу из спутанных водяных растений, — ничего.

Тропа начала забирать вверх, кувшинки исчезли, зато вокруг

вспыхнули огоньки тигровых лилий. «Интересно, кто ее проложил, — думал отец Игнасио, — и, главное, зачем. Здесь ведь поблизости нет никаких поселений».

Теперь, на возвышении, стало видно: то, что он принимал за синий клочок неба с редкими облаками, оказалось водной гладью, простиравшейся до самого горизонта. Облака на самом деле были островками с купами темных деревьев.

— Вот оно! — Ричард Аттертон стоял, полной грудью вдыхая влажный воздух. — Озеро! Огромное озеро, сердце этой земли!

Берег уходил в обе стороны гигантским полукружием.

— Мы можем устроить здесь стоянку, — предложил Томпсон.

— Нет, — сказал Ричард Аттертон, — нет. Мы пойдем... Где этот город, Арчи? Где скалы? В какой стороне?

Арчи вздрогнул, как от удара.

— Не знаю, — проговорил он, — это не я... это он... Я никогда здесь не был. Он знает.

— Тогда пусть скажет, — Аттертон повелительно поглядел на Арчи, даже не на Арчи, на его грудь, трепещущую под грубой тканью.

Молчание.

Аттертон извлек из своего тюка со снаряжением бинокль и оглядел побережье.

— Там! — сказал он наконец.

Отец Игнасио напряг старческие глаза, но увидел лишь что-то белое, уходящее в синеву озера.

— Скалы, — пояснил Томпсон, которому не нужен был бинокль, — белые скалы. Там наверняка пещеры, вымытые водой, и все такое.

Скалы возвышались над водой и отражались в ней, вода вымыла в них причудливые проемы, ветер вырезал в породе рельефы, драконы и горгульи проступали и тут же расплывались, теряясь в мешанине выступов и впадин.

— Мы можем бродить по берегу хоть год, — Томпсон пожал плечами. — Разве только... эта тварь знает, где нужное место, верно?

— Если его спросить, — задумчиво проговорил Аттертон, — заставить заговорить. Спросите его, Арчи.

— Он говорит, только когда хочет, — виновато сказал молодой человек. — Очень редко.

— Где? — Аттертон повысил голос, повелительно глядя на скрытую под тканью выпуклость на груди юноши. — Где?

Они замолчали. Ветер свистел в песке, крохотные волны с шорохом набегали на берег, лениво перекатывая пучки гнилой травы.

Аттертон стиснул челюсти так, что под кожей проступили очертания черепа. Взгляд его резал как нож.

— Надо спросить его напрямую, — сказал он тихо. — Напрямую.

Он сделал шаг по направлению к юноше и вновь застыл в задумчивости.

— Не делайте этого, — взмолился отец Игнасио.

Аттертон поглядел на него холодным бешеным взглядом.

— Даже не пробуй помешать мне, старик, — сказал он. Раскрытой ладонью он толкнул священника в плечо, и тот с размаху сел на песок, беспомощно ловя воздух раскрытым ртом.

— Томпсон!

Томпсон с готовностью обернулся.

— Помоги мне отвести его в заросли.

— Нет! — жалобно вскрикнул юноша. — Нет! Не надо!

— Ричард! — в глазах леди Аттертон металась тревога.

— Не вмешивайся, дорогая, — Ричард Аттертон сурово покачал головой, — сейчас не вмешивайся.

Он неуклонно подталкивал молодого человека к зеленому частоколу ветвей. Тот, обернувшись, крикнул:

— Нет, Элейна! Не ходи сюда! Не смотри.

Томпсон следовал за ними с карабином наперевес.

* * *

— Боже мой, — шептала леди Аттертон, закрыв лицо руками. — Боже мой!

Из зарослей донесся пронзительный, режущий, нечеловеческий визг.

— Что они там делают?

— Отец Игнасио! — Мэри вцепилась ему в рукав, и он, кряхтя, поднялся. — Отец Игнасио, умоляю вас! Во имя Господа! Прекратите это. Не позволяйте им...

— Испытывать этого демона?

— Но они не испытывают демона. Они мучают человека. Отец Игнасио...

«Двое сильных мужчин, — думал отец Игнасио, — направляясь к зарослям, а я уже старик. И потом... разве эта тварь не заслужила?»

Томпсон держал молодого человека за руки, прижимая его к стволу гигантского дерева, а Ричард Аттертон стоял, наклонившись над ним; отцу Игнасио была видна лишь его согнутая спина.

Он кашлянул, и Аттертон обернулся.

— Идите отсюда, святой отец, — приказал он, дернув головой, ибо руки у него были заняты. — Это зрелище не для вас.

— Я видел и не такое, — сказал отец Игнасио. — Но это неважно. Прекратите мучить человека.

— Но мы не трогаем человека.

— Все, что чувствует дагор, чувствует и человек.

— Откуда вы знаете? Вы тоже этим занимались?

— Отец Игнасио! — слабо позвал юноша.

— Я не пытал дагора. Я хотел его уничтожить. Хватит, Аттертон. А то я подумаю...

— Да? — холодно спросил тот.

— Что вами движут... личные чувства.

— Что за чушь? — в голосе Аттертона слышалось возмущение. Слишком явное.

— Элейна, — сказал священник. — Я не слепой. И еще. Что скажет ваша жена, если узнает, отчего на *самом деле* сгорела миссия?

— Что?

— Вы подожгли миссию, Аттертон. Чтобы не оставить нам возможности выбора. Там сгорело все, буквально все, а на вашем снаряжении нет даже следов сажи. Вы вынесли его заранее.

— Это правда, Аттертон? — с интересом спросил Томпсон.

— Нет, конечно, — холодно ответил тот. — Старик свихнулся.

Тем не менее он выпрямился и раздраженно отер руки пучком листьев.

Отец Игнасио негромко сказал:

— Вставай, Арчи. Томпсон, отпусти его.

Тот вопросительно взглянул на Аттертона, который резко кивнул в ответ. Арчи поднялся, стягивая на груди одеяло, на котором сейчас проступали бурые пятна.

Сестра Мэри устремилась к нему, бросив через плечо презрительный взгляд на вторую женщину, которая стояла, стиснув тонкие пальцы.

— Арчи! Они тебя... тебе очень больно?

— Мне — нет, — молодой человек покачал головой. — Все в порядке, Мэри. И странная вещь, да... Вон там. Идемте, я покажу вам.

* * *

— Город, — шептал молодой человек, — дивный город! Значит, он и вправду существует.

— Это? — Ричард Аттертон хватал воздух ртом. — Этих скал нико-

гда не касалась рука человека. Ветер и вода, вот и все! Здесь нет ничего, кроме ветра и воды.

— Но я же вижу! Боже мой, арки и величественные колонны, и радуга на водной завесе... И храм, дивный храм, стрельчатая арка и сияние изнутри...

Он говорил точно в бреду.

Аттертон, потеряв самообладание, схватил юношу за плечи и встряхнул. Одеяло на миг сползло с плеч Арчи, и тот судорожно стал натягивать его обратно. Больше, казалось, его ничего не интересовало.

— Это дагор, — сказал отец Игнасио.

— Что? — Ричард Аттертон растерянно обернулся к нему.

— Вы спросили дагора, и он показал город. Но только ему одному. Не вам.

Он обернулся к белым скалам, нависшим над озером. На миг отцу Игнасио показалось, что там, в воде, отражение было немного иным... совсем иным... башни, шпили и прекрасные, спокойные лица белокаменных статуй.

— Эта тварь издевается надо мной? — голос Аттертона звучал прерывисто; гнев сдавил ему горло.

— Аттертон, — предупредил отец Игнасио, — хватит.

Арчи обернулся и поглядел на путешественника в упор. Глаза юноши были светлые и ясные, как у ребенка.

— Я пойду туда, — сказал он спокойно. — Вы не видите, а я вижу... что ж... мраморные ступени поднимаются над водой, и свет играет на волнах, свет из храма...

— Друг мой, — устало сказал отец Игнасио, — это иллюзия. Обман.

— Верно, — согласился молодой человек, — я вижу истину. А вы — иллюзию.

Он медленно побрел к воде и погрузился в озеро по пояс. Концы одеяла плыли за ним, распластавшись по воде.

— Там, в озере, наверняка кто-то прячется, — жалобно сказала Мэри, — кто-то страшный.

— Не думаю, что хоть одно чудовище осмелится напасть на человека с дагором, — покачал головой отец Игнасио.

Аттертон следил, напрягшись, вытянув шею, на которой проступили жилы. Леди Аттертон стояла рядом, закусив губу, не глядя на мужа. «Одержимы, — подумал он, — все они одержимы...»

Молодой человек дошел до белых скал и, оказавшись напротив

черневшей в камне трещины, начал подниматься, — словно под водой и впрямь скрывались пологие ступени.

Это и есть ворота в его дивный храм? Эта трещина? По крайней мере он идет туда так, словно...

Золото, и лазурь, и радуга витража на беломраморных плитах, и высокие голоса на хорах, и...

Он затряс головой, отгоняя наваждение, и, сморгнув, увидел исчезающую в черном разломе бледную фигуру.

— Спаси его Господь, — мелко крестясь, шептала сестра Мэри, — спаси его Господь...

Там, в пещерах, должно быть, все источено водой, провалы, бездонные пропасти...

И если эти пропасти поглотят юного Арчи с его страшной ношей, это еще не худший исход...

Он сел на песок — ладонь тут же начали обгрызать песчаные блохи. Перед глазами яблоками пульсировали пурпурные круги.

— Похоже, — заметил Томпсон, — ждать придется долго.

— Нет! — Сестра Мэри вытянула бледную руку. — Вот он!

Бледная фигура вновь возникла на фоне черной трещины. Юноша неторопливо вошел в воду, спускаясь по невидимым ступеням... Одной рукой он стягивал одеяло на груди, в другой что-то держал...

Подойдя к берегу и стоя по колено в воде, он протянул нечто Элейне, но Аттертон выбросил вперед длинную руку.

— Господь всемогущий, — пробормотал он, разглядывая добычу, — это же...

Через его плечо отец Игнасио видел статуэтку, выточенную из цельного зеленого камня. Лучи заходящего солнца пронзали ее насквозь, бросая на песок чистые травяные тона.

— Изумруд, — сказал Томпсон.

— Не обязательно, — Аттертон так и сяк поворачивал статуэтку в руке. — Хризопраз. Или хризоберилл. Я встречал такие фигуры, но из теракоты. Видите, какая у нее голова?

— Жабы, — заключил отец Игнасио, — или змеи. Как бы то ни было, это не человек. Это дьяволица. Мерзость. Где ты ее нашел, Арчи?

— Там, — молодой человек махнул рукой в направлении скал. — Там есть что-то вроде алтаря. Зал с колоннами, и вверху ряд отверстий, сквозь которые проникает свет. На стенах рисунки. И в перекрестье лучей на каменном троне сидит такая, но огромная. Эту она держала на коленях.

— Сао, — прошептал Аттертон, — мы нашли затерянный город сао!

Легендарный могучий народ, гиганты, прибывшие неизвестно откуда. Это... да, это их статуэтка. То, что попадалось до сих пор — жалкие копии, подражание, подделка.

— Их статуэтка, да? — Томпсон покачал головой. — В таком случае они не были людьми.

— Вовсе нет, — возразил Аттертон, — это Зверомаска. Ритуальная. В такие обряжались танцовщики. Господи, кто бы мог подумать, кто бы мог предвидеть... город сао... его искали на юге, а он здесь, в сердце континента...

«Зверомаска, — думал отец Игнасио, — о нет, вряд ли. Ведь что бы ни говорили о черных, они буквалисты. Они педанты. Они воспроизводят только то, что видят. Вот тело, вот голова. Уплощенная голова с выпирающими глазными яблоками и вертикальными прорезями зрачков. Вот ноздри короткого носа. Вот плоский жабий рот. Вот высокая шея. И никаких границ меж головой и прекрасным юным гладким женским телом... Есть легенды, которые передают шепотом, из уст в уста... О могучем народе, повелевавшем этой землей, — вспомнил он, — говорят, даже дикие звери подчинялись ему, даже насекомые...

Они повелевали нелюдьми и сами были нелюди, и бедные жалкие дикари покорялись им, и трепетали перед ними, и подражали им... и вот они-то надевали маски, чтобы походить на своих хозяев, и делали из глины статуэтки, которые те вырезали из цельных камней... И передавали из уст в уста страшные легенды о великом городе, о власти, о холодном нечеловеческом разуме, чье ядовитое дыхание отравило целый континент.

Аттертон дурак, одержимый глупец, он не видит дальше своего носа, ему мерещится витрина в Британском музее и табличка со своим именем, тогда как демоны этой земли уже простерли над ним свои крыла».

— Там еще что-то есть? — спросил Ричард Аттертон, ноздри его нервно раздувались. — Что-то такое, что можно...

— Поглядите сами, — молодой человек пожал плечами. — Там были еще двери... и коридоры... я взял только то, что лежало на виду.

— Факел! — приказал Ричард Аттертон, обращаясь к Томпсону.

— Зачем? — удивился юноша. — Там же светло. Ряд окон наверху устроен так, что солнце проникает сквозь них.

— Но скоро стемнеет, — лорд Аттертон бросил тревожный взгляд на пылающий диск, который погружался в воды озера, а огненная дорожка вспухала ему навстречу. — Остановимся лагерем здесь. Надо

разжечь костер. Займитесь этим, Томпсон. А я пока... да, только взгляну.

Он решительно вошел в воду, и жидкое золото расплескалось вокруг его сапог. Жена не взглянула в его сторону. Она сидела на камне, опустив глаза и сцепив пальцы тонких рук...

Вход в расселину чернел, как обгорелая прореха на светлой ткани.

Теперь фигура Аттертона была видна по пояс — черная подпрыгивающая коряга на поверхности цвета смятого сусального золота. Он шел, раздвигая воду руками, словно она и впрямь была плотной.

«Предположим, — отрешенно подумал отец Игнасио, — в этом озере и впрямь живет какое-то чудовище... Рыба ведь хорошо клюет именно на закате. А он — без дагора».

Однако черная фигура, барахтаясь в алом расплаве, уже добралась до скалы. Теперь она карабкалась вверх, но так, словно невидимые ступени, по которым прежде поднимался Арчи, были из сахара и растворились в воде. Человек у скалы оскальзывался и хватался за выступы камня.

«Это все закат, — подумал отец Игнасио, — на закате все выглядит таким... безнадежным...»

Человек в воде наконец вскарабкался на выступ скалы и протиснулся в чернеющую трещину. Отец Игнасио ждал, зажав четки в опухшей, изъеденной москитами руке.

Человек появился вновь. Он растерянно озибался и не столько вошел, сколько прыгнул в воду, подняв фонтан брызг. Рассекая руками воду, он шел к ним, и за его спиной смыкались две маленькие волны.

Он выбрался на песок и двинулся к Арчи. Вода, которую он не озаботился вылить из сапог, хлопала и выплескивалась при каждом шаге.

Юноша, сидевший на песке, вскочил.

— Ты! — процедил Ричард Аттертон. — Ты, мерзкий лжец! Откуда ты взял эту статуэтку? Признавайся! Нашел где-то по дороге? Купил? Выменял? А потом притворился, что взял ее оттуда, да?

— Но я видел, — возражал юноша, отступая по мере того, как Аттертон наседавал на него, — я сам видел. Рисунки на стенах. Золотые лотосы. И такие странные фигуры. Они будто дышат, живут. И эта статуя — огромная, вся из цельного камня. Солнце играет на ней, в ней!

— Там ничего нет, сэр Ричард? — поинтересовался отец Игнасио спокойно.

— Нет! — фыркнул тот. — Глухая стена. Камни, скользкие камни, вот и все. Этот хитрый мерзавец всех надул!

— Но я видел!

— Он и правда видел, сэр Ричард, — сказал отец Игнасио. — Вернее, видел его демон.

— Да, он прошел туда потому, что к нему приросла эта тварь, — негромко сказал Томпсон. — Вот почему.

— Так есть там город или нет? — упорствовал Аттертон.

— Город есть, — сказал вдруг Арчи, и странная усмешка искривила его рот, — город есть. Но он для тех, кто с дагром.

Отец Игнасио глубоко вздохнул.

— Сэр Ричард, — сказал он как можно более убедительно, — это место не для нас. Лучше бы убраться отсюда. И поскорее.

— Хочешь проверить? — напирал Арчи. — Что ж, давай! Утром я пойду туда, куда ты не смог пройти. Куда вы никогда не сможете пройти. И увижу то, чего вам никогда не увидеть, жалкий, самодовольный, слепой червяк, крохотный белый человечек со своими белыми слизистыми глазами...

— Ах, ты!

— Хватит, — отец Игнасио встал между ними. — Ради всего святого, хватит.

— Верно, — Аттертон, казалось, овладел собой. — Прости меня, дорогая. Я... немного увлекся.

Его жена безразлично покачала головой. Она сидела на песке, завернувшись в плащ, сжимая его тонкими пальцами на груди, и тем самым странно напоминала Арчи.

— Мы разобьем лагерь здесь, — Аттертон деловито распаковывал тюк с вещами, извлекая котелок, кружки, жестянку со спичками. — А завтра... Завтра решим.

* * *

«Древние обитатели этой земли, — думал отец Игнасио, — ставили здесь свои города, когда людей еще не было и в помине. Мы думали, они исчезли, но они просто затаились. И действуют исподтишка, потому что не смеют противостоять нам открыто».

— Не делайте этого, — сказал он вслух.

— Что? — Ричард Аттертон не обернулся. Он стоял у кромки воды, спиной к костру, глядя на недосыгаемую дверь в невидимый храм.

— Вы знаете, о чем я.

— Там, — сказал Аттертон, указывая на смутно светящиеся в темноте белые скалы, — то, что я искал всю жизнь. Оно здесь, рядом, в нескольких шагах. И по-прежнему недостижимо. Неужели вы думаете, что меня можно остановить?

— Человек, принявший в себя дагора, — сказал отец Игнасио, — больше не человек.

— Арчи слаб, в этом все дело. Он всегда был таким. А я сумею совладать с этой тварью.

— Нет, — отрезал отец Игнасио.

— Вы не понимаете, святой отец... Это как...

— Наваждение, — подсказал отец Игнасио, — одержимость.

Аттертон не ответил.

Отец Игнасио повернулся и пошел к костру по холодному песку. За его спиной шипели, набегая на берег, крохотные волны.

* * *

Томпсон проснулся, стоило лишь дотронуться до его плеча. Он всегда так чутко спит?

Проводник молча открыл глаза. Отец Игнасио прижал палец к губам и попытился.

Лишь отойдя подальше, отец Игнасио оглянулся: люди спали, закутавшись в одеяла, каждый сам по себе... Он присел на песок, и Томпсон сел рядом с ним.

Томпсон молчал. Волны все набегали и набегали на берег, и теперь было видно, что они чуть заметно светятся. Вдалеке черной глухой стеной высился лес.

Отец Игнасио кашлянул, пошевелился и лишь потом негромко проговорил:

— Вам по душе то, что тут происходит, Томпсон?

Охотник повернул голову и внимательно поглядел на священника. Глаза его сейчас казались черными.

— Положим, нет, — наконец проговорил он. — Что с того? Уж такая у меня работа. Я всякого навидался. Немногое способно меня напугать в этом мире, святой отец.

— А в том?

Охотник вновь замолчал. Какое-то время он сидел, тыча в песок щепочкой, потом сказал:

— Верно. Паршивое место. Черное колдовство, все такое. Не для белого человека. Мы к такому не привычны, вот в чем дело. Какой-нибудь их нгомбо, из самых сильных, может, и одолел бы его, но, скорее всего, он просто посоветовал бы убраться отсюда — и чем быстрее, тем лучше. И сам бы смылся первым.

— Томпсон, — сказал отец Игнасио. — Пока Аттертону кажется, что он может добраться до города, он не уйдет.

— Похоже на то. Он свихнулся на этом городе, вот что я вам скажу.

— Да, потому что у него остается надежда, пока...

Он запнулся.

— Пока что? — вопросительно посмотрел Томпсон.

— Пока жив этот юноша. Арчи.

Вот все и сказано. Отец Игнасио чувствовал облегчение и звенящую пустоту.

Томпсон вновь надолго замолк. Потом сказал:

— Вот, значит, к чему вы клоните. Значит, я должен прикончить его? Почему я?

— Я старик.

— Чтобы выстрелить в человека, не нужно быть молодым и сильным.

— Карабин у вас.

— Нет, постойте! Если бы вы решились убрать парня, вы бы, не спрашивая, взяли у меня карабин и сделали свое дело. А вы будите меня, заводите тут разговор.

— Я...

— Нет, позвольте... Хотите остаться чистеньким? Сохранить свою бессмертную душу? Хотите, чтобы я сделал за вас черную работу? Убил человека?

— Он не человек, — сказал отец Игнасио. — Больше — нет.

— Можете это доказать?

— Каких доказательств вы требуете? Он сросся с этой тварью. С этим демоном. Понимаете?

— Нет. Пока малый не сделал ничего плохого. Ни вам. Ни мне. Хотите его убить? Валяйте. Дело ваше. Но не впутывайте в это меня.

— Тогда попрошу вас хотя бы не мешать мне, — отец Игнасио медленно поднялся. В голове гудело. «Видно, вновь будет приступ», — подумал он.

— Не могу вам этого обещать, — Томпсон оскалился. — Он, по крайней мере, не сумасшедший. Если кто здесь и сумасшедший, то не он. Аттертон — вот кто полный псих. Почему бы вам не пристрелить Аттертона, святой отец?

— Изыди, — сказал отец Игнасио и побрел к погасшему костру, слыша за спиной смех Томпсона.

* * *

Элейна плакала, прижимая к губам тонкую руку. Отец Игнасио видел, как трясется ее плечи.

Что-то творилось там, за белыми скалами: точно пушенный по воде плоский камень, странно отчетливо отражаясь от поверхности, до них доносились звуки — тонкий, режущий уши визг, странное липкое чавканье. Потом все стихло. Мэри, ухватив его за рукав, выглядывала из-за спины, ее расширенные глаза, казалось, вбирают в себя блестящую гладь озера.

— Вот он, отец Игнасио, — прошептала она, обдав его ухо горячим дыханием, — вот он...

Солнце отражалось от поверхности воды — сотни и сотни жидких зеркал, и оттого отец Игнасио никак не мог разглядеть, кто идет им навстречу. Лишь когда черная точка превратилась в человека и человек стал выбираться на берег, он узнал Арчи.

Без привычного одеяла на плечах, мокрая рубаха липнет к плоской юношеской груди.

— Элейна! — крикнул он радостно, и его голос звенел в столбе ослепительных радужных брызг. — Элейна!

И остановился, словно наткнувшись на ее слепой взгляд.

— Элейна? — неуверенно произнес он.

— Ненавижу тебя! — она всхлипнула, отвернулась и бросилась прочь.

Радостная улыбка исчезла с лица юноши, он словно выцвел и сгорбился. Мэри нерешительно подошла к нему, заглядывая в глаза, но он словно ее не заметил. Зато, уставившись на неподвижно стоящего рядом отца Игнасио, жалобно спросил:

— Почему так? Он же сам хотел. Я что, не должен был соглашаться? Освободиться?

— Отдав своего демона другому человеку?

— Но он же сам хотел, — механически повторил Арчи. — Он теперь там, куда так мечтал попасть. В затерянном городе. В древнем храме. Послушайте, отец Игнасио, я не хотел этого говорить, раз уж он не мог увидеть своими глазами, но там и впрямь нечто удивительное. Нечто потрясающее. Я видел.

Видел? Он видел то, чего хотел дагор, и Аттертон сейчас увидит то, что покажет дагор ему. И как проверишь, кто прав — если человеку без дагора путь туда заказан? Странно, однако, что дагор так легко отпустил юношу. Или ему все равно, на ком сидеть?

— Что он там делает? — спросил отец Игнасио.

— Исследует город, конечно, — сказал Арчи. — У него блокнот: он делает зарисовки и копирует надписи на стенах, и еще... отец Игнасио, я вас умоляю, поговорите с Элейной. Она сердится на меня...

— Это пройдет, — сказал отец Игнасио. — Насколько я знаю молодых женщин, это пройдет. Идите, Арчи, помогите Томпсону. Он там, кажется, собрался ловить рыбу...

* * *

Аттертон вернулся, когда начало темнеть, и озеро вновь замерцало расплавленным густым золотом. Куртка его была плотно застегнута на груди, полевая сумка тяжело колотила по бедру.

— Элейна! — в свою очередь, крикнул он торжествующе. Потом, оглядев пустой берег, сокрушенно сказал: — Она даже не вышла меня встретить.

— Ее можно понять, — сухо сказал отец Игнасио.

— Никто не вышел! — Радость покидала лицо Аттертона, лицо его словно выцветало и темнело по мере того, как меркло пляшущее на воде алое солнце. — Кроме вас.

— Да, — согласился священник. — Они теперь будут сторониться вас... какое-то время.

«Пока не привыкнут, — со скрытой иронией подумал он, — к Арчи-то они привыкли».

— Как прокаженного? — горько спросил Аттертон.

— Да...

— И Элейна?

— Она тем более, я полагаю.

— Но я... — он запнулся. Потом продолжил: — Это же и ради нее. Ради нас. Это дело всей моей жизни, а она всегда разделяла со мной все. Она замечательная женщина.

В его голосе слышались не свойственные ему прежде интонации, взывающие к сочувствию и пониманию, — у Арчи он уже слышал такие. «Странно», — подумал отец Игнасио, а вслух спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Неплохо, — удивленно сказал Аттертон. — Вы знаете... я не представлял себе... я думал, это будет... омерзительно, ужасно... но я словно... у меня прибавилось сил. Нет, не могу передать! Вы только взгляните сюда!

Он сбросил с плеча ремень полевой сумки и опрокинул ее на песок. Выпавший блокнот затрепетал листьями, точно белая ночная бабочка.

— Все это я нашел там!

Тончайшие, как лепестки, золотые маски с эмалевыми глазами; геммы с вырезанными на гладкой поверхности незнакомыми письме-

нами; спирали из слоновой кости, хрупкие, словно спинки насекомых. Отец Игнасио присел на корточки, осторожно коснулся лазурных крылышек золотой стрекозы с рубиновыми фасеточными глазами.

— И это еще не все... там... — он задохнулся. — Это не поддается описанию!

— Все, что присуще человеку, поддается описанию человеческим языком, — сказал священник.

— Но это... нечто потрясающее, то, что изменит все наши взгляды на... перевернет мир... научный мир, по крайней мере.

— И не будь дагора, — услужливо подсказал священник, — вы бы не сумели увидеть этого.

— Да. Да!

— Вам это не кажется странным?

Лорд Аттертон тоже присел на корточки. В сумерках его лицо неожиданно показалось юным и беззащитным.

— Теперь я думаю, — сказал Аттертон, — что именно для этого он и предназначен. Чтобы помочь нам увидеть. Это... послание... весть... прибор. Вроде подзорной трубы или микроскопа. Понимаете?

— Отлично понимаю, — кивнул отец Игнасио. Он помолчал, потом спросил: — И все же, как вы намерены избавиться от него? И когда?

— Избавиться? — удивился Аттертон. — Но зачем? — Потом, словно спохватившись, сказал: — Да, конечно. Но я еще не думал над этим. Мне надо... я хотел принести эти вещи, эти сокровища к ногам Элейны. Но я...

— Да?

— Должен вернуться. Понимаете, то, что там — это нельзя оставить вот так... ждать еще ночь, целую ночь... Я должен...

— Это может быть опасно, — сказал отец Игнасио.

— Что вы! Это совсем... это нечто... благосклонное... прекрасное... Я хочу попытаться...

«Он безумен, — подумал священник. — Что он там видел такого, что свело его с ума? Его надо остановить, не пускать. Но как? Увести его отсюда силой? И как далеко им удастся уйти?»

— И долго вы намерены там пробыть? — спросил он.

— К утру вернусь, вероятно.

— Возьмите хотя бы факел.

— Зачем? — удивился Аттертон. Он покачал головой, не отводя взгляда от черного провала в скалах. — Там свет. Дивный свет. Больше, чем свет. Он льется наружу, играет на волнах, вон там...

— Аттертон, — сказал отец Игнасио устало, — там ничего нет.

— А это? — спросил лорд, кивнув на россыпь мерцающих драгоценностей. — Впрочем... возможно, вы правы, а я — нет. И все, что я вижу там, иллюзия. Прекрасная иллюзия. Но если во что-то веришь... чего-то очень желаешь... не становится ли оно реальностью рано или поздно? Интересный вопрос, верно? Обсудим его завтра, святой отец.

Он нетерпеливо махнул рукой и вновь ступил в воду, теперь совсем темную, играющую фосфорическими вспышками.

— Вы забыли сумку, — напомнил отец Игнасио, — и блокнот.

— Ах, но мне это больше не нужно, — отмахнулся тот. — И вот это, возьмите это. Это мне тоже не пригодится. Увидимся завтра.

— Завтра, — эхом откликнулся отец Игнасио, и слово его ушло по темной воде. — Простите меня.

— За что?

— Я хотел вам помешать. Но оказался слаб. Не смог. Не смог.

— Я рад, что не смогли, — крикнул над водой Аттертон новым, молодым голосом.

Отец Игнасио спрятал руки в рукава и побрел вдоль кромки воды. За песчаным холмом в крохотном лагере белокурая женщина встала ему навстречу.

— Где он? — спросила она сдавленным голосом.

— Ушел. Опять ушел.

— Ночью? Почему?

— Там, в скалах, было нечто, и оно позвало его.

— Он вернется? — тихо спросила она.

— Не знаю...

Она прерывисто вздохнула.

— Если бы я... если бы встретила его на берегу, он бы остался?

— Я думаю, — сказал отец Игнасио, — он все равно ушел бы. Полагая, что делает это ради вас. В вашу честь, ради грядущей славы... Не казните себя, Элейна. Он и впрямь одержим. И он просил передать вам вот это.

Священник бросил сумку Аттертона рядом с костром.

Золото и лазурь, казалось, испускали свой собственный свет.

— Ух ты! — восхищенно сказал Томпсон. — И там такого полно, да?

— Возможно. Не знаю. Надо спросить у него.

Он кивнул в сторону Арчи, который продолжал неподвижно сидеть на песке, сам по себе, человек без дагора...

— И как бы то ни было, — заключил он, — нам туда не пройти.

Кстати, Томпсон... — он понизил голос до шепота и поманил охотника рукой, — когда он возвращается, его видно издалека. Если он будет не один, если с ним будет кто-то еще...

— Да?

— Просто держите карабин наготове. Не знаю, что там обитает в этих скалах, но к человеку это не имеет ни малейшего отношения.

* * *

На горизонте, словно темные облака, вставали дальние горы. В тростниках кричала какая-то птица.

— Черт, мы ничего не нашли, — сказал Томпсон. — Бултыхались там, в этой проклятой воде, — ни входа, ничего. Ты ж говорил, там ступени и какая-то дверь...

— Я видел ее тогда, — бесцветно проговорил юноша, — теперь не вижу.

— Значит, правда, что туда можно пройти только с этой тварью. Она вроде ключа. Ничего не выходит, святой отец. Аттертон ушел со своим дагором, а остальным туда путь закрыт.

— Как вы думаете, — Элейна сжимала и разжимала пальцы, — что с ним?

— Ну, если честно, мэм... Он мог сломать ногу. Упасть. Провалиться в какую-нибудь ловушку. Я слышал всякие истории про заброшенные храмы. Там всегда ловушки, разве нет? Против грабителей могил, например.

— Вчера он тоже ходил туда, — заметил отец Игнасио, — и благополучно вернулся. Причем в полной темноте.

— Он же взял факел? — с надеждой спросила она.

— Нет. Он сказал, там свет. Такой свет, что не нужен никакой иной.

— Что это значит?

— Не знаю.

— Зато он знает! — Мэри вскочила и, подобрав юбки, побежала по песку к Арчи, сидевшему поодаль с опущенной головой. — Почему он молчит? Что там было? — она глядела на юношу с какой-то странной, требовательной яростью. — Что это было?

— Неважно, — сказал юноша тихо. Сейчас, под беспощадным солнечным светом, он выглядел выгоревшим, почти бесцветным. — Ведь я все-таки вернулся.

Он поглядел на Элейну, и отец Игнасио увидел, как под его взглядом она краснеет: румянец залил даже виски.

— Это из-за тебя я вернулся, Элейна. Я думал о тебе. Не он.

— Замолчи, — нервно сказала она. — Мы подождем... мы ведь подождем? — она с надеждой смотрела на Томпсона, на отца Игнасио...

— Конечно, подождем, мэм, — вежливо ответил Томпсон, — сколько сможем.

* * *

Молоты грохотали у него в голове, и отец Игнасио поднялся с сухого тростника, служившего ему ложем. Песчаные блохи лениво разбрелись в разные стороны. «Это лихорадка, — подумал он, — если бы она отпустила... на час... на полчаса... если бы голова стала ясной, я бы сказал им... Убедил бы их уйти: здесь больше нечего ждать, не на что надеяться».

Но женское упорство — вещь почти неодолимая, тем более Мэри неожиданно поддержала Элейну. «Он, конечно, вернется, — сказала она, — будет просто нехорошо взять вот так и уйти, когда, быть может, он взывает о помощи, ранен или просто заблудился во тьме пещер». Но время шло, леди Элейна напрасно сидела на берегу, кусая губы, а он, отец Игнасио, трясся от жары и холода, и молоты у него в голове все грохотали.

В голове? Он неверными шагами направился к костру, где Томпсон деловито паковал заплечный мешок. Охотник затянул ремни и устал был на священника снизу вверх.

— А, вы тоже их слышите? Похоже на барабаны, — сказал он наконец. — Странно только, они идут вроде как из-под воды.

— Как вы думаете, — отец Игнасио покрутил затекшей шеей, — кто это?

— Ну... кто-то же проложил тропу сюда, верно? О местных племенах ходят дурные слухи. И я бы...

— Что?

— Не думаете же вы, что Аттертон еще жив? Пора кончать это представление. Впрочем, если они будут медлить, уйду один. Я отработал свое.

Бу-бум... бу-бум...

Невидимые барабаны во тьме выбивали причудливый ритм, от которого можно было сойти с ума...

— Послушайте, сударыня, — выговорил он, морщась от боли и пытаясь в клочковатой тьме разглядеть лицо Элейны. — Эти сокровища... их хватит, чтобы организовать спасательную экспедицию... вернуться сюда с солдатами... Но сейчас надо уходить.

Интересно, земля трясется или это только ему кажется из-за лихорадки?

Эта черная Африка с ее мертвечиной, с мерзкими болезнями, с ее уродливыми тварями и злобными духами — эта Африка проклята Господом.

* * *

Томпсон шел впереди, насторожив карабин, остальные, поддерживая друг друга, спешили за ним. Сначала по песку, по вывороченным корням прибрежного кустарника, потом — оскальзываясь в подсохшей грязи. Лилии исчезли, болото стянуло бурой коркой, сквозь которую кое-где торчали редкие пучки тростника и осоки. Ярко-синие стрекозы метались над ней, точно стайка обезумевших серафимов. Сухая слизь на тропе блестела, словно мутное стекло.

— Бум-м, — глухо звучало позади.

По корке подсохшей грязи побежали темные трещины.

Мэри взвизгнула:

— Это там, внизу. Они просыпаются.

— Кто?

— Они. Те, кто спит там... спал... Мы разбудили их.

— Черт! — Томпсон водил стволом карабина из стороны в сторону.

— Да, оттуда кто-то лезет. Водяной дьявол! Точно! Мы не подарили ему ничего по дороге сюда, вот он и разозлился.

— Это языческая чушь, — прошипел отец Игнасио, едва ворочая пересохшим языком.

— Нет! — настаивал Томпсон. — Говорю вам, я слышал такие истории. Бросьте же ему что-нибудь, пока он не потопил всех нас...

— Ни за что!

Плоская поверхность начала вспучиваться, в трещины заливалась мутная зеленая вода.

— Отец Игнасио!

Мэри в ужасе вцепилась в священника, и он не мог оттолкнуть ее, чтобы защититься крестным знаменем.

— Бросьте, мэм, эти ваши цапки! — кричал Томпсон. — Отдайте ему...

Вода вновь всосалась в болото с чавкающим звуком.

— Нет! — Элейна Аттертон судорожно прижимала к себе сумку. — Не это! Ричард ради них... нет!

— Хоть что-нибудь!

Что-то пронеслось в воздухе, сверкая, точно золотая муха, и пуль

ушло в липкую грязь, прежде чем отец Игнасио успел сказать хотя бы слово. Опять этот чавкающий звук, поверхность болота вздрогнула и застыла. Разлетевшиеся в испуге стрекозы вновь зависли над остриями осоки.

Леди Аттертон повернула к нему бледное лицо.

— Теперь вы проклянете меня, отец Игнасио? — спросила она с нервным смехом.

— Нет, — сказал он угрюмо, — что сделано, то сделано.

— Да, пожалуй, — она вздохнула, — помогите мне, Арчи.

Юноша протянул ей руку, помогая перебраться через рытвину... Мэри осторожно, мелкими шагами тоже двинулась вперед. Томпсон пропустил идущих, все еще настороже, карабин неподвижно лежал в его руках.

— Ну вот, — сказал он отцу Игнасио с короткой усмешкой, — как хорошо все уладилось, верно? Аттертона больше нет, и будь я проклят, если его вообще удастся найти.

— Всегда есть надежда. Элейна надеется.

— Уже нет. Видели, что она бросила туда, этой твари, чем бы та ни была?

Отец Игнасио молча покачал головой.

— Свое обручальное кольцо, — фыркнул Томпсон.

* * *

Деревья, сплошь затянутые паутиной, вновь остались позади. «Вот странное дело, — думал отец Игнасио, — мы не любим пауков, не любим и боимся. За то, что они раскидывают сети, за то, что эти сети — липкие, за то, что мухи, попадая в них, невыносимо жужжат и бьются... За то, что они высасывают свои жертвы, оставляя лишь сухие шкурки. За то, что у них восемь ног и полным-полно глаз по всему телу. А ведь они истребляют тех, кто несет нам лишь страдание — мух, москитов, ядовитых насекомых. Значит, нам противен именно внешний облик, повадка, *способ* убийства. Выходит, есть древние механизмы любви и ненависти — неуправляемые. И если бы у человечества вдруг появились благодетели, создания, раскрывающие перед нами некие новые, неведомые прежде двери, но чьи привычки и черты, чей *способ* жизни показался бы нам отвратителен... Как знать, не стали бы мы истреблять этих благодетелей, брезговать ими, сторониться их... стыдиться...»

Он вздрогнул и прервал свои раздумья, словно в них было нечто неприличное.

— Отец Игнасио, — окликнул его юноша, шедший следом, бледный и напряженный.

Он обернулся.

— Я хотел сказать вам... давно собирался... я восхищаюсь вами, отец Игнасио. Нет, правда. Вашим... терпением, вашим пониманием. Как, должно быть, прекрасно прожить такую жизнь — в которой нечего стыдиться.

«Он что, — подумал отец Игнасио, — нарочно? Не может быть...» Но в широко распахнутых глазах юноши читалась лишь трогательная доверчивость, открытость.

— А я... я еще не построил свою жизнь, а уже... о стольком сожалею. Это я виноват в том, что Аттертон... Я знал, что он не вернется, не сможет... И я не отказал, когда он просил, и...

— Где он сейчас, Арчи?

— Я не могу рассказать.

— Не хотите?

— Нет, просто не могу. Как можно рассказать о том, чего в нашем мире не существует? Это все равно что... рассказывать глухому о симфонии. Что здесь рояль, а здесь вступают скрипки, а контрапункт...

— Бетховен был глухим, — напомнил отец Игнасио. — А вы, когда вышли оттуда, говорили совершенно понятные вещи. Про сидевшую на троне женщину с головой рептилии. Про...

«Где же он врет, — мучительно гадал священник, — как узнать? Что-то ему показал дагор, это наверняка, что-то он видел сам... Как отличить одно от другого? Наверняка реальны только принесенные оттуда предметы. Вещи. Изделия. Их можно описать словами, их можно потрогать... Нет смысла гадать, я устал, надо бы устроить привал, пока мы не зашли глубоко в лес, и тогда...»

— Томпсон, — раздался удивленный звонкий голос Элейны. — Что вы делаете, Томпсон?

* * *

— Я вовсе не хочу вас убивать, — охотник стоял, чуть согнув ноги, поводя стволом карабина.

— Вы забрали все снаряжение, — спокойно заметил отец Игнасио. — Это и значит убить.

— Выберетесь — такое ваше счастье, — сказал Томпсон. — А теперь, — он обернулся к Арчи, — давай-ка сюда сумку. Положи ее вон туда и отойди.

— Томпсон, — сделал последнюю попытку отец Игнасио. — Полагаю, будет излишне напоминать, что алчность — смертный грех.

— Алчность, — Томпсон пожал плечами, — грех, что да, то да. Но человеческий грех. Ладно, Арчи, бросай сумку, а то и правда пристрелю.

— Но это... — жалобно проговорила Элейна, — ради этого Ричард...

Юноша вопросительно поглядел на священника, словно искал у него поддержки.

— Отдайте, Арчи, — кивнул отец Игнасио. — Томпсон зашел слишком далеко и теперь не отступится. Ему некуда отступать.

Томпсон растянул губы в улыбке.

— Верно. — Не выпуская карабина, он медленно нагнулся за сумкой. — Я тут дольше вас всех, за исключением вот его, — он кивнул в сторону отца Игнасио. — Я-то знаю: людские законы здесь не действуют. Потому что тут нет людей. Одни живые мертвецы. Уж такая это земля, она всех перекраивает на свой лад.

Проводник ухватил сумку за ремень и резко выпрямился. Затем затряс рукой, словно пытался сбросить что-то. И только потом закрычал.

От его руки отделилось что-то небольшое и бурое, как червячок — отделилось, пролетело по воздуху, упало в кусты.

Томпсон встал на колени, отбросил карабин и, выхватив висящий на поясе нож, полоснул себя по руке. Алая кровь брызнула вверх фонтаном, окропив листья низко нависшей ветки.

— Что это? — Мэри держалась за локоть отца Игнасио, ее рука ходила ходуном.

— Земляная змейка. Видимо, он прихватил ее вместе с ремнем сумки.

«Надо бы подойти к нему, — отрешенно подумал отец Игнасио, — я ведь врач. Это моя обязанность. Впрочем, чем тут поможешь? Он либо истечет кровью, либо погибнет от яда: укус земляной змейки смертелен».

Покачивая головой, священник извлек из тюка, валявшегося на земле, кусок полотна и подошел к охотнику.

— Протяните руку, Томпсон, — велел он, — я наложу жгут.

Одновременно ногой он поддел карабин и отшвырнул его в сторону.

Но Томпсон только тряс головой и пытался отползти в сторону. Скорее всего, он различал только смутные силуэты — яд земляной змейки в первую очередь поражает зрение. Нож он по-прежнему держал, выставив перед собой.

— Не подходите ко мне! — проводник выталкивал слова из пересохшего горла. — Не дотрагивайтесь до меня, нелюди! Это вы можете — натравить на человека змею! Будьте вы прокляты!

Отец Игнасио полез за пазуху за крестом, но Томпсон завизжал и забился еще сильнее.

— Нет! — Лицо его стремительно чернело. — Убери это! Убери!

— Но последнее причастие...

Томпсон продолжал вопить и делать неверные движения окровавленными синими руками, точно отталкивая что-то от себя. Ноги его скребли по земле, загребая палые листья.

Потом он затих.

Только тогда священник сумел приблизиться к нему. Он наклонился над лежащим и приподнял веко. Потом перекрестил тело и обернулся к остальным.

— Умер, — заключил он. — Я полагаю... Надо все же похоронить его по-христиански. Земля здесь мягкая. Вы справитесь, Арчи?

Молодой человек оторвал напряженный взгляд от лица покойного.

— Да, — сказал он, — да, конечно. Господи, до чего же жутко он выглядит!

— Это земляная змейка, — машинально ответил отец Игнасио. — Если она жалит — конец неизбежен...

— Да, — молодой человек нервно хихикнул. — До чего своевременно это случилось, верно?

— Не говорите так, — строго сказал отец Игнасио. — Хотя, впрочем... да, конечно. Интересно, можно ли это рассматривать как Божью кару?

Мэри отчаянно плакала. Отец Игнасио неуверенно потрепал ее по плечу.

— Все уже позади.

— Почему он сказал... — всхлипнула она.

— Что?

— Нелюди. Про то, что мы... Отец Игнасио, мне страшно.

Он на миг задумался.

— Мне тоже, моя дорогая. Мне тоже.

* * *

— *Fidélium Deus ómnium Cónditor et Redémptor, animábus famulórum famularumque tuárum remissionem cunctórum tribue peccatorum: ut indulgéntiam, quam semper optaverunt, piis supplicatió nibus consequéntur...*

Per omnia saecula saeculorum.

Сырой холмик, укрытый дерном, шаткий крест...

— Амен, — проговорил он, поднимаясь с колен.

Влажная ветка скользнула по его лицу — точно женские пальцы, и он вздрогнул от этого прикосновения.

— Отец Игнасио, — Мэри подняла к нему опухшее от слез, все в красных пятнах лицо.

— Да, дорогая?

— Я хочу... покаяться.

Он оглянулся на Арчи и Элейну. Они стояли, взявшись за руки, растерянные и неподвижные, точно дети, и сказал:

— Отойдем, дочь моя.

За огромным деревом, к которому он прислонился, она горячо прошептала:

— Это ведь Божья кара его постигла, да? Я тоже виновата. У меня были дурные мысли... плотские...

— Молись, — сказал он сурово.

Она глядела на него сухими отчаянными глазами.

— Как вы думаете, если бы ее здесь не было, он бы... посмотрел в мою сторону?

— Нет, — сказал священник. — Ты не ровня ему, Мэри. И ты — невеста Бога.

«И нехороша собой вдобавок». Этого он говорить не стал.

— Да. Да. И я хочу вернуться в монастырь.

— Человек слаб, — напомнил священник, — и лишь Господь дает ему силу. Ты права. В мире тебе нет места. Я напишу матери-настоятельнице. А сейчас иди с Богом, дочь моя.

— Спасибо, отец Игнасио, — она вытерла слезы и улыбнулась, — мне сразу стало легче... Я вела себя как дурочка, да?

— Обстоятельства, — сказал он, — сложились так, что искушение оказалось слишком сильным. И тебе надо быть сильной. Увы, нас ждут трудности. Без Томпсона нам придется нелегко.

— Он был скверным? — спросила она с надеждой.

«Так ей легче, — подумал он. — Томпсон был скверным человеком, и Бог покарал его, все правильно, все на своих местах».

— Худшее возобладаало в нем, — сказал он, — полагаю, в других обстоятельствах он вел бы себя достойно до самого конца.

Священник тихонько вздохнул. По крайней мере Томпсон был хотя и плохой, но человек.

— Выходит, — жалобно спросила она, — каждый прячет в себе зло? Даже я? Даже вы?

— Я не святой, — сухо сказал он. — Пойдем, девочка, здесь оста-

ваться нельзя. Надо уйти отсюда до темноты. Запах крови может привлечь хищников.

* * *

Арчи с карабином через плечо пробивал путь через заросли. Это давалось ему с большим трудом. Не то что Томпсону.

Теперь отец Игнасио шел позади всех, позади женщин, оскальзываясь и перебираясь через поросшие разноцветными грибами упавшие стволы.

Над головой смыкались темные листья. Его преследовало ощущение неотступного взгляда, от которого ломило затылок.

Шорох...

Мэри резко остановилась и обернулась к отцу Игнасио. Ее лицо выделялось на фоне сочной зелени, словно бледный древесный гриб.

— Кто-то идет за нами, не слышите? — она ухватила его за руку. Пальцы были сильные и горячие.

— Это наверху, — сказал он... — в ветвях...

— Нет! — она дрожала. — Это обезьяны. Гигантские обезьяны! Я знаю, я слышала, они крадут женщин!

Отец Игнасио обернулся. Листва смыкалась за их спиной, пятна света и тьмы, от которых рябит в глазах, качающиеся тени, ничего...

— Ерунда, — сказал он, — охотники любят рассказывать всякие ужасы, чтобы набить себе цену. А туземцы этих обезьян не боятся. Их даже встретить и то трудно.

Огромные стволы деревьев обступали крохотную поляну, а кустарник вокруг был таким густым, что ни одна тварь не проломилась бы сквозь него бесшумно.

— Остановимся здесь. — Он скинул с плеч пожитки. — Скоро стемнеет. А тут можно разжечь костер. Звери боятся огня.

— А если это люди? — прошептала Мэри.

— Тогда нам не поможет ничто.

Но Мэри продолжала стоять, вздрагивая всем телом и озираясь по сторонам. Она и сама сейчас напоминала испуганное животное.

— Гляди, Мэри, гляди!

Гигантская бабочка кружилась над ладонью Арчи, потом села, складывая и вновь расправляя тусклые надкрылья.

— Она тебе подмигивает.

На нижних крыльях насекомого, ярко алых, то проступали, то исчезали два ярких синих глаза.

— Ох! — восхищенно произнесла Мэри.

— Это совка, — проговорил отец Игнасио, борясь с подступающей к горлу тошнотой. — Мота, гм... аггірра gigas, гигантская совка...

— Она вам не нравится, отец Игнасио? — с удивлением спросила Мэри. — Такая красивая!

— Не люблю насекомых. Даже бабочек. Кстати, туземцы ее тоже не жалуют. Это из-за вот этих пятнышек на верхних крыльях, похожих на черепа, видите? Считается, это душа мертвеца, она следует за теми, кто принял ее последний вздох...

— Томпсон! — в ужасе воскликнула Мэри.

Бабочка спорхнула с руки молодого человека, двумя ленивыми взмахами крыльев пересекла поляну и, ныряя в пятна света и тени, поплыла прочь...

— Это Томпсон, я знаю... Он идет за нами... это он... Мы его похоронили, а он следует за нами! Зачем, Арчи, зачем!

— Мэри, это же просто бабочка! Я только хотел тебя порадовать! Мэри плакала, закрыв лицо руками.

* * *

«Еще час, — думал он, — ну полтора, и Арчи его сменит, и можно будет наконец поспать». В голове кто-то бил в медный котел. Бум... бум...

Кровь, это кровь шумит в ушах. Вечный шум, приливы и отливы, повинующиеся толчкам аорты. Систола-диастола, систола-диастола... Предсердие, желудочек... предсердие, желудочек...

Кровь, отравленная лихорадкой.

Она несет свой яд к почкам, печени, легким, сонной артерии — и дальше, дальше, в мозг, в большие полушария, и серое вещество, пропитанное ядом, уступает власть древним как мир структурам, которые только и ждут, чтобы взять верх, плодить чудовищ, населять ими мир, полный тьмы, шорохов, ночных звуков, первобытной торжествующей слизи.

Глаза.

Повсюду, среди ветвей, мерцающие зеленоватые огоньки.

«Ночные бабочки, — подумал он, — у них большие глаза. Большие глаза у маленьких тварей. Это они скопились повсюду, ползают по шершавым стволам, среди листвы, смотрят на него.

Бедные, глупые женщины, они боятся обезьян. Они боятся, что придут гориллы и уташат в лес, в свои гнезда, чтобы там, в гнездах, творить непотребное. Только маленький женский мозг, изъеденный

тщеславием, может измыслить такую чушь. Это мертвецы идут за ними следом, распространяя повсюду гниlostный и влажный запах земли, темные мертвецы с белыми глазами, надо было убить Мгеле, черного старика, это его рук дело, он пробрался в миссию, посланец чужих, враждебных сил, ненавидящих моего Бога, человекоядных сил, идолов, демонов, гнилых божков гнилой земли, он призвал дагора и вызвал из болот черных мертвецов с белыми глазами».

— Отец Игнасио, отец Игнасио! Очнитесь.

Он, всхлипывая, разомкнул слипшиеся веки.

— Вот почему, — пробормотал он, — вот почему Господь оставил нас. Человек обречен. В каждом из нас, в каждом — смерть, ужас... везде, повсюду...

— Отец Игнасио! — Арчи присел рядом с ним на корточки, заглядывая ему в лицо. — Это лихорадка, это просто лихорадка. Вам надо отдохнуть.

— Да, — согласился он, — я, пожалуй, пойду лягу.

Он двинулся к своему ложу из веток, потом остановился.

— Глаза. Вы не видели глаз?

— Нет, — мягко повторил юноша, — это все лихорадка.

Отец Игнасио потряс головой, близоруко вглядываясь в полумрак. Систола-диастола. Систола-диастола.

— Что вас разбудило, Арчи? — спросил он.

— Не знаю, — молодой человек пожал плечами. — Вы вроде как вскрикнули. Или нет, не потому, это уже потом. Просто стало тревожно.

— Вы правы, — он поглядел туда, где спали женщины. Нет, не спали. Во всяком случае, одна из них. — Элейны нет.

* * *

— Это я виноват, — сокрушенно твердил Арчи.

Лицо его заливали слезы.

— Я должен был бодрствовать всю ночь. А вместо этого я позволил вам в лихорадке нести вахту.

— Виноваты мы оба, Арчи.

Отец Игнасио охрип. Остаток ночи они кричали, звали, размахивали факелами, развели огромный костер — вон, листва на ближайших деревьях побурела от жара.

— Элейна, — бормотал Арчи, сжимая и разжимая пальцы. — Боже мой, Элейна... Ведь она могла просто отойти, ну, по надобности? Заблудиться.

— Она бы вышла к костру. Его видно издалека.

— Упасть, сломать ногу...

— Она звала бы на помощь. Нет, боюсь, увы, это какой-то крупный хищник. Из тех, что прыгают с дерева, сверху, и убивают одним ударом.

«Мы не там ищем. Дупла, расщелины, развилки веток — вот куда надо смотреть». Он представил белую окровавленную руку, свешивающуюся вниз, мертвое лицо, полускрытое листьями, остановившиеся глаза...

— Это они... — вдруг сказала Мэри. — Те, кто шел за нами.

— Обезьяны? — недоверчиво переспросил священник.

— Да! — истерически крикнула Мэри. — Обезьяны! Я их видела. Большие, черные. И у них такие страшные белые глаза. Это они забрали Элейну! Я боюсь, боюсь...

Она расплакалась.

— Ну, полно, — отец Игнасио обнял ее за плечи, — тебе померещилось.

— Нет, нет! Они шли за нами все время. Я видела их, видела, видела!

— Почему же раньше не сказала?

— Вы все мне не верите. Даже сейчас. Этот страшный Томпсон, он смеялся надо мной. Все вы смеялись!

— Что ты, Мэри, — мягко сказал юноша, — я никогда не смеялся.

— И ты тоже! — она всхлипывала, бледное лицо пошло красными пятнами. — Ты тоже! Я хочу домой, отец Игнасио, я хочу обратно в монастырь, мне страшно, я не хочу здесь...

— Э, — сказал священник, — да у нее истерика.

Он, кряхтя, наклонился и извлек из груди пожитков флягу.

— На вот, выпей.

Мэри глотнула и закашлялась. По ее щекам текли слезы.

— Не уйду отсюда, — Арчи покачал головой. Его платье было изорвано, руки и лицо исцарапаны ветками. — Она, может быть, еще жива, ранена, оглушена...

— Может быть, — устало согласился священник.

Таким мы рисуем себе рай. Буйная зелень, пятна света и тени, игры птиц в ветвях, дочеловеческий, пышный, невинный... На самом деле это ад. Он пожирает сам себя, непрерывное, бесконечное поглощение и возрождение из гнили, словно живая материя распадается на червей и насекомых и собирается вновь, чтобы слепить сидящую меж ветвей пантеру.

Мир, где нет постоянства.

— О чем вы думаете, отец Игнасио? — молодой человек с беспокойством заглянул ему в лицо.

— О муравьях.

— Что?

— Я думаю о муравьях, — тихо сказал священник, указав взглядом на непрерывный ручеек насекомых, скользящих вниз по стволу. — Они знают, где что лежит.

— Вы хотите сказать... — молодой человек сглотнул.

— Идем, — отец Игнасио поднялся, борясь с головокружением, — идем...

— Нет, — Мэри тоже вскочила, но лишь для того, чтобы отшатнуться и прижаться спиной к ближайшему стволу. — Я не хочу.

— Ничего не поделаешь, девочка. Мы должны держаться вместе. Идем.

Ручеек муравьев стекал со ствола в ближайшие кусты, переливался через вывороченные корни и тек дальше. Спинки поблескивали на солнце.

Они прошли не так уж много.

Живой ручей нырнул в зелень и пропал там, словно вода утекла под землю.

— Нет, — с облегчением сказал Арчи, — это не то...

Отец Игнасио сделал еще шаг, ощупывая посохом землю под ногами. Отбросил пышную зеленую ветку.

Посох ушел ниже.

Отец Игнасио присел на корточки и заглянул.

— Яма, — сказал он, — яма. Старая ловушка, окровавленные колья на дне. Присыпано ветками. Не подходите, Арчи. Полагаю, вам не надо туда смотреть.

* * *

— Муравьи, — Арчи стоял на коленях, разбрасывая ветви. — Боже мой, она вся облеплена муравьями. Элейна! Элейна, о Господи.

— Фуражиры, да. Послушайте, Арчи, мы похороним ее, и она будет для них недоступна.

«Зато доступна для червей. Тут, в лесу, это происходит быстро. В этой земле все происходит быстро».

Мэри истерически расхохоталась.

— Даже не надо копать могилу, — выговорила она сквозь смех и слезы, — поглядите, отец Игнасио, она уже в яме! Уже в яме!

Он с размаху ударил ее ладонью по щеке. Она умолкла на полуслове. По щеке расплзлось красное пятно.

Молодой человек уже стоял на дне ямы, держал в ладонях голову женщины, прижимая к себе, баюкая.

Отец Игнасио присел на корточки и вытянул руки ладонями вперед.
— Помогите мне, Арчи.

Юноша осторожно протянул ему свою ношу. Он бережно принял ее и уложил на траву. Присев на корточки, осмотрел тело. Мертвые глаза прикрыты, лишь меж веками виднеется белая полоска. Белокурый висок покрыт темной спекшейся кровью.

Ночью в темноте она вполне могла оступиться и упасть в яму. А там торчащий кол, и височная кость такая хрупкая...

Он перевесился через край ямы, протянул Арчи руку, помогая выбраться. На засохших кольях гнили черные ошметки, вокруг кружились мухи...

— Какая... — Арчи не сводил глаз с бледного запрокинутого лица, — какая ужасная смерть. Элейна, Боже мой, Элейна! Страшная, нелепая случайность.

— Да, — согласился отец Игнасио, — страшная, нелепая случайность.

Над головой равнодушно шумели деревья.

Мэри заплакала.

— Теперь моя очередь, отец Игнасио, я знаю. Оно зовет меня, я слышу, я слышу, я же видела, видела, черное с белыми глазами. Оно идет за нами. И я знаю, знаю, кто это.

— Кто же? — он многозначительно поглядел на Арчи.

— Томпсон! — выдохнула она.

— Но мы же его похоронили, — отец Игнасио вздохнул. — Я сам его хоронил.

— Он выбрался и идет за нами!

— О нет. Он был мертв. Тут нельзя ошибиться.

— Отец Игнасио, — Арчи замялся на миг, — но ведь... они умеют оживлять мертвых. Я знаю, я слышал легенды. Да и вы тоже.

— Черных, да. Язычников. А он белый. Христианин.

— Но он не принял причастия.

— Да, — согласился отец Игнасио, — он не принял причастия. Но зачем, во имя всего святого, зачем мертвецу преследовать нас?

Молодой человек сложил руки у рта, крикнул:

— Томпсон!

Тихо...

— Я не верю, — отец Игнасио торопливо перекрестился. — Это языческие выдумки. Давайте похороним ее по-христиански, друг мой, и уйдем отсюда.

— Но...

— Она мертва, говорю вам. Оставьте ее.

— Я только срежу прядь волос.

— Воля ваша. Бедное дитя. Укройте ей лицо, Арчи.

* * *

Он глядел, как Арчи, стоя на коленях, осторожно выкладывает могильный холмик ветками, кусками коры, камнями...

— А если она выкопается и пойдет за нами, лицо изъедено муравьями, как вы думаете, он будет ее любить? — прошептала Мэри в ухо священнику.

— Господь с тобой, девочка, что ты говоришь?

Глаза блестят сухим нехорошим блеском, искусанные губы распухли. Бедняжка, похоже, подвинулась умом. А ведь ее так рекомендовала настоятельница. Разумная, рассудительная, крепкая девушка, и верой крепкая, и телом, как раз то, что нужно. Вдобавок нехороша собой, а значит, всю себя отдаст благородному делу... Разумная женщина эта настоятельница. Но она ошиблась. Мэри не для мира. Мэри — для монастыря, где нет соблазнов. Слишком сильна в ней кровь ее матери. Гнилая кровь.

* * *

Днем они наткнулись на мертвого оленка.

Животное размером чуть больше кролика лежало во мху, раскинув крохотные копытца. Тушка была еще теплой.

— Отчего он умер? — Арчи нагнулся рядом с отцом Игнасио, который посохом перевернул животное.

— От зубов, — кончик посоха уперся в порванную шею, где шерстка намочена от крови. — Должно быть, мы спугнули какого-то хищника, и он предпочел убежать, бросив добычу. Обычно они втаскивают ее на дерево. Очень кстати, должен сказать. Первый раз нам попалось что-то крупнее мыши.

— Да. Вы знаете, я раньше думал, такой лес должен кишеть животными, как в книжках для мальчиков. А он пустой. Мы даже не смогли никого подстрелить — просто потому, что никого нет. Пустой лес, правда, странно?

Это в книжках для мальчиков пишется о рае на земле. Рая для

мальчиков, рае, где можно стрелять и бороться с нестрашными опасностями, взрослеть без драм, без вины, превращаясь в сильных мужчин. А это не рай. Это земля для таких, как он, таких, как мы, земля для потерянных душ, для отверженных, для тех, кто умирает без покаяния.

Он пожал плечами.

— Здесь все боятся. Животные боятся человека, боятся друг друга. Вполне естественно. Вот, гляди.

Он пошевелил тушку посохом.

— У него клыки! — изумленно сказал Арчи.

— Да. Он тоже пожирал чью-то плоть. Хищный олень — странный зверек, слышали о таком? Туземцы говорят, он вдобавок умеет лазить по деревьям. Послушайте, Арчи, надо забрать мясо. Здесь его разделять нельзя, зверь может вернуться.

— Какой зверь?

— Скорее всего, крупная кошка. Обычно они очень осторожны, но голод может пересилить. Если мы отойдем подальше, а там разложим костер... у нас наконец-то будет еда. Взвалите его на шею, Арчи, так будет удобней.

— Но он весь в крови!

— Ну, так оботрите его листьями. Идемте, Арчи, это добрый знак. Быть может, нам все-таки удастся выйти к людям.

— Мы просто обязаны, отец Игнасио, — юноша повернул к нему голову, на губах его скользнула дрожащая улыбка, — ради... ради нее. Она бы хотела, чтобы люди узнали — о ней и об Аттертоне. О затерянном городе.

— Да, — механически повторил священник, — о затерянном городе. Осторожней, Арчи, вы пачкаете воротник кровью.

* * *

— Тебе надо подкрепиться, — сказал он.

Жареный оленек пах восхитительно. На золотистом мясе пузырился и шипел розовый сок.

Мэри лишь помотала головой. Зубы ее были так плотно стиснуты, что, казалось, верхняя челюсть срослась с нижней.

— Еще немного — и мы выйдем к людям. Здесь где-то неподалеку должна быть бельгийская миссия.

— Мэри, — сказал молодой человек, нагибаясь к ней, — Мэри. Тебе надо лишь немного потерпеть, но для этого требуются силы.

В руке он держал кусок мяса, насаженный на палочку.

Она оттолкнула его, глядя исподлобья лихорадочно блестевшими глазами.

Был закат, и стволы деревьев окрасились алым, пламя костра растворялось в нем, языки огня сновали, словно бледные призраки. Вокруг разливалось золотистое жужжание насекомых.

— Этот лес похож на храм, — сказал молодой человек, — деревья — словно колонны, подпирающие небо, бабочки — словно драгоценные камни на алтаре.

— Но он выстроен не для нас, — отец Игнасио прожевал кусок мяса. — Это храм ложных богов. Недаром, когда человек приходит сюда, он строит свои храмы. Разве леопард способен смотреть в небо?

— А разве нет? Кто знает?

Одна из бабочек, крупная, темная, отделилась от стаи и скользнула к ним. Присев на ствол, она раскрыла темные надкрылья, распахнув подкладку, с которой смотрели два ярких синих глаза.

Мэри взвизгнула и вскочила.

— Это он, он! — она билась в руках отца Игнасио, пытавшегося ее удержать, точно пойманная рыбка. — Он следит за нами, все время следит! Он, Томпсон.

— Но, Мэри, это же просто бабочка... Их здесь много. То была одна, сейчас — другая.

— Нет, нет... — она всхлипывала, мотая головой. — Это он, он... Он теперь повелитель мертвецов, всех мертвецов этого леса, всех утонувших в болотах, всех, кто ищет себе пару, чтобы лежать вместе в темной-темной яме...

— Может быть... — Арчи неуверенно покачал головой, — все-таки туземцы? Маленькие люди, знаете, такие маленькие люди, люди леса. Они бояться показываться на глаза, прячутся в кустарниках, в зарослях... Говорят, они ужасно уродливы. У них вздутые животы. Они чернят себе зубы.

— И они утащили Элейну и бросили ее в яму? — усомнился отец Игнасио. — Зачем? Зачем им преследовать нас?

— Она чужая. Она красивая. Она белая. Не знаю.

Мэри словно истощила свои силы этой внезапной вспышкой. Она сидела на земле, закрыв лицо руками и тихонько всхлипывая.

— Мне страшно, — шептала она, сквозь прижатые к губам ладони, — мне страшно...

Отец Игнасио вздохнул. Все происходящее казалось каким-то нереальным, смерть Элейны — всего лишь одним из вариантов, мором...

— Рано или поздно, — выдавил он пересохшим горлом, — лес должен кончиться.

— А там... — Арчи поглядел на него своими прозрачными глазами, — хижины и возделанные поля, и города. Господь свидетель, города, огромные белые города у моря, там сотни людей... тысячи... и все улыбаются, и все живут так, словно никакого страшного леса нет и в помине, а есть только их земля, их вода, женщины под кружевными зонтиками, цветы в петлицах...

Мэри отняла ладони от лица. Нервное напряжение очертило ей скулы, сейчас она казалась почти красивой.

— Я теперь ненавижу цветы, — она покачала головой, — ненавижу деревья.

— Ты их полюбишь. Там они безобидные, — он повернулся к священнику. — Отдыхайте, отец Игнасио, — сказал он твердо. — На этот раз я не поддамся слабости. Никакой слабости. Я не допущу, чтобы это повторилось.

Священник неуверенно взглянул на него.

— Мы должны дойти. Должны. Но для этого нам надо беречь силы. Отдыхайте.

«Быть стариком, — думал отец Игнасио, — мерзко, унижительно. И еще эта ужасная изматывающая лихорадка. Мне следовало поступить так, как сделал тот, черный — отпустить их, а самому остаться здесь. У него хватило мужества, у меня нет. Как тогда, Господи, как тогда — а я-то думал, это больше не повторится».

Проваливаясь в забывчивость, он слышал тихий шепот, словно шелест листвы над головой складывался в слова, словно кровь, пульсирующая у него в сосудах...

...и холодная вода в сифонах, и мороженое, и свежеевыпеченный хлеб, и всякая другая снедь. Булочки, булочки в корзинах, и яблоки, и пушистые персики, и полосатые занавески, хлопающие на ветру...

* * *

Он вскочил, протирая глаза: сквозь листву просачивались золотистые утренние лучи.

Какой чудесный сон ему снился!

Золотистый, как это солнце.

Все были живы, все было прекрасно. Аттертон рассказывал о сокровищах древнего могущественного народа, Элейна смеялась, белая рука у розовых губ. Какая прекрасная женщина! И, что удивительно, Мэри была счастлива тоже. Все счастливы.

Пробуждение было как прыжок в темную воду.

Он в смятении оглядывался по сторонам, нет, ничего не изменилось, Мэри здесь, сидит у прогоревшего костра, руки охватили плечи, словно ей холодно, в такую-то жару. Арчи с деловитым видом выжимает в миску какое-то мясистое растение.

Он поднял глаза на отца Игнасио и улыбнулся.

— У нас будет вода.

— Я... сколько я проспал?

— Двенадцать часов, так примерно.

— Двенадцать часов!

— Мы не хотели вас будить. Вам требовался отдых. Незачем волноваться, отец Игнасио, все в порядке, вы же видите.

— В порядке? — он крутил головой, озираясь. Мэри глядела на него мутными сонными глазами, но она была здесь, на месте, с ней ничего не случилось, слава Богу, слава Богу. — Да, в порядке.

— И ничего странного? Ничего опасного?

— Ничего. Ну, а теперь, когда вы отдохнули, надо подкрепиться и идти дальше, верно ведь? Осталось еще немного мяса.

— Я не хочу есть. — Отец Игнасио и впрямь чувствовал непривычную легкость, словно был наполнен воздухом и солнечным светом.

— Зря. — Юноша протянул ему насаженный на палочку бок оленька: хрупкий часток ребер, обтянутый пленкой мяса. Отцу Игнасио ничего не оставалось, как принять его. Уже откусив первый кусок, он понял, что сделал ошибку: один лишь вид мяса заставил желудок в изобилии выделять пищеварительный сок. Его замутило.

— Вот, — Арчи протянул ему миску, — выпейте.

— Вы уверены, что это безопасно? — В миске плескалась беледая мутноватая жидкость. Многие здешние растения содержат алкалоиды.

— Я уже пил такое сегодня утром. И я, и Мэри.

Он глотнул. Горьковатый сок освежал и возвращал чудесное ощущение наполненности солнечным светом и воздухом. Отец Игнасио с облегчением перевел дух и улыбнулся Мэри. Она не ответила ему улыбкой. Сидела все так же, разве что руки ее теперь были сложены на коленях. Некрасивые руки девушки из народа с широковатыми пальцами лопаточкой.

«Какая она... твердая», — неожиданно подумалось ему.

И словно отвечая его мыслям, она сказала чужим спокойным голосом:

— Арчи, отойди. Я хочу поговорить с отцом Игнасио.

— Мэри! — молодой человек неуверенно взглянул на нее. — Быть может, лучше я?

— Нет, я должна. Отойди, Арчи.

— Я буду поблизости, Мэри, — сказал молодой человек. — Тебе стоит только позвать.

Он сидел съехившись, наблюдая, как Арчи движется в луче света, полотняная рубашка словно отбрасывает сияние на темные стволы.

— Я не вернусь в монастырь, отец Игнасио, — произнесла Мэри.

* * *

— Вы говорили про любовь, отец Игнасио. Вы лгали. Вы не знаете, что это такое. Ваша любовь — обман. Это от слабости, от бессилия. Как я могла поверить вам, поверить им, этим ужасным женщинам, не знавшим любви. Только теперь, отец Игнасио, только теперь. Я...

— Ты хочешь сказать, — отец Игнасио рассматривал свои пальцы, — что ты полюбила этого юношу, и он полюбил тебя, и ты познала настоящую любовь, и теперь хочешь уйти в мир и жить с ним как жена с мужем, так?

— Да, — коротко кивнула Мэри.

Он искоса поглядел на нее. Сильная женщина, дочь трущоб, привыкшая к грубой работе...

— Вчера ночью, — напомнил он, — погибла женщина.

— Это лес, — сказала она, — морок. Здесь легко умереть. Мы выйдем отсюда, и все закончится. Он будет вспоминать о ней... иногда. Пусть.

— Смерть нельзя отменить, — сказал он. — Он любил ее, и она погибла. Кто убил ее, Мэри?

— Что?

Боже мой, какие у нее сильные руки! Какие крепкие, широкие плечи.

— Ну, — сказал он, — выглядело все так, будто она упала сама. То есть поскольку даже леди иногда приходится отлучаться по надобности... а ловушка замаскирована ветками... Но у нее были синяки на шее. Следы чьих-то пальцев. Кто-то швырнул ее туда, Мэри. Со злобой, с силой. Кто?

Она больше не сидела неподвижно. Она вскочила. Крепкая, коренная женщина, способная вытащить человека из горящего госпитального барака.

— Вы думаете... я? Нет!

— В самом деле? — кротко спросил он. — Багровые следы, а шея у нее такая белая. Я бредил в лихорадке, а Арчи спал, так, Мэри? Он не видел, как ты поднялась и пошла за ней.

— Нет! Нет! — она выталкивала слова сквозь стиснутые зубы. — Я спала! Я ничего не слышала! Это они, они!

— Ну да, — он отвел глаза, потому что смотреть на нее было невыносимо. — Маленькие люди, да? Или большие люди с белыми глазами? Покойники с болот? Обезьяны? — каждый раз он тихо качал головой, словно опровергая собственные слова. — Я не верю в них, Мэри. Злу вовсе не надо принимать чье-то обличье, чтобы ударить исподтишка.

Теперь она дрожала всем телом. «Оленек, — подумал он, — маленькое, хрупкое создание, разве что из пасти торчат клыки, будто у хищного зверя. Интересно, чем питаются эти оленьки? Мышами? Водяными крысами? Кем-то еще более беззащитным, более слабым, кем-то, у кого нет клыков или есть, но совсем маленькие».

— Я видела их, видела, отец Игнасио, клянусь, они шли за нами, идут за нами, черные, страшные, это они, они!

— Никто не видел их, кроме тебя, Мэри. Только ты.

— Богом клянусь!

— Не клянись Богом, Мэри, — он поднялся на ноги. Она была немногим ниже его. Он что же, умалился за время странствий по лесу?

— Больше — нет. А теперь слушай. Ты пойдешь со мной. Вернешься в монастырь. Я напишу письмо настоятельнице. И это все, что я могу для тебя сделать.

— Но я...

— А теперь ступай. Позови Арчи. И замкни свои уста, слышишь, ты... просто скажи ему: пора собираться.

Она побежала к деревьям на краю поляны, оглядываясь через плечо. Он покачал головой и, наклонившись, стал разбирать скудные пожитки.

* * *

— Мы скоро выйдем из леса, — сказал молодой человек. — Я чувствую.

— Надеюсь, — отец Игнасио покачал головой. Особых изменений он не видел, впрочем... — вон там, да.

— Заросшая вырубка. Какое... какое облегчение, отец Игнасио, этот кошмар позади, и мы... — голос его упал до шепота. — Отец, что вы сказали Мэри? Она больше не хочет со мной говорить. И мне не нравится, как она смотрит.

— Я сказал ей, что она вернется со мной в монастырь, — сухо изрек отец Игнасио. — И прошу вас больше не говорить об этом. Ни с ней. Ни со мной.

— Но я только...

— Я не желаю это обсуждать, Арчи.

— Но я обязан. Она...

Юноша обернулся к Мэри, и на его лице, точно в зеркале, отразился чужой ужас.

Мэри открыла рот. Она пыталась крикнуть, но изо рта ее вырывались только бессмысленные кудахчущие звуки. Дрожащей рукой она указывала куда-то вперед, туда, где за вырубкой, поросшей желтыми цветами, раскачивались ветви.

— Мэри! — молодой человек повернулся к ней, схватил за плечи. — Мэри!

Она молчала, оседая в его руках, точно фигурка из воска, зрачки ушли под лоб, видны были лишь закотившиеся белки.

— Мэри, что там? Что ты увидела?

Она тоненько взвизгнула и лишилась чувств. Отец Игнасио с ужасом увидел, как на юбке ее расплывается мокрое пятно.

— Мэри!

Арчи положил ее, ставшую неожиданно тяжелой, на землю и снял с плеча карабин. Отец Игнасио следил за вороненым стволом — право-лево, право-лево.

Систола-диастола, систола-диастола.

— Ты слышал что-нибудь? — спросил он Арчи шепотом.

Тот покачал головой.

— Ничего. Только бабочки.

— Бабочки...

Он всматривался в переплетение ветвей: пятна, пятна... некоторые двигаются, некоторые нет... мессмерическое движение пятен, от которого кружится голова. Теплый хаос, откуда прорастает безумие.

— Нет. Ничего. Что ты видела, Мэри? Мэри! Что с ней, отец Игнасио, что с ней?

— Она мертва, — медленно сказал отец Игнасио, склонившись над девушкой.

— Мертва? Но как же? Почему?

Отец Игнасио поднял голову и поглядел в лицо молодому человеку выцветшими глазами в ободках воспаленных век.

— От страха, я полагаю, — сказал он.

* * *

Арчи опустил на корточки и протянул было дрожащие пальцы к бледному лицу, но отец Игнасио оттолкнул его с такой яростью, словно прикосновение этих пальцев несло с собой опасность. Они так и сидели рядом молча, а солнце все ползло по небу, невидимое сквозь кроны, и лишь свет вокруг менялся с золотистого на розовый, а потом на багряный.

Отец Игнасио поймал себя на том, что гладит высохшей узловатой рукой лежащую у него на коленях растрепанную голову.

— Бедная, — сказал он тихо, — бедная девочка.

Арчи пошевелился. Заходящее солнце било ему в спину, и светлые волосы, казалось, были обведены огненным ореолом.

— Кого она увидела, как вы думаете? — жалобно спросил он.

— Себя, — ответил отец Игнасио, — тебя. Нас.

— Вы хотите сказать, за нами никто не шел? Никто нас не преследовал?

— Никто. Только мы. Только мы одни.

Отец Игнасио помолчал.

— Дагор, — сказал он наконец, — демон, которого боятся туземцы. Та тварь, которая росла у вас на груди. Кстати, Арчи, вы опять наглухо застегиваете куртку. Почему?

— Отец Игнасио, не думаете же вы...

— Всего лишь придаток. Почка. Ее можно убрать, и она отрастает вновь.

— Я человек, отец Игнасио, — спокойно сказал юноша. — Такой же, как вы.

— Такой же, как я? Нет. Вы и есть дагор, Арчи. То самое чудовище, которое сопровождало нас всю дорогу. Зачем вы пришли в миссию, Арчи? Не будь вас, мы были бы чисты. Лечили бы туземцев, несли им слово Божье. А вы бросили нас в топку адских страстей, вы играли на струнах похоти, алчности, гордыни... Вы к каждому подбирали свой ключ. Вы истребляли нас по одному.

— Томпсона укусила змея, — напомнил Арчи.

— Ну да. Вы властны даже над малыми тварями лесными. И еще — кто на самом деле убил Элейну, Арчи? Мэри? Или все-таки вы?

— Я любил ее, — тихо сказал юноша.

— И Мэри тоже? — горько спросил священник. — Вам стоило лишь поманить ее пальцем, и она пошла с вами. Что такое вы показали Аттертону, что заставило его бросить все, бросить молодую жену, славу, доброе имя и уйти навсегда. Откуда у вас такая власть? Дьявольская власть.

— Я дал ему счастье, — сказал Арчи мягко. — Я открыл перед ним двери.

— Эти двери ведут в преисподнюю, — сказал священник. — Четыре человека, Арчи, четверо — отданных на растерзание демону, умерших без покаяния. А сколько их было до этого? До того, как вы, умирая от истощения, добрались до миссии? Но я положу этому конец, Арчи.

Он осторожно снял голову девушки со своих колен и встал.

— Не хватайтесь за ваш карабин, Арчи. Он разряжен. Я разрядил его еще там, у костра. А это, — добавил он, извлекая из побуревшей потрепанной рясы блестящий предмет, — это пистолет Аттертона.

— Отец Игнасио, — юноша тоже вскочил, его детские губы дрогнули. — Убийство — тоже грех.

— Значит, это тот грех, который вы приготовили именно для меня. Я возьму его на душу.

Выстрел, ударивший в грудь Арчи, сотряс и его тело, Арчи пошатнулся и упал на колени, алое пятно спереди на рубаше стало расплываться, расплываться...

— Вы... не понимаете, отец Игнасио, — выталкивал он толчками вместе с кровью. — Вы... это чудо, вели... чественное чудо... обладание... покой... золотистый... по... Я не... одинок... никогда... а она... вечный брак... вечный... и нет вины... понимаете?

— Нет, — сказал отец Игнасио.

Белая, залитая кровью и лучами заходящего солнца фигура сложилась пополам, точно карманный нож, и уткнулась головой в траву.

Отец Игнасио постоял над ним, потом взял за руки и, кряхтя, перетаскивал туда, где лежала Мэри. Положил их бок о бок, точно двух больших кукол, и выпрямился.

Лес за его спиной вспыхнул алым и золотым — стайка попугаев, щебеча, уселась на ближайшем дереве и наблюдала, как отец Игнасио, взяв иззубренный топорик, отвалил первый пласт лесной подстилки.

* * *

В синих, вымытых добела солнцем, ветром и морем портовых городах есть места, темные, липкие, грубые места, куда не решаются заглядывать люди, которым есть что терять.

Но молодой человек, спустившийся по ступенькам, нагнул голову и шагнул в дверной проем.

— Хозяин сказал, что у вас есть что-то для меня, — начал он, ста-

раясь не обращать внимания на густой жирный запах, казалось, липнувший к его полотняному платью.

Он был младшим сыном достойного семейства, и его только что услали в колонию из-за нежелательной любви. Он хотел вернуться назад в блеске богатства и славы, а на этой земле и то, и другое еще было доступно — впрочем, как и смерть от лихорадки или укуса ядовитого насекомого. Но он был юн, отважен и великодушен. А потому готов терпеть лишения и опасности.

Но здесь он не обнаружил никакой опасности — просто грязный подвал и человек на грязной подстилке, фитиль лампы дергался и коптил, в одно-единственное грязное узкое окошко под потолком билась огромная бабочка.

— Затерянный город? — молодой человек недоверчиво покачал головой.

Его было не так просто обмануть, он получил хорошее образование, и перед тем как оказаться здесь, читал записки путешественников и листал подшивки старых газет в местном клубе, у окна, выходящего на залив, где качались белые мачты.

— Записки лорда Аттертона, — сказал тот, что сидел на матрасе, — они у меня. Карта, рисунки, наброски...

— Но экспедиция Аттертона погибла, — молодой человек недоверчиво покачал головой. — Никто не вернулся.

— Один вернулся. Он принес вот это.

На узловатой ладони лежала статуэтка женщины с жабьей головой. Вставные глаза из желтых камней смотрели в потолок.

— Никогда такого не видел, — сказал молодой человек после долгого молчания. — Значит, затерянный город все-таки существует?

— Затерянный город существует, — подтвердил собеседник. Только теперь молодой человек разглядел, что он очень стар. — Арки над водой, храмы, в которых содержится нечто, недоступное человеку... Прекрасный, величественный город, а там, внутри, в золоте и блеске еще нечто более прекрасное, более величественное... Но туда не пройти одному.

— Нет? — молодой человек пожал плечами. Он и не собирался идти один, у него был слуга, тихий, спокойный, выносливый человек, и он собирался нанять туземных носильщиков, и охотника...

— Вам нужен проводник.

— Но если есть записная книжка... и карта... Сколько вы просите за них?

— Они останутся у меня. Я позволю вам их скопировать, но они

останутся у меня. Тем более, они вам не помогут. Вам нужен кто-то, кто поведет вас туда.

— Вы? — молодой человек недоверчиво покачал головой. — Но вы... извините, но...

Он говорил обиняками, испытывая неловкость, свойственную молодым, здоровым людям, для которых старость — просто скверная неизлечимая болезнь вроде проказы.

— Нет, не я. Но я могу вам помочь. Подойдите ко мне. Нет, еще ближе.

Хозяин притона услышал за дверью приглушенный шум, короткий вскрик, звук падения.

Он лишь пожал плечами.

Здесь творилось и не такое. Через черный ход притона не раз глубокой ночью двое, сторбившись, уносили третьего, чтобы бросить его в воды залива, а этот... поскольку такое повторялось уже не раз, он знал, что юноша вскоре встанет и выйдет, впрочем, он будет необычно бледен и выйдет он пошатываясь, со счастливым, пьяным выражением лица и застывшими, расширенными глазами, но уйдет он живым и на своих ногах. В соседнем подвале, подобном этому, располагалась опиумная курильня, оттуда выходили люди именно с такими выражениями лиц, так что ничего необычного здесь опять же не было.

А потом, со временем, придет другой. Из-за этого нет нужды беспокоиться, тем более, что старый постоялец ему неплохо платит.

«Не надо пытаться понять эту страну, — думал хозяин притона, — не надо проникать в ее тайны, они черные и гнилые, они убивают того, кто подошел слишком близко. Лучше сидеть здесь, в портовом переулке, и подсчитывать липкие монеты за стойкой, и видеть, как молодые люди, жаждущие богатства и приключений, приходят и уходят, приходят и уходят...»

«Как хорошо, — думал отец Игнасио, привалившись к стене и закрыв глаза, — как хорошо, какое счастье, золотистый покой... золотистый... ни вины, ни боли... Долго шел я к этому по темным дорогам, и наконец вот оно, рядом, сверкающее, неизбывное, вечное, то, чем можно делиться, но что невозможно отнять».

Узловатые, но крепкие пальцы пробежались по жесткому сукну, застегивая его на все пуговицы.

Д Ж Е Й М С М А К С И

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Иллюстрация Андрея БАУДИНА

ГОЛУБОЙ ПЧЕЛЫ

Когда старикашка вышел из туалетной комнаты, облачившись в свой траченный временем костюм, Конфетка торопливо прижала ладонь к губам, чтобы не разразиться пронзительным хихиканьем. Черно-желтая атласная материя натянулась на его пузе в обтреск, выставив напоказ бледную волосатую плоть между нижней золотой пуговицей жилета и металлически блестящими золотыми плавками. Рукава и леггинсы костюма вяло обвисли, словно они только что были плотно набиты мускулами, но те внезапно исчезли без следа. В центре его груди красовалась крупная аппликация в виде пчелы, ее крылышки из серебряной фольги изрядно помялись и сморщились.

Старикашка посмотрел не на нее, а в зеркало, внимательно изучая собственное отражение. И как он вообще может что-то увидеть, изумилась Конфетка. Плотная черная маска облегла всю верхнюю половину его лица, глаза были упрятаны под золотистыми, очень толстыми фасетчатыми линзами.

— По-моему, для Хэллоуина вроде как рановато? — невинно пошутила она.

— Да, — односложно ответил он и насупился.

Догадавшись, что ненароком задела самолюбие клиента, Конфетка изобразила свою лучшую непроницаемую мину игрока в покер.

— Стало быть, — резюмировала она, — ты Пчела.

— Да, — сказал старикан.

— И ты... — тут она запнулась и прикусила губу. (Этот чокнутый показал деньги, напомнила она себе, поаккуратней с выражениями!) — Хочешь поговорить об этом?..

— БЫЗ-З-З-З-З-З-З-З-З-З-З-З, — сказал старый хрыч.

Мика Пейтона выпустили на волю в новом костюме. В кармане его пиджака лежало ровно сто сорок семь долларов. Мик отклонил настойчивое предложение благотворительного приюта для отсидевших прислать за ним машину. Он решительно вышел из тюремных ворот, не оглядываясь назад. Двенадцать миль отделяли его от маленького городка Старксвилля, и Мик отправился в путь пешком. Ему нужен был свежий воздух, теплый солнечный свет. Пчелы радостно танцевали над цветущими полями, мимо которых он проходил.

К вечеру Мик спустил уже добрую половину денег, начав с обильного обеда. Отбивная на косточке с молодым картофелем и салатом из свежих овощей обошлась в совершенно возмутительные двенадцать долларов. Прежде, в 1964 году, на такие денежки можно было сытно питаться целую неделю. Покончив с обедом, он зашел в магазин ско-

банных товаров, где выложил вышибающие дух пятнадцать долларов за обычный топор. Под конец автобусный билет до Коллинсвилля, штат Нью-Джерси, облегчил тощий карман Мика еще на полсотни долларов. Однако к тому моменту он уже по привычке к лишним нулям на ценниках и лишь пожал плечами, отсчитывая десятки. Когда он доберется до Коллинсвилля, а затем и до старой семейной фермы, деньги больше не будут для него проблемой.

— Ты что, никогда не слышала про Голубую Пчелу? — искренне удивился он.

— Голубую?.. — Она заново окинула внимательным взглядом его дурацкий костюм и не нашла ни единого голубого пятнышка.

— Голубая Пчела, он был моим ментором! — с гордостью заявил старикашка. — А я был его верный товарищ. Я Жало!

— О'кей, — сказала она. — Все понятно, ты Жало.

— А тебя как зовут? — спросил он.

— Конфетка, — откликнулась она бездумно и сразу пожалела. Почти целую неделю она старалась натренироваться на загадочное имя Ксанаду, и в первый же раз все пошло насмарку.

— Это не твое настоящее имя! — обличающе возразил старый дурак.

Он был прав и не прав одновременно. Ласковое детское имя, которым называл свою дочурку ее отец. И тот факт, что теперь ей придется разыграть роль профессионалки под именем любимой папиной дочки, неприятно задевал Конфетку. Ее досада усугубилась тем, что старикашка счел за умышленную ложь единственное правдивое словечко, которое слетело с ее губ этим вечером.

— У тебя в свидетельстве о рождении так и написано? Жало? — холодно поинтересовалась она.

— Нет, ты не понимаешь... — Понутив голову, он принялся разглядывать свои позолоченные полусапожки. — Полная тайна по поводу наших личностей была чрезвычайно важна для нашей героической миссии! — сообщил он многозначительным тоном. — Жизненно важна! А иначе враги могли бы напасть на наших любимых, причинить им огромный вред, даже убить! Если это обычные люди, они не способны оказать сопротивление... Так бывает.

Старикан произнес всю эту тираду настолько серьезно, с такими неподдельными интонациями печальной откровенности, что до Конфетки внезапно дошло: этот Жало вовсе не шутит!!! Она поспешно поднесла руку ко рту, намереваясь его заткнуть, но — увы — опоздала: неудержимый взрыв громогласного заливистого хохота вырвался наружу из ее груди.

Семейная ферма выглядела так, будто после 1964 года здесь вообще не ступала нога человека. Поля и луга, где прежде мирно паслись упитанные коровы, буйно заросли непроходимыми кустарниками. Старый амбар покосился градусов на пятнадцать, большая часть его кровли провалилась внутрь. На заднем дворе еще стояли полусгнившие пчелиные ульи, некогда белые, а ныне почерневшие и склизкие от плесени. И только маленький трехкомнатный жилой дом внешне почти совсем не изменился.

Мик взломал входную дверь прикупленным топором. На кухне все было совершенно так же, как он оставил после смерти бабушки. Но, правда, за истекшие сорок лет к старой домашней обстановке добавился новый компонент: неутомимая дьявольская вибрация, от которой незримо трепетали дощатые стены.

Не без усилий Мик растворил дверь, ведущую на чердак, и удостоверился, что пространство под крышей заполнено медовыми сотами. Весь чердак теперь представлял собой не что иное, как гигантский единый улей.

— Все в порядке, — сказал он сам себе. — Превосходно. БЗ-3-3.
БЗ-3-3-3-3. БЫЗ-3-3-3-3-3-3-3-3-3-3-3-3-3-3.

В ответ на это из домашнего улья начал выползать гудящий пчелиный рой, формируя живой ковер на ступеньках чердачной лестницы. Медленно, грациозно из темных недр чердака выплыл запертый старомодный чемодан. Перевалился через порог, чуть подпрыгнув, и с плавной величавостью соскользнул по ковру из пчел прямо к его ногам. Мик растегнул замки трясущимися от волнения руками и глубоко вздохнул всей грудью, прежде чем открыть его.

Объемистый чмодан был наполнен пачками двадцатидолларовых купюр чуть больше, чем наполовину. Поверх этой кучи денег, аккуратно сложенный, лежал его запасной костюм, поблескивая серебром и золотом. Сверху, на запасном костюме, покоился его резервный Жаломёт в окружении дюжины герметически закупоренных стеклянных пузырьков с пчелиными феромонами и ядом. Мик поднял один из них, старательно взболтал и тщательно рассмотрел на просвет мутноватую жидкость.

Теперь у него было все необходимое, чтобы вернуть в конце концов старый должок.

Жало сидел на краю кровати и удрученно качал головой.

— Осмеян шлюхой!.. — вскричал он жалобным голосом, и его плечи поникли. — Этот ваш мир... Очень, очень грубое место.

Конфетка утерла слезы с лица, размазав потекшую тушь и выпачкав пальцы. Ее глубоко огорчило словечко, употребленное проклятым

хрычом. Столь непристойное — и такое точное! Разве имеет значение, что она решилась на *это* впервые? Что она шесть месяцев без работы и деньги кончились, что ее выселят через сорок восемь часов, если не погасить задолженность за жилье? Все это никоим образом не умаляет тот факт, что она решилась сдавать собственное тело в аренду за деньги. А ведь можно было нарваться на кого угодно, любого морального уroda или даже настоящего маньяка!!! Этот старикан, конечно, чокнутый, но по крайней мере опасным не выглядит... Да, ей следует быть более осторожной.

— Насчет твоего костюма, — вкрадчиво произнесла Конфетка. — Он миленький, правда. Оригинальный. Я от него прямо тащусь!

— В моем костюме нет ровно ничего сексуального, — сурово возразил Жало. — Хотя... в прежние времена ходили кое-какие слухи, — вдруг добавил он, несколько смутившись. — В конце концов, только слепой мог бы не увидеть, что я гораздо моложе, чем Голубая Пчела! Ему было тридцать пять, а мне уже двадцать, но выглядел я подростком. И когда наш главный в то время враг, Большой Томагавк, нагло оскорбил Голубую Пчелу, обозвав его педофилом... Мой наставник, разумеется, вскипел благородным негодованием! Я уж думал, что он прикончит этого негодяя, но Голубая Пчела всего-навсего отколошматил и покалечил его. Клянусь, у мерзавца не осталось ни зуба в его лживой поганой пасти!

— Выходит, что ты был... гм, каким-то супергероем? Самым правдошным?

— Да! Да! Господи прости, сорок лет не такой уж огромный срок. Ты ведь помнишь битлов, не правда ли? И Мэрилин Монро, и Джона Ф.Кеннеди, и Вьетнам?

— Ну... я слышала про них. Конечно.

— А как насчет Голубой Пчелы и Жала?

— Нет, никогда. Извини.

Жало молча уставился в зеркало. Конфетка взобралась на кровать за его спиной и, встав на колени, принялась деловито массировать его понурые плечи.

— Мы спасли мир, — внезапно сказал он. — А мир про это позабыл.

Они добрались до мистера Мозга раньше, чем полицейские. Они всегда опережали полицию на шаг.

Мистер Мозг злобно сверлил их глазами, в которых мерцало явное безумие.

— Я контролирую все Эйч-бомбы в мире! — с помпезностью вскричал он визгливым голосом. — Все, все до единой! Здесь у меня,

— для пушей наглядности мистер Мозг постучал по своему серебряному шлему, — все коды их запуска полностью, тебе понятно? И все дедонаторы я уже заранее активировал... Вот! Лишь одна нужная мысль — и я запуску Всемирный Армагеддон!!!

— Ты гнусный изверг! — резко откликнулся Голубая Пчела, пытаясь раздвинуть мощные прутья клетки, свалившейся на него с потолка. Он обладал рельефной мускулатурой античного атлета и выглядел сногшибательно в темно-голубом рабочем костюме, обтягивающем каждый изгиб его примечательного телосложения. Когда Голубая Пчела был особенно зол на врага, он весь излучал невероятно пылкую и твердую решимость, и Мик в очередной раз переживал изумительный восторг. Как же ему повезло составить компанию настоящему, подлинному мужчине! Супергерою!

В тот день, бесшумно влезая в секретную берлогу мистера Мозга через окно за спиной врага и слыша его бахвальство тайно присвоенными Эйч-бомбами, Мик сообразил, что имеет дело не с Плохим Парнем, а с истинным Извергом Рода Человеческого. И перед ним моментально встала фундаментальная проблема выбора.

Он мог бы попробовать что-нибудь остроумное. Например, хлопок по плечу, непринужденную шутку и сокрушительный хук в челюсть. Или грациозно прокрутить акробатическую серию сальто и кувырков, чтобы затем с разлету вышибить из клетки пару-другую прутьев ногами. Или можно было приказать пчелиному рою грозной тучей окружить мистера Мозга, популярно объяснить, что произойдет, если тысячи пчел ужалат его, а уж потом спокойно разобраться с клеткой.

Все возможности выглядели по-своему привлекательно, не будь этих проклятых бомб. Судьба целого мира в самом буквальном смысле висела на тонком волоске, и все сейчас зависело только от Мика. От того, что он решит предпринять в последующий момент.

Поэтому Мик вынужден был поступить неэлегантно, но зато эффективно. Он бесшумно приблизился, установил дуло Жаломёта на расстоянии дюйма от спинного хребта мистера Мозга, крутанул регулятор на десятку и выстрелил супериглой, которая закачала в позвоночник врага супердозу пчелиного яда. Мистер Мозг сразу рухнул на пол в тяжёлом анафилактическом шоке. Он был уже мертв, когда Мик выпустил из клетки Голубую Пчелу.

Тут дверь слетела с петель от мощного удара, и в берлогу мистера Мозга ворвалась лучшая команда полицейских Нью-Йорка во главе с хорошо известным в городе комиссаром. Этот комиссар прославился тем, что терпеть не мог никакой героической самодеятельности.

— Дело сделано, пора! Улетаем! — крикнул Мику Голубая Пчела, выпрыгивая из окна на лесенку из стального троса, спущенную из ожидающего их в режиме зависания Пчелиного Крыла.

— Еще секунду! — откликнулся Мик уже с подоконника и обернулся, одаривая полицейских на прощание веселой белозубой ухмылкой. В этот миг разъяренный комиссар выстрелил ему в плечо.

Мик пошатнулся и вывалился из окна спиной вперед, хватая вытянутыми руками воздух. В его глазах замельтешили яркие и темные пятна, когда вторая пуля комиссара почти сразу угодила ему в бедро. Голубая Пчела почти дотянулся до Мика в отчаянном рывке, но цепкие пальцы, обтянутые перчаткой из темно-голубой кожи, лишь скользнули по запястью Мика.

И Мик упал, и пролетел до земли девять этажей.

Жизни он не лишился только благодаря тенту, натянутому над главным входом в отель, и полицейской машине популярного комиссара. Мик привел ее в полную негодность, проломив крышу до самых колес.

— Ну? — спросила Конфетка. — Мы уже собираемся сделать что-нибудь или как?

— Да, — рассеянно пробормотал Жало, который продолжал понуро сидеть на краю кровати, погрузившись в свои невеселые мысли. — Вероятно.

— Ты так и будешь... Послушай, почему бы тебе не снять эту маску?

— Нет, — сказал он, покачав головой.

Тогда, приблизив губы к уху клиента, она выдохнула жарким, заранее отрепетированным полупшепотом:

— Просто расскажи мне, чего тебе хочется, малыш!..

Жало хихикнул. А потом вздохнул.

— Чего я хочу? Справедливости.

Конфетка слегка опешила.

— Боюсь, что, гм... такая штука не значится в меню. Ну а как насчет... — и она, придвинувшись поближе, нашептала ему на ухо предложение, которое ей не хватило духу изложить вслух.

Жало снова покачал головой.

— Нет, не думаю.

— Ну тогда...

Он прервал ее, сказав:

— Эти слухи насчет нас... В чем-то они верны. Да, мы с Голубой Пчелой были влюблены друг в друга! Только у нас все было не так,

как у этих... кажется, теперь их называют геями? Да, мы любили друг друга, но мы остались чисты! Голубая Пчела, он был великолепен. Прекрасный, как греческая статуя! Просто нельзя было его не полюбить... На всю жизнь.

— О! — выпалила Конфетка, отодвигаясь, пока не уперлась спиной в изголовье кровати. — Тогда зачем я здесь?

— Затем, что у меня еще есть потребности.

— Ладно, малыш, о'кей. — (Может, еще удастся выколотить из него денежки?) — Просто скажи, что тебе нужно. Вот и все!

— Прежде всего, — сказал ей Жало, — мне нужна заложница.

Три недели в госпитале, а Роберт еще ни разу не пришел его навестить. Мик уговорил себя, что все не так уж страшно. Он был без сознания, когда с него сняли маску, и в картотеке госпиталя до сих пор значится как неизвестное лицо — Джон Доу. Выходит, что его не опознали. Да и как бы они смогли? У Мика не было другой жизни, помимо рабочих функций Жала, и никаких родственников, после того как бабушка умерла. Его фотографию опубликовали в газетах, но никто на нее не клюнул. Они сняли у него отпечатки пальцев, и зря, потому что у Мика никогда не было официальных тренировок с законом. И если знаменитый врач и multimиллионер Роберт Э.Эггерс пожелает нанести дружеский визит Джону Доу, прикованному к кровати наручниками... Не понадобится слишком много ума, чтобы уверенно провести жирную прямую между двумя отдельными точками.

У полиции было оформлено шикарное дело против Джона Доу. На орудии убийства обнаружили его отпечатки. Он был пойман при попытке исчезнуть с места преступления. Когда Мика подлечили настолько, что он заново научился жевать пищу, его забрали в полицейский участок и допрашивали при ослепительном свете пять часов подряд. Полиция не стеснялась убеждать его увесистыми аргументами в виде кулаков, и Мик в конце концов признался, что убил мистера Мозга. Как оказалось, настоящее имя негодяя было Марк Карпински, и прежде тот подвизался гипнотизером в Джерси, пока не стал зарабатывать себе на хлеб, икру и виски грабежами банков.

— Он хотел взорвать весь ядерный арсенал мира! При помощи своего уникального электрошлема, — пытался протестовать Мик. — Я герой, а не преступник!

Тогда комиссар охотно продемонстрировал уникальный шлем, брякнув его перед Миком на стол.

— Это всего-навсего армейская каска, малыш, обернутая в оловянную фольгу... Ну как, теперь ты уже готов сказать нам свое настоящее

имя? Или нет? Знаешь, тебя скоро посадят на электрический стул, а потом отскребут от стула твой пепел. Ты хочешь, чтобы на могильном камне так и было написано — «Джон Доу»?!

Невзирая на избиения, угрозы, юридические трюки и щедрые обещания выгодной сделки, Мик так и не сломался. Он не открыл полицейским свое имя и не предал Голубую Пчелу. Он заявил, что страдает частичной амнезией в итоге падения с девятого этажа, что решительно не способен припомнить, кем он был до печального инцидента, и в конце концов полиция вынуждена была сдаться. Возможно, они даже поверили ему.

И разумеется, его мальчишеская миловидность, стоическое поведение и неподдельная убежденность в том, что он оказал человечеству услугу, избавив от мистера Мозга, произвели весьма благоприятное впечатление на присяжных. И они признали подсудимого невиновным в убийстве первой степени. К сожалению, по прочему списку обвинений, от непредумышленного убийства до сопротивления при аресте, мнение жюри оказалось диаметрально противоположным.

Так двадцатилетний Жало, называемый Джоном Доу, он же Мик Пейтон (хотя сие осталось неизвестным), обнаружил, что приговорен к сорока годам тюремного заключения. Он мог скостить свой срок наполовину, если бы донес на Голубую Пчелу.

Это слово не сразу дошло до Конфетки. Оно показалось ей иностранным, слепленным из чужих бессмысленных звуков.

— За...ложница? — тупо переспросила она.

Жало повернулся к ней лицом, в руке у него вдруг откуда-то взялся маленький пульверизатор с желтоватой жидкостью. Конфетка не поняла, что это такое. Затем, без всякого предупреждения, он молниеносно опрыскал ее желтой гадостью.

— Какого черта?! — панически взвизгнула она. — Что ты сделал?..

И поспешно обнюхала крошечные брызги, осевшие на волосках ее руки, но мочой не пахло. На самом деле пахло очень хорошо, приятный аромат наподобие нарциссов... Но все равно — такие шуточки совершенно недопустимы!!!

За окном отеля сразу возник нарастающий гул, будто бы от догоняющего скоростного поезда. Этот фантомный поезд нагнал их за секунды. Стены номера заметно завибрировали, зеркало опасно заплесало на стене.

Жало встал с кровати и отдернул оконные занавески. Снаружи оказалась непроглядная темнота, в ней не видно было даже городских огней. Световые лучи просто не могли пробиться через плотный занавес

из мельтешащих живых частиц, которые беспрестанно колотились в стекло, как яростный ливень. Глядя в окно, Жало затанул сквозь стиснутые зубы бесконечный жужжащий звук: 3-3-3-3-3-3-3-3-3-3...

Внезапно, испустив выкрик бойца кунг-фу, он выбросил руку вперед, и стекло разлетелось в осколки. Конфетка пронзительно завизжала, когда гудящее грозовое облако пчел заполнило всю комнату и закружилось вокруг нее черным с золотом торнадо.

— Не сопротивляйся, — сухо предупредил ее Жало. — Тебе не следует волновать пчел.

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А! — истошно завопила Конфетка. — О Господи! Господи! Пожалуйста! Нет! Не надо! Не надо!

Жало ухватил Конфетку за руку и грубо стащил с кровати. Она крепко зажмурила глаза, когда пчелы принялись ползть по ее лицу. Они щекотали ей веки крошечными лапками, ноздри — трепещущими крылышками, а когда она снова закричала, пчелы сразу заползли ей в рот.

Конфетка оцепенела от запредельного ужаса. Все ее тело, от головы до пят, было под толстым, вибрирующим, копошащимся живым одеялом. Ей перехватило горло, она не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Наконец, после целой вечности адского кошмара, пчелы медленно выползли изо рта Конфетки.

— Интересные создания, ты не находишь?

Его голос звучал глухо, словно издалека, еле слышный в грозном пчелином гудении.

— Пчелы чрезвычайно организованны, — сказал он погромче. — Думаю, мы не ошибемся, если назовем этот феномен цивилизацией. Пчелы умеют содержательно общаться друг с другом. Они передают очень сложную информацию посредством особых танцев. Способна ли ты представить, Конфетка, каким мог сделаться наш человеческий мир, если бы мы некогда положились на танцы в качестве информационного носителя?

Она сумела захлопнуть рот, но продолжала лежать в полном ступоре.

— Они живут в ином мире, — поведал ей Жало. — Это не наш мир, но по-своему он прекрасен. Пчелы купаются в атмосфере из феромонов, музыка их грохочет в ультразвуке, их небо полыхает ультрафиолетом. Это как параллельная вселенная, вложенная в нашу, привычную! Живые растения, листья и цветы, там имеют такие оттенки и узоры, которые человечество просто не способно увидеть. Для пчелы весь окружающий воздушный океан пересечен многочисленными магист-

ралями запаха. И они столь же ясно очерчены и четко маркированы, как ваши скоростные супертрассы будущего. А когда ты кричишь, Конфетка...

Но Конфетка продолжала молчать.

— Пчелы воспринимают звуковые вибрации всем своим телом, — сказал Жало. — Ты когда-нибудь чувствовала, Конфетка, как поезд метро проходит у тебя под ногами? Да? А ведь никакого шума на самом деле не слышно. Пчела ощущает звуки именно так, поняла?

Конфетка больше не могла не дышать и судорожно втянула в себя воздух сквозь стиснутые зубы. Потом, едва шевеля губами, прошептала:

— Пожалуйста... отпусти меня...

— Ты не потеряла сознание, — отметил Жало. — Я впечатлен. Прежде, в 1964 году, девушки всегда падали в обморок... Но вы, женщины будущего, я вижу, созданы из более стойкого материала.

— Это же безумие... — всхлипнула она.

— Конфетка, — сказал он со вздохом. — Ты же видела, что я разодет как проклятая пчела? Мы можем поговорить и на безумный манер, если ты хочешь.

— Пожалуйста, я прошу тебя, прошу... Убери их с меня! — Ей казалось, что пчелы пьют слезы, в три ручья хлынувшие из ее глаз. Каким-то чудом ни одна из них до сих пор не ужалила Конфетку. — Умоляю, у меня аллергия на пчел!!!

— Какая ирония судьбы, — сказал Жало со смешком. — Ты, конечно, не поверишь, но у меня тоже.

Мик рос хилым ребенком. У него была аллергия на все на свете. В школе его регулярно избивали, пока бабушка не решила заплатить за уроки дзюдо. Тогда Мику было пятнадцать. Его хрупкая, почти детская фигурка с виду не изменилась, но уже через год занятий он завоевал черный пояс. Это событие Мик озаменовал тем, что в школе играючи уложил на лопатки девять могучих агрессивных здоровяков. Но вот тут как раз и начались настоящие неприятности, так что в результате его вышибли из школы.

Он стал помогать бабушке на ферме. К несчастью, на ферме были пчелиные ульи, уже почти столетия, и мед приносил его бабушке неплохой стабильный доход. Но Мика госпитализировали трижды за год, и стоимость его лечения превысила годовой доход от меда. И вот однажды в газете появилась статья про всемирно знаменитого терапевта, доктора Роберта Э.Эггерса, который разработал новый радикальный метод лечения аллергии. Бабушка Мика не пожалела послед-

них сбережений, чтобы ее внук стал одним из счастливых пациентов чудо-доктора.

Засим с невероятной скоростью последовали непредвиденные события. Экспериментальная терапия с ударными дозами пчелиного яда и проникающей радиации едва не прикончила Мика всего за несколько дней. В страшном отчаянии Роберт срочно перебазировал коматозного подростка в единственное место на всей планете, где имелось уникальное медицинское оборудование для его спасения. Это был Пчелиный Улей — секретная штаб-квартира Голубой Пчелы, расположенная в укромной, идеально закамуфлированной пещере.

Мик вышел из комы, чувствуя себя гораздо лучше и сильнее, чем обычно. К своему великому изумлению, он обнаружил у себя некие дополнительные чувства. Он мог чують запахи, о которых раньше не подозревал, и видеть в тех частях светового спектра, которые прежде были ему не доступны. Теперь, со своим усиленным и расширенным чувством обоняния, Мик не слишком затруднился установить, что добрый доктор Эггерс и Голубая Пчела — одна и та же персона!!! В ответ на разоблачение Роберт подарил ему очень красивый героический костюм, а также чудо-оружие под названием Жаломёт. Это случилось как раз в восемнадцатый день рождения Мика Пейтона.

Так родилась замечательная команда: мужественный герой Голубая Пчела и его юный ассистент Жало.

Когда Конфетка была маленькой, ее семья посещала церковь с весьма красноречивым пастором, чей любимый конек состоял в страстных разглагольствованиях об Адском Пламени и сере. Раз за разом, каждое воскресенье, ее неокрепший разум наполнялся ужасающе яркими картинками Адских Мучений во всех неаппетитных подробностях. Девочка стала беспокойной, плакала и кричала во сне. Довольно скоро их семья переехала, однако кошмарные сны продолжали преследовать Конфетку несколько лет.

Но никакой, ни один из худших ночных кошмаров не мог бы с *этим* даже сравниться!

Конфетка была абсолютно слепа. Пчелы деловито копошились на ее веках, и даже огромное желание увидеть свет было бессильно перед ужасом, охватившим девушку. Плотная маска из пчел расползлась по всему ее лицу, избегая лишь небольшого местечка под носом. Пчелы на губах предотвращали даже мысли о неблагоприятных попытках закричать, завизжать, взмолиться о милосердии. Она слышала только немолкающее басовитое гудение, порождаемое миллионами пчел; этот мощный звук проникал в нее, вынуждая вибрировать каждую косточку.

Она больше не могла отличить, где верх, где низ. Пчелы несли Конфетку в своей гуще, легко поддерживая вес ее тела толстым, бугрящимся живым ковром-самолетом. Эта масса пчел, окутывающих ее, то и дело представлялась Конфетке нереальной, и тогда ей мнилось, что она завернута во множество тяжелых шерстяных покрывал, и так ее похоронили. В пчелином облаке было невыносимо жарко и душно, и мерещилось, что миллионы крошечных язычков жадно слизывают с нее пот... Колоссальная масса пчел слабо пахла дрожжами, мочой и клевром.

Конфетка начисто потеряла счет времени. Куда они несут ее? И зачем? Изредка до нее доносились посторонние звуки, отдаленные и невнятные. С таким же успехом можно было закатать ее в бочку с цементом, а потом допытываться, что же вокруг происходит.

И вдруг после бесчисленных минут (или часов, или дней) полета пчелы, составляющие маску Конфетки, дружно отступились от ее ушей. Холодный воздух, легкое посвистывание ветерка... Какое счастье.

— Думаю, что ему это понравится, — где-то рядом сказал Жало.

Холодный ветер мазнул Конфетку по губам. Значит, пчелы дружно ретировались и оттуда.

— Боже! — вскрикнула она, жадно хватая ртом свежий воздух. — Боже мой, Боже мой, Боже мой...

— Никогда бы не подумал, что ты такая религиозная, — сухо заметил Жало. — Учитывая твою профессию.

— Пожалуйста, — попросила она слабым голосом. — Не убивай меня, хорошо?

— Ничего не могу тебе обещать, — сказал он.

— Нет, пожалуйста! Только не так! Не в этом неприличном прикиде! Не такой размалеванной! О Господи, Господи Боже ты мой... Что тогда подумают мои бедные родители?!

— Да, у сиротства есть свои преимущества, — задумчиво рассудил Жало. — Как хорошо, что у меня никогда не было таких семейных разборок! Будь мои родители живы, они не одобрили бы профессию, которую я избрал. Думаю, твои предки тоже не в восторге от твоего выбора?

— Н-на самом деле меня зовут н-не Конфетка, — пролепетала она, припомнив советы для заложников из какого-то недавнего блокбастера.

Прежде всего, говорилось там, следует напомнить террористам, что они имеют дело не с бездушным манекеном, а с реальным человеком. И хотя любые доказательства реальности, исходящие от заложницы, погруженной в фантастическое облако дрессированных пчел, неиз-

бежно приобретают подозрительный оттенок сюрреализма, она затопилась дальше:

— Мое настоящее имя Барбара, я из Дейтона, штат Огайо, и приехала в Нью-Йорк, чтобы стать актрисой. Я делаю это, только чтобы уплатить за жилье. У меня есть мама, папа и две младших сестренки, и все они не знают, что я проститутка. Я не хочу умереть, и чтобы они потом узнали, кем я стала, по телевизору из вечерних новостей. Пожалуйста, отпусти меня, прямо здесь, сейчас!

— Ты не видишь, где находишься, — буркнул Жало. — А то никогда бы такого не сказала, уж это точно.

— Ты говорил, что прежде был героем! Даже супергероем! Зачем ты это делаешь? Почему?

— По-твоему, герои сражаются за справедливость, да? Нет, неверно, Конфетка... Голубая Пчела имел сорок лет в своем распоряжении. Самое интересное, что он мог бы вытащить меня из тюрьмы в любой момент... только вот не захотел! И я отсидел свой сороковник полностью. И в полном дерьме! А ведь у него колоссальная куча денег, у Голубой Пчелы. Просто немыслимое, невероятное состояние! Он мог бы заплатить самым лучшим на свете адвокатам. Или политикам. Мог подержать все ниточки, потянуть за любую веревочку... Устроить мне побег, на худой конец, или даже выкрасть лично. И состряпать для меня альтернативную персону, под которую никто никогда не подкопается. Голубая Пчела был непревзойденным мастером в таких делах... Он мог спасти меня. Каким угодно способом! Но ничего, НИЧЕГО не сделал.

— Мне очень жаль, правда... — сказала Конфетка.

— И знаешь что? Он просто взял и исчез. Словно сквозь землю провалился! За сорок лет никто ни разу не видел Голубую Пчелу. Это точно, я внимательно следил за газетами.

— Может быть, он умер, — предположила Конфетка. — С чего ты решил, что он зайвится сюда? Даже если твой учитель жив, он может находиться в доме для престарелых. Под строгим присмотром. Ведь ему уже далеко за семьдесят, так?

— Он не умер, — отрезал Жало. — Только никто про это не знает, кроме меня. Официальный некролог опубликовали несколько лет назад, но там была одна кодовая фраза... Мы с ним когда-то договорились, что она означает. Теперь он живет под видом одной из своих резервных личностей. Но какой именно, мне в точности не известно. К сожалению.

— Где мы? Что это за место? Мне показалось... меня долго несли, да? Тут как-то странно, как будто где-то высоко? Боже, они ползают

по глазам, убери их, убери! Убери это наконец с моего лица, ну! Пожалуйста!

Жало вздохнул. Потом издал короткое, какое-то горловое жужжание, и все пчелы моментально убралась с ее головы.

Конфетка наконец открыла глаза и посмотрела вниз. Там, на невероятной глубине в сотню этажей, мелькали полицейские огни, сгрудились полицейские машины. Она висела над открытым пространством, поддерживаемая исключительно живым мостом из пчел. Долгий пронзительный вопль стремительно вырвался на волю из ее груди и раскатился гулким эхом по городским каньонам.

— Мы сейчас на вершине небоскреба Эмпайр Стейт Билдинг, моя маленькая бескрылая фея, — насмешливо сообщил Жало. — Это идеальное место, уверяю тебя! Все копы города внизу под нами. Мой верный рой уже освободил от людей все здание. Мои пчелиные командос получили инструкции затыкать воздухозаборники всех подлетающих вертолетов. Никто не сумеет добраться до нас без Пчелиного Крыла.

Конфетка опять завопила изо всех сил, покуда последние остатки воздуха не улетучились из ее легких. Глубоко вдохнув, она испустила третий пронзительный вопль.

— Да, — удовлетворенно сказал Жало. — Вот именно то, что надо. Надеюсь, эти, которые внизу, успели запечатлеть твое лицо крупным планом? То, что они теперь умеют делать своими видеокамерами... просто изумительно! Я был страстным любителем научной фантастики в 1964 году, но этот ваш мир, он безмерно поражает меня. Превзойдены мои самые фантастические ожидания... Нет, ты только погляди внимательно на все вокруг!

Конфетка пыталась побороть свою панику и головокружение. Ее внезапно затошнило, но она не ела с самого утра и только сплюнула горькую тягучую слюну. Она ощущала себя очень легкой и пустой, словно засушенная для Хеллоуина тыква. Если пчелы сейчас ее уронят, она не станет возражать. Просто поплывет к земле по ветру, как невесомый осенний листик...

— Накричалась? — осведомился Жало. — Ладно, ничего. Я уверен, что они успели снять свой километраж сенсации.

Теперь Конфетку стало настойчиво клонить в сон. В ее пустой голове промелькнула мысль о том, что бредовая ситуация все-таки подчиняется некоей кошмарной логике.

— А что если... если он так и не появится до утра? Тогда ты отпустишь меня? Ты ведь не можешь ожидать его вечно?

— Конфетка, — сказал Жало со вздохом. — Я ждал сорок лет. На-

сколько мне известно, Голубая Пчела может быть сейчас где угодно. На Гавайях или в Гималаях, какая разница? Я готов дать ему время. Там, внизу, собрались газетчики и телерепортеры со всего мира. Если нам повезет, Голубая Пчела вот-вот обо всем узнает... Или ему уже известно про нас с тобой.

— А если те, которые внизу, даже не подозревают, что я здесь? Меня же было не видно из-за твоих пчел?

— Не беспокойся, я создал внизу нечто вроде огромного рекламного табло на стене нашего небоскреба. Пчелы садятся туда и формируют мои сообщения. Я уже сказал полиции, что у меня есть заложница. Я предупредил их не делать никаких глупостей. И я оповестил всех, что желаю видеть Голубую Пчелу и буду ждать.

— Н-но разве пчелы н-никогда н-не устают? Что если они меня вдруг уронят?.. Тогда ты вернешься обратно в тюрьму!

— Я никогда не вернусь туда, — сказал Жало. — Или я выйду сухим из воды, или умру жестокой кровавой смертью. И не надо думать о том, что пчелы устанут. Я опрыскал тебя достаточным количеством феромона, чтобы призвать всех пчел из Нью-Йорка, Нью-Джерси и Коннектикута. Если мы сравним фунт на фунт живого веса, пчелы гораздо сильнее людей. И в данный момент не менее трех, возможно, даже четыре тонны пчел усердно трудятся, чтобы ты преждевременно не упала.

— Что значит — преждевременно?! Тебе совсем не надо меня убивать. Теперь, когда они все знают, что я наверху с тобой, ты можешь отправить меня в безопасное место. Пожалуйста.

— Конфетка, ты совсем ничего не понимаешь! В таких вещах всегда важен ритуал. Ах, если б ты только могла увидеть Голубую Пчелу в расцвете его славы, то поняла бы... Голубая Пчела — он всегда появлялся внезапно! Словно прекрасное божество, снизошедшее с Олимпа, чтобы выхватить из цепких когтей опасности невинную деву, угодившую в беду, в самую последнюю секунду из еще возможных — и притом грациозно, эффектно! В такие моменты нельзя было не полюбить его... Все очевидцы чувствовали это. Голубая Пчела... он был уникальный, больше, чем просто человек!

С этими словами Жало закрыл глаза и мечтательно улыбнулся.

— Значит, ты подвергаешь меня опасности, только чтобы твой бывший напарник мог меня спасти?!

— Тебя... или меня самого, возможно? Если есть на свете человек, который способен помочь мне выйти из моего положения, это только он. Моя жизнь превратилась в ужасную западню, из которой я не вижу достойного выхода, но Голубая Пчела... Он не знал поражений!

Всегда одерживал верх, невзирая ни на что! И он часто повторял мне: нет такой проблемы в мире, которую невозможно разрешить. Надо всего лишь найти нужного Плохого Парня и в подходящее время врезать ему в челюсть.

— Разве ты не понимаешь, что это ты сейчас Плохой Парень? Если твой друг еще жив и не сидит в кресле на колесиках, то именно тебе он собирается врезать в челюсть! Ты что, больше не желаешь быть одним из Хороших Парней?

— Сорок лет в тюрьме, — произнес Жало голосом жестким и холодным, как сталь. — У меня тогда была хорошенькая мордашка, я был весь разбит и переломан, я не мог сопротивляться как следует. У меня оказалось много времени, более чем достаточно, чтобы перестать чувствовать себя героем... Чтобы увидеть себя таким, какой я на самом деле. В тюрьме обычно узнаешь бездну поучительного о себе, знаешь ли.

— Но ты не можешь, не должен допустить, чтобы эти ужасы вечно тебя преследовали!

— А для чего же тогда тюрьма, моя Конфетка? — усмехнулся Жало, выразительно поигрывая Жаломётом. — Вся система устроена именно так, чтобы преследовать тебя всю оставшуюся жизнь. Не знаю, возможно, некоторые переносят это легче, если сидят за грехи, которых никогда не совершали. Гораздо хуже знать, что ты сидишь по собственной вине... Потому что я действительно убил мистера Мозга! Не могу сказать, что этот человек был святой невинностью, но вообще-то он оказался безвредным. Просто решил сыграть эффектную роль в Большой Игре, которой на самом деле совсем не понимал!.. Как и я, если уж говорить честно, — добавил он.

Конфетка промолчала.

— Я был тогда уже не мальчик, еще не мужчина, — сказал ей Жало. — Я угодил в мир фантазии совершенно случайно и спутал его с реальностью. Героический костюм, суперподвиги, каждый проклятый день сплошной Хэллоуин! И великая Миссия, порученная самим Господом: герои спасают мир от Плохих Парней и Сумасшедших Ученых! Боже, каким же самодовольным придурком я был...

Конфетка заморгала, пытаясь стряхнуть слезы с ресниц. По его тону было совершенно очевидно, что Жало никогда, никогда, никогда не отпустит ее живой с верхушки Эмпайр Стейт Билдинг.

Сквозь слезы мир выглядел расплывчато. Все городские огни обзавелись туманными ореолами. Краешком глаза она заметила в небе слабо мерцающую темную форму. Этот силуэт приближался к ней с неправдоподобной скоростью.

Конфетка никогда не видела ничего подобного, но сразу же догадалась, что это и есть удивительный летательный аппарат под названием Пчелиное Крыло.

Аппарат очень походил на темно-голубой планер с обтекаемыми обводами, но только с жужжащими серебряными крыльями поближе к корме. За планером летел длинный серебряный трос, на конце троса была цирковая трапеция, на трапеции сидел внушительный мужчина с прекрасно накачанными мускулами в темно-голубом облегающем костюме. Его лицо скрывала черная маска-домино, на голове красовалась голубая шляпа-котелок с двумя золотыми инициалами на тулье.

Пчелиное Крыло промелькнуло над Конфеткой, взвихрив ей волосы, человек в маске, стремительно разрезающий воздух, вытянул руку вперед, приближаясь к ней. С ужасным, вминающим ребра ударом его плечо врезалось ей под ложечку, складывая пополам, унося с собой, мускулистая рука крепко обхватила ее поперек, и они помчались вместе — вперед и вверх, вперед и...

— Не-е-ет! — отчаянно завопил Жало. — Ты не уйдешь!

Фантомные пятна все еще плясали перед глазами Конфетки после сокрушительного столкновения с ее спасителем. Она едва различила метнувшееся вслед за ними серебряное лассо, которое затянулось на щиколотке Голубой Пчелы. Резкий рывок прервал чудесный полет, на какой-то миг они словно зависли в воздухе. Пчелиное Крыло пропало из виду, набирая высоту. В следующий момент Голубая Пчела с Конфеткой уже описывали в пространстве стремительную дугу, возвращаясь к обзорной площадке на крыше небоскреба Эмпайр Стайт Билдинг.

Голубая Пчела больно стиснул ее, прижимая к своей груди, сворачиваясь клубком, стараясь защитить, когда они шмякнутся на эту площадку при скорости шестьдесят миль в час. При ударе Конфетку отбросило в сторону, и она закользила по бетону как по льду, пока не врезалась в стальное ограждение, окаймляющее всю площадку. Оглушенная и потрясенная, она все же сумела сесть, упираясь спиной в холодные металлические прутья.

Длинные кровоточащие царапины густо испещряли ноги и руки Конфетки, словно она проехала по гигантской терке для сыра. Гораздо хуже, что ее претенциозный наряд почти полностью разорвался, щедро обнажив грудь, бока и живот. И дюжины пчел моментально слетелись на Конфетку, вонзая ядовитые жала в ее молочную кожу.

Неподалеку от нее Голубая Пчела закричал и с трудом перевалился на спину. Его замечательный голубой костюм тоже сильно изодрался, обнажив стальной экзоскелет и очень толстые прокладки вокруг

по-стариковски тощих конечностей. Громко кашлянув, он выбросил в воздух взвесь кровавых брызг. Жало, не слишком торопясь, направился к лежащему старику, небрежно помахивая оружием. В его руке обнаружился вовсе не верный Жаломёт, а самый обыкновенный, вульгарный пистолет, черный и блестящий.

— Мик!.. — слабо выдохнул Голубая Пчела.

— Даже не думай, — сухо сказал Жало, но голос его дрогнул: — Не старайся зря. Ты омерзительный сукин сын.

— Мик, послушай меня, я...

— Заткнись!!! — рявкнул Жало и прицелился.

Но тут появилось Пчелиное Крыло, поскольку автопилот был настроен на регулярное возвращение к хозяину. Вынырнув будто ниоткуда с рассерженным жужжанием, удивительный летательный аппарат врезался в кадык человека с пистолетом, отбрасывая его на заграждение. Жало ударился о перила, перевалился через них спиной и пропал.

Все пчелы коллективно и бурно сошли с ума, закрутившись в черно-золотое бешеное торнадо, и многотонная гудящая масса роя организовано рухнула с крыши вниз.

Вскочив на ноги с жужжанием электромеханических передач, Голубая Пчела торопливо подбежал к заложнице. Из недр голубого жилета появился аптечный пузырек с распылителем, и старик стал заботливо опрыскивать ее голубой жидкостью.

— Не надо впадать в панику, мисс! — заверил он Конфетку профессионально бодрым голосом. — Я вижу, вас щедро умастили аттрактантом, но эта жидкость мигом нейтрализует его. Клянусь, ни одна пчела не подлетит к вам ближе чем на десять футов! Это отпугивающий феромон.

— Но меня ужалили! Много-много раз! Боже мой, ведь у меня аллергия... Горло уже распухло, я чувствую... Я скоро не смогу дышать! Я умру!

— Успокойтесь, мисс, — сказал Голубая Пчела. Он поставил бутылочку с репеллентом рядом с ней и добыл из своего жилета шприц и ручной фонарик. — Все в порядке, я опытный врач.

С этими словами он ловко всадил иглу в бедро Конфетки и выжал поршень до отказа. А потом на секунду нажал и отпустил кнопку фонарика. И внезапно посреди темной ночи Конфетка обзавелась свеженьким красноватым загаром.

— Радиация в ультрафиолетовом диапазоне активирует мой специальный антидот, — пояснил ее спаситель авторитетно и на удивление хладнокровно, хотя кровь продолжала обильно капать у него изо рта.

Теперь Конфетка ясно разглядела, насколько худ и хрупок на самом деле этот старый супергерой. Его морщинистая кожа ужасно напоминала ветхую, пожелтевшую и скомканную газету, усеянную синими и коричневыми чернильными пятнышками.

— Это не только спасет вас от нынешних укусов, мисс, — продолжал он горделиво. — Это *радикальное* излечение. И я мог бы сделаться в тысячу раз богаче, чем был, но увы! У нашего правительства, как водится, не хватило ума, чтобы оценить по достоинству неизбежные побочные эффекты.

— Может быть... нам лучше поговорить об этом в отделении «скорой помощи»? — пролепетала Конфетка. — Я вам верю, конечно, но все-таки...

— Позвольте мне призвать Пчелиное Крыло, — кивнул Голубая Пчела. Он встал, прошел дюжину ярдов вдоль ограждения и оперся на перила, переводя дух. А выпрямившись, издал залиvistый свист и высоко поднял руку. Так он молчаливо и неподвижно простоял несколько долгих секунд, а потом опять откашлялся и произнес, не оборачиваясь:

— Клянусь, это была не моя вина.

— Что?.. — тупо переспросила Конфетка.

— Что Жало остался в тюрьме. Это... просто случайность. Ну, то есть... Ладно, я расскажу.

Голубая Пчела наконец опустил руку и повернулся к ней лицом, утирая кровь с подбородка.

— В то время я был женат, — сказал он. — И после этого фиаско с мистером Мозгом моя благоверная супруга... В общем, она ухитрилась запихнуть меня в сумасшедший дом, а там... Они подвергли меня электрошоковой терапии! Моя прежняя жизнь — или наибольшая ее часть, по крайней мере — потеряна навсегда. А тогда, в то время, я совсем не помнил, что произошло. Просто ничего не помнил.

— Господи... — произнесла Конфетка. — Мне правда, правда очень-очень жаль.

— Роберт!!!

Этот вопль раздался на фоне стремительно возрастающего, ужасающего гудения миллионов разгневанных пчел. И внезапно Жало вознесся над ограждением площадки, стоя на вершине чудовищно плотной, черной с золотом колонны из насекомых.

— Нет, ты никуда не уйдешь от меня, Роберт! — вскричал он. — Ведь я задолжал тебе сорок лет ненависти! Целых сорок лет унижений. Сорок лет предательства! Четыре десятка лет!!!

С этими словами Жало резко выбросил вперед руки — и два чер-

ных кулака, сплотившиеся из пчел, дружно врезали Голубой Пчеле в живот и под ложечку. Старик упал на колени, а пчелы рассыпались, окружая его голову, покрывая маской лицо. Сверху из темного неба молниеносно вылетали, будто крошечные пули, другие разъяренные пчелы, формируя шевелящийся живой глобус, быстро выросший до размера тыквы. Голубая Пчела повалился на бетон, его придушенные крики были еле слышны сквозь грозное жужжание.

— Я знаю, что у тебя иммунитет к пчелиному яду, — сказал Жало. — Поэтому я задушу тебя. Мои пчелы набьются в твои легкие, горло, рот и нос. Это будет медленно и очень-очень болезненно... Почти как сорок лет в тюрьме!

Конфетка взглянула на бутылочку феромона у своих ног. Склянка оставалась наполовину полной. Эта штука точно должна сработать, решила девушка, ведь ни одна пчела сюда не прилетела. Несмотря на резкую боль в области сломанных ребер, она сумела встать на ноги, подтягиваясь за стальные прутья. А затем, пошатываясь, поплелась к Голубой Пчеле, по пути свинчивая с бутылочки распылитель. План Конфетки состоял в том, чтобы сразу выплеснуть на старика все содержимое, но оказалось, что этого вовсе не нужно. Как только она достаточно приблизилась, пчелиный ком моментально рассыпался, будто бы его смахнула огромная незримая рука. И когда она добрела до Голубой Пчелы, ни одного живого насекомого на нем уже не осталось.

Все лицо старика обросло ядовитой черной щетиной.

— Надо было уронить тебя, — сказал ей Жало со странной ноткой в голосе.

— Да, — согласилась Конфетка. — Вероятно.

И она швырнула в него бутылочку пчелиного репеллента с такой силой, что изумилась сама, и угодила прямо в аппликацию пчелы с серебряными крыльями.

Черно-золотая колонна взволновалась, пчелы бросились враспыльную из-под его ног, и Жало камнем низринулся с небес.

Он кричал что-то, падая с высоты в сотню этажей, то ли проклиная, то ли оправдываясь, то ли посылая прощальные слова человеку, изменившему всю жизнь Мика Пейтона. Но никто ничего не услышал за гудением беспорядочно кружащего роя.

— Ты как, в порядке? — спросила Конфетка. Силы оставили ее, и она вяло опустилась на бетон подле Голубой Пчелы.

— Не на этот раз, — откликнулся старик, судорожно хватая губами воздух, и попытался улыбнуться. Он сплюнул кровью, потом еще раз — и выплюнул окровавленную пчелу.

— Яд мне не страшен, — просипел он, — но пчелы изжалили меня изнутри. Мои бронхи и легкие забиты. Это старое тело, оно не способно справиться с такой обширной травмой. Это я говорю тебе как врач...

— Боже мой, вот это смерть, — прошептал он после долгой паузы.

У Конфетки все плыло и кружилось перед глазами, но она старалась удержать ускользающее сознание. Она не поняла, что означали эти последние слова... восторг? сожаление?

Неотвратимо погружаясь в темноту, она успела еще увидеть, как распахнулись все двери, ведущие снизу на верхнюю площадку Эмпайр Стейт Билдинг, и цвет полиции Нью-Йорка бурным потоком хлынул на сцену преступления.

Конфетка очнулась в госпитале через три дня, чувствуя себя гораздо лучше и сильнее, чем когда-либо в своей жизни. Ее родители все время дежурили возле нее. Они рассказали Конфетке, что ее привезли сюда в глубокой коме, и это настоящее чудо, просто невероятно, что она осталась жива.

Возможно, так оно и было на самом деле.

Кошмарные события той ночи странным образом изменили ее, трансформировали. Растерянная юная дуручка без денег и надежд исчезла без следа, ее больше не существовало. Конфетка ощущала себя совсем другой, заново рожденной личностью.

Воздух благоухал незнакомыми ароматами, весь мир выглядел изумительно ярким и свежим, руки и ноги Конфетки были мощными и упругими, словно свитые из крошечных переплетенных стальных пружинок. Ей казалось, что она может без труда пересечь весь Нью-Йорк, перепрыгивая с крыши на крышу.

Она чувствовала всем телом вибрацию какой-то машинерии, усердно работающей в укромных глубинах госпиталя. Слышала комариное зудение электричества в проводах своей палаты. Когда медсестра принесла ей цветы, Конфетка учуяла запах намного раньше, чем букет приблизился к ее двери, и это оказались маргаритки, как она уже, конечно, знала.

Разглядывая цветы, поставленные у изголовья ее кровати, Конфетка не могла не рассмеяться от дивного восторга при виде изысканных оттенков и узоров на лепестках, которые она раньше видела просто белыми.

Перевела с английского Людмила ЩЁКОТОВА

© James Maxey. The Last Flight of the Blue Bee. 2006. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2006 г.

SUPERгерой нашего времени

Выход на экраны фильма «Супермен возвращается» стал второй за последнее время попыткой вдохнуть новую жизнь в культового персонажа комиксов, популяризировать его среди молодого поколения зрителей (первой попыткой была картина «Бэтмен: Начало»). Каковы же закономерности и в чем смысл подобных процессов?

Кинокомиксов ныне снимают много: это весьма популярный жанр. Ошибется, однако, тот, кто объяснит эту популярность неразборчивостью массовой аудитории, пагубным пристрастием зрителя к аттракционам на большом экране. Отнюдь! Причина успеха фильмов вроде «Человека-паука» и «Людей Икс» уходит корнями в человеческое подсознание. Коротко говоря, супергерои из комиксов — это персонажи современной мифологии, порождение городской субкультуры. Живущие под страхом техногенных катастроф и разочаровавшиеся в традиционных религиях, нынешние горожане мечтают о новых защитниках, а инопланетяне они, жертвы генных мутаций или еще кто, не так уж и важно.

Если помнить об этом, многое становится понятным. И почему мало-мальски удачный кинокомикс моментально обрастает продолжениями и предисловиями. И по-

чему за этот жанр с охотой берутся талантливые режиссеры. Скажем, недавно экранизациями комиксов занялись авторы эстетских триллеров Кристофер Нолан («Memento») и Брайен Сингер («Обычные подозреваемые»). Первый снял картину «Бэтмен: Начало», а у второго сначала появились «Люди X» (первая и вторая серии), теперь же вышел фильм «Супермен возвращается». О нем и поговорим.

Прежде всего стоит сказать, что это полноценный сиквел картин «Супермен» (1978) и «Супермен II» (1980) — с отсылками к сюжетным коллизиям «первоисточника», с идентичным музыкальным оформлением и дизайном титров — и с теми же самыми персонажами. По сюжету, после победы над Лексом Льютором Супермен улетел погрузить над остатками своей родной планеты Криптон и отсутствовал пять лет. За это время Льютор вышел из тюрьмы, отыскал тайник Супер-

мена в ледяной пустыне, изучил криптоновские технологии и опять лелеет мечту о мировом господстве. А подруга нашего супергероя Лоис Лейн сошлась с коллегой по работе и воспитывает сына...

Проблема постановщика заключалась в том, что актеров, снимавшихся в «Суперменах» 30-летней давности, задействовать в новом проекте было нельзя: кто-то умер (как исполнитель заглавной роли Кристофер Рив), кто-то непоправимо постарел... И надо отдать должное Сингеру: замены ему удалось подыскать в основном достойные. Брэндон Рут действительно похож на Рива. А игра Кевина Спейси в роли Лекса Лютора, можно сказать, радует глаз. Да и компьютерщики не подкачали: цифровые технологии помогают создать на экране впечатляющие трюки (правда, в фильме продолжительностью два с половиной часа их могло быть и побольше).

Конечно, придаться в картине есть к чему. Кого-то наверняка смутит тот факт, что коварные планы Лютора решительно расходятся с законами физики. Он, видите ли, решил вырастить себе персональный континент в Северной Атлантике, вследствие чего США должны были оказаться под водой, а вот Европе с Африкой это почему-то не грозило. С другой стороны, недоумевать по данному поводу как-то глупо. На главного героя, как известно, даже закон всемирного тяготения не действует, что же нянчиться с жалким пра-

виллом сообщающихся сосудов? Таковы уж условия игры в этой сказке, и знатоков физики просят не беспокоиться...

Что же мы получили в итоге? Еще один киноаттракцион с падающими авиалайнерами и тонущими кораблями (два самых ярких эпизода ленты)? Еще одну историю о противостоянии Света и Тьмы? Два раза «да». Более того, Сингер всячески подчеркивает неомифологическую природу Супермена, не стесняясь проводить аналогии с самим Иисусом: мол, папа послал своего сына на Землю, чтобы у землян появилась надежда, чтобы они поверили в возможность праведной жизни. Это новое слово в «супермениане» — раньше происхождение героя вызывало ассоциации максимум с Моисеем.

Но едва ли можно заподозрить Сингера в глупой бравате: дескать, смотрите, какой крутой у меня персонаж! Здесь тонкий расчет: все делается для того, чтобы зритель вышел из кинозала с чувством защищенности. Пусть это чувство эфемерно, но ведь жить в современном мире, с его терактами и войнами, действительно станет легче. А поэт, написавший «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой», ошибся только в одном. Навешивание снов золотых в наши дни поставлено на поток, и занимаются этим здравомыслящие профессионалы. Но дорогу к «правде святой» воистину обнаружить не удалось.

Александр РОЙФЕ

КЛИК: С ПУЛЬТОМ ПО ЖИЗНИ

(CLICK)

Производство компаний Columbia Pictures Corporation, Revolution Studios и др., 2006.

Режиссер Фрэнк Корачи.

В ролях: Адам Сэндлер, Кейт Бекинсейл, Кристофер Уокен, Дэвид Хассельхофф, Шон Остин и др. 1 ч. 47 мин.

Есть такой особый комедийный субжанр: «комедия с таким-то». Этим «таким-то» является исполнитель центральной роли, актер со сложившимся стилем игры. Обычно, в зависимости от имени, можно заранее понять, что ждать от картины. В случае «фильма с Адамом Сэндлером» это комедия положений, одновременно нравоучительная и пошловатая, с умеренно кривляющимся исполнителем главной роли. А уж если ленту снял Фрэнк Корачи, не раз работавший в связке с Сэндлером, то иного и быть не может. Ан нет — в данном случае все не так просто.

Майкл Ньюман — архитектор-трудоголик. Карьера для него гораздо важнее родителей, жены, детей... Короче, банальнейший конфликт голливудского розлива — семья versus работа. Но вот на жизненном пути Майкла встречается Морти — странная помесь классического киношного «безумного профессора» с Ангелом смерти (Кристофер Уокен в этой роли выглядит несколько необычно, но, как всегда, блестяще). Морти дарит нашему герою волшебный универсальный пульт ДУ. С его помощью можно управлять всеми и вся: кнопкой громкости заглушить лающую собаку и ругающуюся жену, кнопкой «пауза» остановить события, можно просмотреть, оставаясь невидимым наблюдателем, эпизоды из своей прошлой жизни. Но самой главной кнопкой для трудоголика оказалась «ускоренная перемотка вперед», позволяющая проматывать «необязательные» моменты жизни.

И вот когда пульт начал *вести себя* и скачками перемещать героя по жизни в будущее, комедия неожиданно заканчивается. А начинается нечто прямо противоположное. Героя неумолимо тянет вперед во времени — через радостные и печальные моменты будущей жизни, взлеты и падения, свадьбы детей и смерти родителей — к неминуемой одинокой старости и смерти. Под неустанным контролем исследователя Морти. И, несмотря на банально-нравоучительный хэппи-энд, от фильма остается двоякое впечатление... Странное сочетание пошловатой комедии и философской притчи — это неожиданно, не правда ли?

Тимофей ОЗЕРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(VOLVER)

Производство компаний El Deseo S.A., Canal+ España и Televisión Española (Испания), 2006.

Режиссер Педро Альмодовар.

В ролях: Пенелопа Круз, Кармен Маура, Лола Дуэньяс и др. 2 ч.

Знатокам кино Педро Альмодовара представлять не надо. Один из ведущих режиссеров современности, практически живой классик, лауреат всех серьезных кинопремий... При этом фантастику он обходил стороной (разве что вспомнить двадцатилетней давности ленту «Матадор»). Его амплуа — жесткое бытописание, порой несколько сюрреалистичное, причем из-за чрезмерного реализма.

В новой ленте, несмотря на ее откровенно мистический сюжет, Альмодовар верен себе. В картине действует призрак, но режиссера не интересует саспенс — пусть этим занимаются мастера хоррора. Фантастика здесь даже и не прием — так, сюжетная линия, почти ничего не меняющая в концепции картины. Пожалуй, так создать блестящее реалистическое кино на фантастическом сюжете сейчас может лишь Альмодовар...

Режиссер обращается к любимой теме — женщина на грани нервного срыва в современной действительности. У двух сестер неожиданно появляются тайны друг от друга. У одной дочка прервала папину жажду инцеста при помощи столового ножа, и надо как-то вывезти и спрятать труп. У другой ситуация не лучше — с того света вернулась их мама, но просит ничего не говорить первой сестре. При этом, как всегда, и быт, и события тщательно прорисовываются.

В очередной раз Альмодовар обращается к проблеме отцов (точнее, матерей) и детей. В очередной раз блестяще играют главные героини. Чуть выделяется Пенелопа Круз, неведомыми путями занесенная с голливудского Олимпа в испанское авторское кино; выглядит она (скорее всего, умышленно) почти как Софи Лорен в молодости. Любимая актриса Альмодовара Кармен Маура бесподобна в роли матери. Впрочем, и остальные не отстают. Недаром приз последнего Каннского фестиваля в номинации «Лучшая актриса» достался сразу всей группе из шести женщин. Подождем следующего «Оскара». Участие голливудской звезды сильно повышает шансы режиссера получить очередную статуэтку в номинации «Лучший иностранный фильм».

Тимофей ОЗЕРОВ

ХОТАБЫЧ

Производство кинокомпании СТВ (Россия), 2006.

Режиссер Петр Точилин.

В ролях: Мариус Ямпольскис, Владимир Толоконников, Марк Гейхман и др. 1 ч. 30 мин.

«Вот, блин, с чего начать-то?»

Собственно, после этого можно уже не начинать. Ибо если на первых секундах зрителю выкладывают «тонкую лепешку из жидкого теста, испеченную на сковороде» (С.И.Ожегов), то ждать ему американской молодежной комедии, которая по общеевропейскому мнению — кстати, разделяемому многими звезднополосатыми гражданами — отличается утробным «юмором», нелепым сюжетом, придурковатыми героями и чудовищным слэнгом. Это не беспомощность создателей, не бездарность актеров и не куций бюджет — такова общепринятая стилистика, родовая печать жанра по другую сторону океана.

И картина ни в чем не обманет ожиданий! Фильм сделан по всем канонам, тютелька в тютельку. Молодой придурок несправедливо выуживает из интернета странный кувшин, в котором обнаруживается сексуально озабоченный джинн. За убогим юношей охотятся не менее убогие бандиты (почему-то им нужен именно этот недоделанный хакер), а за изнемогающим от сладострастия духом — его недруг Шайтаныч (вот вам и положенный актуальный мазок). Ну а далее сюжет начинает предлагать такие нелепости, что осознать их без пива — пусть не джиннова, а рядового, «Клинского» — практически невозможно.

Словом, типичное американское молодежное кино.

А... понятно... вас смущает производитель — Россия? Что ж, вы не одиноки: некоторые отечественные кинокритики попытались назвать это кино сатирой. На целое поколение, на его мотивацию и существование: «Мы живем здесь», то бишь в Сети, и так хотим жить...

Да только не видно во всем этом действе сатиры. Есть мутное зеркало — книга «Медный кувшин старика Хоттабыча» Сергея Обломова, — в котором режиссер попытался это поколение увидеть. И сделать актуальную молодежную комедию по американским стандартам. Перед нами вещь без преувеличения знаковая, ведь режиссер совершил своего рода прорыв: по дебильности фильм не уступает «лучшим образцам жанра» страны молодежных комедий.

Но ирония в том, что большинство публики этого даже не заметит.

Валентин ШАХОВ

МНОГОЛИКИЙ МАРС

**Предлагаем
вашему вниманию
третий обзор
из серии
«Кинопробы
космической
экспансии».
На этот раз
речь пойдет
о самой любимой
фантастами
планете Солнечной
системы.**

На протяжении последних полутора сотен лет представление прогрессивной части человечества о Марсе менялось много раз.

В середине XIX века большая часть образованных людей полагала, что если Марс не населен духами умерших людей или злобными элементами, как говорят некоторые священники, то уж точно там живут такие же человекоподобные существа, как мы с вами, испытывают те же трудности, страдают от тех же страстей.

Однако в октябре 1877 года миланский астроном Джованни Скиапарелли открыл так называемые марсианские «каналы» — сеть тонких прямых линий, покрывавших всю поверхность красной планеты. Это был оптический обман, но почти на целое столетие гипотеза о

том, что на Марсе существует высокоразвитая цивилизация, построившая глобальную ирригационную сеть, владела умами, давая хороший повод для дальнейших рассуждений и обобщений.

В те времена считалось, что Марс намного старше Земли, а потому в марсианах хотели видеть персонажей будущего, опередивших нас в развитии: эти существа уже преодолели национальную рознь, поднялись на высочайший культурный уровень и создали настоящий рай. У гуманитариев и революционеров возник непреодолимый соблазн использовать Марс как символ утопии — разумеется, каждый из авторов, бравшихся писать о народах красной планеты, предлагал читателям свое представление о «светлом будущем».

Появились рассказы на эту тему, романы и целые эпопеи. А с воцарением кинематографа — и фильмы.

Цивилизации Марса

Первый известный фильм о красной планете был на самом деле фильмом о полете на Луну. Под названием «Путешествие на Марс» американские кинопираты крутили в начале XX века незабвенную ленту Жоржа Мельеса «Путешествие на Луну» (1902).

В 1910 году фильм Мельеса купила кинокомпания Эдисона и, слегка перемонтировав его, вновь запустила в прокат под тем же самым названием — «Путешествие на Марс».

Настоящий фильм о полете на Марс, «Небесный корабль», сняли не американцы, а датчане — в 1917 году. Режиссер Форест Холгер-Мадсен решил осчастливить человечество своим видением настоящей утопии. Немой полуторачасовой (!) фильм демонстрировал все перипетии космического полета на корабле, построенном профессором Планитариусом и управляемом гордым капитаном Аванти. Преодолев за несколько месяцев межпланетное пространство, земляне высадились на Марс и встречали там дружелюбную цивилизацию, давно отказавшуюся от мясоедения и вредных привычек. Дочь местного вождя согласилась вернуться с межпланетниками на

Землю, чтобы принести людям слово любви и мира.

Через три года в той же Дании тоже купили ленту Мельеса о путешествии на Марс (то есть на Луну), досняли несколько эпизодов и получили новую картину под старым названием, посвященную рассказу о межпланетном полете безумного профессора, встретившего на Марсе говорящие деревья и расу гигантов.

Параллельно с датчанами свой вариант марсианской утопии представили итальянцы. В фильме «Путешествие на Марс» (фантазия у киношников не ахти) показана марсианская община, члены которой ходят в белом, не работают и вообще живут в полное удовольствие. Но и здесь нашлась принцесса, согласившаяся покинуть родовое гнездо для того, чтобы принести людям Земли знание об идеальном устройстве общества.

В 1921 году к освоению Марса наконец-то подключились американцы. Первый оригинальный фильм на эту тему «Корабль, отправленный к Марсу» снял Раймонд Гриффич: сюжет, правда, был уже совсем неоригинален и сводился к демонстрации подготовки и осуществления межпланетного полета.

Однако самый яркий и заметный фантастический фильм той эпохи сняли в Советской России. Картина «Аэлита», созданная в 1924 году режиссером Яковым Протазано-

вым по мотивам романа Алексея Толстого, стала настоящим событием в киноискусстве. Известно, впрочем, что сам Толстой недолюбливал эту экранизацию. Скорее всего, за то, что в ней искажена одна из главных идей: если в романе полет советского космического корабля на Марс из разрушенной войной России символизирует прорыв в сферу новых возможностей, которые открывает перед людьми коммунистическая революция, то в фильме этот полет происходит в воспаленном воображении запутавшегося в бытовых проблемах инженера Лося. Освободившись из плена иллюзий, Лось сжигает чертежи межпланетной ракеты. Зрители расходятся в недоумении: при чем здесь Марс и Аэлита?..

Все-таки тема покорения Марса в 1920-е годы была не слишком актуальна. На Земле, на одной шестой части суши разворачивался куда более грандиозный социальный эксперимент по строительству утопии, чем могли себе представить фантасты XIX века. Поэтому, после «Аэлиты» можно назвать только одну значительную киноленту довоенного периода, посвященную Марсу. Это американская киносага о супергерое комиксов Флэше Гордоне, спасающем мир от всяческих злодеев. В 1938 году вышла очередная часть саги — пятнадцатисерийный фильм «Путешествие Флэша Гордона на Марс»

(другое название — «Флэш Гордон: Марс атакует Землю»). Сюжет этой части вполне соответствует духу комикса — то есть лишен малейших признаков достоверности. Император Минг Безжалостный задумал уничтожить атмосферу Земли, используя с этой целью особую установку, построенную на Марсе под руководством коварной королевы Азуры. Флэш Гордон и его команда отправляются на Марс, чтобы разрушить зловещие планы, и, разумеется, вполне успешно справляются с этим делом. Несмотря на деревянные декорации и отвратительную игру актеров (роль Флэша Гордона, кстати, исполнил олимпийский чемпион пловец Бастер Крэбб), сериал пользовался популярностью у подростков и коммерчески оказался весьма успешен. В 1966 году американские телевизионщики попытались реанимировать «Флэша Гордона», выпустив минисериал «Смертельный луч с Марса», но, похоже, время этого супергероя ушло, и римейк не собрал достаточной аудитории.

Варвары Марса

Перед второй мировой войной астрономы при помощи новейших приборов сделали очень неприятное открытие: Марс оказался совсем не похож на Землю — выяснилось, что это очень сухая, холодная планета с крайне разреженной атмосферой. Тем не менее

считалось, что жизнь на красной планете все-таки возможна, хотя вряд ли эта жизнь смогла породить высокоразвитую цивилизацию.

Новый образ Марса был немедленно обыгран в научной фантастике. К концу 1940-х годов за осмысление этого образа взялся американский кинематограф.

Фильм «Ракетный корабль Икс-М», во многом предопределивший черты грядущего «космического» бума в кинематографе, появился в 1950 году. Творение Курта Ноймана сегодня вызывает смех, но по тем временам это был настоящий шедевр. Неудивительно, что его кассовые сборы превосходили другую картину из той же «оперы» — концептуальный фильм «Место назначения — Луна» (1950).

В центре сюжета — космический полет. Но не на Марс, а на Луну. Однако в результате ошибки в расчетах и поломки ракетный корабль «Икс-М» улетает далеко в космос и падает на красную планету. Там астронавты находят руины цивилизации, погибшей в результате атомной войны и действий агрессивных дикарей, которые при встрече тут же убивают двух членов экипажа. Оставшиеся трое стартуют с Марса и пытаются вернуться на Землю, но у них заканчивается топливо, и корабль разбивается при посадке. Помимо стильных костюмов и декораций, черно-белый фильм привлекал и оригинальной находкой: сцены на Марсе были отсняты в крас-

ных тонах, на специальную пленку, что создавало особую атмосферу проникновения в чуждый землянам мир (этим трюком режиссеры, снимающие фильмы о красной планете, пользуются до сих пор).

«Ракетный корабль Икс-М» обрел множество поклонников, его периодически показывали по телевидению, а в 1970-е некоторые эпизоды были даже досняты с использованием новейших визуальных эффектов.

Следующая кинолента на ставшую популярной тему не заставила себя ждать. В 1951 году на экраны США вышел фильм Лесли Селандера «Полет на Марс». На этот раз в путешествие отправляется атомный ракетоплан, построенный военными по заказу ученых. Там земляне встречают марсиан, обитающих в подземном городе. Оказалось, «братья по разуму» исчерпали ресурсы своей планеты, их цивилизация — на грани вымирания. Последняя надежда — вторжение на Землю, для чего необходимо захватить атомный ракетоплан. Однако прекрасная марсианка Элита, влюбленная в командира экспедиции Джима Бекера, предупреждает землян, и те спешно эвакуируются.

Несмотря на то, что «Полет на Марс» был целиком снят в цвете, он уже казался вторичным по отношению к «Ракетному кораблю Икс-М» (некоторые эпизоды прямо позаимствованы из более раннего

фильма) и не вызвал большого интереса у зрителей.

«Космический» бум в кинематографе породил целую волну низкопробных поделок. Среди них и комедия «Абботт и Костелло отправляются на Марс», выпущенная Чарли Лемонтом в 1953 году. Два комика-«идиота» Лестер и Орвилл (соответственно, Абботт и Костелло) летят на Марс, но попадают на карнавал в Новом Орлеане, а оттуда — на Венеру, где царствуют прекрасные амазонки. Фильм имеет довольно отдаленное отношение к научной фантастике, как, впрочем, и к юмору: западные кинокритики отмечают, что «Абботт и Костелло...» — лишь один из множества фильмов того времени, снятый на тему мужских эротических фантазий, ничего нового в нем нет.

Свое слово о Марсе решил сказать и Байрон Хаскин, прославившийся первой американской кинопостановкой «Войны миров» (1953). В 1955 году он выпустил ленту «Завоевание космоса», к созданию которой привлекли специалистов по космонавтике. Поскольку космические технологии, показанные в фильме, были позаимствованы из «Марсианского проекта» Вернера фон Брауна, одним из консультантов выступал Вилли Лей — ракетчик, популяризатор и фантаст, плотно работавший с этим немецким конструктором. Картина посвящена не только полету на Марс, но, в основном, рассказу о грядущем покорении

космического пространства: строительство орбитальной станции, высадка на Луну и так далее. К Марсу решают лететь совершенно неожиданно: зная о грядущем Великом противостоянии Марса, генерал Самуэль Т.Меррит принимает решение об осуществлении «быстрой» экспедиции на Марс. Однако сам по дороге сходит с ума, слышит «голос Бога», запрещающий высадку, и всячески вредит кораблю и экипажу...

В 1959 году Эйб Мельхиор снял фильм «Злая красная планета», совместив тему марсианских чудовищ с темой полета на Марс, ведь до этого чудовища сами прилетали на Землю. Из космоса возвращается корабль, с которым была утрачена связь. Оказывается, на красной планете земляне столкнулись с ужасающим монстром — помесью летучей мыши и гигантского крабопаука. Монстр едва не уничтожил весь экипаж корабля, а встреченный гуманоидный марсианин дал бесплатный совет: «Земляне, оставайтесь дома!».

Спутники Марса

Запуск первого искусственного спутника и уверенное лидерование СССР в области космических технологий возродили в Советском Союзе интерес к космической фантастике. В результате появилось два этапных фильма — «Небо зовет» (1959) и «Мечте навстречу» (1963).

Первый из них, созданный Александром Козырем и Михаилом Карюковым, повествует о «космической гонке» между двумя кораблями: советским и американским. Американцы стремятся первыми высадиться на Марс, но из-за своей поспешности терпят катастрофу и падают на Солнце. Тогда и советскому кораблю приходится изменить курс, чтобы спасти американцев от неминуемой гибели. В конце концов никто на Марс не попадает, а уже всем вместе приходится искать убежище на астероиде Икар.

Второй фильм снял тот же Михаил Карюков при участии Отара Коберидзе. На этот раз Марс становится местом встречи двух цивилизаций — землян и обитателей планеты Центурия. Корабль центуриан терпит крушение, а его экипаж спасается на Фобосе, где их и находят советские космонавты. Кстати, именно в этом фильме впервые прозвучала песня Евгения Долматовского с историческим рефреном: «И на Марсе будут яблони цвести!».

Фильмы удивительно хорошо сняты для своего времени: без идеологической истерии и сюсюканья. А уровень спецэффектов был по достоинству оценен в стане конкурентов: обе ленты закупили для проката западные компании, а фильм «Небо зовет» даже стал предметом «творческого осмысления» режиссером Френсисом Фордом Копполой,

выпустившим в 1963 году свою версию «марсианской гонки» под названием «Битва над Солнцем». Переозвучив оригинальные эпизоды и превратив по привычке русских в американцев, Коппола решил украсить фильм своим изобретением: заменил Икар на Ангкор (спутник Марса! — первый раз слышу о таком спутнике), а на Ангкоре поселил страшных чудовищ, которые начали астронавтов хватать и поедать. Ну не могут американцы летать в космос, если там нет монстров!

Вообще Голливуд в тот период плотно взялся за освоение марсианской темы, однако представления режиссеров о красной планете заметно отличались от данных астрономических наблюдений. В 1964 году появилось сразу три фильма. «Робинзон Крузо на Марсе» (режиссер — Байрон Хаскин) повествовал о злоключениях космического «робинзона» — астронавта, потерпевшего катастрофу на Марсе. «Санта Клаус завоевывает марсиан» (режиссер — Николас Вебстер) рассказывал о том, как похищенный зелеными марсианами американский Дед Мороз вправляет инопланетянам мозги, объяснив, в чем прелесть Рождества. Фильм «Невидимый враг» (снова Байрон Хаскин) развивал тему марсианских чудовищ, поедающих неосторожных астронавтов.

В 1965 году вышел фильм «Волшебник Марса» Дэвида Хэвитта.

Вновь — крушение на Марсе, загадочные руины, древние каналы и коварные монстры.

В 1966 году зритель мог наслаждаться двумя кинолентами: «Предвестники бури» (Дэвид Лейн) и «Планета крови» («Королева крови», Куртис Харрингтон).

Первый фильм представлял собой довольно необычный эксперимент — это полнометражный кукольный фильм, посвященный подробному рассказу о строительстве космического корабля «Зеро-Икс» и о полете к красной планете. Хотя этот роскошный мультимедийный фильм снимали не американцы, а британцы, без чудовищ не обошлось — на Марсе отважных астронавтов встретили огромные змеи.

Второй фильм интересен тем, что в нем использованы некоторые сюжетные ходы и даже отдельные фрагменты из советской картины «Мечте навстречу», но вместо добродушных центурианцев на Марс прилетает человекоподобная «королева роя», питающаяся кровью. Кстати, Харрингтон уже не в первый раз перерабатывал советские фильмы — за год до «Планеты крови» он выпустил поделку «Путешествие на доисторическую планету» на основе «Планеты бурь» Павла Клушанцева (1961).

Пески Марса

Разочаровывающие открытия межпланетных автоматических станций, доказавших, что Марс

представляет собой вымороженную безжизненную планету, привели к кризису не только в космической отрасли, но и в фантастике. Потерялась большая и красивая цель.

В начале 1970-х зазвучали совсем другие нотки. Уже в «Астронавте» режиссера Роберта Левиса (1972) поднята тема фальсификации — американский астронавт погибает при посадке на Марс, однако, чтобы зафиксировать приоритет в освоении космоса, американское правительство идет на подлог: по секретному заказу телевизионщики снимают в павильоне высадку на Марс, выдавая поделку за документальные кадры, а вместо настоящего межпланетного путешественника в семью возвращается двойник.

Тему развил Питер Хеймс в фильме «Козерог-1» (1978). Здесь предложен более жестокий вариант: сфальсифицирован весь полет от начала до конца, а когда корабль разбивается при возвращении на Землю, астронавты, исправно игравшие свою роль в постановке, понимают, что обречены, и совершают побег.

В этих фильмах выражена обида на космонавтику, которая обманула, поманив к Марсу, но подсунула вместо живой планеты скучный мертвый шарик. К счастью, те же самые научно-исследовательские станции вернули надежду: на Марсе были обнаружены русла высох-

ших рек, а более поздние исследования показали, что там может существовать примитивная жизнь.

В 1990-е годы мы увидели новый Марс: теперь эта планета целиком и полностью принадлежит землянам, и они в меру сил изучают и осваивают ее. Такие фильмы, как «Красная планета» по романам Роберта Хайнлайна (1994), «Космос 2063» (1995), «Проект «Сибирь» (1995), «Четвертая планета» (1995), «МАРС 2056» (1996), «Специальный репортаж: Журналист на Марсе» (1996), «Человек-ракета» (1997), «Чужой груз» (1999), «Побег с Марса» (1999), «Миссия на Марс» (2000), «Марсианская одиссея» (2002), закрепили это представление в сознании кинозрителя и любителя фантастики. Теперь все знают, что на красной планете нет никаких каналов, нет морей и атмосферы. Теперь Марс — это ржавый шар, пересеченный наискось долиной Маринеров. Но даже такой Марс остается вызовом человечеству. Только покорив его, мы откроем дорогу к звездам.

Зеленые холмы Марса

Еще в 1980-е ученые заговорили о том, что Марс может быть терраформирован, то есть превращен во вторую Землю. И действительно, красная планета содержит значительные запасы воды в состоянии льда и кислорода в виде окислов. Если растопить полярные шапки Марса и каким-то образом (напри-

мер, с помощью генетически-модифицированных бактерий) освободить кислород, красная планета за два-три века может стать зеленой. И тогда появится реальная возможность для ее заселения.

Фантастам понравилась тема терраформирования — она открыла новые перспективы.

Уже в 1990 году вышел великолепный фильм Пола Верховена «Вспомнить всё» по классическому рассказу Филипа К. Дика «Продажа воспоминаний по оптовым ценам» (1966). Горняк Дуглас Куэйд в исполнении Арнольда Шварценеггера не только отправляется на ржавый Марс, чтобы вернуть свое прошлое, но и с помощью инопланетной установки терраформирует красную планету в рекордные сроки — за пять минут зрительского времени!

Терраформированный в той или иной степени Марс фигурирует в анимэ-сериалах, посвященных конфликтам будущего: «Эрмитаже III» (1994), «Большая война» (1997) и «Ковбой Бебоп» (1998). А в пародийной «Футураме» (1999) Марс вообще напоминает огромную техасскую ферму, к тому же здесь построен университет для людей и роботов.

Однако терраформирование Марса может быть сопряжено с трудностями и опасностями. Серьезные проблемы встают перед землянами в фильме Энтони Хоффмана «Красная планета» (2000) — про-

цесс идет в разрез с планами, а промедление грозит вымиранием человечества.

К жутким результатам приводит преобразование красной планеты в фильме Джона Карпентера «Призраки Марса» (2001) — на волю вырываются духи древних марсиан, уничтожающие всё живое.

Колонизация Марса в фильме «Дум» (2005), снятом Анджеем Бартковяком по одноименной компьютерной игре, тоже приводит к печальным последствиям: красная

планета превращается в настоящий ад, населенный ходячими мертвецами и жуткими монстрами.

Поистине тема Марса неисчерпаема! И прежде всего потому, что разговор о красной планете — это разговор о нас с вами: о наших мечтах, о наших проблемах, о наших страхах.

Луна, Венера, Марс — лишь образы. Пока лишь образы. Главное для человека всегда остается на Земле. Не забыть бы вернуться...

Антон ПЕРВУШИН

Марсианская фильмография:

- 1903 год — «Путешествие на Марс» («A Trip to Mars», США)
- 1910 год — «Путешествие на Марс» («A Trip to Mars», США)
- 1917 год — «Небесный корабль» («Himmelskibet», Дания)
- 1920 год — «Путешествие на Марс» («A Trip to Mars», Дания)
- 1920 год — «Путешествие на Марс» («A Trip to Mars», Италия)
- 1921 год — «Корабль, отправленный к Марсу» («The Ship That Was Sent off to Mars», США)
- 1924 год — «Аэлита» (СССР)
- 1924 год — «Путешествие на Марс» («A Trip to Mars», м/ф, США)
- 1930 год — «До Марса» («Up to Mars», м/ф, США)
- 1938 год — «Флэш Гордон: Марс атакует Землю» («Flash Gordon: Mars Attacks the World», США)
- 1938 год — «Путешествие Скрэппи на Марс» («Scrappy's Trip to Mars», м/ф, США)
- 1950 год — «Ракетный корабль Икс-М» («Rocketship X-M», США)
- 1951 год — «Полет на Марс» («Flight to Mars», США)
- 1953 год — «Абботт и Костелло отправляются на Марс» («Abbott and Costello Go to Mars», США)
- 1955 год — «Завоевание космоса» («Conquest of Space», США)
- 1957 год — «Полет на Марс» («Die Fahrt zum Mars», ФРГ)
- 1957 год — «Марс и дальше» («Mars and Beyond», м/ф, США)
- 1959 год — «Злая красная планета» («The Angry Red Planet», США)

- 1959 год — «Небо зовет» (СССР)
- 1960 год — «Назначение — космос» («Assignment Outer Space», Италия)
- 1962 год — «Космический патруль» («Space Patrol», США)
- 1963 год — «Мечте навстречу» (СССР)
- 1963 год — «Битва над Солнцем» («Battle Beyond the Sun», США)
- 1964 год — «Робинзон Крузо на Марсе» («Robinson Crusoe on Mars», США)
- 1964 год — «Санта Клаус завоевывает марсиан» («Santa Claus Conquers the Martians», США)
- 1964 год — «Невидимый враг» («Invisible Enemy», США)
- 1965 год — «Волшебник Марса» («The Wizard of Mars», США)
- 1966 год — «Планета крови» («Planet of Blood», США)
- 1966 год — «Предвестники бури» («Thunderbirds Are GO», м/ф, Британия)
- 1966 год — «Смертельный луч с Марса» («Deadly Ray from Mars», США)
- 1968 год — «Марс» (СССР)
- 1968 год — «Миссия — Марс» («Mission Mars», США)
- 1972 год — «Астронавт» («The Astronaut», США)
- 1974 год — «Марсианские хроники» («Les Chroniques Martiennes», Франция)
- 1974 год — «Девять жизней кота Фрица» («The Nine Lives of Fritz the Cat», м/ф, США)
- 1978 год — «Козерог-1» («Capricorn One», США)
- 1980 год — «Марсианские хроники» («The Martian Chronicles», США)
- 1980 год — «Марсианский человек» («Mars Men», Тайвань)
- 1982 год — «Суперпревосходная крепость Макросса» («The Super Dimension Fortress Macross», США)
- 1985 год — «Убийство в космосе» («Meurtres dans l'espace», США—Канада)
- 1986 год — «Звездный кристалл» («Star Crystal», США)
- 1990 год — «Вспомнить всё» («Total Recall», США)
- 1993—1995 годы — «Экзоотряд» («Exosquad», м/ф, США)
- 1994 год — «Красная планета» («Red Planet», США)
- 1994 год — «Эрмитаже III» («Armitage III», м/ф, Япония)
- 1995 год — «Космос 2063» («Space 2063», США)
- 1995 год — «Проект «Сибирь»» («Projet Siberia», США)

- 1995 год — «Четвертая планета» (Россия)
- 1996 год — «МАРС 2056» («MARS 2056», США)
- 1996 год — «Специальный репортаж: Журналист на Марсе» («Special Report: Journey to Mars», США)
- 1996 год — «Марсианский наследник Недесико» («Martian Successor Nadesico», м/ф, Япония)
- 1997 год — «Человек-ракета» («RocketMan», США)
- 1997 год — «Марс привлекает» («Mars Attracts», США)
- 1997 год — «Большая война» («Big Wars», м/ф, Япония)
- 1998 год — «Особь 2» («Species II», США)
- 1998 год — «Отважный маленький тостер отправляется на Марс» («The Brave Little Toaster Goes to Mars», м/ф, США)
- 1998 год — «Ковбой Бебоп» («Cowboy Bebop», м/ф, Япония)
- 1998 год — «Марсианин Недесико: принц тьмы» («Martian Nadesico: The Prince of Darkness», м/ф, Япония)
- 1999 год — «Чужой груз» («Alien Cargo», Австралия)
- 1999 год — «Побег с Марса» («Escape from Mars», США—Канада)
- 1999 год — «Вспомнить всё, 2070 год» («Total Recall 2070», США)
- 1999 год — «Футурама: Марсианский университет» («Futurama: Mars University», м/ф, США)
- 2000 год — «Миссия на Марс» («Mission to Mars», США)
- 2000 год — «Красная планета» («Red Planet», США)
- 2000 год — «Марс и дальше» («Mars and Beyond», США)
- 2001 год — «Призраки Марса» («Ghosts of Mars», США)
- 2001 год — «Фантастические миры Герберта Уэллса» («The Infinite Worlds of H.G. Wells», США)
- 2002 год — «Марсианская одиссея» («Stranded», Испания)
- 2002 год — «Последний на Марсе» («Lost on Mars», США)
- 2002 год — «Проект «Гадюка»» («Project Viper», США)
- 2003 год — «Империя угрозы» («Empire of Danger», США)
- 2003 год — «Рождество на Марсе» («Christmas on Mars», США)
- 2003 год — «Дух удивления» («Spirit of Wonder», м/ф, Япония)
- 2004 год — «BBC: Космическая одиссея. Путешествие по планетам» («BBC: Space Odyssey — Voyage to the Planets», Великобритания)
- 2005 год — «Дум» («Doom», США)
- 2005 год — «На Марс!» («Go Mars!», Тайвань)
- 2005 год — «Том и Джерри: Полет на Марс» («Tom et Jerry: Blast off to Mars», м/ф, США)

В Л А Д И С Л А В
К Р А П И В И Н

АМПУЛА

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Первая часть. Инск

Глава 1

Пока я подрастал, меня называли по-разному. То есть в документах стояло, конечно, одно и то же имя, а остальные можно считать кличками.

Первая из них, еще в самой младшей группе детдома — Дуня. Сокращенное от прозвища Одуванчик. Потом, когда волосы перестали пушисто шетиниться и сделались гладкими, появилось другое прозвище — Седой. Оно продержалось до перевода в школьный сиротский интернат. К тому времени волосы хотя и оставались очень светлыми, но были уже не чисто белыми, а как бы присыпанными истертой в пыль золой...

В интернате стали меня звать сокращенно от фамилии — Клим.

У Моргана обращались ко мне почти по-нормальному: Гриня. Потому что Морган сам так стал меня называть. Ласково. Но все знали, что порой кроется за этой ласковостью...

Потом, в спецшколе, получил я новую кличку — Стрелок. Потому что всем было известно про мою стрельбу, когда ментухай окружили меня с Пузырьком и Тюнчиком на Волохинском разъезде...

Было у меня еще одно имя, но его никто из ребят не знал. Я крепко держал его про себя. Потому что оно было для меня дороже всех. Это имя стало мне известно из письма, которое... Хотя нет, про письмо потом...

И Мерцалов звал меня так же — Стрелок, хотя ему-то полагалось звать воспитанников по фамилии. Он был один из воспитателей. Не руководитель группы, а помощник начальника по какой-то там линии. Мы с ним редко сталкивались, я даже не думал, что он меня помнит. Но три дня назад, когда был урок математики, Мерцалов заглянул в класс и окликнул меня так по-свойски:

— Стрелок, пойдём-ка со мной, голубчик, тетя доктор зовет...

Я подумал: опять на допрос. Начнут десятый раз пытаться про одно и то же. А я ведь давно уже рассказал все, что знал, вывернул себя наизнанку! Чего еще надо-то?

Но оказалось, надо не это. «Тетя доктор» (а точнее, фельдшерница Зинаида Матвеевна) приготовила шприц и велела мне спустить штаны. Я спросил:

— А что это за раствор?

— Узнаешь, — улыбнулся Мерцалов (он был рыхлый и вроде бы добродушный, но с тонкими, как у коварной киношной красавицы, губами).

Я сказал Зинаиде:

— Дайте, я сам воткну, я умею...

Дело в том, что год назад у меня нашли какую-то болезнь (с непонятным названием: то ли «дебют», то ли «дубликат»). Мне пришлось таскать с собой шприц и ампулы и несколько раз в день самому себе делать уколы, иначе мог помереть. Так мне сказали. Позже выяснилось, что диагноз был ошибочный и втыкал иголки с лекарствами я в себя зря. Директор интерната с треском уволил врачей...

Но сейчас Мерцалов сказал:

— Не суй лапы, Стрелок. Зинаида Матвеевна — профессионал...

Когда я застегнул лямки комбинезона, он за плечо вывел меня в коридор, оглянулся и полушепотом объяснил:

— Теперь слушай сюда, мальчик. Ты у меня на поводке. Покрепче якорной цепи. Это снадобье — спецсредство. Ровно через тридцать суток у тебя вот тут, — он твердым пальцем ткнул мне рядом с лямкой, под левую ключицу, — появится розовый бугорок. Будет чесаться и немножко болеть. Пару часов. А потом бугорочек этот превратится в красное пятно, вроде амёбы. И если в это время не сделать второй укол данного препарата, мальчик тихо отойдет в царство небесное. И никто не поймет, в чем причина... Врубился, Стрелок?

Я сказал со слезинкой:

— Чё вам еще от меня надо-то? Я же всё рассказал, до самой мелочи! Всё, что помню!

— А надо и то, что не помнишь. Есть такая штука: подсознание. В нем иногда прячется информация, о которой человек и сам не ведает. Здесь эту информацию у тебя выскрести не сумели, поэтому поедем в клинику особого института, в Горнозавойск... Да не бойся, там больно не делают, просветят мозги, вот и все. И кормят до отвала, потому как будешь не воспитанник, а пациент...

— Все равно не в коня корм, зря только потратятся, — искренне сказал я.

— А тебе-то что? Прокатишься, на белый свет помотришь из поезда, вкусно покушаешь... А чтобы не слинял по дороге, в тебе вот эта самая, выражаясь по-научному, инъекция. Будешь помнить, что отправишься на встречу с родителями (ну, не обижайся), если в нужный момент я не окажусь рядом. А я окажусь, если будешь вести себя хорошо. И тогда — вот это... — Он вытянул из внутреннего кармана пиджака замшевую коробочку, похожую на футляр маленькой авторучки. Открыл. Там лежал упакованный в целлофан шприц с колпачком на игле, а рядом тонкая прозрачная ампула с длинным кон-

цом. — Собственноручно воткну тебе куда следует. И живи тогда до ста лет. Глядишь, принесешь пользу Империи... Усёк?

Я посопел и кивнул. А что делать? В этой «конторе» спорить не полагалось, иначе пожалеешь сто раз.

— И поймей в виду, Стрелок мой ненаглядный. Названия данной жидкости ты не знаешь, поэтому и найти другую дозу нигде не сможешь. Уяснил ситуацию? Отвечай согласно уставу.

Я опустил руки вдоль мятых комбинезонных штанов, глянул Мерцалову в лоб и ответил согласно уставу:

— Так точно, понял, господин воспитатель.

Он опять подобрел:

— Не надо «господина воспитателя», можешь обращаться «Ефрем Зотович». Мы с тобой теперь одной ниточкой связаны. Ты от меня никуда, и я тебя блюсти должен. Так что будем проявлять взаимное понимание. Уговор?

— Так точно, гос... Ефрем Зотович.

— Вот и ладненько. Выезжаем завтра утром. Собери имущество...

Рано утром школьный фургон отвез нас в столицу, на маленький вокзал, который назывался Елисеевский. Сели в поезд — странный, прямо вингрет какой-то. За блестящим вагоном-рестораном была почему-то прицеплена теплушка, будто из военного фильма, за ней синий пассажирский вагон с надписью «Абакан», а следом красный с надписью «Торпеда». А за «Торпедой» стоял вагончик словно из музея или из кино про ковбоев, индейцев и американских грабителей. Но самое удивительное было еще дальше: мы подошли к вагону, каких я не видел ни в кино, ни на самом деле. Похоже, что какой-то регентский салон на колесах. Одна половина его была сплошь застеленная, даже крыша. А вторая — четыре двухместных купе. Это я разглядел, когда мы оказались внутри. Да, именно в этот вагон подтолкнул меня Мерцалов, когда проходили у подножки:

— Грузись, Стрелок...

Я послушался, а в тамбуре оглянулся и увидел, как Мерцалов показывает усатому проводнику бумаги. Проводник часто кивал, а потом по-военному козырнул. Ну, дела-а...

Купе было просторным, с двумя кожаными диванами и зеркалами. Мерцалов откинулся на диване и добродушно объяснил мне, что поезд этот «спецрейсовый», а наш вагон — опытный образец.

— Проектировали для туристов с тугими кошельками, да в производство так и не приняли... А нам видишь, какой почет! Выделили суперкупе, потому как я сопровождаю персону, весьма интересную для

некоторых учреждений... Кстати, персона, имей в виду: ампула не у меня, а в сейфе проводника. Так что не предпринимай попыток...

Я буркнул, что ни о каких попытках и не думал. Врал, конечно...

Мы поехали. Скоро пришел проводник (другой, не усатый), спросил, надо ли постелить постель. Мерцалов сказал, что после, а сейчас, мол, пусть принесет побольше бутербродов, шесть бутылок пива и чай (вот этому господину, который до пива еще не дорос).

Пиво он глотал прямо из горлышка... Я сжевал несколько бутербродов с колбасой, выпил чай и стал смотреть в окно. Поезд шел по пригородным путям, среди всяких эстакад, водокачек, закопченных зданий и замерших на рельсах цистерн. Неинтересно. Я спросил, можно ли пойти в застекленную часть вагона. Там сквозь прозрачную крышу наверняка видны облака — смотри на них, сколько угодно. Мерцалов рыгнул и разрешил. Знал, что никуда я не денусь. И сам я это знал. Ну да — поводок покрепче якорной цепи...

В прозрачном помещении стояло несколько мягких откидных кресел. Сиди и бездельничай. Ну, я и сел...

Стекланная крыша была чистая, словно только что промытая. Над ней бежали назад электропровода, мелькали кронштейны столов. А облака почти не двигались — так, по крайней мере, казалось. Они были громадные, желто-белые. Такие пушистые груды. А небо между ними — очень синее.

Мне нравилось глядеть на облака, потому что они были свободные. Никто не мог им ничего приказать. И ничего не мог с ними сделать. Ни ментухайские генералы, ни начальник спецшколы, ни сам Регент. И я хоть капельку, хоть чуть-чуть и на малое время, но все же впитывал в себя частички этой их свободы. И старался не думать больше ни о чем. Только про облака...

Но все же иногда я поглядывал по сторонам. И увидел, что пригороды наконец остались позади. По сторонам раскидывались зеленющие равнины с деревнями, колоколенками, речками, перелесками. Поезд почти все время шел по насыпям, на высоте, и можно было представить, что ты в самолете (по правде-то я никогда не летал). Иногда под колесами гремели мосты, мелькали за стеклами железные конструкции...

Раза два появлялся Мерцалов: проверить, на месте ли я (будто я мог сбежать!). Кивал и говорил:

— Любуешься? Правильно. Впитывай красоты просторов родной Империи, это облагораживает душу...

Хотелось послать его подальше, но ведь запрет в купе, гад такой, и задернет шторы, да еще надаёт по морде...

Потом он позвал меня обедать. Надо же, как быстро пролетело полдня!

Обед был такой, какого я сроду не пробовал. Вкуснятина! Суп назывался «солянка сборная» (как наш поезд, хихикнул я) и пахнул всякими заморскими травами и приправами. А больше всего мне понравилось похожее на стружки мясо с мелким жареным картофелем — «бефстроганов». Обьеденье...

— Добавки хочешь? — спросил размякший от пива Мерцалов. Я не стал изображать гордого, и он заказал еще порцию...

От сытости я осоловел и спросил, нельзя ли прилечь (в школе спать днем не разрешалось: нарушение режима). Мерцалов опять проявил великодушие...

Проснулся я среди ночи. Мне очень надо было в туалет. Я сунул в ботинки босые ноги и, не одеваясь, выскользнул в коридор. Сходил, двинулся обратно. Застекленная часть вагона была наполнена лунным излучением, как аквариум искрящейся водой. И я прошел мимо купе — до своего привычного кресла. Сбросил ботинки, забрался с ногами. Посижу чуть-чуть, Мерцалов ничего не узнает...

Луна была теперь не такая большая, как вечером, зато сияла, будто прожектор. Высвечивала в небе облачные выпуклости и провалы, а на земле — закоулки проплывающих деревень и русла бликующих речек. Я стал думать, что эти водяные блики — не на мелких речках, а на поверхности залива у города Лисса. Словно поезд огибает бухту, где расположена гавань и чернеют на фоне воды и неба мачты с огоньками... А может, лоцмана Битт-Боя врачи все же спасут от смертельной болезни?..

— Вот ты где окопался, кретин! Кто тебе разрешил?!

За стеклами сияло утро. Мерцалов нависал надо мной. Я только сейчас заметил, что лицо его в мелких рябинках, а цвет кожи — как у оберточной бумаги. Цвет глаз такой же...

Я вскочил.

— Господин воспитатель, я в туалет... а потом... я сам не знаю как... Подумал: гляну только на луну...

— П-поэтическая натура, — выдохнул Мерцалов и рыгнул.

— Может, у меня лунатизм? — жалобно сказал я, надеясь превратить дело в шутку.

— А ну, пошли. Сейчас я вылечу тебя от лунатизма...

Я побрел за ним. Было похоже, что получу пару оплеух. Но Мерцалов отыскал среди брякающих на столике бутылок одну не совсем пустую, вылакал остаток и подобрел.

— Думаешь, мне жалко, что ты среди ночи пиялился на луну? Да черт с тобой!.. Но ты нарушил запрет. А нарушение запретов... ик... расшатывает социальную систему. А система есть основа всего... Вот, возьми нашу Империю. Даже императора нет, но есть Регент, и он осуществляет исполнение законов. Хороших или плохих — это даже не вопрос. Главное, что законы должны исполняться. Нарушишь хоть один в малости — и забуксует вся имперская машина... Понял ты, лунатик?

— Так точно, гос... Ефрем Зотович... — Я на всякий случай встал навтыяжку.

— Ни хрена ты не понял... А мне про это еще папаша объяснял, штабс-майор Зот Михеевич Мерцалов... Однажды взял он меня, пацана, рыбачить на речку Запнянку, что у нашей дачи. И повезло мне тогда несказанно, вытащил я во-от такого леща. Отец кричит: «За жабры его!», а я упал на рыбину пузом. Лещ, он не дурак, выскользнул, подпрыгнул и плюх в воду... Я в рёв! А папаша свинтил верхний конец удилища и тут же, у воды, выдрал меня им в полную силу. Говорит: не потому, что добычу жалко, а потому, что ты, мерзавец, не поступил, как велено. Впредь будешь уважать инструкции...

Я слушал и вспоминал Моргана. И думал, что все имеющие силу сволочи чем-то похожи друг на друга...

— Ладно, завтракать пора, — вдруг оборвал воспоминания Мерцалов. Нажал кнопку у изголовья и заказал тут же возникшему усатому проводнику сосиски и кофе (себе черный, мне с молоком).

Когда позавтракали, он велел мне сгрести со стола пустые бутылки и унести в тамбур — там был мусорный контейнер. А то, мол, дребезжат, на нервы действуют.

— И можешь потом торчать в своем кресле, раз такой любитель пейзажей, а мне на тебя любоваться мало радости...

— Спасибо, Ефрем Зотович!

Вот ведь гадство! Как я за три месяца спецшколы стал таким вышколенным воспитанником! Почти подхалимом...

Глава 2

Я подошел к стеклянной стенке и прилип носом к прозрачной плоскости. Впереди открывался город. Белели на солнце колокольни, темнел высокий (видимо, над рекой) обрыв, торчали кое-где трубы и водонапорные башни... А рядом со мной, за стеклами, проплывал наезд крутой склон.

Потом я увидел тропинку. Она вилыла среди кустов и камней, а по ней бежали вприпрыжку ребята. С десяток мальчишек и девчонок, все

меньше меня — наверно, из младших классов. Веселые такие, разноцветные, с разлетающимися волосами. Они ловко прыгали с камня на камень, с уступа на уступ или напролом пробивались сквозь хвойную чащу, не боясь исцарапать голые ноги и руки. Наверно, они бежали в школу, потому что у каждого за плечами прыгал ученический рюкзачок. Странно, правда, что они не в имперской школьной форме...

Вагон постепенно обгонял ребят. Они увидели меня за стеклами, замахали руками — смеющиеся, прыгучие. Господи, есть же на свете счастливые люди! Как мне хотелось быть таким же! Приходить после школы в нормальный дом, и пусть мне попадает за двойки в дневнике, пусть на меня ворчат: «Опять завалился на диван с книжкой, даже кроссовки не снял! А кто за хлебом пойдет?..» Пусть даже подзатыльники иногда перепадают. Если они от мамы — это ведь тоже счастье... Но я про такую жизнь только в кино видел или слышал изредка от ребят, кто попадал под интернатскую крышу не с малолетства, а уже когда все помнится...

Меня тряхнуло от резкого голоса в радиодинамике:

— Господа пассажиры! Поезд прибывает на станцию Ново-Заторск. Возможна внеплановая стоянка протяженностью около двух часов. Просим быть внимательными к дальнейшей информации.

За стеклами потянулись станционные строения...

Мы с Мерцаловым вышли на перрон. Поезд стоял на первом пути, я увидел серое двухэтажное здание с полукруглыми окнами и черными буквами под крышей: **НОВО-ЗАТОРСК**.

Было много народа, ощущалось непонятное беспокойство. Там и тут краснели ментухайские околыши.

— Ново-Заторск какой-то заср... — выразился Мерцалов. — Его даже в расписании нет.

Рядом оказался юркий дяденька в соломенной кепочке, он охотно разъяснил:

— Потому как путаница в диспетчерской службе. Для сокращения пути вывели состав на Инскую колею, а у них свои планы-законы. Вот и будем куковать...

Опять закричал динамик:

— Уважаемые господа пассажиры. По техническим причинам отправление поезда задерживается. Пассажирам, следующим до Горнозайбойска, служба Северо-Заторской железной дороги рекомендует продолжить путь на пассажирском теплоходе, который прибудет в Горнозайбойск сегодня вечером. Вы сможете сэкономить время и вместе с этим совершить приятное водное путешествие, полюбоваться

речными пейзажами. Предъявив на теплоходе железнодорожный билет, вы получите бесплатное место. Пассажирский причал расположен в трех кварталах от перрона, в конце улицы Магистральной, за Пристанским рынком...

Мерцалов нехорошо выразился в адрес Управления дороги, пассажирского причала и всего белого света.

— Пошли, Стрелок, за чемоданами...

Мы забрали в купе наш багаж. У моего-то — тьфу, никакого веса, а у Мерцалова был увесистый баул (я малость позлорадствовал). И пошли мы по улице Магистральной, среди унылых кирпичных домов. Она привела на площадь, где за длинными дощатыми столами небритые дядьки и объемистые тетушки торговали всякой снедью. На крайнем прилавке я заметил настоящие арбузы. Даже сбил шаги и заморгал. Откуда они в такую-то пору? Мерцалов прикрикнул на меня: не тормози, мол.

Но оказалось, что и он разглядел арбузы. На пристани, у трапа, ведущего к борту «теплохода» — довольно обшарпанного катера «Речник-3», — Мерцалов забрал у меня чемоданчик и сунул мне крупную коричневую деньги.

— Я сейчас буду оформлять места. А ты сгоняй обратно, купи арбуз. Хочется небось? Вот и мне. Выбирай, чтобы зрелый был... Понял, Стрелок?

— Понял, Ефрем Зотович!

— И не вздумай сдачу замылить... Жми!

Я нажал. Стуча ботинками по мосткам, домчался до прилавка, углядел там большущий арбуз со съеденным хвостиком, щелкнул по нему:

— Спелый?

Горбоносый дядька возвел глаза:

— О чем говоришь, мальчик! Самый спелый на свете! — Он три раза ткнул в полосатый бок похожим на гладиаторский меч ножом, выхватил из арбуза рубиновую пирамидку. — Смотри сам!.. Сдачу держи...

Я запихал в карман комбинезона кучу бумажек и мелочи, прижал арбузище к груди и, выгибаясь от тяжести, засеменял к пристани...

И, глянув поверх арбуза, увидел уж-жаснейшую картину. Катер уже отвалил и был метрах в двадцати от причала. Ефрем Зотович Мерцалов тянул к берегу руки, перегибался через поручень, который загромождал выход, и голосил:

— Ребенок у меня! Ребенок на пристани! Швартуйтесь назад, сволочи!

Но матросы никакого ребенка не видели, а капитан разворачиваться, конечно, не хотел. Наверное, и без того опаздывал.

В первые полминуты мне было смешно. И опять я позлорадствовал. Но почти сразу очухался: у меня-то положение в десять раз хуже, чем у «господина воспитателя». Ампула-то не со мной, а с ним. И если я потеряюсь, через месяц — кранты Стрелку!

Я вытянул шею над арбузом и заорал:

— Мне-то что делать?!

Мерцалов закричал в ответ, и я разобрал только: «...на вокзале!».

Что «на вокзале»? Возвращаться на вокзал и ждать Мерцалова там? Или самому добираться в Горнозайбейск? А как добираться? Я с перепугу перестал соображать. Не выпуская арбуза, кинулся вдоль берега — в ту сторону, куда уходил катер.

— Ну, что мне делать-то?!

Однако ответные вопли Мерцалова были уже совсем неразборчивы. Все-таки я некоторое время бежал еще — просто не знал, что, кроме этого, делать. Наконец я споткнулся на прибрежном песке и полетел вперед носом.

Песок был не твердый, но все же я крепко треснулся животом и коленями. Арбуз же — и того крепче. Он усвистал вперед, как бомба, срикошетил, взмыл опять и на излете, в воздухе еще, развалился на три части. Они все упали на песок удачно, мякотью вверх.

Удар привел меня в чувство. Будто встряхнул мозги и поставил их на место. Я сел и стал думать, что ничего страшного не случилось (за исключением расколотого арбуза). В том, что я отстал от катера, моей вины нет вот ни на столечко. Не надо было Мерцалову посылать меня на рынок. Пускай теперь пляшет на палубе и думает, как быть. Это его, Ефрема Зотыча, проблемы. А мне-то что? Рано или поздно меня все равно найдут. Потому что я им нужен. И прививку сделают, никуда не денутся. Впереди еще почти месяц. А то, что случилось, называется приключение. Переживать приключения — в сто раз лучше, чем торчать в интернате или какой-то клинике на строгом режиме. Как пойдут события, пока не ясно, однако все равно как-нибудь пойдут. И незачем их торопить...

Поразмыслив так, я решил, что для начала следует съесть арбуз. Не пропадать же добру! Тем более, что пробовать арбузы мне приходилось ох как нечасто...

Я поднял красный искрящийся кусок, ухватил мякоть губами. И тихонько застонал от удовольствия. А когда, обливаясь, глянул из-

за куса, увидел четыре испаранные ноги в одинаковых ременчатых сандаликах.

Тогда я поднял глаза.

Рядом стояли двое ребятишек — мальчик и девочка лет семи-восьми. Оба рыжеватые, круглощечные и со вздернутыми носами. Щеки и ноги у них были перемазанные, однако одёжка из ярко-зеленого трикотажа — чистая, новенькая даже. Видно, что не бродячие пацанята, домашние. На девочке была плетеная бейсболка со вздернутым козырьком, на мальчике треуголка из газеты. В ярких, как пузырьки с синькой, глазах было полным-полно интереса и ни капельки боязни.

Девочка поправила бейсболку и спросила:

— Ты его нечаянно грохнул? Или нарочно?

— Конечно, нечаянно. Зачем бы я стал нарочно...

— Как зачем? Чтобы съесть поскорее, — деловито разъяснил мальчик.

— Нет, я не хотел поскорее. Просто запнулся...

— Ты сильно расшибся? — серьезно спросила девочка (заботливая какая!).

— Не сильно. Только вот арбуз...

— Тут уж ничего не поделаешь, — рассудил мальчик. — Придется тебе его съесть.

— Конечно, придется...

Мальчик поглядел недоверчиво:

— Думаешь, ты справишься с ним?

— Садитесь, помогайте.

Они запросто, будто я их давний знакомый, сели на корточки, взяли каждый по куску. С аппетитом зачавкали. Я тоже. Но долго чавкать без всякого разговора было как-то неловко. И я спросил мальчика:

— А что это у тебя на шлеме написано? Такое название газеты здесь у вас?

По краю треуголки тянулись крупные, старинного вида буквы.

— Да. — Мальчик солидно кивнул. — Это инская городская газета.

— Странное какое у нее имя...

Перевернутые буквы складывались в слова: ПОЧТОВАЯ РО-МАШКА.

— Нисколько не странное, — сообщил мальчик, отклеивая от щек арбузные семечки. — Дело в том, что раньше, в лошадиные времена, в Инске была почтовая станция.

Девочка не оценила мальчишкину эрудированность. Покачала головой:

— Ох ты, Толя... «Лошадиные времена»...

— А как еще сказать, если не было машин! — не смутился Толя.

— В эпоху гужевого транспорта, — сказал я, выгрызая изнутри арбузную корку (ребята выгрызали так же). Мальчик возразил:

— Лошадиные времена понятнее...

— Пожалуй, — согласился я. — А почему вы говорите «Инск», «Инская»? Здесь же Ново-Заторск...

Они, кажется, насупились. Чуть-чуть. Мальчик глянул недоверчиво:

— С чего ты взял?

— Видел надпись на вокзале.

Девочка будто пожалела меня:

— Ох, куда тебя занесло... Ты, значит, приезжий?

— Ну да! Я отстал от поезда. Вот из-за этого арбуза. Купил его, а в вагон не успел...

Я не врал специально, а просто не хотел вдаваться в подробности.

— Тогда тебе надо к начальнику вокзала скорее! — заволновалась девочка. — Он поможет...

А в самом деле! Почему я сразу не додумался? Ведь у начальника-то связь со всеми... как их... транспортными средствами. Может, и с пассажирскими катерами тоже.

Я вскочил.

— Спасибо за совет.

— А тебе спасибо за арбуз, — откликнулась девочка.

— Да. Теперь главное — успеть до ближнего туалета, — сообщил мальчик.

— Толька, ты хулиган, — сказала девочка.

— А чего? Будто тебе самой не надо!

— Но я не кричу про это на весь Инск. При посторонних... Иди сюда... — Толя подошел, и она принялась отлеплять арбузные семечки от его щек.

Мне стало грустно. Не хотелось быть посторонним. Хотелось, чтобы кто-нибудь так же отколупывал от моих щек семечки и понарошку обзывал хулиганом.

— Пока, — сказал я ребятам и пошел назад, к пристани.

Меня беспокоила та же проблема, что и Толю, но я решил ее быстро, за контейнерами. И с облегченной душой отправился искать начальника.

Глава 3

Пока я шагал вдоль воды, у меня появилась другая мысль: «А на фиг мне начальник вокзала? Надо навести справки у начальника при-

стани! Наверно, он может связаться с катером и попросить отыскать на нем пассажира Мерцалова. И, наверное, разрешит нам поговорить друг с другом...» Если, конечно, есть на пристани контора и начальник. Я не помнил там никаких строений, помнил только шаткий деревянный причал.

Контора была. Кривой домик, обитый фанерой и покрытый облупленной синей краской. Над крышей слабо полоскался длинный желто-черный вымпел. Отражали реку и солнце стекла широкого окна. По сторонам от окна я увидел две дощатые двери. На одной — никакой надписи, на другой — то, что мне надо. Белая табличка: «Начальник пристани Н-Заторск № 3».

Я постучал. Не дождался ответа, потянул ручку, вошел... Не было здесь ничего похожего на кабинет начальника. Было несколько пластмассовых столиков, кривые стулья, буфетный прилавок, а за ним — полки с бутылками, банками и сигаретными коробками. На прилавке горел солнечными бликами великанский самовар. Помятый, но надранный. Из-за самовара выглянула тетушка с жалобным, но не сердитым лицом.

— Тебе чего, голубок?

— Мне... я думал, здесь начальник. Там написано...

— А, да мало ли нынче где чего написано. — Она махнула рукой, будто отгоняла муху. — Всё поперек смысла. Написано «контора», читай «забегаловка», написано «Регент», читай... Ладно. Тебе он зачем?

Я сказал кислым голосом то, что приготовил заранее, коротко и внятно:

— Я из интерната. Ехал с воспитателем в другой интернат, в Горнозайбойск, и отстал от катера. А воспитатель уплыл. Не знаю, как быть...

— Вот бедолага-то!

Она не стала длинно расспрашивать и охать. Выволокла из-под прилавка тяжелый телефонный аппарат. Я такие видел только в кино про войну с фашистами. На пластмассовой коробке торчала ручка, будто у мясорубки. Тетка остервенело завертела ручку, потом схватила трубку.

— Маркелыч! Маркелыч?! Ну, где тебя носит окаянная сила! Тут пассажир пришел... Какой-какой! Отставший, говорит... — Онаглянула на меня: — С какого ты теплохода?

— «Речник-три»! — вспомнил я.

— С «Тройки», говорит... С воспитателем ехал, он детдомовский. Тот уплыл, а мальчонка остался... Ну ясно, что обалдуй... — Она опять посмотрела в мою сторону: — Это не про тебя, про воспитателя твоего. Как его звать-то?

— Мерцалов Ефрем Зотович, — сказал я отчетливо. Буфетчица повторила это в микрофон.

— Чего?.. Как это так?.. Подожди, повтори по порядку... Вот ведь нечистая сила! — Она брякнула трубку на развилки так, будто старинный телефон был в чем-то виноват. А мне сообщила: — Нету на борту пассажира Мерцалова Ефрема Зотыча. Всех опросили, нету. Говорят, может, это тот, которого высадили в Малых Ельниках за то, что скандалил с капитаном. Пожилой такой, с большим и маленьким чемоданами, пивом пропах...

— Он и есть, — потерянно сказал я. — А эти Ельники далеко?

— Да не очень. Только ведь теплоходов туда нынче уже не будет, и с той стороны тоже. А с автобусами полный кавардак... Тебе, милоч, лучше бы пойти в детскую комнату, рассказать, как и что. Они помогут...

— Ну уж нет! — вскинулся я.

Больше всего я боялся попасть в лапы к ментухаям. Знаем мы это дело! Толком слушать ничего не станут, для начала сразу в спецприемник, а потом уже начнут разбираться. «У нас план...» А могут и в карантин загнать, на всякий случай. И уж первым делом, конечно, прическа под машинку! А у меня только-только волосы отросли по-человечески, я в спецшколе всякими хитростями уклонялся от регулярных стрижек...

Я оглянулся на дверь: чтобы рвануть, если тетка вздумает звонить в отделение. Но она лишь покачала головой:

— Ну, гляди... А чего делать-то собираешься?

А я уже знал — что. Вернусь на вокзал, разыщу знакомый мне поезд, объясню усатому проводнику, какая случилась история. Он вроде бы неплохой дядька. Может, разрешит мне доехать до Горнозавойска. Ну, пускай дорога будет не скорая, по каким-то окружным путям, куда мне спешить-то... А в Горнозавойске я осторожно разузнаю, где там интернат со специальной клиникой, и явлюсь к начальству... Конечно, и Мерцалов там появится... Эх, выудить бы у него ампулу, тогда ищи-свищи меня... Говорят, есть компании вольных ребят, в которых никого не гнобят, со всеми на равных и никаких там Морганов...

— Пойду на поезд.

— Удачи тебе, голубчик. Если с поездом не получится, приходи сюда, устрой ночевать.

Я сказал доброй тетушке спасибо и пошел на вокзал. Сперва через рынок, потом по улице. Магистральная почему-то вывела меня не к вокзалу, а на другую улицу. Здесь было зелено, зацветали вдоль тротуаров большие тополя. Я завертел головой: где вокзал-то?

Оказалось, он чуть в стороне. И... какой-то незнакомый. Я не очень разглядывал вокзальное здание, когда мы уходили к реке, но помнилось все же, что оно серое. А это кирпичное. Поверху — фигурные башенки с жестяными паровозиками на шпилях...

Может, вокзал только с улицы такой, а со стороны перрона — тот, что я запомнил? Я обошел длинный кирпичный дом, пролез в дыру между прутьями высокой решетки, оказался на платформе. Совсем пустой, кстати. Встал опять лицом к фасаду. Он был и правда серый, но не с полукруглыми окнами, как раньше, а с узкими, прямоугольными. И надпись под крышей была другая: ИНСК-1.

Конечно, я заморгал. Значит, и правда я вышел к другому вокзалу. Но прежний, Ново-Заторский, должен быть где-то рядом! Не мог же я промахнуться на несколько километров!.. Я начал разглядывать составы на рельсах. Они все были товарные. Но вдруг я увидел и наш поезд! С разномастными вагонами, в том числе и с моей стекляшкой! Только стоял он теперь не у платформы, а за краем перрона, в стороне, где торчала красная водонапорная башня... Нет, он не стоял, он двигался. Уходил, выгибаясь на плавном повороте. И не так уж медленно. Я сразу понял, что не догоню. И плюнул с досады.

— Ты чего, молодой человек, плюешь на служебную территорию? — услышал я густой и печальный голос.

Рядом стоял здоровенный мужик, похожий на главного запорожца с картины Репина (ну, знаете, где они пишут письмо султану). Только не в папахе и кафтане, а в кителе и красной фуражке. Выглядел он добродушно, и я сказал без опаски:

— Плююсь, потому что мой поезд ушел. Вон тот. А я не успел... Мне в Горнозайбейск надо... — И добавил на всякий случай: — У меня там бабушка.

— А зачем тебе было успевать на него, если пошел он, родимый, не в Горнозайбейск, а прямо в депо на расформировку, — грустно сообщил «запорожец» (видать, дежурный по станции). — Всех пассажиров рассадили кого куда... А ты где гулял?

— Я не знал... — буркнул я. Потом спросил: — А когда еще будет поезд в Горнозайбейск? — Вспомнил про мерцаповские деньги: может, хватит на билет?

Дежурный ответил с прежней печалью, но и будто с удовольствием:

— А вообще уже не будет. Никогда.

— Почему?!

— Для Инска такая дорога нерентабельна. Понимаешь это слово?

— Понимаю... А для Ново-Заторска? — почему-то вырвалось у меня. Он посмотрел внимательно.

— А это, дорогой мой, их проблемы. Пусть выкручиваются... Что будешь делать-то?

— Домой вернусь, — сумрачно схитрил я.

И я пошел с непонятного Инского вокзала. Неизвестно куда... Вот если бы по правде домой! Как нормальный пацан. Как те ребяташки, с которыми ел арбуз... Они почему-то вспоминались то и дело. Девочка в плетеной бейсболке, Толя в бумажной треуголке из «Почтовой ромашки»... Почему «почтовая», понятно. А почему «ромашка»? Странное все же название для газеты...

«Газеты...»

Я тормознул.

Меня будто вспышкой фонарика озарила догадка. О том, что делать!

Вот ведь как случайные события поворачивают судьбу! Не запнись я на берегу, не раскокал бы арбуз. И не познакомился бы с теми ребяташками. Не увидел бы газетную «шапку-ромашку». И не подумал бы сейчас про газету!

Вот куда надо идти!

Там — люди, которые помогут!.. Наверно, не все они такие, но ведь часто слышишь, как журналисты вмешиваются во всякие несправедливости. Говорят, и Михаила Гаврилыча, директора нашего дома-интерната, пытались выручить из беды... И солдат, которые бегут от издевательств в казармах, берут под защиту... И за студентов, которых внутренняя гвардия Регента разгоняет дубинками, заступаются... И за беспризорников, которых гнобят в спецприемниках.

Я приду и скажу: «Помогите. Потому что меня запутали, заматали, обвиняют непонятно в чем! И потому что мой отец тоже был корреспондент».

Ну, по правде, он был, наверное, не совсем корреспондент, не газетчик. Он заведовал отделом научных обзоров в журнале «Академия для всех». Но ведь в журнале же! Значит, журналист!

Я слышал как-то по телевизору умные слова: корпоративная солидарность. Сразу и не выговоришь, но смысл понятный. Свои должны защищать своих. Особенно, если они за справедливость!

В квартале от вокзала я спросил у мужчины, похожего (так мне показалось) на корреспондента — с авторучками в больших карманах рубашки, в очках и с кожаным футляром через плечо:

— Скажите, пожалуйста, где редакция «Почтовой ромашки»?

— А?.. — Он вздернул очки. — Редакция?.. Да вот, перевалишь горку и вниз по Второй Раздельной. Там в конце улицы направо.

— Спасибо!

И я стал подниматься по широкой улице, где через решетчатые изгороди свешивались гроздьи сирени, а впереди ярко белела церковь с зелеными куполами...

Глава 4

С пологого холма, от большой церкви (которая, наверно, называется «собор»), я оглядел город. То ли Инск, то ли Ново-Заторск... Город был ничуть не похожий на столицу. Уютный такой. Вдали, на севере, громоздились освещенные солнцем высотные кварталы, но вокруг холма улицы были с небольшими домами и густой зеленью. Тут и там белели колокольни. Горели золотые маковки. И над зелеными куполами собора тоже сверкали маковки под крестами. Я посмотрел на них, когда перестал наконец разглядывать город. Блики были ослепительные, я зажмурился, в темноте сразу затанцевали фиолетовые следы вспышек...

Я открыл глаза. К церковному высокому крыльцу (паперти?) неторопливо шли старушки... Интересно, как там внутри? Я никогда не был в церкви и ни за что в жизни не посмел бы зайти туда. Я даже не знал, крестили меня после рождения или нет, и про религию ничего толком не знал. Однако сейчас что-то теплое толкнулось внутри. Я подумал, что в этом городе не встретил ни одного плохого человека. И мне захотелось... ну, как бы поблагодарить судьбу и попросить ее о дальнейшей милости. Я снова посмотрел на купола. Креститься открыто я стеснялся (да и не знал, имею ли право). Я сунул под нагрудник комбинезона, под клетчатую рубашку и майку ладонь, сложил там щепотью пальцы и мелко перекрестил сердце, которое тепло и неровно стучало под ребрами.

«Господи, помоги мне... И... помоги еще Пузырьку и Тюнчику... если можно...» Я не решился даже мысленно сказать «если они живы». Чтобы не накаркать...

Я обошел собор и оказался в тени. После яркого солнца тень была густая, синяя и прохладная. Отсюда я еще раз оглядел город, увидел блестящий изгиб реки, а потом — совсем недалеко — лестничный спуск, ведущий с холма. У начала спуска торчал столбик с белой стрелкой-указателем: «2-я Раздельная». Ну, как все здорово складывалось! Будто кто-то нарочно подсказывал мне путь...

Я спустился по деревянным ступеням, над которыми нависали цветущие яблони.

Редакция располагалась в кирпичном одноэтажном доме с изгородью из чугунных завитков. За калиткой я увидел гранитное крыльцо, на нем по краям лежали два каменных льва. Я погладил правого льва по косматой голове и потянул медную ручку. Дверь не поддавалась. Дернул еще, еще. Напрасно.

На резной деревянной створке белела кнопка. Я потоптался, поскреб затылок и нажал (не идти же обратно!). Подождал, хотел надавить кнопку снова, и тут створка двери отъехала. Выглянула женщина в синем халате. Она показалась мне похожей на пристанскую буфетчицу.

— Ты чего трезвонишь, беспокойная душа? — Это она без досады, по-доброму.

— Мне... в редакцию...

— Понятно, что в редакцию. Ну, входи...

В полутемном вестибюле пахло незнакомо, по-особенному. Скорее всего, это был специальный газетный запах — от бумаги и типографской краски.

— А по какому ты делу-то?

Наверное, это была уборщица. Излагать ей мое дело, конечно, не имело смысла.

— Ну... посоветоваться хотел... С редактором...

Она огорчилась:

— Редактора нет. Подписал газету и уехал в типографию. А остальные по домам разошлись, до понедельника. Завтра и послезавтра — выходные...

Тьфу ты! Куда же мне теперь?

— Приходи в понедельник. Федор Федорыч, редактор наш, будет с самого утра.

— Ладно... — вздохнул я. И подумал: «Как-нибудь прокантуюсь тут трое суток». Отказываться от своего плана с газетой я ни за что не хотел. Это была единственная надежда.

Тетушка вдруг взяла меня за лямку комбинезона:

— Не жарко тебе, голубчик, в такой робе? Лето на дворе, время опасное. Взмокнешь на солнце, а потом вмиг прохватит на сквозняке. Мой Вовка до вчерашнего дня парился в этих джинсах окаянных да в кофте адидасовской, а сегодня с утра горлом сипит...

Не знаю почему, но меня крепко укусила досада. Я дернул плечом.

— У меня другой робы нет, я детдомовский.

— Ох ты батюшка! Прости меня за язык... А только из какого ты детдома-то? У нас в Инске их, домов этих, нету ни одного...

— Я приезжий.

— Вот я и смотрю... А жить-то у тебя есть где?

— Есть, конечно, — жизнерадостным тоном успокоил я заботливую тетеньку (было неловко за недавнюю грубость). — Все в порядке, вы не волнуйтесь.

Я не врал. Вспомнил, как меня приглашала на ночлег буфетчица на пристани. Наверно, и правда можно там пристроиться... Хотя нет! Мерцалов, когда вернется (а ведь вернется, гад!), начнет искать меня прежде всего на пристани и на вокзале. А попадаться ему я сейчас никак не хотел. По крайней мере, пока не поговорю с редактором... Мои надежды теперь уводили меня далеко. Может, газета поднимет шум: вот, мол, издеваются над мальчишкой, пытаются неизвестно о чем, укол опасный для жизни вкатали. Какое имеют право?! И вдруг какая-нибудь комиссия по охране детства вмешается, отберут ампулу у Мерцалова, а меня выпустят из спецшколы! Ведь попал-то я в нее даже без всякого суда. За что? Подумаешь, стрельбу открыл! Те, кто меня ловил, были без погон, я мог принять их за бандитов, значит, имел право на защиту. И не по ним же я стрелял, а в сторону...

Я думал про это, когда ушел из редакции и шагал куда глаза глядят. Нет, на пристань не пойду. Пересплю три ночи где-нибудь под мостом, на трубах теплотрассы. Или в пустых ящиках на какой-нибудь свалке. Не пропаду. Город хороший, добрый, и ментухаев совсем не видать...

Заросший густыми кленами переулоч (так и назывался — «Кленовый») вывел меня на Оборонную улицу, а та — к полуразваленной каменной стене. С двух сторон поднимались круглые башни с черными окнами-щелями. Ух ты, какая старина! Прямо как в кино про всяких там рыцарей! Вот полазить бы здесь: вдруг отыщется какой-нибудь клад...

Но сейчас ползать по развалинам не было настроения. Солнце пекло все старательней. Искупаться бы... И мне повезло (словно кто-то опять повел меня по этому городу за руку). Я свернул на улицу 1-ю Раздельную, и она привела меня на высоченный берег.

Подо мной громоздились похожие на заросшие горные склоны откосы, под ними блестела большая река, а у воды желтела песчаная полоса. Я увидел в травяных джунглях тропинку и стал вприпрыжку спускаться к песку.

Хорошо, что никого нет. Не увидят, что пловец я совсем фиговый (а где мне было учиться-то?).

Я с удовольствием скинул комбинезон, рубаху, майку. Лучи обливали меня горячими языками. А речной воздух — прохладными. Я об-

нял себя за плечи, пошел к воде. Понятно было, что вода еще холодная — лето лишь начиналось. Ну ничего. Скомандую себе «Раз-два-три!», сожму зубы и бултыхнусь. Сразу все солнечное обжигание слетит с меня, как шелуха... Главное — не топтаться, не дрожать, как боязливый цуцик. Набрать воздуха, зажмуриться — и вперед!.. «А-а-а! Ой-ёй-ёй!» Вода обожгла холодом. Запрыгал, забултыхался, несколькими взмахами сплавал от берега и обратно. Встал по грудь в воде, попрыгал еще. И снова сплавал туда-сюда. Холод отступил, стало так здорово! Весело! Я побегал, поплюхался, побарахтался, как сбегавший на свободу дошколенок (все равно ведь никто не видит!). Потом пошел на сушу. Думал, как здорово шлепнуться на горячий песок, подгрести его под грудь...

Когда воды стало опять по колено, я помотал головой, чтобы вылетели из ушей капли, стряхнул с ресниц солнечные брызги. Постоял, поморгал. И увидел на берегу девочку.

Девочку...

Она сидела на шине, шагах в десяти от моих разбросанных на песке шмоток. Натянула на коленки край бело-синего клетчатого платья. И смотрела на реку, на пробегающий катерок. Не на меня. Но я сразу почувствовал, что она меня видит.

Я и так продрог, а тут меня потрянуло дополнительным ознобом. Сразу вспомнил, какое у меня тощее, белое, без «героической» мускулатуры тело. Хорошо хоть, что трусы нормальные: аккуратные такие, синие, с белым якорьком у пояса. Годились и для купания, и чтобы просто так носить. Их нам в апреле выдали вместо казенных, «семейных», когда однажды повели в городской бассейн. А потом забыли отобрать... Но сам-то я — глиста глистой.

А ведь надо было выходить. Не плюхаться же обратно в воду — и глупо, и дрожь пробирает все сильнее. И я пошел на песок (куда деваться-то). Бухнулся животом рядом со штанами. Наверное, случайно так получилось, что я упал головой в ее сторону... в девочкину... Закрыл глаза, а потом не утерпел, глянул сквозь ресницы.

Она теперь, уже не скрывая этого, смотрела прямо на меня. Потом встала, пересела на шину, которая лежала поближе. Опять натянула на коленки подол...

Ну, девочка как девочка (я не мог почему-то думать «девчонка»). Обыкновенная. Наверное, моего возраста. С короткими волосами, про которые говорят «льняные». С носом-клювиком, острым подбородком, бирюзовыми шариками на мочках. И глаза, кажется, такие же. Эти глаза она теперь не отводила от меня. Но взгляд был без лиш-

него любопытства. Ничуть не нахальный, а... ну, с капелькой беспокойства, что ли.

Так она смотрела с полминуты, а потом сказала:

— Здравствуй.

Я от неловкости уткнулся подбородком в песок и пробормотал:

— Здравствуй... — Больше ничего не оставалось. И зажмурился снова. И опять услышал ее негромкий голос:

— Ты нездешний, да?

Я не хотел говорить сердито, но получилось именно так:

— С чего ты взяла?

Она не обиделась на мой тон. Объяснила спокойно:

— Здешние ребята не купаются в одиночку.

— А кто им запрещает?

Она чуть улыбнулась.

— Никто не запрещает. Просто... обычай такой. Не оставлять одного...

Я подумал, что это ведь хороший обычай. И проговорил, как бы извиняясь:

— Я не знал.

Девочка понимающе кивнула:

— Ну, ничего... — И вдруг сказала: — Теперь-то ты не один, купайся сколько хочешь.

— И ты меня спасешь, если что?.. — Я спросил это без подковырки, просто не сдержал удивления. Она опять кивнула:

— Я хорошо плаваю.

— А я никудашно... — вырвалось у меня. Да нет, не вырвалось, а просто высказалось. Грустновато и честно. И я ничуть не застенялся такого признания. И сам удивился этому.

Сколько себя помню, я жил готовый к отпору. Когда встречал незнакомых, сразу будто обрастал панцирем с колючками. Жизнь приучила. Иногда появлялись приятели, с которыми можно было общаться по-доброму, без опаски, но их было мало. А с девчонками я вообще не имел дела. Ну, по правде говоря, порой мне нравилось смотреть на девочек, если они были симпатичные, но это издалека. А вблизи они почти всегда оказывались подлыми и опасными. С хихиканьем и подначками... Другие мальчишки в интернате девчонками интересовались больше. Рассказывали про них всякие истории, даже про то, как будто бы лазили к ним в постель. Но мне это было по фигу. Мне нравились девочки из книжек. Вроде Ассоли (и не мог же я думать про Ассолю что-то такое!). И эту свою книжную привязанность я держал глубоко-глубоко в себе, иначе задолбали бы насмешками...

Девочка на берегу не была похожа на Ассоль. Но и на интернатских вреднюг не была похожа. Я ее не боялся. И вспомнил снова, что в этом городе у меня вообще ни разу не возникало опасения. Ни перед взрослыми, ни перед ребятами. Ни перед самим городом. Не было случая, чтобы захотелось влезть в «панцирь».

— Больше не пойду в воду, — сказал я. — Продрог малость.

— Понятно, — отозвалась она. — Еще ведь даже не лето, а весна. В прошлом году в это время случился снегопад.

— В столице тоже, — вспомнил я.

— Ты из столицы?

— Почти оттуда... Я из спецшколы. Меня повезли в другой интернат, в какой-то Горнозавойск, а по дороге я отстал. Воспитатель, который меня сопровождал, уехал, а я здесь. Он, наверное, сейчас бежит, кукарекает. Ну пусть, сам виноват...

Девочка свела коротенькие светлые брови.

— И что теперь?

— Понятия не имею, — беспечно отозвался я. — Пусть ищут. Это их проблема...

Она встала, подошла совсем близко, села передо мной на песок. Глаза и правда были бирюзовые.

— Меня зовут Света. А тебя?

У меня внутри все заметалось — от растерянности, от стыдливости.

— Меня... Вообще-то у меня много прозвищ. А настоящее имя — Григорий. Но оно мне не нравится. То есть непривычное...

— Можно ведь «Гриша»...

— Ну, да... — будто через силу согласился я. Гришей меня звали очень редко. И я... будто толкнуло меня, как бы подавшись девочке навстречу, решил назвать свое главное, никому не известное имя.

Тут же цапнула горькая память: «Как же, никому не известное? Ты же назвал его, когда пересказывал письмо! Они знают!» Но я сердито сказал себе: «Знают, но ни разу не называли меня так. Значит, не запачкали. Все равно оно — мое...»

— А можно еще — Грин...

Глава 5

Девочка Света не удивилась. Поправила сбившееся выше колен платье, пошевелила светлыми бровками, подумала. И серьезно согласилась:

— Грин — это хорошо.

И во мне затеплела благодарность. Я не пожалел, что проговорился.

А она помолчала, глянула опять внимательно так и спросила:

— А что же нам теперь делать, Грин?

— Что? — удивился я. — С кем? — И мысленно добавил: «Как это — нам?»

— С тобой, — сказала она.

— А что — со мной?.. Ничего...

— Нельзя тебе одному... — Света вскочила, отряхнула песок. — Вот что. Пойдем, познакомлю тебя с братом.

В общем-то я был не против. Если брат... если он такой же, как она. Только вот придется одеваться, а мне стыдно было натягивать при Свете свою «спецшкольную» робу. Издалека-то она ничего, вроде как джинсовая, а вблизи видно, что казенная дерюга. Да еще с номерным клеймом на заднем кармане.

Но Света сказала:

— Он здесь недалеко, на берегу.

Я подумал, что если на берегу, то можно пока шагать так. Подхватил шмотки и башмаки, оглянулся:

— А куда идти?

— Вон туда...

Мы обогнули штабель бревен, и Света пошла дальше. Я за ней. В сотне шагов лежал на берегу перевернутый катер с дырявым днищем.

Прямо за катером не видный издалека сидел на корточках мальчишка. С такими же, как у Светы, льняными волосами — длинными, ниже ушей. В похожих на мои трусах. Незагорелые лопатки мальчишки деловито шевелились, он что-то лепил из песка. Песок был сырой, рядом стояло синее пластмассовое ведро.

Мальчишка, видимо, спиной ощутил наше появление. Сказал, не обернувшись:

— Привет.

— Привет, Май. У нас гость...

Тогда ее брат Май оглянулся. Посмотрел на меня. И сказал, как Света:

— Здравствуй.

— Здравствуй... — выдохнул я.

Имя его не показалось мне странным. Наоборот, я сразу ощутил, что оно очень подходящее для этого мальчишки.

Он был похож на сестру. В общем, обыкновенный... Только в этой обыкновенности и в том, как он смотрел, было что-то такое... ну, такая ясность, что я... В общем, если бы у меня вместо груди был шкаф-

чик, я бы в один миг растворил нараспашку обе дверцы. Навстречу этому Маю. С готовностью сделать для него все, что он хочет, и с жалостью, что сам я не такой.

Конечно, это длилось только секунду-две. Но теплота в моем «шкафчике» с того мига осталась навсегда.

— Май, это Грин, — сказала Света.

Он, как и сестра, не удивился моему имени.

— Здравствуй, Грин... Это, как писатель, да?

— Да, — согласился я и понял, что не чувствую неловкости. Было только желание подольше оставаться со Светой и Маем.

Через плечо Мая я посмотрел на песчаную постройку. Решился на вопрос:

— Это что?

— Это такой старинный собор, — охотно отозвался Май. — Морской. Кафедраль де ла Мар. В пятнадцатом веке в Испании жил зодчий Хосе Энрике Навеганте. Он хотел построить собор на высоком берегу, чтобы моряки видели его издалека и чтобы на нем горел огонь, как на маяке. В общем, храм, который всегда помогает мореплавателям. Можно молиться о безопасности и правильно выбирать путь... Но Хосе Энрике успел только сделать чертежи и умер... Эти чертежи были потеряны, да оказалось, что не совсем. Недавно я наткнулся на них в Информатории, ну и вот... Пусть будет хоть маленький, но все же построенный храм...

— Май у нас по уши в архитектуре, — сказала Света. Без усмешки, ласково даже. И он согласился, только с поправкой:

— По макушку...

— Закончил уже? — спросила Света.

— Почти... Надо фонарь еще... — Май на коленках обогнул маленький песочный собор — удивительно красивый, с острыми сквозными башенками (как они только не рассыпались?). Я вспомнил, что, кажется, такой стиль называется «готический» — учили по истории.

Мы тоже обошли собор. Под главной башней посреди круглого узора Май укрепил в песке янтарную бусину. В ней сразу засияла солнечная искра. Май откинулся, уперся сзади в песок ладонями, посмотрел на меня и на Свету.

— Вот теперь все...

— До чего красиво. Будто настоящий, — сказал я. Не ради похвалы, а потому что по правде собор был очень красивый.

Кажется, Май слегка порозовел. Бормотнул дурашливо:

— Да, я старался...

— Жаль, что он не надолго, — вздохнула Света. — Ты его сфотографируй своей «коробочкой».

— Сейчас... — Май, все так же, на четвереньках, добрался до пластмассового ведра, достал оттуда серебристую вещицу (похоже, что мобильник с фотоаппаратом). И начал ползать вокруг своей постройки, прицеливаясь крохотным объективом и щелкая кнопкой. Потом выпрямился, встал над собором, как тонконогий Гулливер. Сообщил:

— Вас я тоже снял. Вместе с «Кафедраль де ла Мар». На память... — И вдруг спохватился, смутился даже: — Если ты, Грин, не против. А то я сотру.

Я замотал головой: не стирай! Это ведь здорово, что я останусь на снимках у Светы и Мая. Поглядят потом и вспомнят встретившегося на берегу Грина. Получится, что я опять с ними.

— Теперь давай, мы снимем тебя, — сказала Света. — Зодчий и его творение.

— Давай! — Май протянул ей аппарат. А мне стало хорошо от того, что она сказала «мы». То есть она и я.

Света нацелилась, пощелкала. После этого мы, сдвинувшись головами, поразглядывали на откидном дисплее готовые снимки. Я там был совсем рядом со Светой, мы сидели у «Кафедраль де ла Мар», почти соприкасаясь плечами. Жаль, что у меня не будет такой карточки...

В это время «коробочка» дрогнула и заиграла музыку про тореадора. Май прижал аппарат к уху.

— Да, это я... Сейчас спрошу... — И повернулся к сестре: — Мама спрашивает: наше затяжное отсутствие — это сознательная голодовка или обычное разгильдяйство?

— Обычное, — сказала Света.

— Мама, это обычное! — радостно закричал в аппарат Май. — Не надо, мы хорошие! Почти образцовые дети... Нет, где те образцовые, мы не знаем, шастают отдельно... Сейчас идем!

— Скажи, что втроем, — вмешалась Света.

— Мама, мы придем втроем! Один мальчик... Ну, какой-какой! Как мы! Зовут Грин... — он помолчал и глянул на меня. — Мама спрашивает: Грин любит картофельные котлеты с грибным соусом?

Мне бы поупрямиться хотя бы ради приличия: мол, что вы, я не хочу, неудобно как-то... Но я, обалделый и размякший, опять замотал головой, на этот раз утвердительно: да, очень люблю (хотя не помнил, когда такие котлеты пробовал).

Май сунул мобильник в ведро, а оттуда вытащил белую майку, натянул. Я тоже надел свою, тоже белую и пока что чистую. Со вздохом развернул проклятый казенный комбинезон. Май удивился:

— Зачем тебе этот скафандр? Толкай его сюда!.. — Он ловко свернул и погрузил в ведро все мое имущество. Даже ботинки. А следом затолкал туда и свои кроссовки. Света поглядела на нас и отправила в ведро свои пластмассовые босоножки.

Я не спорил. Если у здешних ребят принято гулять вот так, по-летнему, значит, и я могу. Мне хотелось быть как они. Пусть на короткое время, но стать своим.

Мы двинулись было к откосу, но меня зацарапало беспокойство. Я не удержался, спросил Мая:

— А ты не боишься, что с ним что-нибудь случится? С собором...

— А что? Дожда пока не обещают.

— Ну... а если разломает кто-нибудь?

— Кто? — удивился Май.

Однако Света поддержала меня.

— Май, в самом деле! Начерти границу. Чтобы не подходили вплотную, когда будут смотреть.

Май не спорил. Подобрал щепку, обвел вокруг собора по песку широкий круг. Рядом с этой линией нарисовал с десятков больших восклицательных знаков.

— Ну вот...

«И это всё?» — чуть не вырвалось у меня. Но я смолчал. Им, жителям города Инска, виднее...

Стали подниматься по извилистой тропинке. Света двигалась впереди, я за ней, Май за мной.

Он вдруг сказал мне в спину:

— Грин, а как ты попал в наши края? Ты ведь не из Инска...

— Из... издалека. Я Свете уже говорил.

Она оглянулась:

— Грин, ты только чуть-чуть говорил...

Я ничего не хотел скрывать от этих ребят. Вернее, просто не мог. В общем, опять — как дверцы... И я стал говорить. Тропинка была длинная, откосы высокие, шли мы не быстро, и я успел рассказать про себя многое. Без больших подробностей, но по порядку. Только про пистолет не упомянул — чтобы не подумали, будто я какой-то уголовник. И отцовского письма не стал касаться, и про ампулу не сказал. Чтобы они за меня не тревожились без пользы и чтобы не сглазить задуманное (вот посоветуюсь в газете, узнаю, не помогут ли, и уж тогда...). Объяснил, что в спецшколу попал за побег из детдома, а в Горнозавойский интернат меня направили, сам не знаю почему...

— Велели собираться, посадили в вагон. Лишних вопросов задавать не положено...

— Свинство какое, — сказала Света. — Грин, ты к ним не возвращайся, раз вырвался.

Эх, если бы я мог!

Дальнейшие события побежали, как в кино. Это когда проходит всего час, а в него вмещается множество времени, дел и встреч.

Дом, куда мы пришли, стоял в глубине просторного зеленого двора, за украшенными резьбой воротами. Был этот дом деревянный, обширный, с фигурными столбами у трехступенчатого крыльца.

На крыльце нас встретила мама Светы и Мая. Большущая, с высокой черной прической, цыганскими серьгами и крепкими руками. Грозная. То, что грозность эта лишь на первый взгляд, я понял через полминуты.

— Явились красавцы! — заявила она, подбоченясь. — Умыться и за стол!.. А ты, значит, Грин? Прекрасно. А я тетя Маруся... Не известно ли кому-нибудь из вас, где болтаются еще два охламона?

— Приблизительно известно, — сообщила Света. — Они ищут шары. Грета обещала им, что запишет в отряд, если найдут хоть один... Только не велела соваться на болото.

— Хорошо, что не велела... Ну, марш к умывальнику!

Умывальник был на дворе. Этакая труба с несколькими кранами. Мы умылись, дурачась и брызгая друг в друга (надо же, я совсем осмелел!).

Потом мы уселись за длинный покрытый зеленой клеенкой стол в широкой комнате, где со стен улыбались деревянные маски, качали медный маятник старые настенные часы, в углах стояли высоченные фикусы, а между окон подымались к потолку книжные стеллажи (вот добратся бы!).

Появилась высокая девушка с веселым лицом, с длинной косой. На руках она держала годовалого малыша. Тот дергал девушку за косу и выговаривал неразборчивые слова.

— Это наша старшая, Любаша, — сказала тетя Маруся. — А это самый младший, Евгений.

— Привет, Грин, — поздоровалась Любаша. — А где юные следопыты?

— Знать бы, — отозвалась тетя Маруся. — Вот придут, я им задам...

— А папа придет? — спросила Света.

Тетя Маруся досадливо качнула серьгами:

— Ну да, нашего папу дождешься. По-моему, они собрались там ночевать...

Май (он сидел со мной рядом) сказал мне вполголоса:

— Папа резчик по дереву. Их бригада сейчас устанавливает новый иконостас в Михаило-Архангельской церкви. Они торопятся, чтобы успеть к Троице.

Из синего с золотом фаянсового горшка тетя Маруся всем разлила по тарелкам борщ. С таким обалденным запахом! Я вдруг почувствовал, что оголодал. И начал работать ложкой без стеснения, только старался не фыркать и не чавкать... Потом были поджаристые котлеты из картошки, политые чем-то невероятно вкусным.

Но тут снаружи слышались частые шаги, хлопанье дверей и веселая переключка.

— Толь-Поли явились, — сообщила Света.

Зеленые Толь-Поли возникли в широком дверном проеме. Я заморгал от изумления.

А впрочем... не от такого уж изумления. Где-то глубоко внутри у меня с утра сидело ожидание, что я еще встречу этих пацанят. Хотя, конечно, чтобы вот такое совпадение...

«Толь-Поли»... «Тополята»... — шевельнулась внутри у меня усмешка.

Они сразу увидели меня. И, кажется, тоже не очень удивились. Толь коротко возгласил:

— Ура!

Девочка (видимо, Поля) деловито спросила:

— Ты к нам насовсем?

На секунду возникло молчание. Но тетя Маруся тут же его прогнала:

— Не лезьте к мальчику с вопросами, не мешайте обедать. Мойте руки и за стол!.. Не надо бы кормить прогульщиков, да уж ладно, на первый раз...

— Ага, «на первый», — сказала Любаша, которая принесла стеклянный жбан с компотом. Толь-Поли, радостно оглянувшись на меня, ускакали.

— Вы что, знакомы? — спросил меня Май.

— Утром виделись на пристани. Вместе ели разбитый арбуз... — Я теперь себя чувствовал словно среди старых знакомых.

Зеленые Толь-Поли вернулись, с шумом влезли за стол напротив меня, Мая и Светы, сообщили, что «суп мы не будем», узнали от тети Маруси, что «сейчас кто-то пойдет в угол», уставились на меня веселыми глазами и приготовились расспрашивать... Но опять слышались шаги, и на пороге встала девочка...

Вот уж про эту девочку точно можно было сказать — красивая! Я даже снова застеснялся, что такой нескладный и «глиста».

Девочка была очень смуглая, стройная, как маленькая балерина. В серой складчатой юбочке выше колен, в ярко-желтой рубашке с погончиками, нашивками и значками, в черной пилотке на курчавых волосах. Ее талию перехватывал широкий ремень с какой-то форменной пряжкой.

— Грета! — возликовали Поля и Толя.

— Всем салют! — сдержанно приветствовала нас Грета.

И все (кроме меня, конечно) сказали наперебой: «Салют!».

— Греточка, будешь обедать? — спросила тетя Маруся.

— Спасибо, я не могу. Режим, — деловито объяснила та.

— Умница. Талию бережешь, — похвалила Любаша.

— Берегу, — согласилась Грета. Обошла стол и уселась на подоконник между стеллажами. У нас за спиной.

— У нас новый мальчик, — сказала Грете Света. (Странно — не «гость», а «новый мальчик».) — Его зовут Грин.

— Салют, Грин, — отозвалась Грета. Я оглянулся и пробормотал:

— Салют...

Толя шумно глотнул суп и спросил:

— Грета, ты пришла нас записывать?

— А вы нашли хоть один шар?

— Но мы найдем...

— Тогда и поговорим.

После обеда Грета увела Свету по каким-то делам, а меня Май спросил:

— Хочешь посмотреть альбом со старинными городами? Мне подарили недавно...

Я всё хотел, если рядом с ним. Но вмешались Толь-Поли и заявили, что мы должны помочь им достроить индейскую хижину.

Глава 6

Мы построили хижину. В маленьком саду позади дома. Юные следопыты ни о чем не расспрашивали меня. И Май не расспрашивал. Рассказывал сам: про то, какие хижины и всякие другие жилища бывают у туземных племен в разных местах планеты.

— Май, откуда ты столько знаешь? — уважительно спросила Поля.

— Господи, да в Информатории можно выкопать все, что хочешь!

Вот научу вас забираться в него, сами будете...

Я, чтобы не молчать все время, спросил:

— Май, а чем Информаторий отличается от интернета? Или ничем?

Май обрадовался:

— Очень даже отличается! Прин-ци-пи-ально! Интернет это сеть, которая создана и обслуживается людьми. А Информаторий... он, говорят, возник сам по себе. Даже ученые пока не разобрались полностью... Понимаешь, как бы сама Земля стала впитывать в себя информацию. Особенно в свои кристаллические массы. Наверно, чтобы всю память сохранить на будущие времена. И каждый человек может в эту память внести все, что хочет. Любые свои тайны.

— А потом эти тайны выудят другие! — вырвалось у меня.

— Никто не выудит, если не знает пароля.

— Есть эти... хакеры... которые взламывают любые пароли, — вспомнил я.

— Это в интернете! А с Информаторием такое дело не проходит! Нужен пароль не на математическом, а на совсем другом уровне. На эмо-цио-нальном. Тут как бы надо влезть в чужой мозг и душу. А для этого надо про такую душу что-то знать... Вот если узнаешь, тогда Информаторий может сделать выброс. Но такое было всего два раза в человеческой истории. Да и то с согласия тех, кого испытывали. Эксперимент...

«А может, поэтому они так выматывают меня про письмо?» — мелькнуло у меня. И сразу все мысли — назад, про спецшколу, про допросы, про ампулу. Про то — «что же будет дальше»? Я будто очнулся от счастливого сна. Чуть не завыл от отчаяния. Выпрямился и сипло от подкатившихся слез сказал:

— Мне, наверно, пора...

— Куда? — удивились все разом.

— Ну... Май, ты же знаешь... Меня, наверное, ищут.

— Пусть ищут, — небрежно сказал Май. — Это ведь им надо. А не тебе.

Не мог я все объяснить. Поэтому пробормотал:

— Все равно ведь найдут... и сгребут.

Прямо на меня, снизу вверх, взглянула маленькая Поля. Seriously так удивилась:

— Кого это можно сгрести в городе Инске?

— Да! — сказал Толя.

А Май будто засмутился и спросил:

— Разве тебе у нас плохо?

«Ох, не побежало бы из глаз», — подумал я. И... кажется, все-таки побежало. Чуть-чуть. Я закусил губу и стал смотреть на свои босые ноги. Тогда Май сказал полупешотом:

— Грин, ты не спеши. Может, все получится, как надо... — И взглянул так же, как первый раз, там, на берегу. Мне опять захоте-

лось «распахнуть дверцы». И я понял, что надо слушаться судьбу. Пусть все идет, как идет. Хуже, чем было, не станет все равно...

Толя обстоятельно разъяснил:

— Мы с Полиной будем ночевать в этой хижине. Все лето, для следопытской закалки. А ты, Грин, спи на моей кровати, в нашей с Маем каюте.

— Умница, — с облегчением сказал Май. И пальцем хлопнул Толю по носу: — Искатель шаров...

Через забор нас окликнула тетя Маруся:

— Индейцы! Папа так и не пришел, надо ему отнести обед!.. Иконотас — великое дело, но я не понимаю, зачем Богу надо, чтобы этим занимались на голодный желудок.

— Бог тут ни при чем, они сами, — возразил Май. — Они ходят в столовую «Три поросенка», там рядом.

— Знаю я этих... «поросенков». Только желудок портить, у отца и так гастрит.

— Я отнесу! — И Май глянул на меня: — Хочешь со мной? Посмотришь иконотас...

— Хочу! — Я хотел хоть куда, хоть зачем, лишь бы с ним, или со Светой, или со «следопытами»! Лишь бы все шло, как идет!

— Только наденьте штаны и рубашки, — посоветовала тетя Маруся. — А то строгие бабушки в церкви заворчат: чего явились как на стадион.

Я поехал, вспомнив казенный комбинезон. Май, однако, повел меня в дом и в комнатке с двумя деревянными кроватями растворил настенный шкаф. Кинул на кровать кучу одежды. Прыгнул в короткие, до колен, штаны (кажется, называются «бермуды» или «бриджи»), натянул вместо безрукавой майки серую футболку с отпечатанным на ней храмом. Многоэтажные песочного цвета башни храма были похожи на великанские сталактиты.

— Это храм Святого Семейства в Барселоне, архитектор Антонио Гауди, — объяснил Май, поглаживая грудь. И кивнул на койку: — Выбирай, что хочешь...

Я хотел быть, как он. И не спорил. Выбрал такие же, как у Мая, штаны и похожую футболку, только не с храмом, а с рыцарским замком. Май сказал, что это Шато де Реньи, и вытащил из-под кровати плетеные сандалии.

— Примерь. Тут ремешки, можно регулировать...

Регулировать не пришлось, сандалии оказались впору. Мы с Маем вообще были одного размера, во всем. Поэтому и одежда оказалась, будто купленная для меня. Я посмотрел в зеркало на шкафу. Не удержался:

— Потом будет противно в свою робу влезать.

Май слегка удивился:

— Ну и не влезай. Это же теперь твое.

Он сказал это... ну совсем не так, как будто бы «вот тебе подарок», а словно поделился одним на двоих пирожком, разделил пополам. И хотя мне стало неловко, но еще хуже было отказываться. Я только спросил:

— А мама... тетя Маруся, она не рассердится?

Май забавно так почесал в затылке.

— Она... наверное, рассердится. Если ты откажешься... Вот бейсболка. Хочешь?

Я хотел и бейсболку. И натянул ее на свои белобрысые вихры — синюю, с желтым солнышком и надписью «Инскъ». Глянул опять в зеркало и понял, что совсем не похож на себя прежнего. Если даже (не дай Бог!) встретимся на улице с Мерцаловым, едва ли Ефрем Зотович узнает меня...

Мы вышли на просторную Матвеевскую улицу и сели в полупустой трамвай музейного вида. Он весело позванивал. Я увидел старичка-кондуктора в мундире с серебряными шнурами и сунул руку за деньгами (мерцаловскую сдачу я переложил из комбинезона в карман бриджей). Май понял меня.

— Не надо, Грин. Ребята здесь ездят бесплатно...

Мы проехали три перегона, вышли на остановке «Фонтан «Лебеди» и от этого брызжущего фонтана со вскинутыми крылья бронзовыми птицами зашагали вверх по Луговскому проезду.

Михаило-Архангельская церковь стояла среди больших берез, в конце проезда. Она была узорчато-причудливая, как с картинки в «Русских народных сказках». У крыльца беседовали несколько старушек. Двери были открыты, за ними темнела таинственная глубина. В ней мерцали лампочки.

Я вдруг оробел.

— Май, ты иди один... Я тут подожду...

Он не удивился. Не стал ни уговаривать, ни огорчаться. Просто сказал:

— Тогда и я не пойду. Сейчас позову папу.

Вытащил свою «коробочку», понажимал кнопки.

— Па-а! Мы принесли тебе гуманитарную помощь! Чтобы ты не исхудал окончательно, так мама сказала...

Отец Мая почти сразу появился на церковном крыльце, почти бегом спустился по ступеням. Он был сухонький, невысокий (ниже тети Маруси на полголовы), с похожими на стружки кудряшками, в ко-

торых запутались и настоящие стружки. Помахал нам рукой (а рука-то ого-го какая! — длиннющая и сразу видно, что с пальцами, как железо).

— Хвала вам, кормильцы!

— Папа, это Грин.

На лице у папы не мелькнуло ни малейшего вопроса, будто ему уже подробно растолковали, кто есть кто (а возможно, и правда?). Он плотно и бережно пожал мою ладонь.

— Здравствуй, тезка великого сказочника. А я Анатолий Андрейч... Может, зайдете, посмотрите, что у нас получается?

— Па-а, мы после, — быстро сказал Май.

— Ну, после так после. Понимаю — дела...

Обратно мы до самого дома шли пешком. Неторопливо перепасовывали найденную в траве жестянку из-под черных маслин (два беззаботных мальчика города Инска). Май вдруг спросил:

— Грин, а что тебе больше всего нравится... у Грина?

Я сказал сразу:

— «Комендант порта» и «Корабли в Лиссе». Это печальные рассказы, но все равно... они такие...

Май тут же кивнул. Сразу видно, рассказы он читал и, какие они, понимал...

Я стал рассказывать, как приучился к чтению.

— Когда я в первом классе был, у нас появилась воспитательница младшей группы, злюка такая. Элиза Борисовна. Мы ее шепотом звали «Клизма Крысовна». Меня она почему-то терпеть не могла. Чуть что — или «без телевизора», или бряк по затылку. Это если за какую-нибудь мелочь. А когда я в столовой ташил поднос с горой вилок и ложек и грохнул его на пол, она сама чуть не грохнулась в обморок, схватила меня за шиворот и отволокла на «отсидку». Только не в специальную конуру (маленьких туда не сажали), а в библиотеку. Библиотека была пустая, читать почти никто не хотел. «Будешь тут сидеть до ночи, без обеда и ужина, дебил безрукый!».

Ну, мне что делать-то? Походил, поразглядывал корешки. Смотрю — «Приключения Буратино». Вспомнил: кино такое есть. Вытащил, картинки посмотрел, потом начал читать первые строчки, стало интересно. Читал-то я уже неплохо, меня еще в дошкольном детдоме воспитательница Вера Матвеевна научила...

С той поры, если в чем-то провинюсь и она хватит за шиворот, я начинал вопить: «Только не в библиотеку!..»

— Как Братец Кролик: «Только не бросай меня в терновый куст!» — засмеялся Май.

— Да!.. А она, видать, совсем тупая была, радовалась: «Посиди, посиди, может, наберешься ума...» Я и набирался. Столько перечитал там... И однажды наткнулся на книжку «Корабли в Лиссе». Май, знаешь, я даже ревел, когда читал ее... Такая тоска по морям и кораблям, о которых там написано. — Я сказал это без всякого стеснения, «дверцы» были нараспашку.

— Я понимаю... — шепотом ответил Май.

— А потом пришел новый директор, Михаил Гаврилович. Клизма малость присмирела. Все сделалось по-хорошему... Ну а если я в чем-то случался виноват и меня тащили к директору, я снова вопил: «Только не в библиотеку!» «Именно в библиотеку этого бездельника!» — грозно приказывал он и улыбался в усы. И даже подмигивал мне иногда: мол, шуку бросили в реку...

Скоро в библиотеке появилась специальная работница, она стала отыскивать для меня самые интересные книжки. И Грина тоже... А директор в позапрошлом году, когда мне исполнилось одиннадцать, подарил толстую книгу «Алые паруса». В серии «Библиотека приключений»... Жаль, что потом потерялась...

Дальше я рассказывать не стал, дальше было печально. Я побоялся, что Май спросит: а почему я бежал из такого доброго интерната? Он не спросил: видно, почуял что-то. Мы пришли домой (Господи, «домой!»), помогли тете Марусе перемыть посуду, поразглядывали альбомы со всякой старинной (просто сказочной!) архитектурой. Света тоже разглядывала, тихонько дышала у нас за плечами. Май объяснил:

— Это папины. Я читать учился по надписям под картинками.

Мы поужинали оставшимися от обеда картофельными котлетами и молоком.

Евгения уложили, а остальные сели перед телевизором (не очень новым, с небольшим экраном). Тетя Маруся попыталась турнуть Тополя: скоро спать пора. Но они в два голоса заявили, что «попрем, но не пойдем».

Кино и правда оказалось замечательное. По-моему, было в нем даже что-то гриновское. Шло оно долго, и когда кончилось, за окошками был совсем синий вечер. Я вдруг понял, что отчаянно хочу спать. И не помню, как оказался в постели. А когда оказался... сонливость пропала. Я стал ждать, что вот придет и ляжет на соседнюю кровать Май. Но пришла тетя Маруся. Села на край постели. Тронула мои волосы.

— Ну и как тебе у нас, Гришенька?..

С ума сойти! Давным-давно никто меня так не называл! Это бы-

ло... да, не хуже, чем «Грин». Я засопел. Потому что почувствовал: сейчас опять побежит из-под век, так же, как днем.

— Мне у вас... лучше всего. Только все равно придется... туда...

— А чего тебе в этом «туда»? Насильно не уташат...

Она не знала про ампулу.

Я всхлипнул.

Она опять погладила меня по волосам:

— Не грусти. Поживем — увидим... — Ушла, и сразу появился Май. Шумно улегся. Свет был выключен, однако в сумерках я разглядел, что Май вытащил мобильник.

— Хочешь посмотреть новости?

Я сказал «ага». Думал, он повернет ко мне маленький экран «коробочки» (которая, видимо, не только телефон и фотокамера, но еще и телевизор). Но Май шелкнул кнопкой, и в белую дверь ударил свет, нарисовал там большой кадр. Будто кино!

В кадре появился Регент. Давал интервью толпе журналистов. Длинноволосая девица — кокетливая, но, видать, не трусиха — задорно спросила:

— Ваше высокопревосходительство, у многих крепнет вопрос: у нас Империя, а когда же будет император?

— Хе-хе... — сказал круглолицый, с гладким пробором и бородавками на щеке Регент. — Вопрос, на первый взгляд, закономерный, но... не столь уж, сударыня, актуальный. Зачем вам император, если есть я... Шутка... А если всерьез, то проблема разрабатывается. К выборам основателя династии следует подходить со всей серьезностью и обстоятельностью, чтобы не повторился печальный прецедент...

Большинство журналистов дружно закивали, на девушку заглядывались.

Все знали, что несколько лет назад Андрей Первый, выбранный из старинной семьи Мстиславичей — четырехлетний кудрявенький Андрияша, — умер от скоротечного лейкоза (некоторые шептались: «От лейкоза ли? И умер ли?»).

Мне до лампочки были Регент и династия. Маю, судя по всему, тоже. Он переключил программу, запрыгали мультишные гангстеры...

— Какая удивительная у тебя штука, — сказал я. — И связь, и фото, и Тэ Вэ, и кино...

— И не только! — охотно откликнулся Май. — В ней куча всего. Говорят, даже белье можно стирать, если засунуть в резиновый пакет и опустить в бак. Нет, правда... И легко всякие игрушки прокручивать, в интернет выходить и даже в Информаторий. Конечно, только в открытую зону...

— Я не знал, что такие бывают...

— И я не знал! Это новое поколение электронной техники, такие штучки пока не продают. Мне дали ее зимой за первое место на конкурсе макетов, от общества «Большой союз».

— А что за конкурс?

— Для всех, кто хотел... Надо было построить макет старинного, как в прошлых веках, Инска... Я почти полгода сидел — мастерил да клеил... Мне знаешь почему первый приз дали? Я в макете соединил сразу несколько веков. И крепость как новая, и церкви, которые стояли в Инске в разные времена, и всякие дома, и памятники... Некоторые сперва спорили: это, говорят, исторически неправильно. Но главные судьи сказали: пусть неправильно, но достоверно...

Май, наверно, спохватился, что я подумаю, будто он хвастается. Замолчал, опять нажал переключатель. На двери появилась красная пустыня, а вдали треугольная пирамида под желтым небом. Два человека — кажется, мальчик и взрослый — шли к пирамиде и несли какую-то тяжесть. Мне вдруг почудилось, что от картины веет сухим зноем.

— Это что?

— Это... игра такая... — как-то напряженно сказал Май. — Непонятно, откуда взялась. Некоторые говорят, что просочилась прямо из Информатория... Надо на вершину пирамиды донести чугунный шар и опустить в жерло. Чтобы спасти весь мир. Вроде бы простая задача, а ни у кого не получается... А Грета сказала, что это не только игра...

По мне почему-то холодок прошел.

— Май... ребята поэтому и стараются найти шары?

— Ну... наверное, и поэтому... В Инске вообще много загадок, у него запутанная история... Некоторые говорят, будто город построили дети. Несколько мальчишек, как мы... Придумали вместе со всей стариной, историей и прочим... Сперва он был игрушечный, из кубиков, жестинок и яичной скорлупы. А потом он стал расти, заполнять определенные пространства и превращаться в настоящий...

— Но он хороший, — сказал я.

— Еще бы! — И Май включил новую картинку.

Я увидел кирпичную церковь с высокими башнями, похожими на те, что у маленького песочного храма.

— Это польский костел. В позапрошлом веке в Инске жило много ссыльных поляков. Вот они и построили. Он и сейчас действует, хотя нынче католиков здесь немного. Там орган хороший, многие ходят послушать...

— Май... ты, наверно, про все храмы на Земле знаешь?

Он засмеялся и выключил проектор.

— Никто не знает про все храмы, даже академики. Да и зачем? Тут ведь смотря у кого какой интерес. Если архитектура, тогда можно изучать и рассматривать до бесконечности. А если храм ради веры... Тогда, по-моему, нужен один стиль. Потому что верят по-разному, но Бог все равно один...

Май сказал это не прежним голосом, а приглушенно. И так, будто раздумывал: говорить или нет?

«Говори», — мысленно попросил я. Потому что понял: он делится тайной. Значит, я для него не просто случайный гость...

— Я это допридумывал только вчера. Такой проект... Поэтому никому еще не говорил, тебе первому...

«Спасибо, Май...»

Он негромко и отчетливо сказал:

— Грин... как бы люди ни придумывали всякие хитрости и украшения, а самая совершенная форма все равно одна. Это шар. Шар и больше ничего. Громадный, вылитый из хрустала. Он должен висеть в воздухе, как планета. Надо только придумать систему антигравитации, чтобы Земля не притягивала эту тяжесть...

Я сразу будто увидел этот космически-великанский шар — над деревьями, крышами, башнями. Он был прозрачный, переливался. Весом в миллион тонн и... невесомый. Но...

— Май, если он сплошь из стекла... как в него будут попадать люди?

— А им и не надо... Они будут смотреть снаружи. И каждый сможет в шаре увидеть храм, какой хочет...

— Но внутрь-то человек никак не сумеет... — осторожно сказал я.

— Человек — нет, а душа — да. Ведь лучи света свободно проникают в прозрачность. И там живут, искрятся на ее переливах... А душа — это ведь тоже свет.

— Разве у каждого? — сказал я еще осторожнее.

— Ну... хоть капелька света есть у каждого в душе. Вот она-то и вольется туда... А если даже капельки нет, зачем такому человеку храм?

«Да и человек ли он тогда?» — мелькнуло у меня.

Но сказать я этого не успел, на меня тяжелой ватой опять навалилась сонливость. Я только пробормотал:

— Май, храм замечательный... но я уже сплю...

— Спокойной ночи... — Он протянул руку и пожал мою ладонь. Пальцы были теплые и твердые.

...Мне приснился громадный хрустальный шар над красными песками и пирамидой. Он повис над миром, будто специально для нас, поэтому в пустыне было ничуть не страшно...

Глава 7

Утром я встал с ощущением, что надо мной висит сверкающий шар — невидимый, но настоящий. И твердо сказал себе, что сегодня, в этот субботний день, не буду думать ни о чем плохом. Ни о каком черном будущем. Запрещаю, вот и все!

После завтрака тетя Маруся распределила домашние дела. Маю и Тополятам выпало переключать поленницу в сарае, а Света и я были посланы на рынок за овощами. Не на тот рынок, что у пристани (и слава Богу, а то еще напорюсь на Мерцалова!), а на центральный. Мы ухватили хозяйственную тележку на колесиках и замаршировали по Театральному бульвару, по Рыночному проезду. Света рассказывала про подружку Грету и ее следопытский отряд, который ищет повсюду всякие редкости. И про ее брата со странным именем Лыш, который пытается строить из старых стульев летательные аппараты. Аппараты пока не получаются, потому что стулья надо предварительно дрессировать, а они, негодные, едва только научатся летать, сразу удирают...

— Как это? — не поверил я.

Она смешно развела руками:

— Может, Лыш и понимает как, а кроме него — никто.

Тогда спросил я (надо ведь о чем-то говорить):

— Толь-Поли близнецы, да?

— Да... — кивнула она и посмеялась.

— А вы... Май и ты? Тоже близнецы?

Света быстро глянула на меня сбоку и стала смотреть вперед.

— Грин, нет... Мы ведь не кровные братья и сестры. У мамы и папы родные только Любаша и Женька. А мы, четверо, приемные... Ну, у каждого по-разному получилось. Младшие, они еще из дома малютки, я из детдома, когда четыре года было, Май... ему тоже около четырех лет было. Тут долгая история...

Я не решился спрашивать: что за история. И чтобы не прерывать разговор, сказал:

— У него хорошее имя...

Света улыбнулась:

— Вообще-то у него другое имя, только его почти забыли... А получилось так. Когда мама и папа с ним познакомились в интернете, они спросили: «Ты кто?» А он не выговаривал тогда «эл» и «эр»,

вот и говорит: «Майчик...» Ну и пошло с той поры: «Майчик», «Май»...

«Он и правда как май», — уже не первый раз подумал я, но вслух, конечно, не сказал. Тем более, что было мне ужасно неловко, я зашптыкался даже. И, наверное, покраснел. Идиот! Думал, что я один со своими несчастьями, а здесь так же!.. Хотя нет, не так же. Они счастливые. Все вместе и как родные...

Я пробормотал:

— Значит, у вас семейный детский дом?

Она опять глянула быстро и неулыбчиво.

— Просто... наш дом. Дом Веткиных...

«Счастливые», — опять подумал я. Но без капельки зависти. Хорошо, что счастливые...

На обратном пути, когда мы катили тележку с капустными вилками и картошкой, встретили тех самых Грету и Лыша. Каждый из них тащил на спине обшарпанный гнутый стул.

— Света, Грин, салют!.. Лыш, это Грин.

— Я догадался, — буркнул он. Потом все же сказал хрипловато: — Здравствуй!.. — и стал смотреть в сторону.

Нелюдимый такой, стриженный ежиком, худой и нескладный.

— Он меня замучил, — пожаловалась Грета. — Не только я, а весь наш отряд ищет для него мебельный утиль...

— А я для вас — шары... — проворчал Лыш. И вдруг тонко завопил:

— Куда?! Стой, паразит!..

Мы все аж подскочили. А дальше я увидел такое... ну просто сон какой-то! Стул, который Лыш только что держал на плече, теперь скакал по заросшему дикой травой газону. Подпрыгивал, удирал, путаясь в лопухах и бурьяне тонкими ногами. Как дурной жеребенок! Лыш стремительно догнал его, ухватил за спинку, дал шлепка по сиденью и водрузил беглеца снова на плечо... И все это никого не удивило. Кроме меня. Но и я не стал ахать и расспрашивать. Подумалось даже: «Если здесь бывают такие чудеса, то, может, и мне подвернется какое-нибудь чудо... счастливое...»

А дальше время вдруг запрыгало, как тот непослушный стул-жеребенок. Удивительно резвыми скачками. Пообедали, отнесли еду Анатолию Андреевичу (хотя и выходной, а бригада в церкви работала), погуляли по городу вместе с Гретой и Толь-Поли, искупались недалеко от песочного храма «Кафедраль де ла Мар» (близнецам купаться Света не позволила — холодно еще, — и странно: они почти не спорили). Храм оказался целехонький. Нынче здесь было немало народу,

вокруг храма оказалось множество следов, но ни одного — внутри на-
черченного круга.

— Вечером придем сюда снова, — шепнул мне Май. — Если в ян-
таре будет огонек, значит все в порядке.

Я не стал расспрашивать: что в порядке и какой огонек? Было хо-
рошо, что он шепнул так доверчиво...

И мы пришли на берег снова, вечером. Света, Май, Грета, Лыш и я
(«индейцы» решили остаться в своей хижине). Народу здесь было боль-
ше, чем днем. Всюду горели костры. Неподалеку я услышал песню:

Поднявший меч на наш союз

Достоин будет худшей кары...

Мы подошли к песочному храму. Май сел на корточки, мы рядом.
Вставленная в круглый узор бусина светилась желтым огоньком.

— Вот, я же говорил, — шепнул мне Май.

Мы помолчали. Грета сказала:

— Пойдемте, разведем свой костерок. Вон там, в сторонке.

Мы пошли. От обрывов пахло множеством теплых трав, от реки —
сосновыми плотами и мягкой сыростью. Набрали щепок, прошлогод-
них стеблей репейника, сухостоя в береговых кустах. Май и Грета
умело развели маленький огонь. Тепло пошло по ногам...

Возникли из сумерек два взрослых парня. Один — в форме, похо-
жей на милицескую (я напрягся).

— Лыш! Иди-ка сюда! — окликнул парень в форме. Лыш, чуть за-
пинаясь, пошел к пришедшим.

— Витя, привет! — махнул рукой Май.

Я осторожно шепнул Маю:

— А это кто?

— В форме — это Витя... Виктор Петряев, подпоручик муници-
пальной стражи. И не только стражи... А кто с ним — не знаю.

Лыш вернулся через пару минут, постоял немного с нами и ска-
зал, что ему пора домой.

— Подожди немного, пойдем вместе... — заворчала Грета.

— У меня в сарае работа не кончена, а ребята мне еще один стул
обещали найти, — озабоченно разъяснил ей Лыш. — Поэтому кто
пойдет, а кто и поскачет...

Лыш отошел и выволок из репейников легонький венский стул.

— Опять! — вознегодовала сестра. — Шею свернешь, акробат!..
Лыш, я маме скажу!

— Жалоба моченая, на углях копченая...

Все слушали спокойно. Знали, что Лыш обозвал сестру «жалобой»

так, для порядка, и ничего она не скажет маме. А он, конечно, не свернет шею.

Лыш оседлал стул задом наперед, растопырил ноги, слегка толкнул перед собой спинку. Стул ударил ножкой в песок, будто нетерпеливый жеребенок. Подпрыгнул и взмыл над репейной чащей. Понес всадника над склоном вверх.

— Вот это да... — не удержался я. Но понятно было, что сильно изумляться нет смысла.

Света негромко сказала мне:

— Видишь, ты уже столько всего знаешь про нас... Расскажи и про себя.

— Но я ведь рассказывал...

Май с другой стороны проговорил:

— Грин, ты не обижайся, но ты ведь говорил не все. Расскажи нам про главное...

Я больше ни секунды не сомневался. Сказал «сейчас» и стал рассказывать про все. И про ампулу. Подробно...

Вторая часть. Стрелок

Глава 1

Маму я не помню. Снится иногда, но туманно, отрывочно, и лица не разглядеть...

Мы жили в поселке Рудаково рядом со столицей. Дом был наш собственный, небольшой, одноэтажный. Он сгорел, когда мне было полтора года. Мама погибла от угарного газа, а меня сумели вытащить. Отец в это время был в командировке.

После пожара отец снял квартиру в столице, и мы жили там с тетей Анютой, которая ведала нашим хозяйством. А через полгода отца арестовали, а меня отправили в дошкольный детский дом. Тете Анюте не отдали: мол, не имеет она на меня права, по документам-то совсем чужая. Говорят, сперва я ревел отчаянно. Ну, а потом, что делать, привык постепенно... Тетя Анюта навестила меня через некоторое время. Я эту встречу запомнил хорошо, был мне уже четвертый год. Мы сидели рядышком, и я все повторял: «Возьми к себе. Возьми обратно...» А она говорила, что обязательно, только вот сперва надо выхлопотать документы, поэтому мне придется немного потерпеть. А когда уходила, сказала мне очень отчетливо: «Гришенька, ты пока маленький, но одно тебе надо запомнить крепко, как большому: твой папа ни в чем не виноват. Ты это знай на веки вечные. И не верь никому, кто будет говорить другое. Запомнил?»

И я сказал: «Да». И запомнил. И решил, что теперь буду каждый день ждать тетю Анюту.

Но тетя Анюта больше ни разу не пришла в детский дом. После той нашей встречи она поехала в столицу и пропала. Так мне сказали потом, когда подрос...

В том, первом, детском доме было не так уж плохо. Взрослые нас почти не обижали, лупили редко и не сильно, случались всякие праздники, летние поездки на дачу, где лес и речка... Так и жил.

В семь лет перевели в детдом-интернат со школьным обучением. Там стало хуже. Особенно сперва. Большие ребята помыкали нами по-всякому. И не пикнешь. Если пожалуешься, потом еще хуже будет, да и от воспитателей вместо защиты лишняя нахлобучка. Было, конечно, и хорошее. Праздники, походы в цирк и в театр, а особенно — библиотека. Но свою любовь к чтению я никому не показывал, а то задразнят, да и «библиотечных отсидок» не будет.

Потом появился новый директор интерната, Михаил Гаврилович, худой высокий дядька с рыжими от курева усами и басовитым (сперва казалось — грозным) голосом. Первым делом выгнал нескольких воспитателей, любивших распускать руки, а также перевел в другие интернаты и училища больших парней, которые вместе с этими воспитателями заправляли в интернате. Правда, наша Клизма Крысовна осталась. По-прежнему, если я на самоподготовке не решал задачки, а рисовал кораблики или мастерил бумажных голубков, она хватала меня за шиворот и волокла в директорский кабинет.

— Михаил Гаврилович, у меня сил нет! Опять бездельничает! Его надо в интернат для олигофренов!

— Та-ак! — грозно говорил директор. — Ладно, в тот интернат пока подождем, у них нехватка мест, а под арестом пусть посидит! В библиотеку его!

Один раз Клизма опять привела меня к директору, и он сурово сказал:

— Оставьте нас. Я поговорю с ним один на один.

Клизма с удовольствием оставила (может, надеялась, что я получу ремня). А Михаил Гаврилович сделался какой-то другой, озабоченный и печальный.

— Вот что, Григорий Климчук. Есть дело, о котором обещаю молчать... Обещаешь? Иначе сильно подведешь меня.

Я ничего не понял, но сразу закивал: обещаю, мол, изо всех сил.

— Перед ужином, в семь часов, выйди на двор, в дальний конец, за гараж. Там за забором будет стоять мужчина в коричневой куртке, он тебя окликнет. Есть у него к тебе разговор. Только не долго... Понял?

Я опять закивал. Расспрашивать не посмел и до вечера изводился от ожидания и догадок.

Была осень, октябрь, в семь часов уже стемнело, но по ту сторону решетчатого забора, на улице горела на столбе лампочка. Вокруг нее реяли дождинки. Я вздрагивал. От столба отделился (словно полоска тени) человек, сказал негромко:

— Гриша Климчук?

— Ага... — выдавил я и даже икнул от волнения.

— Это письмо от твоего папы. Я не могу сказать, где он сейчас, но ты знай: с ним все в порядке. Он помнит о тебе. Остальное — в письме. Старайся никому не показывать его... — Сквозь рейки забора мужчина протянул мне конверт и сразу ушел, потерялся в сумерках.

Я затолкал письмо под куртку, под рубашку, под майку, к самому телу. И побежал в школьный корпус. Оглянулся в коридоре, поскребся в библиотечную дверь. Я редко приходил сюда «по своей воле» (чтобы не разоблачили), но сейчас попросил Галину Павловну:

— Можно, я посижу до ужина? Очень надо!

— Посиди, голубчик. Я никому не скажу.

За стеллажами я засветил переносную лампочку.

Конверт был белый, без надписи. Надорвал уголок, сунул палец, рванул. Вытащил сложенный вчетверо лист. Он был голубоватый, линованный.

Отец писал небольшими, но четкими, почти печатными буквами. Я уже потом подумал: может, он боялся, что я неважно читаю, и старался, чтобы я разобрал все до последнего слова?

Вот что было в письме.

Здравствуй, Гришенька!

Здравствуй, мальчик мой любимый.

Прости, что не могу написать, где я теперь. Но я жив и здоров. Придет время, я тебя обязательно найду, и мы будем вместе. Это я обещаю.

А пока я тебя прошу: помни, что у тебя есть папа. И вообще старайся не забывать все, что помнишь хоть самую капельку. Может быть, даже вспомнишь маму. Она тебя очень любила.

Я каждый день вспоминаю, как мы жили вместе. Как ты любил ездить у меня на плечах.

А еще ты любил играть с рыжим котом Юшиком, бросал на пол бумажные шарики, Юшик прыгал за ними, а ты хохотал...

Я сразу вспомнил кота с торчащими, как иглы дикобраза, рыжими прядками. Они были колючие на вид, а на самом деле мягкие.

Юшик любил забираться ко мне на постель и укладываться в ногах. Что с ним стало?

Еще помню, как мы встречали Новый год, последний, когда были вместе. Губить живую елочку не хотелось, и мы с мамой купили маленькую искусственную. Я соорудил для нее специальную полку высоко на книжном стеллаже. И даже сочинил песенку:

*В лесу нашли мы ёлочку
С искусственной хвоей.
Поставили на полочку,
А дальше — ой-ёй-ёй...*

Ой-ёй-ёй — потому что Юшик прыгал внизу, как сумасшедший, и подвывал от досады, что ему не удастся цапнуть игрушки. А ты сидел у мамы на руках, слушал песенку, смотрел на кота и смеялся.

Мама тоже смеялась. Сначала она спорила, что надо петь не «хво-ёй», а «хвоей», но я ее убедил, что так будет нескладно. Она согласилась и стала тоже петь, но не как я, а на мотив своей любимой песни «Уралочка». И даже Юшик успокоился. Не помнишь?

Этого я, разумеется, не помнил. Мне же было тогда чуть больше года. Но я вспомнил гимн спортивного клуба «Уралочка», его иногда исполняли по телевизору, если показывали соревнования. «Уралочка» была знаменитая, часто выступала на общеимперских турнирах. А слова такие: «Полощут флаги яркие, и шум со всех сторон, выходим из-под арки мы опять на стадион...» Ну, или что-то похожее, точно не помню. Главное, что мотив подходил. И я потом повторял песенку про елочку с этой мелодией очень часто. Но только про себя, конечно...

Мы с мамой очень любили тебя, мой хороший. Мы звали тебя Гришенька, Гришук и договорились, что когда подрастешь и, может быть, начнешь стесняться слишком ласковых имен, станем звать тебя Грин. Есть такой замечательный писатель. Постарайся найти его книжки и прочитай. Не поленись.

*Целую тебя и обнимаю.
Твой папа.*

Я не поленился. Прочитал письмо несколько раз, опять спрятал его, вытер слезы. Выбрался из-за стеллажей и тут же попросил у Галины Павловны что-нибудь писателя Грина, которого читал и до этого. Теперь хотелось не здесь читать, а взять с собой. И она дала мне книжку «Гнев отца», где оказалось несколько рассказов, которых я еще не знал. А в рассказе, по которому названа книжка, не было никакого гнева, а только отцовская любовь... И я читал — будто переговаривался с отцом...

А потом директор подарил мне «Алые паруса».

Я старался никому не показывать эту книгу, читал в укромных уголках. И только от одного мальчишки не прятался. Это был семилетний пацаненок по прозвищу Пузырек. Появился в интернате он недавно и часто ходил с мокрыми глазами. Отец у него спился и умер в больнице, мать посадили за воровство, а он загребел сюда. И хотя на воле жизнь у Пузырька была не сладкая, он все равно тосковал по ней...

Был он затюканный, тощий, большеротый, ни на какой пузырек не похожий. А прозвали его так потому, что на губе у него часто вскакивал белый волдырик и потом лопался... Однажды я расшвырял по сторонам двух третьеклассников, которые прискреблись к Пузырьку на перемене (сам-то я был уже в пятом). И он потом смотрел на меня как преданный щенок. Нельзя сказать, что меня это радовало, казался он каким-то слишком уж хлипким и унылым. Но однажды я увидел, как он роняет слезы в раздевалке за вешалкой, и он меня увидел и глянул будто через жидкие стеклышки. И прикусил губу с пузырьком. Я спросил «ты чего», а он только шмыгнул носом и головой мотнул. Наверно, и сам не знал «чего». Как объяснишь, если тоска? Тогда я сказал:

— Пойдем.

Привел его в спальню, посадил рядом на койку, а дальше... Я сам не знал, что делать дальше. И спросил:

— Хочешь, книжку почитаю?

Он закивал (даже брызги полетели с ресниц). Я достал из-под матраса книжку, увел Пузырька в библиотеку за стеллажи и там стал читать в полголоса «Алые паруса». Он слушал, приоткрыв рот.

Когда «Паруса» закончились, Пузырек опасливо поспел и спросил:

— А Грей взял к себе и Ассоли Лонгрена?

— Конечно! Он же обещал!

— Тогда хорошо... — И Пузырек заулыбался. Не так, как раньше, а без боязни...

И потом я еще не раз читал Пузырьку рассказы Грина...

Глава 2

А в апреле случилась беда.

Однажды после самоподготовки (это когда делают «домашние» задания) меня окликнули в коридоре: «Клим, тебя Гаврилыч зовет, велел, чтобы немедленно. Ты чего натворил?»

Я ничего не натворил и не ждал плохого. Но Михаил Гаврилович встретил меня сумрачно.

— Садись, Гриша... Даже не знаю, как начать. Плохие новости...

Я начал обмирать, вцепился в сиденье стула. Я почти догадался, о чем пойдет речь. И он понял это.

— Да, Гриша... Папы нет в живых...

Я помолчал, все еще надеясь, что это ошибка, что директор сейчас поправится. Потому что иначе... как я буду жить-то? Ведь все время после письма я жил надеждой... Но директор молчал, и я наконец выговорил:

— Почему... нет?..

— Я расскажу... Я не имею права, но... если я не скажу тебе это, больше никто не скажет. А меня здесь скоро не будет...

То, что его скоро не будет, я пропустил мимо ушей — до того ли мне было. А Михаил Гаврилович стал говорить дальше:

— В общем так... Твоего папу, Юрия Львовича Климчука, обвиняли в заговоре против имперской власти. Думаю, что не против власти он был, а против «Желтого волоса», такая гнусная партия набирала одно время у нас в стране силу. Прямо скажем, преступная... Потом эту партию запретили, только сторонников у нее осталось немного. А твой папа знал о них очень много. Как говорится, владел базой данных. Потому что дело было связано со сложными технологиями, с хранением информации, а он же работал в научном журнале... Эту информацию у него старались добыть, но он ее упрятал надежно. Посадили в тюрьму, он бежал. Скрывался за границей, а недавно вернулся, и его обнаружили. Он отстреливался, его ранили, и он умер в больнице... Не спрашивай, откуда я это знаю. Но это, к сожалению, правда.

Я не спрашивал. Я отвернулся, лег щекой на спинку стула и заплакал. Директор меня не останавливал.

Я плакал долго. Потому что все рушилось в жизни. Впереди теперь не было ничего... Но в конце концов слезы кончились, и я опять услышал Михаила Гавриловича:

— Может быть, хоть немного тебя утешит одна мысль. Что твой отец — герой, он дрался за справедливость. Ты вырастешь и раз узнаешь о нем всю правду...

Я всхлипывал и молчал. Я не хотел вырастать. Я ничего не хотел. Михаил Гаврилович подошел, погладил по плечу.

— Я понимаю, как тебе тяжело... и как на все теперь наплевать. И это будет долго, да... Но все же послушай совет...

Я шевельнул плечом: какой еще совет? Расти умным, честным, достойным? Зачем?

— У тебя есть отцовское письмо. Знаю, оно тебе очень дорого. И

все же... Тебе следовало бы его уничтожить. Если найдут, будет много неприятностей. У многих людей. У меня в частности, но это не главное. У других... Я ничего не требую, но все же подумай, Гриша Климчук...

Я потом, конечно, думал, думал, думал. Об отце, о письме. О том, как жить дальше. Жить не очень-то хотелось, но совсем умирать не хотелось тоже.

Надо сказать, что об отце я горевал меньше, чем, казалось бы, должен горевать. Может, потому, что я его почти не помнил. А может, внутри включились какие-то тормоза. Гораздо сильнее была печаль о рухнувших надеждах на будущее: никогда не будет у меня родного дома, родных людей... Но вскоре планы на будущее появились опять. Уже совсем другие. Такие, о которых я думал, стискивая зубы.

Я вырасту! Назло всем врагам! И разужнаю про отца всё-всё, всю правду. И напишу книгу про то, какой он был герой. Я даже знаю, какое будет название. «В лесу нашли мы елочку!..» Строчка из песни, которую он пел мне в забытом детстве...

В общем, впереди опять что-то засветилось... Но меня грыз постоянный страх из-за письма. Почему в нем какая-то опасность? Почему могут пострадать какие-то люди? В том числе и директор... Может, пойти, расспросить? Но я не решался. А вскоре у директора начались неприятности.

Его куда-то вызывали, чем-то грозили (ходили такие слухи). Стали появляться всякие комиссии. Нас приводили в кабинет, задавали вопросы. Не делал ли Михаил Гаврилович с нами что-то плохое? Многие таких вопросов просто не понимали. А кто понимал, плевался в ответ, потому что директор делал нам только хорошее. Но на плевки и грубости спрашивающие не обижались, продолжали беседу, как ни в чем не бывало. Обещали награды за «обдуманнные ответы». Кое-кто, наверное, купился...

Я стал бояться еще сильнее. Вдруг у меня найдут письмо, и оно добавит директору всяких бед? Да и мне заодно... Я перепрыгивал его в разные места, но все они казались ненадежными. Я носил его под майкой, но казалось, что бумага подозрительно шуршит.

В конце концов я струсил. Решил, что надо от письма избавиться навсегда. Ночью я ушел в туалет (будто приспичило), заплакал, перечитал письмо последний раз и разорвал его на мельчайшие клочки... Но у меня не хватило духу бросить крохотные бумажки в унитаз и смыть их. Это было бы уже не подлостью, а сверхподлостью. И я, да-

вась слезами и бумагой, сжевал, сглотал изорванное письмо и запил водой из умывального крана.

Я утешал себя, что помню письмо наизусть до последней буковки и не забуду никогда в жизни. Но все равно гадостный осадок остался у меня внутри. Как от ржавой, пахнущей хлоркой воды...

А директора убрали. Я не знаю, что с ним стало. Просто он однажды не появился на работе. Его заместительница — похожая на квашню, пугливая Елена Маркеловна — потерянно бродила по интернату и вздрагивала, когда ей задавали вопросы. Потом появился новый директор. Его сразу прозвали Майором. Кто-то пустил слух, что раньше он был ментухаем. Он был прямой, тощий, с колючим лицом и кашляющим голосом. Ходил в пиджаке, похожем на мундир. Стал заводить порядки, как в кадетском корпусе, велел каждый день заниматься строевой подготовкой, и всех, даже малышей, сажали теперь не в библиотеку, а в настоящий карцер.

Клизма Крысовна расцвела, как пахучая гортензия на навозной клумбе. Ходила генеральшей. Руки распускала на всю катушку. Однажды за то, что не успел вовремя заправить койку, она врезала мне по шее и привычным путем отволокла в директорский кабинет.

— Вот... Совершенно отбился от рук!

— А драться можно, да?! — попробовал я «качать права».

— Ма-алчать! — заорал Майор. И потом кашляющим голосом долго орал еще. О том, что для бывших директорских любимчиков здесь больше не будет сладкой жизни, и что он еще дознается в подробностях, чем тут со мной занимался этот «Михал Гадёныч», и что сыночкам всяких террористов в интернате вообще не место, и скоро я отправлюсь туда, где давно мне полагается быть...

После этого я понял, что пора уходить. Куда угодно, лишь бы подальше. И стал готовиться. Никто про это не догадывался. Только Пузырек. Однажды, когда остались вдвоем, он спросил шепотом:

— Клим, ты книжку возьмешь с собой, да?

Я не стал притворяться.

— Конечно.

Он спросил еще тише:

— А меня?

Я обмяк. Вот еще подарочек...

— Пузырек. Но я же сам ничего не знаю. Как все получится... Куда ты со мной...

Он прошептал книжную фразу:

— Хоть на край света...

И заплакал.

Ну, что я мог сделать? Бросить его и после маяться всю жизнь? У меня на совести и так было уже одно предательство — уничтоженное письмо...

Мы ушли среди ночи. Через полчаса мы были уже на станции электрички. Забрались в пустой вагон с тусклыми лампочками. Никто нас не заметил, не выгнал. Еще через час мы оказались в столице.

Раньше я никогда не бывал в бегах. Но от других слышал, конечно, о беспризорной жизни. Знал, что в громадной столице немало такого «вольного» народа и что «не пропадешь, если думалка на плечах в рабочем режиме». И что найти сбежавших пацанят очень трудно, да никто и не станет искать. Разве что случайно вляпаешься...

Несколько суток мы болтались по рынкам, свалкам и задворкам складов. Выпрашивали (а раза два и стащили на базаре у южан) еду. Ночевали в ящиках за какой-то фабрикой, укрывались изодранными мешками. Пузырек не жаловался. Только иногда смотрел виновато: «Я для тебя обуза, да?» Я обещал ему, что вот осмотримся, устроимся продавать газеты или разгружать мелкие товары, подзаработаем денюжат и рванем на юг, поближе к теплому морю и кораблям. Грин-то крепко сидел внутри у меня. Да и у Пузырька, видать, тоже. Каждый раз в ответ на мои слова Пузырек радостно кивал.

Но вместо южных стран мы оказались в крепкой компании беспризорников.

Однажды на привокзальном рынке к нам подошел парнишка чуть постарше меня, решительный, неплохо одетый, с цепкими глазами опытного человека. Спросил дружелюбно:

— Вы дикие, да?

— Сам ты дикий, — малость ошетинился я.

— Да ты не гоношись. Я в том смысле, что не столичные и без коллектива. А в одиночку здесь долго не живут, закон джунглей. Хотите в нашу бригаду? Сытые будете...

Я глянул на исхудавшего чумазого Пузырька. Мы не ели со вчерашнего дня. Я сказал:

— Хотим...

«Бригада» оказалась не такая, как я представлял «кодлы» беспризорников. Никто не ходил оборванцем, никто не кололся, не нюхал клей. Даже курить разрешалось только старшим. Ну, я-то уже мог, если бы захотел, а Пузырек — ни-ни.

Было нас человек пятнадцать. Пацаны лет от семи и до четырна-

дцати. Кто-то исчезал, на его месте появлялись новички, но «ядро» оставалось. Жили мы в подвале обшарпанной девятиэтажки. Подвал был обширный, со всякими закутками. Горело электричество, работал водопровод. Стоял в углу портативный телевизор. Была даже бетонная конура с унитазом и самодельным душем. В общем, не притон, а общежитие. Спали мы на топчанах, на разболтанных раскладушках, на разбитых диванах со свалки. Постели полагалось заправлять одеялами, кусками парусины, старыми оконными шторами — у кого что было. За порядок и чистоту отвечала крашеная симпатичная девица, которую звали Марлен. Она любила тискать младших ребят, следила, чтобы мы умывались, чистили зубы и раз в неделю принимали душ. Но Марлен была не главная, а подружка «бригадира». Они жили вдвоем в отдельном «бункере».

Командовал бригадой парень лет двадцати по имени (или по кличке) Морган. Он в самом деле был похож на пирата Моргана из американского кино «Карибские паруса». Худой, с темными усиками, с продолговатыми непонятными глазами. Иногда они были обыкновенные, даже ласковые, но если кто-то делал что-то не так... ого, какие становились глаза!

Впрочем, не всегда Морган злился на провинившихся. Иногда говорил добродушно: «Отшлепаю, голубчик...» Казалось бы, шутка, но провинившийся обмирал.

В общем, Морган держал нас в строгости. Мы работали целыми днями. Выпрашивали у пассажиров на перроне, у прохожих на улицах деньги, рассказывали при этом трогательные истории, будто «я вовсе не беспризорный, а просто так получилось, что папа погиб на стройке, мама в больнице, а я приехал в столицу за помощью к тете, а она здесь уже не живет, и надо как-то добираться обратно в свой город...» Ну, или еще что-нибудь душещипательное. Главное — придумать жалостливо и правдоподобно, тогда многие верили. Я умел придумывать такие сюжеты, и Морган меня ценил.

Он запрещал ходить на работу оборванцами. «Сейчас таким не доверяют. Жалеют попавших в беду, но не любят тех, кто скатился на дно. И я вам скатиться не дам, нашей славной Империи маргиналы не нужны».

Почему-то Моргану не нравилось, когда старшие часто общаются с малышами. Поэтому я и Пузырек не всегда бывали вместе. Пузырек стал ходить с другим таким же малявиком, только еще более затюканным и боязливым. Звали того Тюнчик. Они, когда отправлялись за уловом, изображали братишек, отставших от родителей на вокзале. «Мы пошли в милицию, а там на нас накричали и хотели остричь ма-

шинкой. Мы убежали... Дайте, пожалуйста, денежек на билет до Степановска, там наш дом...»

Детки были совсем «мамины-папины», в аккуратных костюмчиках и новых сандалетках, в которые их обряжала Марлен. Взрослые совали пацанятам деньги, даже не подумав: кто таким мелким продаст билеты?

Все собранные деньги полагалось сдавать лично Моргану. До последнего грошика. Иногда он выдавал нам кое-что на мелкие расходы и обещал, что к сентябрю «подведет баланс», и тогда каждому выдаст заработанный за лето «справедливый процент». А пока...

Помню, как один раз он, принимая выручку, вдруг похлопал по широким джинсам девятилетнего Зяблика и вытащил у того из кармана пятирублевую монетку. Улыбнулся. Нехорошо так:

— А это что, детка?

Даже при желтой лампочке видно было, как Зяблик побелел.

— Я... нечаянно... Она застряла... Я не хотел... Я не заметил...

— На запчасти, мальчик? — прежним улыбчивым тоном спросил Морган.

— Я... нет! Я больше никогда...

— Иди, Зяблик, — сказал Морган. — Я подумаю, что с тобой делать...

Ничего он с Зябликом тогда не сделал, но все видели, как несколько дней бедняга мается от страшного ожидания. Это было хуже, чем немедленная кара.

На следующее утро я пошел за уловом вместе с Юркой Лунатиком, пацаном лет двенадцати, как я. И спросил:

— А чего это вчера Морган про какие-то запчасти Зяблику на темечко капал? Это как?

Лунатик выкатил глаза, часто задышал от возбуждения.

— А ты не знаешь? Говорят, у Моргана договор с клиникой. С тайной. Если там нужен донор для пересадки, он туда может кого-нибудь из пацанов, особенно из мелких... Потом говорит: устроил на усыновление... А на самом деле распотрошат такого на детальки для богатых больных деток. Одному сердце, другому почки, третьему селезенку... Гриня, но это я только тебе. Не вздумай заложить!

— Не вздрагивай, — хмуро сказал я. И подумал, что с таким языком Лунатик в бригаде долго не проживет. — Брехня это...

— Не знаю. Об этом многие шепчутся. И Морган про это знает и не говорит, что брехня. А на усыновление он правда несколько мелких отдал и не сказал кому. Мол, по закону это тайна.

«Неужели такая сволочь? — думал я на ходу. — Ведь в общем-то

совсем как человек. Ну, строгий иногда, а бывает, что и добрый, заботится, разговоры ведет интересные, рассказывает про всякое».

Ко мне Морган особенно благоволил. Никогда не пугал, порой разговаривал о книжках, не ругал, если я в своей добыче не дотягивал до нормы. А однажды оказал мне и еще двум ребятам постарше особое доверие. Достал свой пистолет, объяснил, как вынимается и вставляется обойма, как надо снимать предохранитель, передергивать затвор и нажимать спуск. А потом в глухом подвальном коридоре дал каждому пальнуть по пустой консервной банке.

Ох и грохало! Но я все-таки с пяти шагов продырявил жестянку, а два других промазали.

— Гриня, ты способный парень, — снисходительно похвалил Морган. — Далеко пойдешь... — И спрятал небольшой плоский пистолет в боковой карман куртки. Он всегда носил его в этом кармане, будто не боялся, что заметят.

Кажется, Морган вообще ничего не боялся. Я сперва удивлялся, как это ментухаи до сих пор не разнюхали про наше убежище, не нагрянули с облавой. Спросил Лунатика, а он захихикал:

— Ну, Гриня, ну тебя как с крыши уронили. У Моргана все охранники в этой округе купленные.

И вот что было сперва непонятно: если они все купленные, почему же Морган так испугался, когда увидел у Тюнчика заводную машинку?

То есть она была не заводная, а, видимо, с батареей. Она ездила по бетонному полу широкого помещения, которое служило нам прихожей. Я, Лунатик и Морган спустились с улицы и увидели, как несколько «мелких» пританцовывают и увертываются от машинки — двигалась она непонятными зигзагами. Видимо, никто не знал, как ею управлять.

Морган вдруг оттолкнул меня, подскочил к машинке и своим блестящим башмаком ударил по ней сверху вниз. Как по ядовитой твари. Раз, другой. Потом выхватил пистолет и добил запищавшую модель «Гепарда» железной рукояткой. Выпрямился. Вытер со лба капли. Хрипло спросил:

— Чье это?

В наступившей тишине послышался опасливый выдох:

— Вот... его... — Один из «мелких» показал на Тюнчика.

— Где взял? — Морган пробил Тюнчика взглядом, как гвоздями.

— Она... на улице... я взял поиграть... — залепетал Тюнчик. Сразу почувствовал, что сотворил ужасное.

Морган вцепился Тюнчику в плечи. Голубой костюмчик вздернул-

ся вверх, а самого Тюнчика, будто легонькую куклу, Морган поднял в воздух. Тот слабо задергал цыплячьими ногами в белых носочках, сандалетки упали на пол. Тюнчик зажмурился, но тут же отчаянно распахнул глаза.

Морган отчетливо выговорил:

— Разве. Я. Не. Объ-яс-нял. Что. Нельзя. Подбирать. Непонятные. Вещи? — И гаркнул опять: — Отвечай, сволочь!

— Я больше не... Я думал, это игрушка...

Морган отшвырнул Тюнчика. Тот быстро отполз в угол и съежился, подтянув разбитые в кровь колени. Морган оглядел всех.

— Нынче никому из подвала не выходить. Марлен, поставь у дверей дежурных, пусть сразу загоняют сюда тех, кто вернется с улиц... Эту бактерию заприте в кладовку у входа.

Глава 3

Двое старших ребят подхватили обмякшего от жутких предчувствий Тюнчика и оттащили в комнатуху с железной дверью. В двери было зарешеченное оконце. Пузырек смотрел на все это (и на меня, и на Моргана) широченными отчаянными глазами. А когда дверь лягнула, он совершил небывало храбрый поступок. Деревянными шагами он подошел к Моргану, вскинул голову и тонко сказал:

— Морган, не надо. Там же крысы!

Морган был уже прежний, самообладание вернулось к нему. Он ласково улыбнулся:

— Страдаешь за дружка? Хочешь туда же?

— Да!

Все замерли. Но Морган погладил Пузырька по волосам.

— Ишь, храбрец. Не страдай. Устроим твоему Тюнчику воспитательный момент и отпустим... А пока всем сидеть и ждать!

И мы расселись на своих топчанах и подстилках, стали ждать. Пузырек прижимался ко мне. Лунатик сидел неподалеку.

— Гринь, а что с ним будет? — прошептал Пузырек.

Я не знал. И спросил Лунатика:

— Что Морган с ним сделает?

Всезнающий Лунатик опасливо огляделся и хмыкнул:

— Скорее всего, «столик».

— Какой столик?

— Ну, ты как с крыши... Если кто нарушает главные правила, переворачивают стол, а к его ножкам, к самым концам, привязывают виноватого. За руки, за ноги, нарастяжку. И во-от таким прутом... Кто один раз попробовал, помнит всю жизнь...

Меня тряхнуло, как током. В моей детдомовской жизни мне, конечно, доставалось не раз, но чтобы такая жуть... И он же совсем кроха!

Пузырек смотрел на меня, округлив рот и глаза. Будто я что-то мог сделать! А что?

Но не мог же я быть боязливее Пузырька!

Морган в укромном закутке с лампочкой под потолком и уютной настольной лампой на тумбочке сидел в обнимку с Марлен. Сразу отпустил ее, злобно уставился на меня. Потому что я совершил небывалую дерзость: явился в их личное помещение без спроса. Но тут же он переключил гнев на дружелюбие:

— А, Гриня! Тебе чего?

— Морган, — сказал я, — не надо его бить. Он же совсем цыпленок...

— Сядь... — Он подвинулся на топчане. Я сел рядом. — Слушай и вникай... Ты хоть знаешь, что он принес?

— Игрушку. Чего здесь такого?

— Игрушку... Ничего ты не понимаешь пока, и другие не понимают. Это миниатюрный робот-разведчик новейшей конструкции. Для наблюдения за всякими антисоциальными группами. Знаешь, что такое «антисоциальные»?

— Примерно, — бормотнул я.

— Их запускают в подозрительные места и качают информацию... Потому и велено было: никаких незнакомых предметов не подбирать, не приносить... К нам чуть не приклеили «хвост». Теперь усёк?

— Да... — прошептал я. — Но, Морган... Ты же не боишься ментухаев. Чего уж так-то...

— Это не ментухаи. Это какая-то спецслужба. То ли имперская безопасность, то ли вообще непонятно кто... В том-то и страх, что непонятно.

Я впервые услышал от Моргана слово «страх».

Но у Тюнчика-то какой сейчас страх! Там, в клетке.

— Морган, да Тюнчик-то при чем? Он же просто еще глупый. Ну, отругали, посадили и ладно...

Морган печально сказал:

— Разве в Тюнчике дело? Дело в остальных. Все должны увидеть, что бывает с теми, кто нарушает правила бригады. Это, братец мой, диктуют законы выживания. Ты же начитанный парень и должен понять: в такой ситуации суровое взыскание не-из-беж-но. — И вдруг он подразмяк, придвинул меня к себе доверительно так:

— Да не бойся, Гриня, не такое уж оно суровое. Отлежится за пару суток. Я его сам-то и не буду, вот Марлен займется. Она это любит. Разденет голубчика и отсчитает, сколько решим общим голосованием...

Марлен стояла теперь напротив лампы, ее «киношное» лицо блесло, как лаковое. Она заулыбалась:

— Обыкновенное детское наказанье... — И прочитала нараспев:

*Провинился мальчик-чик,
Будем мальчика чик-чик,
Чики-чики-шлёпки
Прутиком по попе...*

«Гадина, садистка, б...», — подумал я, и меня замутило. Морган сидел вплотную, карман его куртки прижимался к моему бедру. Сквозь тонкую замшу и брюки я чувствовал твердость пистолета. Я скользнул рукой между мной и Морганом и быстро вынул пистолет из кармана. Морган хлопнул себя по боку, но я был уже у дверей. Время замедлилось. Я видел в этом замедленном времени, как меняются лица Моргана и Марлен.

— Сидеть, Морган, подлюка, — хрипло сказал я. — А ты, Марлен, стоять! Замри, блин, проститутка!.. — Я передернул затвор. — Оба замрите! Или пристрелю!

Морган в тишине хрипло дышал. Он все же стал подниматься.

— Сидеть! — Я выстрелил по лампе. Руку сильно толкнуло назад, но я попал! Стекланный абажур взорвался осколками. Морган откинулся к стене. В навалившейся ватной глухоте он зашевелил губами. Я разобрал:

— Ты чего хочешь-то? — Видно, он понял, что я и правда могу выпалить в него.

— Встань, Морган! — голос у меня прорезался тонко и отчаянно. — Оба идите в коридор! Откройте кладовку! — И я отпрыгнул за порог. Издалека смотрел, как они вышли, оглядываясь, и двинулись к двери с решеткой. Марлен ненатурально подвывала. Морган сказал через плечо:

— Ну, Гриня... Ты понимаешь, что ты покойник?

— Не раньше, чем ты. — И добавил, как охранник в гангстерском фильме: — Не разговаривать! Вперед! Делать, что сказал!

Мне казалось, что я не сам действую и говорю, а будто смотрю такое вот кино. Или вижу сон...

Морган откинул тяжелый засов. Оттянул дверь.

— В сторону! — велел я. И позвал: — Тюнчик, выходи.

Он опасливо шагнул наружу. Не Тюнчик, а бледное привидение с черными от запекшейся крови коленями. Мимо меня к нему сразу прыгнул Пузырек, рывком оттащил в сторону.

— Марш в кладовку! — велел я Моргану и Марлен.

— Ну, Гриня, ну ты... — опять начал Морган.

— Марш! — И я пальнул мимо него в черную пустоту за дверь. Морган и Марлен разом съезжились и юркнули в кладовку. В навалившейся опять глухоте я сказал:

— Пузырек, закрой дверь, заложи засов.

Он прыгнул к двери. Налег на железную тяжесть всем телом. Грянул щеколдой.

Только тогда я оглянулся. Увидел бледные, размытые в желтом свете лица ребят. У всех были одинаково приоткрыты рты.

Я ощутил, как на меня валится вязкая усталость. Дернул плечами.

— Вы... вот что... Идите к себе и сидите тихо. Пока мы не уйдем... Не вздумайте сразу выпускать их... Зяблик, возьми под моим одеялом книгу, принеси. Шевелись!

Зяблик рысцой убежал, принес «Алые паруса», с которыми я не расставался. Протянул опасливо, издалека и сразу отскочил.

— Идите, ребята, — насупленно сказал я снова. Все попятились. Кроме Пузырька и Тюнчика. Им я велел: — Найдите на вешалке ваши куртки, оденьтесь. Уходим.

Когда мы оказались за дверь, я придавил ее плечом, а засов плотно вложил в скобу. Я знал, что из подвала есть другой выход и что очень скоро пацаны выпустят Моргана и Марлен. И будет погоня. Если не ради нас самих, то ради пистолета! Но несколько минут в запасе все же было.

Стоял конец августа, был поздний вечер, темно и звездно. И зябко.

Мы кинулись в сумрак переулков. И сразу нам повезло. По Стрелецкому проезду катил грузовой трамвай — открытая платформа с лебедкой. Ехал он медленно.

— Бежим! Скорее!

Мы догнали платформу, я посадил на задний борт Пузырька и Тюнчика, забрался сам. Мы легли у дощатого ограждения. Я обнял пацанят за плечи.

— Ничего, ребята... Главное, что ушли.

Мы ехали долго. И спрыгнули, когда увидели впереди за поворотом арку трамвайного депо. Нырнули в боковую улицу. Здесь был район каких-то складов, бетонных изгородей, ангаров и пустырей. Стали пробираться по ямам, завалам и буеракам. Пацанята обдирали

ноги в колючках, но я ничем не мог им помочь. Надо было скорее найти укрытие.

Наконец опять нам повезло. При свете взошедшей яркой луны мы увидели что-то похожее на круглую конуру. Это был короткий, вроде бочки, кусок бетонной трубы метровой ширины. С одной стороны его заслоняла стенка из гнилой фанеры, с другой — занавес из дерюг. Наверно, это бомжи устроили себе временный приют, а потом оставили его. Внутри валялся драный ватник. От него пахло не по-хорошему, но мы свалились на эту подстилку, будто на долгожданную постель.

Утром я сказал голодным неумытым мальчикам:

— Вот что, парни. Будем двигать на юг. К теплу. Сперва надо только подкормиться.

Я велел им умыться у ржавой трубы, из которой бежала чахлая струйка. Потом на рынке у ближней товарной станции мы выпросили денег (дайте на хлебушек, два дня не ели»). Купили три булки и банку фасоли в томате, которую я вскрыл карманным ножом. А еще — бутылку простой питьевой воды. Поели, запили. И пошли искать товарняк. Любой, лишь бы ехал хоть примерно в южную сторону. И здесь, казалось бы, нам повезло в третий раз. Мы увидели, как по крайнему пути среди бурьяна движется состав. В самом хвосте была платформа, на которой громоздились желтые рулоны.

— Догоняем!

Ехала платформа тихо, но и мы не могли бежать быстро: у Тюнчика плохо сгибались колени с засохшими коростами. Наконец я подхватил его на руки. Догнал платформу, поставил Тюнчика на буфер, потом толкнул через борт. Пузырек ловко забрался сам.

— Клим, скорее!

Но в этот миг я услышал:

— А ну стой, сукины дети!

Трое мужиков с карабинами и в сизых полувоенных куртках бежали за нами. Платформа хотя и набирала ход, но все еще двигалась медленно. Ясно было — достанут.

— Ребята, не бойтесь, я вас догоню. — Я задрал рубашку и вынул из-под брючного ремня пистолет.

Надо было задержать их. Ведь если поймают, загремим в приемник.

— Стойте, пожалуйста, — сказал я. Даже не сказал, попросил. Но пистолет направил на них.

— Ах ты... — Они заматерились на бегу, и один скинул с плеча карабин.

Я понимал: стрелять по пацанам они не будут, пугают. И хотел одного: рассчитать момент, когда я смогу догнать убегающую платформу, а они уже не смогут. Но тут стрелок жажнул в воздух, и у меня палец сам собой нажал на спуск. Пуля, слава Богу, рванула землю в стороне от стрелков, между шпалами. Сам не зная зачем, я выпалил туда же, далеко перед охранниками, еще два раза. Они остановились. Я оглянулся, увидел далекую уже платформу, лица Пузырька и Тюнчика, вцепившихся в дощатый борт. И в этот миг меня накрыла мягкая чернота...

Глава 4

До сих пор я не знаю, что это было. Или оглушили меня сзади, или какой-то непонятный обморок...

Я пришел в себя в больничной палате (потом выяснилось — в изоляторе детприемника). Отлеживался пару дней, затем оказался в «группе временного содержания». Начались допросы-расспросы. Два следователя — лысый дядька в штатском и противно-ласковая тетка в ментухаевском мундире с погонами штабс-капитана — вытягивали из меня, что и как... А я ничего и не скрывал! Все выложил. И про прежнюю жизнь, и про Моргана, и про Пузырька с Тюнчиком. Нажимал на то, что Морган, возможно, торгует пацанами для подпольной клиники. Следователи понятливо кивали и переглядывались. Однажды дама в мундире шепотом сказала дядьке: «Маниакальный бред»... А еще я просил узнать, что стало с Пузырьком и Тюнчиком. Это меня мучило больше всего. Они опять кивали и обещали выяснить. Но не выяснили, перестали появляться.

Зато однажды пришли два строгих мужика в прокурорской форме и сообщили, что комиссия по делам малолетних нарушителей закона приняла на мой счет решение. Поскольку я оказывал вооруженное сопротивление представителям власти, меня следует поместить в спецшколу закрытого типа. Там будут меня учить и воспитывать до совершеннолетия, чтобы превратить в полезного для Империи члена общества.

Тут же они усадили меня в машину (я впервые ехал в такой роскошной, в «нассахате»), и отвезли в поселок Постышево, на территорию за колючей проволокой. Там стояло четырехэтажное школьное здание и несколько двухэтажных казарм.

Ну, в общем-то обычная колония для «мелкого народа», хотя и называлась школой. За проволоку не вздумай сунуться! Учиться заставляли всерьез (может, это и хорошо, меньше скучаешь), за двойки попадало крепко. И всё — по струночке. На любой вопрос надо отве-

чать, как требует устав. А самому вопросов лучше не задавать. Вся жизнь от подъема до отбоя по расписанию, в школу, в столовую — строем. Телевизор — только два раза в неделю. Зато работа в мастерских (маркировка упаковочных ящиков) каждый день...

Ну, а внутри казармы власть была, конечно, у больших парней, у «генералов» — не поспоришь, не пикнешь. Но ко мне «генералы» относились неплохо. Да и другие ребята тоже. Поскольку я был Стрелок. Известия о моих приключениях просочились в школу. Попытка отбиться от ментухаев с помощью оружия (а охрана дороги считалась все равно что ментухаи) выглядела делом геройским. И то, что я защищал не только себя, но и мелких пацанят, мне тоже засчитали в заслугу. В общем, понемногу привык я к такой жизни. Давила на мозги только жуть однообразия да еще тревога за Пузырька и Тюнчика: что с ними стало? Грызла мысль, что это я виноват в их несчастьях.

Плохо было и то, что потерялась книга «Алые паруса». Когда я очнулся в детприемнике, ее со мной не оказалось.

Учился я в шестом классе. Осень прошла и зима, весна подкатила. Весной тоска, она самая нестерпимая... В начале апреля я попробовал рвануть из школы. Думал — окажусь на свободе, помотаюсь по разным местам, узнаю, может быть, что-то про Пузырька и Тюнчика... Поймали меня почти сразу, в километре от школы, на автобусной остановке. Ну и... в общем-то ничего страшного. Начальник группы нарекнул «генералам», чтобы повоспитывали меня резиновым шлангом, но те ко мне отнеслись снисходительно (Стрелок же!): «учили» вполсилы, со смешками. Потом я отсидел трое суток в штрафном изоляторе (при этом разрешалось читать) и думал, что все обошлось.

Но в середине апреля меня вызвали к начальнику школы. То есть отвели. Кроме начальника по прозвищу Турнепс (голова редькой вверх) там были двое не из школьного начальства. Оба худые, очкастые, в одинаковых гладких костюмах.

— Господин начальник школы. Воспитанник группы номер шесть Климчук по вашему...

Турнепс махнул рукой: отставить рапорт. И сказал очкастым:

— Вот он, перед вами...

Один из незнакомцев проехался по мне очками и будто подвел итог:

— Значит, эта белобрысая бестия — тот самый Григорий Климчук.

«Кранты, Стрелок, — сказал я себе. — Поедешь в штрафной интернат на Белорыбье...» Об этом воспитательном учреждении, что на Белорыбинском озере в Северо-Замойском уезде, ходили жуткие слухи.

Второй, с гладкой блестящей прической, воткнул в меня взгляд очков, будто канцелярские кнопки.

— Твой отец — Юрий Львович Климчук?.. Можешь называть меня «господин инспектор».

— Так точно, господин инспектор. Юрий Львович Климчук.

— Что тебе о нем известно?

«А что вам от меня надо?»

— Он работал в журнале, а когда мне было два года, его почему-то арестовали, господин инспектор. А год назад он... умер в больнице.

— Откуда тебе это известно?

— Я... это мне... — «Господи, я же сейчас выдам Михаила Гаврилыча!»

— От директора прежней школы ему это известно, — сказал «блестящеголовому» другой очкастый. — Тот зачем-то проинформировал юношу перед тем, как... ну, в общем ясно...

Инспектор опять уставился «кнопками»:

— У тебя были какие-то связи с отцом?

— Никак нет, господин инспектор.

— А ты врешь, голубчик, — невыразительно произнес напарник Инспектора. — Ты получил от него письмо.

«Вот оно что!»

— Но письмо... это же не связь, господин начальник. Я же не отвечал на него. Даже не знал, куда...

— А как попало к тебе письмо? — вдруг вмешался Турнепс.

— Я был на прогулке во дворе, господин начальник школы. Меня сквозь решетку, то есть сквозь забор, окликнул какой-то человек. Сунул конверт и сразу ушел. Я его не запомнил, господин начальник школы.

— Конспиратор... — все так же невыразительно заметил Инспектор.

— Будешь выкручиваться — пожалеешь, — пообещал Турнепс.

— Никак нет, я не выкручиваюсь, господин начальник школы. Я говорю все как есть. Зачем мне выкручиваться...

— А где письмо? — тусклые «канцелярские кнопки» на миг сверкнули, как ртуть.

— Я его съел, господин инспектор.

Все трое одинаково мигнули. Напарник Инспектора не поверил:

— Что за бред!

— Никак нет, господин начальник. По правде съел. Честное слово.

— Зачем?! — почти крикнул Инспектор.

— Не хотел, чтобы оно... чтобы кто-нибудь другой его увидел. Стали бы лапать, разглядывать. А оно... было мне дорого... — Я даже не добавил «господин инспектор».

Кажется, у меня получилось правдоподобно. Однако они не поверили. Напарник Инспектора даже усмехнулся.

— Наверняка директор напел мальчишке, что в письме какая-то опасность.

— Никак нет, господин начальник! Михаил Гаврилович даже не знал про письмо!

— Молчать, когда не спрашивают! — рявкнул Турнепс. — В изолатор захотел?

— Виноват, господин начальник школы.

Инспектор спросил:

— А что было в письме?

Я ответил не сразу... В письме не было ничего про посторонних. Никаких чужих имен, адресов, дат. Ну, ничегошеньки такого, что могло кому-то повредить. Опасность могла быть в самом факте, что письмо есть. Ну, может, в отпечатках чьих-то пальцев на гладком листе, в начертании букв, в цвете бумаги или чернил, в конце концов... Но никак не в словах! Что там? Секретные данные про кота Юшика? И я решил, что нет смысла отпираться. Тем более, что я отчаянно боялся. До боли в животе. От двух очкастых незнакомцев исходила какая-то замораживающая душу угроза.

Турнепс рявкнул опять:

— Ты что молчишь, как заткнутый! Отвечай!

— Виноват, господин начальник школы. Я вспоминаю... Да, я помню всё. Даже наизусть...

— Вот как! — обрадовался Инспектор. — Ну, излагай. — Он шевельнул на краю стола блестящий аппаратик. Видимо, диктофон.

И я, стоя навывтяжку и глядя мимо всех лиц, стал излагать.

Едва я начал говорить, сделалось тошно. Стало понятно, что я предаю отца, себя, свое тайное имя Грин, самого писателя Грина... и вообще все хорошее... Даже кота Юшика (а он мне здесь, в школе, стал сниться иногда; будто приходит в темноте большой ласковый кот, укладывается у меня в ногах, урчит негромко, и я знаю, что это именно Юшик). Но я не мог остановиться. Слова выскакивали сами собой, их подталкивал сидящий во мне страх... И когда я кончил говорить, то не выдержал, побежали слезы.

Инспектор пренебрежительно сказал:

— Довольно, пусть идет... — И дежурный воспитатель сопроводил меня в казарму.

Я шел, как оплеванный. Пробовал успокоить себя: «Никого же я не выдал, никому ничем не повредил», — но все равно тошнило от липкого отвращения к себе. Однако было и какое-то облегчение. От надежды, что теперь оставят меня в покое. Ведь я же сказал все, что знал! Почти...

Напрасно я надеялся.

Меня стали вызывать на допросы раз за разом. Заставили написать от руки содержание письма. Велели глотать горькие таблетки, от которых наступало полное разжижение в мозгах и в теле, когда нет возможности хитрить и что-то скрывать. Так я признался в конце концов, что да, директор интерната предупредил меня про опасность письма. И что именно он отправил меня на встречу с тем, кто это письмо принес.

Впрочем, директор мало интересовал Инспектора и его напарника. Интересовали я и текст письма. Допытывались, не упоминались ли в строчках слова «ключ», «пароль», «информация», «адрес». Я клялся, что ничего такого не было.

— Я же все сказал, до последней буквы!

— В буквах твоих есть нестыковки, — терпеливо разъяснял Инспектор. — Когда ты читал письмо наизусть, то в песенке у тебя было: «Купил нам папа елочку», а в письменном варианте: «Принес нам папа елочку».

— Но, господин инспектор, это потому, что я не помню точно. Могло быть так и так!

Здесь я врал. По правде-то было: «В лесу нашли мы елочку...» Такую крохотную неточность я сохранял в себе, будто какое-то последнее оправдание. Понимал, что никакой роли она не играет, но было ощущение, что если обману дознавателей хоть в этой малости, значит, не самый полный предатель...

— Я правда не помню! Я же не знал, что это важно!

— Здесь всё важно, Григорий Климчук... А что за мотив песни «Уралочка»?

— Спортивная песня, иногда поют по телеку.

— Спой.

— Я не умею петь, господин инспектор.

— Ты мне еще поломайся. Запоешь сейчас, как звезда эстрады, — пообещал Турнепс.

Что делать, я запел, давясь от стыда, марш спортивного клуба. Инспектор выслушал один куплет, поморщился:

— Да, не Карузо... Ладно, в общем, ясно. Иди.

Но и это был не конец. Они меня вызывали снова и снова, выскребали до самого дна. Допытывались, не помню ли, хотя бы смутно, подробности домашней жизни. Выспрашивали про тетю Анюту. Про ее последнюю встречу со мной. И снова заставляли читать наизусть письмо и писать его карандашом...

А один раз я кроме знакомых следователей увидел еще одного, в белом халате. Он скучным голосом велел:

— Разденься до трусов и майки.

Я обмер, но спрашивать зачем — не посмел. Этот дядька (я назвал его про себя Эскулап) раскрыл чемоданчик, там оказался прибор со стрелками и проводами. Эскулап велел сесть, прицепил ко мне всюду холодные присоски. Снова мне приказали читать наизусть письмо и смотрели, как ползет из чемоданчика бумажная лента с зубцами. «Детектор лжи», — подумал я.

Эскулап просмотрел длинную бумагу, пожал плечами.

Инспектор сказал напарнику:

— Значит, нужны иные меры. Завтра...

Назавтра меня повезли куда-то из школы. Куда, я не знал, окна фургончика были зашторены. Воспитатель нашей группы по прозвищу Скрипач каменно молчал. Мы подъехали к серому казенному дому, меня ввели в комнату вроде медицинского кабинета. Скрипач остался снаружи. Внутри оказались Инспектор, его напарник и снова мужчина в халате, но не Эскулап, а незнакомый. Присоски ко мне теперь цеплять не стали, приказали сесть на табурет у стенки.

Инспектор, блеснув глазами-кнопками, доверительно сказал:

— Тебе, Климчук, полезно посмотреть, как разговаривают с теми, кто пытается что-то скрыть.

Меня дернуло ознобом.

— Но, господин инспектор... Я же все, что помнил...

— А надо, чтобы вспомнил побольше. Сиди, сиди...

У другой стены стоял белый стол с приборами. Вошла женщина, похожая на инспекторшу детприемника — с привычно добродушным лицом. Села, придвинула бумаги. Оглянулась на дверь.

— Давайте мальчика.

В дверь быстро (будто его подтолкнули в спину) шагнул мальчишка. Чуть помладше меня. Босой, с торчащими, как сосульки, мокрыми волосами, с приоткрытым ртом. Он был в порванных джинсах и грязной белой майке. На миг мы встретились взглядами, и в глазах у мальчишки было... была... какая-то совершенная безнадежность, пол-

ное прощание с белым светом. Дядька в халате шагнул к нему, но женщина помахала пальцем:

— Пока не надо, Яков Яковлевич. Мы поговорим попросту. Теперь Саша будет отвечать откровенненько, без хитростей. Мальчики должны быть честными. Верно, Саша? — Она глянула на стену, где в раме под стеклом висел портрет кудрявого пацаненка — императора Андрея Первого (ныне усопшего). И опять на обмякшего мальчишку.

Он то ли вздрогнул, то ли икнул:

— Я ведь и так... Я всё...

— Конечно, конечно. Только нужно, чтобы ты совсем всё.

— Я совсем... я правда...

— Хорошо, хорошо... Значит, ты говоришь, что не знаешь тех ребят?

— Я правда не знаю! Только рыжего видел один раз у зоопарка, случайно! Я правду говорю!

— Ох, правду ли?

— Да! Ну зачем мне врать? Я ведь все равно уже сказал, что вы хотели! Я же признался, что это я позвонил про бомбу! Это сделал не я, но если вам надо, пусть я...

— Вот видишь, ты опять...

— Ну, я, я! Только, пожалуйста... Я больше не буду!

— Ты изрядный путаник, Сашуня. Вчера говорил одно, сегодня другое. Давай по порядку. Я стану спрашивать, а ты отвечай: да или нет.

Мальчик опять крупно вздрогнул и закивал.

— Ты был с ребятами у киоска газеты «Имперский вестник», когда он загорелся?

— Да!

— Ты принимал участие в поджоге?

— Нет!.. То есть да!.. Надо обязательно отвечать «да»? Вы скажите...

— Ты звонил в школу о бомбе?

В этом разговоре было что-то обморочное. Я перестал понимать содержание. «Да... Нет... То есть да, да... Я больше не... Я не хотел... Я же всех назвал, кого знал...» Мне казалось, что прошло не меньше часа.

Дядька в белом халате поморщился и сказал:

— Инна Порфирьевна, мне кажется, что уже...

Я увидел, что мальчик Саша сейчас упадет. И опять на секунду встретился с ним взглядом. Во взгляде этом была (или мне показалось?) мольба о помощи.

А что я мог сделать? Я сам был такой же.

Гад в халате мельком глянул на меня и потянулся к мальчишке.

— Не надо... — выдавил Саша.

Инна Порфирьевна опять подняла палец.

— Да, голубчик Яков Яковлич, подождите. Мы еще не кончили.

Саша вдруг повалился на колени.

— Ну, пожалуйста! Я же все сказал! Я еще скажу, что хотите! Все, что надо! Ну, я же сдаюсь! — И съезженно замер.

Господи, что они хотят с ним сделать?

И со мной...

Ужас мальчика Саши стал вливаться в меня.

Все с полминуты как-то выжидательно молчали. Потом Инспектор улыбнулся мне почти по-приятельски.

— Видишь, дорогой мой, как бывает, если плохо вспоминают.

Ужаса не стало. Будто что-то вмиг сгорело внутри.

С отчаянной, резкой, как боль, тоской я пожалел, что сейчас у меня нет пистолета. Эх, если бы как тогда, в подвале у Моргана!

Я встал.

— Вы не люди... Чтоб вы сдохли, сволочи! — Схватил двумя руками и взметнул тяжелый табурет...

И опять мягкая тьма, как тогда, на рельсах, накрыла меня, заслонив от всего на свете.

...Больше меня не допрашивали. И даже ничего не сделали за мою ругань, за отчаянный замах табуретом. Я сутки пролежал в медицинском изоляторе. Потом пошло все по-прежнему. Двадцать пятого мая закончилась учеба в шестом классе. А на следующий день был разговор с Мерцаловым про ампулу и приказ собираться в дорогу.

Что дальше — я уже рассказывал.

И все это я без утайки поведал новым друзьям в Инске, когда Май попросил рассказать о главном. Там, на берегу, у костра. Я говорил, говорил, а Света, Май и Грета стояли, взявшись за руки, слушали и не перебивали.

— Ну вот... всё... — Мне показалось вдруг, что я один на пустом берегу. Будто ребята отодвинулись далеко-далеко. Но это лишь на секунду. Нет, вот они, рядом! И Грета почему-то держит меня за локоть.

— Грин... Ты не обижайся, но пока ты рассказывал, у Мая в мобильнике работал диктофон. Все записалось. Если хочешь, мы сейчас сотрем.

Я не знал, хочу ли я.

— А зачем вам все это?

- Но ведь надо же что-то делать! — воскликнула Света.
- Что? — туповато спросил я.
- Много чего... — отозвался Май. — Тут сразу и не сообразишь...
- Жаль, что Витя ушел, — сказала Грета. — Ну, ничего. Сейчас позвоним.

Третья часть. Счастливые дни

Глава 1

— Хорошо, что я правильно рассчитал, — скромно похвалил себя через несколько дней подпоручик Виктор Петряев, отхлебывая поздним вечером чай за просторным столом у Веткиных. Рядом с ним на столе лежала небольшая замшевая коробочка. — Подумал: этот тип, Мерцалов, вернувшись в Инск, пойдет по дворам, где играют ребята, начнет расспрашивать о не знакомом им пацане. И точно! Смотрю: движется, оглядывается. Грин его описал детально, мальчик с литературными данными. В папу...

— Кстати, о папе. Чего они вцепились в его письмо, чего пытали мальчишку? — спросил Анатолий Андреевич.

— Во многом дело темное... а во многом ясное... Юрий Климчук, редактор научного отдела в известном журнале, собрал, видимо, немало материала о «Желтом волосе», об их секретных технологиях и не менее секретных планах...

— Это так называемая «стерилизация общества»?

— Ну да... Сперва благотворительные обеды для массы беспризорных ребят и бомжей, потом энергетические импульсы на секретной частоте. Занесенные в организмы этой кормежкой препараты резко снижают иммунитет. Люди начинают помирать пачками, но не так, чтобы в один день, а в зависимости от возраста, состояния здоровья и тэ дэ... Причем тихо и непонятно отчего... Поскольку они люди никому не нужные и нигде не учтенные, гибель эта зачастую остается незаметной. Особые команды заключенных по ночам собирают погибших, зарывают в укромных местах. Потом сами потихоньку отдают концы.

— Я об этом слышал. Но ведь раскрыли, пересажали гадов...

— Кого пересажали-то? Стрелочников.

— Но ведь это было лет десять назад...

— А Юрий Климчук и начал копать под «Волос» десять лет назад... Видимо, он успел загнать весь материал в Информаторий под очень сложным паролем ударного уровня. Когда он срабатывает, происходит информационный выброс. Моментально, на все студии и каналы

планеты. И уже ничего не спрятать, не сдержать... Ну, помнишь, как было после гибели императора Андрейки? Похоже только, что тогда это сделали сами заговорщики, чтобы застолбить права регентства... А если подноготная «Волоса» всплывет сейчас, будет драма имперского масштаба. «Волосяных» агентов нынче внутри власти неслитно. Ты знаешь, людоедские планы очень живучи. Идеи «стерилизации» потихоньку сочатся наружу вновь...

— Я слышал кое-что, но думал, что это досужая трепотня.

— Большинство населения в Империи думает так же. До политики ли, когда задача одна: выжить и прокормить детей... Проще не пугать себя, а уповать на Регента, который наш отец и надежда... А Регенту и властям такое население на фиг не нужно. Одна морока с ним: кормить, учить, лечить... Им-то, «судьбоносным», кто нужен? Они сами, родимые, и обслуживающий персонал. То есть силовая охрана, поставщики энергии, лакеи и добытчики природных ресурсов, чтобы было что продавать. А остальных куда? Беспризорников, пенсионеров, инвалидов, безработных... Знаешь, все эти вопли: «Ах-ах, рождаемость падает, Империя в опасности!» — они для дурачков. Идеологи правящего клана давно подсчитали: для их благополучной жизни надо, чтобы населения стало вполровину меньше. И понятно, кого следует убрать в первую очередь. Как ни в чем не виноватых куриц при подозрении на птичий грипп.

— Виктор, ну а все-таки при чем письмо-то?

— Личный пароль для Информатория — штука практически не подверженная расшифровке. Он строится где-то на подсознании, на разных эмоциях. Есть слабенькая надежда нащупать его, если вдруг ощутишь какие-то настроения его хозяина. Вот и пытались, видимо, эти настроения, интонации как-то уловить. Сам Климчук не сломался, вспомнили про сына. Здесь надежда, конечно, прозрачная, но что делать-то? Страх велик, надо использовать малейшие шансы. Потому так и возились с беднягой Грином. Даже сторожа вогнали...

— Какого сторожа?

— Ампула — это сторож. Делают один укол и объявляют «пациенту», что через месяц ему крышка, если не сделают второй. И это правда. Человек, особенно мальчишка, оказывается на психологической привязи. Не только боится убежать, но и боится вообще. Как говорится, слабеет духом... У этих сволочей в «Волосе» были хорошие лаборатории, особенно развита лекарственная отрасль. Есть препараты, не известные в обычной фармакологии.

— В том числе и этот, в ампуле?

— В том-то и дело. На стекле написано «Темпотоксин». Я немножко занимался такими вопросами, знаю, что в обычных условиях эту дрянь изготовить нельзя.

— Почему?

— Там, говорят, что-то замешано на свойствах времени. Вроде бы небольшая часть корпускул временного потока внутри препарата по какой-то причине начинает вращаться в обратную сторону. Это обуславливает особые свойства... Попытаться изготовить это зелье можно, если есть образец. А он — внутри стекла. Можно взять остаток из ампулы, когда вскрыешь для укола, а раньше — никак: жидкость почти сразу теряет свойства на воздухе.

— Таким образом эта ампула у нас единственная?

— Увы. Дороже золота... Я запру ее в сейф и отдам Грину, когда подойдет срок... Кстати, где он сейчас?

— Спит. Умаялся за день. Толь-Поли то и дело ездят на нем верхом, и он, кажется, счастлив от этого. Похоже, что у него дар общения с малышами...

Глава 2

К нему пришли счастливые дни.

Порой счастье казалось непомерным — это как будто пытаешься вдохнуть весь окружающий тебя радостный воздух и не хватает легких. Радостей было много. Это и ощущение своего дома — прочное, похожее на недавно истопленную кирпичную печь (Грин иногда как бы прижимался к ней, впитывая тепло и вздрагивая от запоздалого, уже нестрашного озноба). Это и понимание, что есть братья и сестры. И чувство прочной безопасности. И память о том, что спасительная ампула в крепких дружеских руках... Порой царапала тревога за Пузырька и Тюнчика, но подпоручик Витя Петряев (такой простоватый, даже слегка забавный на вид, но, видимо, всемогущий) пообещал: «Постараемся найти...»

Было еще и восторженное изумление от того, что все это свалилось на него за какие-то два дня и все равно абсолютно по правде...

Конечно, никакое счастье не бывает полным. Иногда приходил страх. «Этого слишком много. Такое не может быть надолго». Делиться тревогой с кем-нибудь в своей новой семье Грин не смел. Ведь они могли принять его слова за обидное недоверие. А боязнь порой делалась мучительной. И Грин один раз не выдержал: поделился с Лышем.

Потому что Лыш был не так близок, как остальные. Он держался в сторонке, в долгие разговоры не вступал и, похоже, все время думал о своем. Но не был он и угрюмым, не огрызался на вопросы.

Вечером Грин пришел к Лышу на двор. Лыш сидел у сарая, на козлах для пилки дров, и приматывал цветным проводом к стулу отвалившуюся ножку. Грин сел рядом. Здраваться было ни к чему — сегодня виделись уже не раз. Лыш глянул искоса и вопросительно. Тогда Грин тихо сказал:

— Лыш, я боюсь...

Тот не удивился. Откусил конец провода и спросил:

— Чего именно?

— Что все это кончится...

Лыш опять не удивился. Понял.

— Не-а... Это у тебя остатки прежних страхов. Пройдет.

Он, иногда съезженный и нескладный, был мудр. И все же Грин виновато спросил:

— А если не пройдет? Как-то все это... неправдоподобно.

Лыш отставил починенный стул, повернул к Грину шетинистую голову на тонкой шее и решил слегка удивиться:

— Что неправдоподобно?

— Все, — опасливо сказал Грин. — Даже вот это... ампула. Как-то легко Витя раздобыл ее.

Кажется, Лыш слегка рассердился. По крайней мере, набылчился:

— Откуда ты знаешь, что легко?

— Ну...

«А в самом деле, откуда я знаю? — виновато спохватился Грин. — Я просто трус. Или этот... как его... неврастеник». А Лыш вдруг заговорил тоном усталого взрослого:

— Напрасно ты думаешь, будто один Витя охотился за твоей ампулой.

— А кто еще... — пробормотал Грин.

Лыш сказал:

— Я. Ты ведь уже слышал о шарах? Про игру, и про Пустошь, и... про то, что не всегда это игра. И не всегда сны...

— Конечно, — сказал Грин с легким обмиранием.

— Ну вот... Я недавно во сне опустил такой шар в Пирамиду и попросил... линию... по которой можно по времени туда-сюда...

Грин слушал без капли недоверия. В Инске возможно все.

— Я попробовал попасть по этой линии назад. На несколько дней. Чтобы ухватить там эту ампулу и принести тебе... А меня как шарануло...

— Почему? — испугался Грин. Не за ампулу, не за себя, только за Лыша!

— Не знаю... Наверное, это нельзя, соваться в прошлое. По край-

ней мере, если не умеешь... Вон, до сих пор ссадина, — Лыш потрогал подбородок.

Грин молчал, погружаясь в смесь виноватости и тепла. А Лыш проговорил:

— Хорошо, что Витя успел. Теперь-то все в порядке...

— Лыш... — сказал Грин.

— Что? — он отвернулся и концом откусанного провода стегнул себя по сандалиии.

«Ты тоже мой брат», — хотел сказать Грин. И вместо этого спросил:

— А почему тебя зовут Лыш?

— Дело было в первом классе. Зимой выпал большой снег, и мы слепили снеговика. Он был маленький, и его назвали Малыш. Потом мы на уроке физкультуры катались на лыжах с горок и Малыша тоже поставили на лыжи. Но он все время падал. Пришлось оставить у забора... А назавтра Нина Петровна сказала, чтобы мы сочинили стихи про зимний день. И я написал:

Снегу стало выше крыш.

Наш Малыш

Свалился с лыш...

— Хорошо сочинил...

— Нина Петровна тоже сказала, что хорошо. Только подчеркнула последнее слово. Говорит, что на конце нужна буква «жэ». А я стал спорить. Потому что, если «жэ», то получается нескладно. Спорил изо всех сил. Я свое, а она свое...

— И что? Снизила оценку?

— Нет, поставила пятерку. Засмеялась и говорит: «Ну, хорошо. Только в контрольном диктанте или сочинении, когда подвернется это слово, пиши все же по правилам». Я сказал, что ладно. Тогда все тоже стали смеяться: «Лыш, не падай с лыш-ш...» Так и приклеилось.

— Не обидно? — осторожно спросил Грин.

— Не-а. Это же не дразнилка, а как второе имя. Даже лучше, чем первое. Константинов на Земле полно, а Лыш один-единственный...

Глава 3

Они часто гуляли по Инску, открывали город Грину. Он радовался инским чудесам, загадочности старых улиц, путанице лестниц, струям шумных фонтанов, где барахталась малышня, близне стоявших близко друг от друга колоколен и башен и все больше впитывал в себя ощущение, что это его город...

Из Кукушкиного сада вышли на Капитанский спуск, а оттуда на Вторую Раздельную. Пошли вниз, мимо редакции «Почтовой ромаш-

ки», в которую Грин больше так ни разу не заглянул (сейчас вдруг что-то царапнуло, но не сильно, на миг). По Кленовому переулку и Оборонной дошагали до крепостной стены.

Май предложил забраться на башню и посмотреть, не пасутся ли на Пустоши неутомимые Гретины следопыты. Идею одобрили. По прижавшимся к башне кирпичным ступенькам поднялись на площадку с разрушенными зубцами. Здесь росли кустики осота с желтыми цветами и пахло нагретым камнем. Солнце жарило с высоты. Май, Толя и Грин стянули футболки.

Пятнисто-зеленая Пустошь с проблесками лужиц широко раскинулась в три стороны. Далеко за ней громоздились корпуса города, который в основном был уже Ново-Заторском (хотя кто в этом разберется до конца!). Далеко от Крепости, посреди Пустоши, желтели ребячьи рубашки. Отсюда они казались мелкими лютиками.

— Во, унесло их нынче... — сказала Света. — Туда и ядра-то наверняка не долетали.

— Они ищут Большой Круг, — напомнил всезнающий Толя.

— Что за круг? — Грин почему-то ощутил нервный укол.

Толя повернулся к нему.

— Грета говорит, что когда-то через Пустошь проходила рельсовая линия... Ее следопыты нашли в старых архивах схему. На схеме — рельсы, которые ведут к поворотному кругу... Это такие специальные круги на станциях, на них загоняют вагоны и локомотивы, когда их надо развернуть... И в схеме было написано, что от Круга начинается Дорога. С большой буквы... Говорят, что у Дороги масса загадочных свойств и что она спасает от всяких бед, хотя это еще не доказано...

— Говорят, что вот-вот найдут, — вставила Поля.

— И тогда усвижут вообще неизвестно куда, — недовольно заметила Светка. — По открывшейся Дороге. Генриетту только помани новым маршрутом...

— По Дороге нельзя усвистать, — негромко объяснил Май. — По ней уходят всерьез. Или насовсем, или очень надолго.

— Откуда ты знаешь? — опасливо спросила Света.

Май шевельнул колючим, уже загоревшим плечом.

— Говорят...

Они спустились с башни и двинулись к реке.

День был самый «купальный», на пляже оказалось немало народа. Ребячьи визги и брызги. Но рядом с остатками песочного собора — никого. Май покопался в «руинах», достал янтарный шарик (в нем горела искра). Подышал на него, вытер о намотанную вокруг пояса

футболку. Посмотрел сквозь него на свет, улыбнулся, протянул на ладони Грину.

— Возьми. Насовсем.

— А почему... мне? — пробормотал Грин.

— Просто так. На счастье.

— Спасибо... — И Грин зачем-то, как и Май, подышал на шарик.

Искупались, пожарились на солнышке, искупались опять. Побросали в воду с размаху, за руки и за ноги, орущих от радости Толь-Поли. Съели яблоки, запили лимонадом. И наконец двинулись обратно.

Толь-Поли в своих ярко-зеленых костюмчиках шагали впереди. Толя вдруг зашпешил. На бугристом, проросшем подорожниками асфальте блестела коричневым лаком вещичка — то ли игрушечный заводной жук, то ли компьютерная «мышка» с оборванным проводом. Толя сверху вниз ударил по находке подошвой. Потом схватил «мышь» за хвост-обрывок, раскрутил и швырнул за дощатый забор.

— Зачем ты? — поморщилась Света.

— Это же шпион! — звонко объяснил Толя.

— Все равно он уже дохлый, — безглаголиво сказал Май.

Толя не поверил:

— С чего ты взял?

— Ну, чувствуется же...

Грин, конечно, сразу вспомнил электронную модельку и Тюнчика. И Пузырька. И новая тревога (а с ней и неуверенность) шевельнулась в нем.

— Неужели эти паразиты пролезают и в Инск? — спросил он, стараясь говорить небрежно.

— Иногда, — отозвался Май. — Да они здесь не опасны, дохнут почти сразу.

Ворота, за которыми стоял в глубине двора дом Веткиных, были удивительные. Грин не устал любоваться ими. Створки покрывал накладной деревянный узор из корабликов, солнышек, звезд, улыбающихся рыб и похожих на водоросли переплетений с цветами. Столбы украшены были фигурами русалок и добродушных пиратов. Анатолий Андреевич Веткин поставил ворота недавно, весной, и с них еще не сошла светлая желтизна. Грину казалось даже, что узоры пахнут свежим деревом.

Такой же запах чудился Грину и внутри дома — от некрашенных дощатых стеллажей, от веселых резных масок под потолком, от узорчатых рам с большими фотографиями старинных городов, где у пристаней стояли крутобокие корабли с фигурами рыцарей, султанов и гре-

ческих богинь... Анатолий Андреевич иногда говорил, что если бы он жил в прежние времена в каком-нибудь приморском городе, то наверняка стал бы одним из мастеров, которые делали деревянные скульптуры для кораблей...

Когда Анатолий Андреевич узнал, что у Грина в начале июля день рождения, он пообещал приготовить для него подарок — деревянную фигурку Бегущей по волнам, укрепленную на форштевне. Это потому, что он видел не раз, как Грин устраивается в уголке с книжкой, в которой были роман «Бегущая по волнам» и повесть «Алые паруса». Этот синий томик с кораблем на обложке Грин нашел на полках среди множества других книг (расставленных, кстати, в изрядном беспорядке).

Грин заранее думал об ожидаемом подарке с радостью. Но жило в нем и беспокойство. Потому что за неделю до того, как исполнится ему тринадцать, должно случиться другое событие. Придет срок сделать прививку, чтобы навсегда убрать из себя угрозу темпотоксина. Ампула хранилась у подпоручика Петряева, в сейфе муниципальной стражи, и Витя обещал доставить ее в дом Веткиных за два дня до ожидаемого момента. И «держат наготове очень симпатичную медсестру Люсеньку», хотя Грин уверял, что сумеет сделать укол сам. «Сам-то сам, а присутствие специалиста не помешает», — заявлял Витя...

«А вдруг не получится?.. Вдруг лекарство не сработает?.. А вдруг меня уже не будет, когда наступит день рождения?» — иногда тугими толчками взрывался внутри страх. Грин замирал, переглатывал накопившую тревогу, ждал, когда она ослабеет, угаснет. «Да нет же! Здесь не может быть плохого...»

Глава 4

Утром было пасмурно и прохладно. Изредка моросило. Ребята собрались в большой комнате у телевизора, включили. Но ни на одном канале не нашлось ничего, кроме стрельбы и мордобоя. Только Инская студия передавала последние новости, но и там — скукота.

— Активизация бывших функционеров «Желтого волоса» в правительственных кругах не может не настораживать всех трезвомыслящих жителей Империи и Вольных городов. Однако Регент на последней встрече с журналистами оптимистично заявил, что поиски консенсуса между бывшими политическими антагонистами являют собой позитивный процесс, который...

Грин взял книжку Астрид Линдгрен «Мы на острове Сальткрока»

и ушел в угол к торшеру. Но почитать не удалось. Появились Грета и Лыш.

Лыш был молчаливей обычного, зябко потирал колючие локти, но думал явно не о холоде, а о чем-то далеком от погоды. А Грета — как раз о погоде:

— Пришлось отменить из-за дождика вылазку на последнюю дис-танцию. А Круг совсем рядом, это понятно всякому.

— Да... а ведь нынче солнцестояние, макушка лета, — поддержала Света недовольство подруги. — В такое время должна стоять безоб-лачная погода...

— А мы растяпы! — вдруг отчетливо заявил Толя.

Все, конечно, захотели узнать: с какой стати растяпы?

— Потому что в прошлые годы, когда летняя макушка, мы смот-рели елочные игрушки!

— В самом деле! — обрадовался Май и даже как-то просветлел. — Правила нельзя нарушать! — И обернулся к сидевшему в сторонке Грин-у: — У нас такой обычай! Когда наступает самый длинный день в го-ду, мы вытаскиваем коробку с елочными украшениями и разглядыва-ем, перебираем их. Чтобы не забывались зимние сказки. И чтобы иг-рушки не заскучали совсем... Может быть, тебе тоже будет интересно?

— Конечно! — быстро отозвался Грин (заранее знал — будет!).

Толпой полезли по внутренней лестнице на чердак. Тетя Маруся просила быть поосторожнее, чтобы не свихнуть шеи и чтобы не на-сторожить Евгения, который тоже запросится наверх и там «наведет свой порядок».

На чердаке пахло пылью (но в то же время — свежим деревом, как во всем доме). Под наклонной крышей, среди балок, тайлся сумрак. А сквозь него из чердачного окна проникал пасмурный день. В этой неяркой серости лишь Толь-Полины свеже-зеленые рубашки были как вымытая дождем листва.

Толя шелкнул выключателем, и дождливый дневной свет смешал-ся с другим — от яркой лампочки над головами.

— Рассаживайтесь, — предложила Света, как хозяйка, пригласив-шая гостей на пирог.

Расселись кто где — на старый сундук, на свернутый в трубу (и, наверное, побитый молью) ковер, на древний телевизор с маленьким выпуклым экраном. Грета прыгнула на толстую балку и привычно за-качала длинными следопытскими ногами. Только Май не сел, он с натугой потащил из-за кривого письменного стола картонную короб-ку от пылесоса. Все вытянули шеи. Грину вдруг почудилось, что он присутствует при странном таинственном действе.

Май откинул картонные клапаны. Внутренность коробки выбросила наружу мелкий искристый блеск — от шаров, бус, мишуры...

Май открыл плоский фанерный ящичек.

— Смотрите-ка, сколько свечек осталось. Хватит еще на одно Рождество.

Грин увидел тонкие свечи, похожие на цветные, источенные напильнину карандаши (только вместо грифелей — черные закорючки обгоревших фитильков).

— На Новый год мы зажигаем на елке лампочки, а на Рождество настоящие свечки, — шепнула Света Грину.

Май стал доставать игрушку за игрушкой, они пошли по рукам. Ватные, обсыпанные блестками снеговики и зайчата, витые блестящие сосульки, картонные домики со слюдяными окнами, зеркальные шары, тонкие кубики и пирамидки, собранные из стеклянных палочек...

— Здесь есть совсем старинные игрушки, еще прабабушкины, — снова шепотом сказала Света. — Вот эта, например. — И закачала на петельке клеенный из двух выпуклых половинок серебристый месяц — глазастый, носатый, улыбчивый.

— Дай... пожалуйста, — выдохнул Грин. Она положила невесомую игрушку ему на ладонь.

— Я помню... — тихо сказал Грин (и кашлянул, потому что царапнуло в горле). — У нас был такой же...

Воспоминания — беспорядочные, несвязные, но подробные — сыпались на Грина, словно содержимое коробки вывалили на него разом... Да, их елочка была маленькая, и украшений, конечно, было меньше, чем здесь, но... так похоже, так знакомо... А сквозь это шелестящее серебристое дрожание сказки — память про мамины руки, папин голос, снежный солнечный день и прыгающих за окнами снегирей... На открытые колени Грина упала мягкая мишура и зашеконала кожу, будто шерсть кота Юшика. Грин погладил ее...

А папина щетинка на лице (не успел побриться) тоже была щекочущая, только по жестче кошачей шерсти. Как искусственная хвоя распушившейся на полке елочки...

«Юшик, не вздумай прыгать на елку, а то будет ой-ёй-ёй что...»

В лесу нашли мы ёлочку

С искусственной хвоей.

Поставили на полочку,

А дальше ой-ёй-ёй...

Странно, что знакомые слова вдруг перестали укладываться в привычную мелодию спортивного марша... Грин сердито мотнул головой.

— Можно, я посмотрю этот шарик? — вдруг попросил со стороны Лыш. Непривычно звонким, будто не своим, а Толиным голосом. И потянулся с бачка к золотисто-зеркальному, украшенному синими звездочками шару. Не шарiku, а именно шару — величиной с большее яблоко.

— Возьми, — Поля дала ему хрупкую игрушку из ладоней в ладони.

— Только не разбей, — предупредила Грета. — Это старинный шар. Можно сказать, исторический экспонат.

Она поправила край куцей складчатой юбочки и опять закачала ногами — в ритме песенки, которую неразборчиво мурлыкала себе под нос. Грин глянул на нее. Грета отвела глаза, поправила юбочку снова и вдруг выговорила с непривычной робостью:

— Грин, ты не обидишься, если я спрошу о той песне?

— Какой? — бормотнул он, почуввав странное совпадение.

— О которой ты рассказывал... Которая в письме твоего папы...

— Я... не обижусь, — и легонький озноб прошел под футболкой. — А чего... спрашивать-то?

— Ты уверен, что твой папа пел ее на ту спортивную мелодию?

— Я не знаю... Но он же сам написал...

— Да, он написал, что «Уралочка». Но ведь пел-то он ее не меньше десяти лет назад. Больше даже. А марш спортклуба «Уралочка» сочинили гораздо позднее. Я проверяла по интернету.

— Ну и что? — пробормотал Грин, удивляясь навалившемуся тревожному нетерпению. Кожа покрылась пупырышками, как от озноба.

— Дело в том, что есть еще одна «Уралочка». Очень старая песня. Мы со Светой пели ее в прошлом году в школе на концерте в День Победы... Там боец на фронте вспоминает свою невесту, она родом с Урала... Вот...

Грета помолчала (видимо, прогоняла смущение) и вдруг пропела негромко и очень чисто:

*Моя подружка дальняя,
Как ёлочка в снегу.
Ту ёлочку-Уралочку
Забыть я не могу.
Давно ушел я из дому.
Но помню до сих пор
Ее совсем особенный
Уральский разговор...*

Грин сжал губы и зажмурился. Воспоминание накрыло его, как мягкая лавина. Теперь казалось: эту мелодию не забывал он никогда.

— Еще, пожалуйста... — не открывая глаз, попросил он шепотом.

Грета сказала:

— Свет, давай вместе.

Грин почувствовал, что Света соскочила с сундука и, видимо, скакнула на балку, села рядом с Гретой.

— Грета унд Света зинген, — сумрачно известил всех Лыш. Явно не из вредности, а чтобы ослабить напряженность странного ожидания.

Грета и Света запели. Слаженно и ласково:

*Моей далекой весточке
Не так легко дойти,
Но ты, моя невесточка,
Работай, не грусти...*

«Господи, как я мог забыть?.. Это же была мамина песня. Любимая».

Грин помнил теперь мамино лицо, руки, запах ее волос. Ее голос. Тот, которым она пела вот это:

*А если встанет в горле вдруг
Непрошенный комок,
Ну что ж, моя Уралочка,
Поплачь и ты чуток...*

Комка в горле не было, но щеки стали мокрые, Грин знал это и не стеснялся. Лишь бы песня не кончалась подольше... Но она кончилась. Такими вот словами:

*...И сына светлым именем
С тобой мы назовем...*

«...Когда подрастешь и, может быть, начнешь стесняться слишком ласковых имен, станем звать тебя Грин».

Он глубоко вобрал в себя и шумно выдохнул воздух. Тыльными сторонами ладоней вытер щеки. И лишь тогда открыл глаза. Света спрыгнула с балки и опять села с ним рядом.

— Грин...

— Я вспомнил... — выговорил он, глотая последнюю слезинку.

— Это же хорошо... Ты не горюй...

А он и не горевал. В печали его не было боли. Был в ней ласковый свет. А еще — тихая гордость: «Значит, я все-таки не выдал письмо полностью».

И чтобы не подумали, будто он в какой-то скорби и слезы его — горькие и безутешные, он заулыбался и — мало того! — решил малость подурачиться: мне хорошо, я даже весел, вот... И он стал наматывать вокруг шеи щекочущую мишуру, словно превращая себя в кар-

навалного персонажа. Но эту шутку не успели оценить: послышался звук, будто лопнула электролампочка.

Через несколько секунд трагического молчания Грета произнесла голосом классной дамы:

— Этого следовало ожидать. Я предупреждала...

Никто никогда не узнал: случайно Лыш выпустил скользкий шар из пальцев или решил пожертвовать им, чтобы отвести внимание от заплаканного Грина (впрочем, эта догадка появилась позднее). Теперь Лыш повесил голову и сокрушенно рассматривал на половниках осколки. Остальные собрались в кружок и рассматривали тоже. Толь-Поли сели на корточки.

— Хорошо, что здесь нет Любаши. Это был ее любимый шар, — не сдержала огорчения Света.

— Да ладно тебе... — шепотом одернул ее Май. Потому, что хотя и жаль было шара, еще больше было жаль несчастного Лыша. В нем не осталось ни капли обычной сдержанной уверенности. Он встал на колени над осколками и смотрел на них, кажется, с горьким размышлением: «Что тут можно сделать, как починить?»

Ничего нельзя было сделать. Лежала на доске половинка с уцелевшей жестяной головкой и петелькой, а вокруг нее сверкала чешуя мелких осколков.

— Можно будет повесить на елку половину, — предложил страдающий за Лыша Толя. — Если повернуть разбитой частью назад, получится, что шарик целый.

Но Поля, которая спорила редко, здесь выразила печальную правду:

— Это все равно что ставить на стол вместо торта пустую коробку от него.

— Не пустую коробку, а половину торта! — возмутился Толя. Наверное, хотел таким спором заглушить общее огорчение. Но Поля только махнула рукой.

И тогда нашел решение Грин.

— Смотрите! Можно сделать прожектор! И пускать им по елочным веткам зайчиков, будет как салют! И получится, что шар не погиб!

В самом деле, внутренность половинки шара сияла, как рефлектор. Снаружи-то шар был желтый, а внутри — чистейшая зеркальная амальгама. Словно отражатель фары сказочного автомобиля. Кажется, он просил: дайте мне света, и я оживу!

— А ведь правда! — улыбчивым шепотом откликнулся Май и благодарно посмотрел на Грина.

— Надо лампочку от фонарика, — деловито сказала Грета. — И батарейку. Найдется?

— Можно свечку, — посоветовал Грин. Он понимал, что предлагает пусть крошечное, но все-таки волшебство. — Как в кулибинском фонаре. Да, Май?

— Да, — сразу понял его Май. — Шар елочный и свечка елочная, они найдут общий язык.

— Тогда нужны спички, — рассудила Света. — Толя, сбегай на кухню...

— Не надо, у меня есть, — насупленно оживился Лыш. Встал (на его коленках блестели прилипшие чешуйки шара, золотистые и серебристые). Оттопырив локоть, полез в карман безрукавки, вынул коробок.

— Откуда у тебя? — старательно встревожилась старшая сестрица. — Ты что, куришь за сараями?

— Не за сараями, а на Рыбкином пустыре, — прежним сумрачным тоном отвечивал брат. — И сигареты я прикуриваю зажигалкой. А спички, это чтобы ковырять в зубах у дракона Дрыни, который там живет в пустой бочке.

— Балаболка, — с облегчением сказала Грета.

Глава 5

Выбрали свечку подлиннее, слегка расплавили снизу, прилепили на край сундука. Постепенно обретающий прежнюю деловитость Лыш зажег фитилек. Пламя было маленьким, ярким и чуть колыхалось от общего дыхания.

Света забеспокоилась:

— Дом не спалим?

— Нет, — сказал Май. — Толя, выключи свет. Грин, бери отражатель. Твоя идея, ты и пробуй.

Грин взял за проволочное ушко невесомую половинку шара. Присел у сундука на корточки. Осторожно-осторожно придвинул рефлектор к свечке — так, чтобы дрожащий огонек оказался в фокусе отражателя.

Дальше случилось удивительное.

Из половинки шара метнулся золотым лезвием луч. Пробил чердачный полумрак и горящим пятном лег на дверцу облезлого платяного шкафа. Пятно было круглое, сияющее, как спустившееся с неба солнышко.

От елочной свечки — такая светоносная сила!

— Мамочка моя... Гиперболоид... — выдохнула Грета.

У Грина дрогнула рука. «Солнышко» заметалось по чердаку и вернулось на прежнее место.

— Ну и прожектор. Даже не верится... — прошептала Света. Боязливо подставила под луч ладошку, засмеялась: — Ой, как тепло. Пустисто даже...

Все по очереди (даже Лыш) «потрогали» ладонями небывалый луч, его ощутимую мягкую теплоту.

— Это... вопреки законам физики... — пробормотала Грета.

— Наверно, здесь другие законы, — тихонько отозвался Май.

— Какие? — так же тихо спросил у него Грин (хотя догадывался).

— Потому что сказка, — ответил вместо Мая Толя. — Шар впитывал елочные сказки много лет подряд, и вот...

— И разные истории слушал, — поддержала брата серьезная Поля.

— И песни... Сказка сильнее физики.

— Может, она просто усиливает физику, — недовольным тоном заметил Лыш.

— Правильно, Лыш, — обрадовался Май. — Ты всегда точно объясняешь!

И Лыш наконец улыбнулся.

Подавал голос и Грин:

— Физика — это полезно. Только электричества не надо. Пусть всегда будет свечка, чтобы сказка не терялась...

И Май обрадовался опять:

— Правильно, Грин! Здесь нужен живой огонь!

Ободренный Грин стал развивать идею:

— Хорошо бы все это как-то закрепить. А то ведь стекло-то совсем хрупкое. Дыхнешь не так — и осколки...

— Надо сделать прибор. Вроде гиперболоида, — опять вспомнила книжку Алексея Толстого Грета.

...Прибор соорудили быстро.

Техническим руководителем сделался Лыш. Первым делом он велел разыскать пустую консервную банку, убрать с нее крышку, выровнять края. Потом сказал Маю, что нужен скульптурный пластик — тот, которым иногда пользовался в своих работах Анатолий Андреевич. Май принес. Пошли на двор, там на костерке из щепок разогрели пластик в жестянке, он стал жидким как кисель. Теперь предстояло самое главное...

— Сделаешь? — спросил Грина Май. Но Грин оробел:

— Давай лучше ты. У тебя пальцы умелые...

Май не спорил. Очень бережно стал погружать половинку шара выпуклой стороной в жидкий пластик. Все перестали дышать: «Ох, не

лопнул бы...» Хрупкий рефлектор не лопнул, послушно ушел в «кисель» до краев. Пластик быстро загустел, затвердел в снятой с огня банке. Тоненькое стекло теперь оказалось в прочной оболочке. Май пинцетом подровнял зубчатые краешки отражателя.

Вернулись на чердак, нашли дощечку, жестяной полоской закрепили на ней банку с рефлектором — «в стоячем на боку положении». Из той же тонкой жести сделали подсвечник (Поля назвала его «тюльпанчик»). Приделали «тюльпанчик» к доске так, чтобы головка свечи оказалась в фокусе отражателя. Причем укрепили его на гибкой жестяной подставке, чтобы свечку можно было перемещать: ведь она будет сгорать, а огонек всегда должен оставаться в середине рефлектора.

Решили назвать изготовленный аппарат луче­мётом. Название «гиперболоид» никому, кроме Греты, не нравилось. Во-первых, язык сломаешь, во-вторых, гиперболоид принадлежал инженеру Гарину, а тот был порядочная скотина...

Луче­мет наладили, свечку вставили.

Зажгли...

Снова сияющий луч прошел сумрак чердака.

Теперь можно было управлять лучом, посылать его куда хочешь. Держи дощечку в ладонях, поворачивай как угодно (смотри только, чтобы огонек не погас).

— А далеко ли он берет? Наверное, как прожектор, — нетерпеливо сказал Толя.

— Давайте попробуем! — Май вынес луче­мет к окну. Приладил до­шатую подставку на подоконнике.

На дворе было пасмурно, однако все же день. Но и в свете дня луч был ясно различим, в нем искрились редкие дождевики.

Яркая полоса уперлась в дальний забор позади огорода, на досках зажглось все то же солнышко. Из окна оно казалось горящей точкой, а на самом деле оставалось, видимо, прежней величины — как диаметр шара.

— Это что же, луч вовсе не рассеивается? — озадаченно спросил у себя и у всех Май. — Так даже у лазеров не бывает...

— Я же говорила — «гиперболоид», — сказала Грета, словно взяла реванш.

— Надо посмотреть, куда он достает! — подпрыгнул Толя. — Май, направь вон на ту трубу.

Далеко над крышами торчала кирпичная труба старой пекарни.

— Если и достанет, мы отсюда не разглядим, — рассудил Май. — Толь, слетай за папиным биноклем...

Толя «слетал» и вернулся через минуту.

Май сказал:

— Давайте, я нацелюсь, а вы смотрите. По очереди.

Первым в очереди оказался Грин. Он пригнулся, укрепил локти на подоконнике, прильнул к окулярам. Отыскал в пасмурном пространстве трубу. Бинокль был сильным, красное тело трубы приблизилось так, что стал виден каждый кирпичик — с царапинами и выбоинами.

А «солнышка» сначала не было.

— Не так-то легко попасть, — виновато объяснил Май. — Надо потом сделать прицельное устройство. Оптическое... Ну, не видно?

— Не ви... Ой! — Яркое круглое пятнышко прыгнуло на кирпичи. Затанцевало на них (у Мая от напряжения дрожали руки). Потом на миг замерло...

«Солнышко» было тех же размеров, что и прежде — луч, видимо, и в самом деле ничуть не расширился. Секунды две оно посидело на кирпичах неподвижно, как уставшая бабочка, потом опять метнулось и оказалось правее и гораздо дальше трубы — на глухом торце высокого каменного дома. Посреди узкой стены висел красно-черный киноплакат с белыми буквами: «Вечерний патруль». Бледное лицо злодея-людоеда многообещающе смотрело с высоты на крыши и на прохожих. Еще неделю назад глава города Инска распорядился такие зловещие афиши с улиц убрать, чтобы не пугали младенцев и бабушек, но до этого плаката у муниципальной службы, видно, не дошли руки.

«Солнышко» пометалось по афише, зацепило белое людоедское ухо и словно приклеилось к нему! Ухо съезжилось и вспыхнуло. Огонь в две секунды разбежался по трехметровой афише, и она запылала, как пропитанная бензином.

— Ну и салют! — вырвалось у Грина.

Май, случайно зацепивший лучом злобного киногероя, нервно спросил:

— Грин, что там? — Ведь он-то издалека, без бинокля, видел только непонятно отчего вспыхнувший огонек. И остальные тоже... Толь-Поли, Грета и Света нетерпеливо тянулись к биноклю: «Дай взглянуть!» Только Лыш сохранял хладнокровие. Грин дал бинокль Маю. Тот посмотрел и все понял.

— Значит, чем дальше, тем больше луч набирает силу! — И он уткнул золотистую линию света в огородные грядки. На всякий случай...

В конце концов каждый понял, что же случилось. По очереди глянули на догорающий плакат в бинокль, испуганно поудивлялись. Грета снова сказала с удовольствием:

— Я же предупреждала — гиперboloид.
 — Мы так спалим весь город, — поежилась Света.
 — Ничего не спалим, — успокоил Май. — Стена отсыревшая, картон у плаката тонкий, сейчас догорит, вот и все... А больше далеко нацеливать не будем. Договорились?

Все разом сказали, что договорились. Ясно было — с такими игрушками не шутят. Лишь Поля задумчиво предположила:

— А может, луч сжигает только плохое? А ничему доброму не вредит?
 — Может быть, — рассудил Толя. — Но пока разберешь, где плохое, где хорошее, могут остаться одни головешки...

Свечка между тем невозмутимо горела и потихоньку укорачивалась. Лыш протиснулся к подоконнику. Деловито вернул огонек в середину отражателя, взял опасный лучемер в две ладони.

— Лыш... — сказала Грета.

— Я пушу зайчика в небо, — хладнокровно объяснил Лыш. — Там ничего, кроме туч, а они не горят. И они же не плохие и не хорошие, просто явление природы... Посмотрим, что будет.

Луч из чердачного окна ушел наклонно вверх, и «явление природы» никак не прореагировало на это. Золотая струна просто увязла в серой пелене. Но... это лишь на несколько секунд. А потом пасмурную муть прочертила белая, клубящаяся барашками пара линия.

— Мама... — ахнула Света.

— Лыш, не смей! — качнулась к брату Грета.

— Не мешайте! — нервно сказал Лыш. Клубящаяся линия сломалась, от ее конца ушла под прямым углом другая. А от нее — третья. И все поняли, что Лыш чертит в облаках квадрат.

Квадрат, замкнутый кипящими полосами, получился кривым и громадным. Какой именно ширины, сказать было трудно — ведь он висел на большой высоте. Но ясно, что его размеры были несоизмеримы с привычностью окрестных дворов.

— Лыш, зачем? — спросил Май без боязни, но осторожно.

— Не мешайте, — повторил Лыш. — Сейчас...

Луч заматался внутри квадрата. Часто и беспорядочно. Так иногда штрихуют на экране компьютера замкнутые в контур участки плоскости. Клубящиеся паром линии сливались, серая хмарь превращалась в белую четырехугольную овчину. Потом эта гигантская шкура порвалась на клочки, они стали ежиться, таять и улетать в стремительно открывшуюся синеву. И квадрат чистого неба возник прямо над городом Инском. Из-за косматой границы небесного окна удалило солнце...

— Ура... — шепотом сказала Света.

Лыш ничего не сказал, деловито дунул на свечку. Протянул Маю лучемер.

— Спрячь куда-нибудь.

Грин был согласен: лучше бы убрать «игрушку» от греха подальше. Но никакого страха не было, только радость от хлынувшего на Инск солнца.

— Мы поставили весь город на уши, — заявила Грета. — Сейчас начнутся разговоры и слухи об инопланетянах.

— Ага! — радостно сказали Толь-Поли.

В кармане Маевых бриджей «коробочка» заиграла «Марш тореадора». Май вытащил, прислонил к уху. Удивленно приподнял брови.

— Да... Здравствуйте... Да... Зачем?... Ну, хорошо...

И посмотрел на ребят.

— Меня просят прийти в музей. Там появились члены какого-то конкурсного совета. Хотят, чтобы я принял участие в выставке, построил бы для нее новый макет города.

— Это же интересное дело! — обрадовалась Света.

— Не знаю... — почему-то усомнился Май.

— Если не хочешь, не ходи, — сказал Грин. — Переживут.

— Неудобно. Ждут же люди...

— Мы пойдем с тобой, — решила Света. — Чтобы веселее.

— Ладно! — обрадовался Май.

Когда шагали к музею, Света сказала:

— А вот бы придумать, как над новым макетом подвесить хрустальный шар. На какой-нибудь незаметной нитке. Получилось бы, будто твой Всемирный Храм над городом. А, Май?

— Н-не знаю... Все станут смотреть на шар, а на макет никто и не взглянет.

А над улицами разгорался ясный день — самый длинный в году. Солнце набрало полную силу. Горожане, судя по всему, не очень удивились, что в тучах возникло квадратное окно (которое, впрочем, уже исчезало вместе с тающими облаками).

Директор музея встретил их на крыльце.

— Тут, друзья мои, некоторая проблема. Члены этой комиссии намекнули, что хотели бы побеседовать с будущим конкурсантаом конфиденциально.

— А это не опасно? — решила пошутить Грета.

— Ни в малейшей степени. Просто они не хотят пока широко обнародовать условия конкурса. Поэтому, если позволите, я покажу вам новую экспозицию — панораму «Охотники на мамонта», а Май в это время обсудит с высокими гостями свои проблемы.

Май виновато посмотрел на друзей и развел руками.

— Если начнут мучить, кричи громче, прибежим, — решил пошутить и Грин.

В кабинетике директора, увешанном старыми картами и фотографиями, ждали Мая трое. В одинаковых серых костюмах. Май не изменился в лице, но внутри затвердел. Он быстро прошел от двери к широкому окну и уперся поясницей в подоконник. И молча смотрел на троих. Как бы показывал, что высказывать обратно за порог не будет, но и к беседе не расположен. «Члены комиссии» видели его на фоне летнего дня тонким силуэтом с просвеченными солнцем длинными волосами. А Май видел их во всех подробностях.

Один — высокий, с тонкими губами и гладкой кожей на костистом лице. Второй — круглолицый, с залысинами и добродушным прищуром. Третий — с бородкой и в очках, похожий на академика Тимирязева со школьного портрета.

— Что вам угодно, господа? — сказал Май с большим, не мальчишечьим, утомлением.

Трое стояли, наклонив головы.

— Мы хотели бы попросить вашего позволения на еще один разговор, — вполголоса разъяснил похожий на академика. И наклонил голову так, что чуть не упали очки.

— Сколько можно, господа? — сказал воспитанный мальчик Май со скрученным раздражением. — Мы переговорили уже обо всем...

— И тем не менее... — выговорил худой, нервно шевеля опущенными пальцами. — Еще одна беседа. Последний раз...

— Ну, говорите... — хмуро сказал Май.

— Было бы удобнее разговаривать сидя, — вполголоса напомнил похожий на академика.

— Ну так садитесь, — пожал плечами Май. — Вон стулья.

Круглолицый чуть улыбнулся:

— Но мы не можем сидеть, если не соблаговолите сесть вы... ваше величество.

Четвертая часть. Песня про ёлочку...

Глава 1

Май спиной вперед прыгнул на подоконник. Сел, поставил правую ногу на батарею под окном, а левой заболтал у пола. Обхватил колено. Проговорил, глядя на оконный косяк:

— Вы хотите сообщить что-то новое, господа?

— Ну-у... возможно, что и нет, ваше величество, — признался похожий на академика, присаживаясь на шаткий конторский стул (остальные тоже сели). — Но мы надеемся, что на сей раз наши аргументы будут более весомыми, а вы, ваше величество, более... вдумчивы.

— Боюсь, у меня это не получится, профессор.

— Может, и получится... при желании, — ласково, как дошкольнику, — сказал круглолицый.

— У меня нет желания, господин депутат, — отозвался Май, покачивая ногой в стоптанной кроссовке. — Что еще?

— Но, ваше величество... — человек с худым лицом сел прямо, как деревянный. И голос казался деревянным. — Кроме личных желаний и нежеланий есть веления судьбы. Вы потомок древнейшего рода, носитель множества титулов, легитимный самодержец... Вы офицер, в конце концов?

— Последний аргумент, полковник, особенно весом, — в голосе Мая скользнула не то ехидная нотка, не то слезинка (или то и другое?). — Те, кто едва не угробил меня восемь лет назад, тоже были офицерами. Спасибо неофицеру, штатскому врачу Евгению Гореву, который вместо цианида ввел снотворное. И двум капрамам, которые вместо уснувшего пацаненка бросили в шахту куль с ветошью.

— Они все будут достойным образом награждены, когда ваше величество вернется на престол.

— Не вернусь я на престол, — сказал его величество с коротким зевком. — Я семиклассник Май Веткин, и мне это нравится. У меня есть братья и сестры, друзья, мама и папа. Я живу в вольном городе Инске, где не нужны ни императоры, ни регенты, ни... вся эта дурацкая возня вокруг власти. А вы... Оглянитесь наконец, посмотрите, как все это глупо и бесполезно. Мой друг девятилетний Лыш, который учит летать старые стулья, в тысячу раз полезнее для людей, чем все на свете политики, чиновники, правители, все те, кто не делает ничего хорошего, а только грызут друг друга глотки, чтобы захватить место повыше.

— Ваше величество несправедливы к нам, — с достоинством сообщил профессор. — Вы, может быть, невольно, однако наносите нам незаслуженную обиду...

— Да я не говорю лично про вас. По отдельности каждый из вас, наверное, хороший человек. Но вы засунули себя в эту... в этот политический механизм, который вертится неизвестно для чего. И вы в нем вертитесь и забыли, для чего живете...

— Мы живем для возрождения великой Империи, — тихо, но очень веско сообщил полковник.

— А зачем людям это самое величие? Люди хотят жить, чтобы не бояться за себя и за тех, кого любят. И не голодать. И радоваться всякой красоте. Добейтесь этого, тогда и величие у Империи появится... А то как у «Желтого волоса». Они тоже хотели великую страну, только под считали, что для этого надо уморить половину народа...

У депутата исчезла последняя тень улыбки.

— Проводя параллель с проходимцами из «Желтого волоса» ваше величество почти что оскорбляет нас и демонстрирует свое незнание обстановки. А мы ведь старались в прошлый раз ввести вас в курс дела...

— Да вошел я в этот курс, — поморщился Май. — Не совсем же младенец... И понял, что вам нужна кукла. Так же, как и тем, кто выкопал меня, совсем маленького, в дальнем городке на краю страны, уморил моих прежних родителей, чтобы не мешали, объявил меня потомком древних Мстиславичей...

— Вы им и являетесь. Это доказано... О, простите, что перебил, государь, — вставил реплику профессор.

— Ничего, профессор. Дело не в этикете, а в сути... Есть такая книжка — «Король Матиуш Первый». Там в одном государстве некоторое время вместо короля-мальчишки была похожая на него кукла. И всех устраивала. Умела махать рукой, улыбаться... Так же было и со мной. Но потом Регент посчитал, что и кукла опасна, решил убрать. Спасибо добрым людям, спрятали, отдали в дальний приют...

— Но сейчас-то на престоле будет не кукла, а живой мальчик с ясным умом и понятиями о чести, с любовью к людям! — воскликнул депутат. — Скоро вы станете энергичным юношей, затем полным государственных планов и забот о стране мужчиной...

— «В полном расцвете сил...» — хмыкнул Май.

— Именно, ваше величество, — не заметил иронии профессор. — Таким, какого ждет страна.

— Страна ждет не императора, — сказал Май. — Она ждет, когда чиновники перестанут грызть себе и людям глотки и начнут выполнять законы.

— Вот вы и поможете выполнять их, государь, — сказал полковник. — Для того и призываем вас.

— А я не успею, — вздохнул Май. — И вы это знаете. — Вы убедите Регента и поставите меня, а как только я попробую что-то сделать самостоятельно, меня пристрелят или отравят. Вы или ваши сторонники. Или даже противники. Кто раньше успеет.

— Ваше величество трагически ошибается, — горько выговорил депутат.

— Вы же знаете, что не ошибаюсь, — сказал Май. — Ну и кроме того... мне просто не нравится быть императором. Даже подумать тошно...

Полковник сел еще прямее.

— Но если человек избран судьбой, он должен думать прежде всего не о себе, а о государстве. Должен осознать, что у него есть миссия.

— А она у меня и так есть. Но другая, — тихо сказал Май Веткин.

Наступило молчание. Более долгое, чем, казалось бы, следовало. Наконец профессор с осторожностью поинтересовался:

— Ваше величество имеет в виду идею Хрустального Храма?

— Откуда вы знаете?! — вскинулся Май.

Профессор обвел очками остальных.

— Господа, я полагаю, наступило время быть откровенными до конца... Государь, мы знаем о вас практически все. Не бойтесь, это никогда не станет достоянием широкого круга. Но... наш подарок до сих пор давал нам возможность слышать ваши разговоры и видеть многое, что происходило вокруг вас.

— Какой подарок? — по-настоящему испугался Май.

— Тот, что мы внедрили вам под видом приза. Вы называете его «коробочка», — впервые позволил себе улыбнуться профессор.

В следующий миг выхваченный из кармана и зажатый в пальцах аппарат описал дугу и грохнулся о батарею — с тем, чтобы из «коробочки» превратиться в обыкновенную покореженную жестянку с разбитыми деталями внутри. А она даже не поцарапалась.

Три «члена комиссии» одинаково улыбнулись.

— Не стоит портить подарок, ваше величество, — разъяснил депутат. — Уникальная вещица. Ее практически невозможно вывести из строя. Разве что утопить или расплавить. Но лучше оставьте на память.

— Таскать в кармане вашего шпиона! — вознегодовал Май.

— Она скоро перестанет быть шпионом, ваше величество, — доброжелательно, как пожилой учитель, разъяснил профессор. — Через два часа наш спутник-наблюдатель выйдет из тени. Ровно в четырнадцать часов нажмите кнопки «решетка» и «Эф», и функция слежения отключится навсегда...

— Так я вам и поверил!

— Напрасно не верите, голубчик, — снисходительно разъяснил депутат, и на это «голубчик» вместо «ваше величество» никто не обра-

тил внимания. — Если бы мы хотели обмануть, то не сказали бы и сейчас об истинной цели «коробочки»... Но теперь, когда ясно, что вы отказались окончательно, нет смысла что-то скрывать от вас.

— А до этого скрывали и шпионили, — презрительно напомнил Май. — И толковали про честь, долг, благородство...

— Данный метод был продиктован высшими интересами Империи, — глядя перед собой, объяснил полковник.

— Тыфу на вас... — в сердцах сказал Май, словно был он не Маем, а маленьким братишкой Толей, сильно обиженным на кого-то.

— Тыфу на нас, — простецки согласился депутат и встал. — Возможно, вы правы... А «коробочку» все же не выбрасывайте, пригодится.

— Чтобы вы продолжали шпионить!

Профессор и полковник тоже встали.

— Мы обещаем не шпионить, — проговорил профессор с заметным сожалением. — Только не забудьте о кнопках. «Решетка» и «Эф»...

— Не забуду! И вы больше не станете искать меня?

— Даю слово члена Императорской академии.

— Слово офицера имперской гвардии, — сказал полковник.

— Клянусь мамой... — с печальной улыбкой добавил депутат.

После этого они одинаково наклонили головы и один за другим вышли из кабинета. Май подождал полминуты и вышел следом.

Глава 2

Мы шли и разговаривали про то, что случилось с Маем. Май дал нам послушать разговор в кабинете, который записала «коробочка».

Чудно как-то: вот этот растрепанный и какой-то виноватый пацан в мятой футболке — его величество император Андрей Первый?

— А многие про это знают? — спросил я.

— Не многие, — отозвалась вместо Мая Света. — Мама, папа... Когда они усмотрели Мая в Ермиловском приюте, им там кто-то шепнул... Ну и все мы, Веткины, знаем, конечно. И друзья...

— Но это же ерунда. Никакого значения... — пробормотал Май и пнул на асфальте скорлупу грецкого ореха.

Кажется, он чувствовал себя виноватым передо мной: все друзья знали его тайну, а я нет.

— Грин, ты не думай, что скрывали специально. Ты все равно скоро узнал бы. Просто как-то не было случая заговорить про это... Ну, и не очень и хотелось...

— Май, не бери в голову...

Мне было не до обиды. Все слова и объяснения звучали где-то позади главной нарастающей тревоги. Вот они идут, болтают, не догадываются... Никто-никто не понимает, что у гранаты выдернута чека. Дети города Инска! Ведь, как и все на свете, смотрят боевики, читают про бандитов и террористов, играют иногда в «стрелялки», а все равно будто младенцы... Я сказал:

— Давайте прогуляемся до Крепости.

— Зачем? — удивилась Света. — Мы там все излазили.

— Потом скажу. Сюрприз.

— Нам некогда, — сообщил за себя и сестру Толя. — Надо хижину чинить, крыша течет.

— Тогда шагайте домой, — быстро согласился я. Потому что это хорошо, если рядом не будет младших.

Они улетели, как два подхваченных ветром листика.

— Грета, дай записную книжку, — попросил я. У нее в кармане форменной рубашки всегда лежали маленький блокнот и карандаши.

Грета, наверное, удивилась, но дала без вопроса. Я приложил палец к губам и написал на чистой страничке:

«Тише. Коробочка шпионит!»

— Да зачем ей теперь-то? — не поверил Май. (Вот наивность! А еще император!)

Я снова прижал к губам палец. Написал: «Автоматически». Потом жестами показал: «Дай мне». Май, видно, понял, что я знаю больше, чем он. Дал. Я засунул ее в свой карман — на таких же, как у Мая широких штанах. Опять показал знаками: «Ни слова, ни вопроса!» (А сердце колотилось с частотой трешотки.) Потом я оглянулся.

Вот удача! Навстречу нам ехал на велосипеде по тротуару мальчишка. Небольшой, вроде Лыша, только не с темным ежиком, а со светлыми кудряшками. Велосипед был ему велик и вихлял. Я обогнал ребят.

— Эй, подожди! У меня смертельно срочное дело. Дай на часик велосипед. Я его потом пригоню, куда скажешь... Пожалуйста!

В другое время, в другом месте мне бы и в голову не пришло обращаться к незнакомому пацану с такой бредовой просьбой. Но я три недели (а казалось — целый век!) прожил в Инске и уже знал характеры здешних ребят. Мальчик сразу спрыгнул с седла.

— Бери... — И в глазах была тревога — не за свой велосипед, за мое «смертельное дело».

— Спасибо! Куда его прикатить?

— Успенская улица, шесть.

— Спасибо! — еще раз крикнул я. Оглянулся на ребят: — Я на Хребет, догоняйте! — И оседлал «коня».

Мы называли Хребтом обломки сложенной из неровных камней стены. Возможно, это были остатки укрепления, прикрывавшего Крепость с левого фланга. Теперь стена почти целиком ушла в болотистую почву — над осокой, камышом, лужицами и кувшинками торчали только серые каменные зубцы. Словно сорокаметровый ящер залег на дно, но не сумел из-за малой глубины спрятать спинной гребень...

Верхушки «гребня» то совсем укрывались в траве и болотной жиже, то высывались метра на полтора. Я положил велосипед в стебли осота и полез по камням — вперед, вперед. Дважды провалился в теплую хлябь, несколько раз ободрал ноги, чуть не утопил кроссовку. Но все же очень скоро выбрался на высокий кубический камень — самый дальний от берега. Встал, оглянулся. Берег позади был безлюден. На Пустоши — тоже никого. За ней, далеко, белели корпуса многоэтажных кварталов. Искрились на солнце мелкие синие стрекозы, носились коричневые бабочки. Я вдруг успокоился. Чего бояться-то? Если они следят и слушают, значит, понимают: «коробочка» не у Мая, а у меня. А я, Грин Климчук, ни на фига не нужен этим полковникам, профессорам и депутатам (чтоб они сдохли!). Им нужен только Май Веткин, бывший Андрей Первый. Они будут ждать, когда «коробочка» вернется к нему и он в четырнадцать ноль-ноль нажмет кнопки...

Никто их не нажмет!

Впереди перед камнем среди зарослей тальника и рогоза синело небольшое пространство чистой воды. На нем торчали только две кочки, похожие на заросшие макушки присевших водяных.

Я встал прямо, развернул плечи. Достал из кармана «коробочку». Подумал злорадно: «Если вы сейчас наблюдаете через объектив, полюбуйтесь последний раз пейзажем...» Размахнулся и по дуге пустил серебристую «коробочку» над водой. Будто гранату! Как можно дальше!

Ну, до чего же я невезучий! Думал, булькнет она, уйдет на дно, и засосет ее болотистый ил. А «коробочка», пролетев метров двадцать, угодила прямо на дальнюю кочку. И ехидно так заблестела среди травяных волокон.

Вот скотина! Я чуть не заревел. Придется теперь добираться до кочки — то ли по брюхо в иле, то ли вплавь — доставать, кидать снова.

А если они, увидев такое дело, решат отомстить? Меня потрянуло ознобом, как голого перед прорубью. Впору было зареветь, но я сцепил зубы, сбросил кроссовки и начал расстегивать штаны...

— Грин!

Я оглянулся. У начала Хребта с двумя велосипедами, раздобытыми, видимо, моим способом, стояли Май и девочки.

— Не ходите сюда! — крикнул я. Но они, конечно, тут же полезли по камням в мою сторону. Тогда я опять натянул сырые кроссовки и полез навстречу.

Встретились на плоском камне среди головок рогоза.

— Грин, что случилось?! — резко спросил Май. Он, кажется, злился, и я видел это впервые.

— Плохо случилось, — сразу ответил я. — Хотел ее утопить, а она попала на кочку. Вон туда... — Я кивнул назад, и они тоже разглядели серебристый блеск.

Света распахнула глаза:

— Грин, зачем?

Тогда и я разозлился:

— А вам нужна бомба на взводе?!

Май понял, что дело может кончиться ссорой:

— Ребята, подождите... Но ведь скоро два часа. Я бы нажал кнопки, и всякая связь отключилась бы.

Я опять чуть не заревел.

— Ну, детский сад!.. Вы что, с другой планеты? Она, конечно, отключилась бы! Вместе с тобой! И потом долго собирали бы твои клочки для крематория.

Май и Света одинаково заморгали. До них что-то доходило, но медленно.

До Греты дошло быстрее.

— Грин, ты думаешь, они... смогли бы?

— Почему нет? Если император отказался, он уже не император, а помеха, лишний свидетель. Таких убирают.

Май наконец уяснил всё. Или почти всё. Мотнул головой так, что разлетелись волосы.

— Грин... но они же все-таки люди...

— Люди они каждый по отдельности, — вспомнил я записанный «коробочкой» разговор. — А когда начинается политика... Господи, Май! Ты же сам это им только что говорил!

Он опять мотнул волосами.

— Да... я полный лопух. Но они же дали слово!.. Я опять «детский сад», да?

— Да! — безжалостно подтвердил я. — И потом... какое слово они дали? Что не будут шпионить. После двух часов. И не стали бы. Поэтому что — за кем... ваше величество?

Он мог здорово обидеться, но не стал. Вернее, не обратил внимания на мой тон. Сказал с таким печальным удивлением:

— Тогда непонятно. Зачем ждать спутника и двух часов? Могли ведь нажать кнопку и сами. Дистанционно...

Однако у меня был ответ и на этот вопрос:

— Могли, но не хотели. Получилось бы, что они стали бы убийцами. Даже цареубийцами. А тут мальчик Май Веткин случайно подорвался на непонятной штучке, никто не виноват...

— Сволочи... — прошептала ласковая девочка Света.

— Люди, а ну пошли отсюда! — вдруг приказала Грета. — Быстро, быстро. Мало ли что они думают теперь... Мы ведь не знаем, какой у нее разлет осколков... Марш вон туда! — И она показала на кирпичную стенку с оконными проемами. Это были развалины старинного пакгауза.

— Это вы «марш», — боязливо вспомнил я. — А мне-то надо на кочку. Взять эту штуку и забросить подальше.

Грета посмотрела на меня продолговатыми коричневыми глазами.

— Дер кнабэ ист кранк? — сказала она тоном брата Лыша (и это, очевидно, значило, что я спятил).

— А что делать-то? — спросил я, чувствуя себя кругом виноватым.

— А кто-то обзывался «детский сад»! — Грета, вытянув шею, опять глянула на кочку с яркой искрой. Потом, видимо, боясь «дальней прослушки», выхватила блокнотик и написала в нем корявое слово: «Гиперboloид».

Май и Света укатили за лучемером, а мы с Гретой затаились в развалинах склада. За кирпичной стеной мы чувствовали себя в безопасности. Стало казаться даже, что все случившееся — вроде игры... Мы сидели у окна друг против друга, прижимаясь плечами к стене. Грета беззаботно (хотя беззаботно ли?) похлопывала себя черной пилоткой по сандалиям. Ноги у нее были совсем как у индейца, царапины на коже выделялись частыми белыми нитками. Впрочем, и у меня почти так же. Только у меня еще была свежая ряска. Я начал стирать ее ладонью, скатывал в тонкие зеленые валики и внимательно разглядывал их. Почему-то стеснялся смотреть прямо на Грету.

А она все щелкала пилоткой и мурлыкала неразборчивые слова на мотив «Уралочки». Потом спросила:

— Грин, это ничего, что я пою твою песенку?

— Почему же мою? Она ведь общая. Всех, кому нравится...

— Но строчки-то те самые... из письма. Запомнились почему-то.

— И она спела понимаете:

В лесу нашли мы ёлочку

С искусственной хвоей...

— Пой на здоровье... Мне даже нравится... — И я, почти не стесняясь, допел вместе с ней:

Поставили на полочку,

А дальше ой-ёй-ёй...

И оба посмеялись.

— Грин, а других слов ты не помнишь?

— Я вспомнил еще немного. Недавно... А может, придумались. Но это уже из середины песенки, жалоба Юшика, когда он под полкой:

«Зачем меня вы дразните?

Хочу, хочу наверх!»

Дадим ему на праздник мы

Серебряный орех...

Грета опять засмеялась. Уже без меня спела эти строчки вполголоса (сразу запомнила!). Надела пиютку и стала смотреть мимо меня.

— Грин...

— Что? — Я слегка испугался.

— Грин, а мы ведь нашли тот Круг... Рядом с которым проходит Дорога. Самая дальняя и бесконечная.

Мне стало не по себе. Не страшно, а как-то... будто лицом к лицу с открытым космосом. Я поверил сразу. Шепнул:

— И что на ней?

— Не знаю. Наверно, все, что угодно... Кроме смерти.

Я хотел спросить, почему «кроме». Но она заговорила опять:

— Грин, я сейчас еще скажу... Только ты об этом никому. Про Круг можно, а про это не надо... И лучше сам сразу забудь. Потому что это не имеет значения, только я должна сказать...

— Что? — прошептал я и почувствовал, как теплеют уши.

— Вот что... Ты мне очень-очень нравишься, Грин... И ничего не говори в ответ...

А я и не знал, что сказать.

Ну да, Грета мне тоже нравилась. Однако не так, чтобы «очень-очень». Не больше, чем Света. Они обе нравились, но без всяких там сердечных страданий с моей стороны. И если бы пришлось выбирать, я бы... просто сбежал куда-нибудь.

Но бежать не пришлось. К великому моему счастью, раздался звон велосипедов, и появились взмыленные Май и Света. Май — с клеенчатой хозяйственной сумкой. Он осторожно вынул оттуда лучемер.

Грета деловито (словно и не было только что разговора со мной) спросила:

— Спички не забыли?

Май похлопал по карману.

Грета взяла у него лучемер, без лишних слов пристроила в нижней части кирпичного проема. Скомандовала:

— Зажигай...

Май зажег свечку.

При солнце огонек был бледным, а луч совсем неразличимым. Но когда мы по очереди подставили ладонь, то ощутили сильное тепло. Чем дальше, тем оно будет сильнее... Но хватит ли этой силы, чтобы запалить взрывчатку? Я поделился сомнением:

— Не слишком ли маленькое расстояние?

— Если не сработает, пойдем на башню, пустим оттуда, — решил Май. И присел перед лучемером. — А вы далеко не высовывайтесь. Не знаем ведь, с какой силой грохнет.

Мы перестали дышать. Через минуту на том боку кочки, что был в тени, появилось яркое пятнышко. Серебряная «коробочка» сверкнула ярче обычного. Раз, другой. Но и только...

И вдруг меня осенило: «Да ты просто трус и выдумщик! С чего ты взял, что там какая-то взрывчатка! Насмотрелся детективного кино! Никто не собирался взрывать бывшего импе...»

Ух, как шарашнуло! Мы разом дернулись головами за кирпичи. Потом осторожно выглянули. Дымный шар с тонкой ножкой висел над тем местом, где только что зеленела кочка. Он был похож на модель ядерного взрыва.

— Мамочки мои... — выговорила Света. — Сколько там было... этой начинки?

— Немного, — жестко отозвалась Грета. — Всего-то, чтобы снести голову одному мальчишке. Тонкий расчет...

Май вытер ладонью лоб, часто подышал, будто скинул тяжесть. Положил руку мне на плечо.

— Грин... у меня сегодня второй день рождения.

— Поздравляю, — буркнул я. — Только подарка не приготовил, не знал...

Я тут же испугался, что получилось как-то недружелюбно, будто с обидой. Но Май закинул голову и засмеялся весело и заливисто. И тогда мы все тоже засмеялись и побежали к велосипедам...

Глава 3

Конечно, в тот же день мы рассказали Вите про встречу Мая с «членами комиссии» и про взрыв.

— Господа искатели приключений, — сказал Витя озабоченно. — В связи с вышеизложенным обращаюсь к вам с настойчивыми просьбами. Первая: не посвящать в эти события никого из окружающих. До поры до времени. Даже родителей — чтобы не терзать лишними заботами их чувствительные сердца...

— Лыша тоже не посвящать? — спросил я.

— Его можно. Тем более, что ему наверняка и так все известно.

— Откуда? — удивились мы хором.

— Ха... — непонятно сказал Витя. — Вторая просьба. Пусть его величество в ближайшие дни поменьше болтается по улицам. И уж ни в коем случае не ходит в одиночку... Едва ли, конечно, они после всего случившегося решатся на что-то серьезное, но все-таки...

— А третья просьба? — сказал Май.

— А третья такая: не устраивайте пока новых экспериментов с вашим лучемером. Вообще-то следовало бы его сразу реквизи́ровать, но вам ведь ничего не стоит соорудить новый, сами говорили.

— Это был не эксперимент, а необходимая защитная мера! — обиделась Грета.

— Ну да, «мера». Надо было сообщить мне, а не грохать машинку так сразу. Теперь никаких следов и доказательств.

— А если бы «машинка» грохнула Мая? — сказал я. — Не дожидаясь сообщения?

— Не грохнула бы, если бы вы... А впрочем, какой смысл теперь обсуждать: как бы да чего бы. — Подпоручик Петряев махнул рукой и стал задумчиво смотреть на небо. — Тут еще одна проблема нарисовалась... Бывший «Желтый волос» добился разрешения на разные научные эксперименты. Новые технологии отработывают. И есть подозрение, что это связано с их прежними делами, с излучением, которое понижает иммунную систему. По крайней мере, у тех, кому когда-то были введены запрещенные препараты. Эти сволочи уже запустили спутник-излучатель.

— Но ведь Инску он не опасен, — сказала Света.

— В общем-то не опасен... Кроме того, мы ставим нейтритизаторы. Но все же стопроцентный заслон гарантировать нельзя. Тем, кто здоров, излучение не сможет сильно повредить, только вот Грин...

— А что я? — И сразу холод пошел по коже.

— В тебе ведь эта зараза. Темпотоксин. Никто не знает всех

его свойств. Вдруг как-то среагирует. Поэтому ты пока старайся не выходить из дома. Железная крыша — это дополнительная защита...

— И долго мне сидеть взаперти? — уныло спросил я. Представил, какая «сладкая» жизнь меня ждет отныне.

— Да не долго. Сделаешь вторую прививку, тогда — свободен... Кстати, ампулу я тебе на всякий случай завтра утром занесу.

— А как правительство разрешило запуск? — насупился и Май. — Или они нахально, без спросу?

— В том-то и дело, что «со спросом». Вполне официально. Даже зарегистрировали его в каталоге разрешенных, несекретных спутников. Потому что, мол, это обычный аппарат-отражатель для информационных целей. Знаем мы эти «цели»!

— Если отражатель, значит, он неподвижный, в одной точке? — спросил Май.

— Ну да, как в телесистеме. Повис над матушкой-планетой в строго определенной точке. Примерно в двадцати градусах над юго-восточным горизонтом славного города Инска.

— Вот дрянь, — сказал Толя.

— В общем, такие вот дела... А я побежал, мы нынче вроде как на казарменном положении... Лыша увидите, скажите, чтобы зарядил свой мобильник, обормот, а то до него никогда не дозвонишься. И дома его нет, опять за стульями носится где-то.

И он ушел, а мы остались рядом с индейской палаткой. Но не надолго. Света посмотрела на меня и сказала:

— Пошли, ребята, под крышу...

И мы пошли. Расселись в большой комнате, где обеденный стол и телевизор. Деревянные маски клоунов, леших, курносых ребятишек и добродушных пиратов нынче смотрели на нас неуютливо. Сочувственно.

Все молчали. Всем было неловко. Я понимал — из-за меня. И ребятам оставлять меня одного не хочется, нехорошо это... Но и сидеть летом дома все время — это неправильно. Прямо хоть беги в музей и проси напрокат железные доспехи. Я уже хотел дурашливо предложить это, но язык не повернулся. Не до шуток. Я всеми нервами, всей кожей, каждым волоском ощущал — надвигается что-то плохое. При чем оно все растет, растет...

Кажется, и другие это чувствовали.

Май, глядя в пол, тихо сказал:

— Надо ведь что-то делать, ребята...

— Что? — спросила Света.

И тогда Поля — самая маленькая из нас, самая смиренная и покладистая — вдруг сказала голосом решительного мальчишки:

— А давайте сшибем эту гадость лучеметом!

Глава 4

Сперва не засмеялись, просто чтобы не обидеть Полинку. Потом... не засмеялись, потому что... Нет, а в самом деле! Это был проблеск надежды!

Хотя сначала Май горько возразил:

— Как ты попадешь отсюда в эту небесную точку?

— И разве луч до нее достанет? Это же тыщи километров... — сказала Света.

— Чем дальше, тем горячее, — напомнила Поля.

— Надо только сделать прицел, — поддержал сестренку Толя.

— А куда им целиться-то? — растерянно спросил я.

— Подождите-ка... — наморщил лоб Май. — Витя сказал, что у спутника есть координаты. Если их знать, можно определить место спутника на звездной карте. Лыш рассчитает угол прицеливания...

— С Лышем нет связи, — напомнил я.

— С Лышем нет, а с Гретой, наверное, есть! — сообразила Света.

— Надо спросить: может, братец уже появился дома. И вообще без Греты нельзя решать такие дела.

— И без Лыша, — сказал Толя.

Тут же позвонили со Светиноного мобильного Грете. Было слышно, как она ответила:

— Салют! Какие новости?

— Лыш не вернулся? — спросил в трубку Май.

— Вернулся. И учит меня ездить на своем брыкалистом стуле.

— А она верещит, — услышали мы голос Лыша.

— Вот что! Мчитесь оба к нам! — с непривычной решительностьюскомандовала Света. — Немедленно! Важное дело!

Они примчались верхом. Скорее всего, это был первый в истории опыт езды двух человек на одном скачущем стуле. И, наверное, эти всадники ошарашили немало прохожих. Но нам было не до таких пустяков. Мы наперебой рассказывали Грете и Лышу о последних событиях. И о нашем фантастическом плане. И все вместе:

— Лыш, позвони Вите, спроси координаты!

Грета сказала, что все мы (кроме Лыша) неграмотные олухи.

— У вас же оба компьютера с выходом в интернет! Включите, — велела она. — И пустите меня...

Минут пять она шелкала на клавиатуре, а мы с почтением смотре-

ли через ее плечо с черным погончиком на экран. Мелькали буквы, цифры, картинки. Грета мурлыкала на мотив «Уралочки». Наконец появилась надпись — почему-то латинскими буквами:

S DANNOGO MOMENTA SWEDENIYA O SPUTNIKAN SVYAZI, TV I DRUGIH TELEKOMMUNIKACIJ YAVLYAYUTSYA ZAKRYTYMI.

— «Йявляються закритими», — передразнила Грета корявую надпись. — Кретины... Лыш, войди в Информаторий, я не умею...

Лыш, прихрамывая, подошел к столу, Грета уступила место. Он сел и сразу уперся в стол локтями, обнял голову. Пробормотал:

— Еще одну блокировку поставили... Ну ладно... — Он посидел с минуту, покачивая охваченной ладонями головой и тихо бормоча. Мы почтительно молчали: не каждому дано пробиться в Информаторий, минуя всякие запреты, заслоны имперской контрольной службы и требования паролей...

Наконец вспыхнул посреди экрана знак Информатория — синий глобус в опояске орбиты, состоящей из маленьких букв «i». Звуковые колонки качнуло мягким музыкальным ударом. А затем вполне живой мужской голос произнес:

— Слушаю вас...

Лыш зашелкал над плечом пальцами: дайте микрофон. Май суетливо сунул ему в руку подключенный к компьютеру черный шарик.

— Добрый день, — чисто и отчетливо произнес Лыш (будто не замурзанный нескладный пацаненок, а опытный ведущий детской телепередачи). — Пожалуйста, информацию о спутниках, запущенных в последние трое суток. На экран, будьте добры.

— Пожалуйста, — в тон ему откликнулся голос. И на сером экране вспыхнуло несколько желтых и красных строчек. Всякие буквы, цифры, значки. Я понял, что ничего не разберу, хоть бейте меня обухом по башке. Кажется, и остальные не поняли ничегошеньки. Лыш деловито повел курсором по строчкам, но, видимо, и он малость растерялся.

— У вас затруднения? — осведомился Информаторий. — Постарайтесь сформулировать вопрос конкретнее.

— Вчера запустили... — быстро шепнула Света.

— Да! — закивал Лыш. — Запущен вчера. С территории Империи. Объявлен спутником-отражателем, но есть информация, что приспособлен для излучений неизвестного характера... — (Ай да Лыш! Сразу видно, не первый раз общается с Информаторием!) — И еще... сведения могут оказаться некорректными, но они важны...

— Говорите, — подбодрил голос.

— Есть информация, что в запуске принимали участие люди из распушенной организации «Желтый волос»...

Тонем, казалось бы, совершенно не свойственным громадной информационной системе, голос произнес:

— Вот оно что... Ясно. Вот он голубчик... — На экране появилось четкое изображение аппарата, похожего на летающую тарелку, ошестиненную антеннами и радарами. — Спутник типа «Ю-2, Универсал». Совмещение функций излучения и отражения сигналов любого уровня. Положение стабильное. Высота над уровнем океана по вертикали тридцать пять миллионов восемьсот шестьдесят шесть тысяч семьсот двадцать один метр.

Май тихо присвистнул.

— Координаты. На экран, пожалуйста, — напряженно попросил Лыш.

— Пожалуйста. — Под картинкой загорелись красные цифры и буквы.

— Благодарю вас, — произнес Лыш голосом самого воспитанного мальчика на планете. — Если не затруднит, сохраните на диске...

— Не затруднит, — надпись слегка мигнула, а голос продолжил: — Мы будем рады в дальнейшем помогать вам, молодой человек. Ваша способность к информационному контакту говорит о незаурядном даровании... — Видимо, Информаторий испытывал к Лышу явную симпатию.

— Спасибо. — Лыш откинулся к спинке стула, вытер ладонью взмокший лоб. Оглянулся на нас. — Спишите координаты на всякий случай.

Грета выхватила блокнотик...

Я же ничего не соображал в компьютерных делах. Толь-Поли, и те разбирались в сто раз больше меня. Поэтому я смотрел на происходящее со стороны, будто кинозритель. А остальные действовали и переговаривались, понимая друг друга с полуслова.

— Карту... — сказала Грета.

Я думал, побегут в большую комнату, где на верхних полках стеллажа лежали рулоны всяких географических и астрономических карт. Но Лыш понажимал кнопки, и на экране появилось черное пространство с белыми и желтыми точками звезд.

— Контурь... — сказал Май. И звезды соединились тонкими пунктирами, которые обрисовали фигуры созвездий. По крайней мере, я узнал Большую Медведицу.

— А у нас есть программа поиска? — неуверенно спросила Света. Лыш хмыкнул. Две белые линии — горизонтальная и вертикальная —

скрестились, и это скрещение поползло по космическим провалам среди звезд (а красная строчка с обозначением координат то разгоралась, то почти гасла внизу экрана). Потом она перестала мерцать, замерла, а на перекрестье линий загорелась желтая звездочка.

— Вот он... — сказала сквозь зубы Грета.

— А как мы по нему попадем? — спросила Света. — Мы и в кочку-то попали с трудом.

— Тем более, что тут вслепую... — озабоченно согласился Май.

Лыш, не отрываясь от клавиатуры, проговорил:

— Нужен микрометрический механизм, как у телескопа. И датчик. У нас таких нет.

— Что бы вы без меня делали? — слегка самодовольно (так мне показалось) произнесла Грета. И снова взяла трубку.

— Горошек!.. Горошечек, срочное и ужасно важное дело... Нет, не шары. Нужен твой телескоп. С прибором поиска. Помнишь, ты нам показывал? Ну вот... Я не могу сейчас рассказать, это не по телефону. Надо найти одно... небесное светило. Ты погрузи все хозяйство на багажник и вези к дому Светы Веткиной, мы тебя встретим... Спасибо! Ты самый лучший Горошек на планете!..

Я впервые слышал, чтобы Грета говорила с мальчишками таким просительным, даже подхалимским тоном. Она выключила телефон и обвела нас блестящими глазами.

— Вася Горошек — открыватель звезд, победитель всяких олимпиад. Ему родители подарили телескоп, которому завидует даже Матвей Семеныч, учитель астрономии. Вася приделал к этой трубе еще кучу всяких накруток... Пошли встречать, он близко живет!

Мы выскочили на улицу. Издалека шагал по тротуару небольшой очкастый мальчишка в следопытской форме. Я его немного знал — видел несколько раз в Гретиной компании. Горошек вел за руль велосипед, у того на багажнике был приторочен коричневый чемодан. Мы кинулись навстречу — помогать... Втащили чемодан в дом.

У Греты от ее ребят не было тайн. Значит, и у нас не было. Грета быстро и толково объяснила серьезному Васильку, что к чему. Он не удивлялся, молча кивал. Только один раз рассудительно заметил:

— Если узнают, нам влетит по первое число...

— Вася, ну кто поверит, что дети с помощью елочной свечки сблизят космический спутник? — ласково сказала Света.

— Да, Горошек! — добавила Грета.

— Логично, — согласился он, аккуратно поправляя очки. А Грета довольно замурыкала:

*В лесу нашли мы ёлочку
С искусственной хвоей...*

И не оставляла эту песенку все время, пока мы настраивали аппаратуру. (Хотя какое там «мы»! Я аккуратно торчал в сторонке, чтобы не мешать; Толь-Поли, кстати, тоже.)

Сперва я думал: придется все хозяйство (и компьютер!) тащить на чердак или крышу и уж тогда я пригожусь. Но оказалось — не надо. Наше окно смотрело на северо-запад, в ту часть неба, где висел невидимый нам спутник «Ю-2, Универсал» (будь он проклят!).

У окна встала толстая трубчатая стойка. На ней Горошек и Май закрепили метровую трубу, слегка похожую на ствол миномета, какие я видел в фильмах. Проверили всякие винты и рукоятки: видимо, это и был «микрометрический механизм», о котором говорил Лыш. Горошек прикрепил к трубе сбоку пластмассовый пенальчик и протянул от него к компьютеру провод. Лыш тут же защелкал кнопками клавиатуры. Недовольно сказал:

— Нет совмещения.

— Сейчас будет, — отозвался Горошек и покрутил медные головки.

— Ага, — бормотнул Лыш. — Давайте излучатель...

Май с чердака принес в коробке из-под ботинок лучемет. Открыл. Мне кажется, все посмотрели на это «орудие» с почтительной боязнью. А у меня вообще не переставая бегали по коже от шеи до пяток холодные колющие шарики. (А Грета все пела: «В лесу нашли мы ёлочку...»)

— Ребята, а спутник не свалится кому-нибудь на головы, когда мы его грохнем? — спросил рассудительный Толя.

— Не успеет, сгорит в атмосфере, — успокоил его Май (мне показалось, что не очень уверенно).

Горошек достал из чемодана хитрые струбины с винтами. Он и Май начали укреплять ими дощатую подставку лучемета поверх телескопной трубы. Возились, возились... Грета им помогала. И пела:

«Зачем меня вы дразните?

Хочу, хочу наверх!»

Дадим ему на праздник мы

Серебряный орех...

«Дадим ему на орехи!» — подумал я про «желтоволосатый» спутник, но не ощутил прилива храбрости. Не верилось, что все кончится хорошо. Хотя... в то же время и верилось...

— Включайте, — сказал серьезный Горошек. — Надо проверить совмещение осей.

Май зажег свечку перед рефлектором. Золотистый луч ушел из окна вдаль, над крышами.

— Надо для проверки пустить зайчика куда-нибудь подальше, — потребовал Горошек.

— Вон туда, на петуха, — предложила Света. Далеко над невысокими домами торчала старинная водонапорная башня с флюгером-петухом, еле различимым издалека.

— Расплавится, — опасливо сказал Май. — Он жестяной.

— Не расплавится, — успокоила Поля. — Луч сжигает только плохие вещи. А петушок хороший.

Поле поверили. Луч был сказочный, а в сказках Поля разбиралась лучше нас.

Долго не могли попасть «солнышком» в петуха, вертели винты. Наконец зажглась на флюгере искра. То есть из окна казалось, что искра, а в телескоп (мне дали посмотреть) видно было, как на ржавом боку жестяного растрепанного петуха горит ярко-желтый кружок. Я понял, что случилось долгожданное совмещение луча и оптической оси телескопа.

Теперь что? Теперь оставалось добиться «совмещения» луча и спутника. «Вот шарахнет!» — пробилась через мой страх злорадная мысль. Хотя, конечно, я не был уверен, что шарахнет. И остальные не были. Ведь луч от маленькой свечи и половинки елочного шара мог тысячу раз рассеяться в космическом пространстве, мог потерять силу, мог просто не найти спутник...

Горошек оглянулся на компьютер, пошевелил губами, еще раз считывая координаты. Бормотнул:

— Примерно вон туда... — Он знал то, чего не знал никто другой. Он плавно навел трубу в известный лишь ему участок неба. Она поднялась вверх.

Лыш прыгнул со стула:

— Подождите! Свечка наклонилась, будет капать на рефлектор!

— В тот раз не капала, когда ты вспарывал облака, — сказала Грета.

— Капала. Но я следил... — Он аккуратно поправил свечу в жестяном зажиме, поставил ее вертикально. Пошевелил, чтобы огонек сно-ва оказался в фокусе отражателя. Ладонью проверил, идет ли от него тепло. И снова сел к столу с клавиатурой.

— Готов...

— И я готов. Теперь не дышите... пожалуйста, — сказал Горошек.

Он и Лыш были сейчас главными, и мы послушно перестали дышать. Только Грета продолжала петь. Довольно громко и отчетливо: «В лесу нашли мы ёлочку...»

— Есть? — спросил Горошек у Лыша.

— Нету...

Горошек шевельнул трубой.

— Есть?

— Нет... Ой, есть! Только мечется!

По экрану запрыгал крохотный желтый зайчик. Горошек оглянулся.

— Поверни экран, чтобы я видел. И замрите все... пожалуйста...

Лыш развернул монитор к Васильку, и тот, глядя через плечо, опять начал вертеть микрометрические винты. Зайчик вздрагивал, но перестал метаться (наверно, потому, что мы замерли, будто каменные; только Грета продолжала петь, но еле слышно). Дрожащий зайчик начал подбираться к скрещению белых линий с координатами спутника. Ближе, ближе... прыгнул в сторону, вернулся... Было ужасно тихо, но я все же слышал (или ощущал?) песню Греты: «В лесу нашли мы ёлочку...»

Желтый зайчик посидел на месте, потом сделал двухсантиметровый скачок и оказался точно в перекрестье. Я сжался в отчаянном предчувствии. Показалось, что сейчас монитор зальется белым пламенем взрыва. Но... он просто погас.

Мы не успели ни огорчиться, ни испугаться, ни подумать что-то. На экране появился голубой глобус в орбите из маленьких букв «i» Тут же из колонок ударил тугой музыкальный вызов. И это была та самая мелодия «Уралочки»-«Ёлочки»! Она мягко угасла, а знакомый голос Информатория произнес:

— Вниманию станций, студий и всех средств связи. По требованию автора пароля номер три семь два четыре шесть каталог эф эф зэт ноль ноль ноль ноль Информаторий открывает данные, касающиеся всего населения планеты. Всем носителям памяти записать архивированный вариант. Далее — тексты сообщений. Сообщение один... Четырнадцать лет назад на территории государства, ныне именуемого Империей, была создана организация «Желтый волос», инициаторы которой во имя своих корпоративных планов поставили цель путем использования известных только им технологий добиться сокращения населения Империи, что, по их мнению, способствовало бы стабилизации экономического и политического положения страны... Сообщение два. Перечень документов, свидетельствующих о действиях и планах «Желтого волоса», которые были собраны автором пароля, журналистом Климчуком Юрием Львовичем, регулярно дополнялись до последнего момента в связи с заданной автором программой накопления «Инфоавтоматика-Аллес»... Документ первый, «Благотворительные обеды...»

— Грин, не плачь... — шепнул оказавшийся рядом Лыш.

Так рухнули все планы «Желтого волоса», рухнул он сам.

Глава 5

Рухнул и спутник. Но не долетел до Земли, сгорел. Однако перед этим он сделал очень доброе дело — вместо тех злых дел, которые должен был совершить. Он отразил на Землю наш луч! Луч с паролем моего отца!

Паролем была песенка про ёлочку. С папиными словами и с мелодией старой песни про Уралочку. Песенка, которую пела Грета, когда луч уходил в космос. Луч подхватил слова и мотив, унес к отражателю спутника, вернул к Земле, и тогда отозвался Информаторий...

Но всё это узнали и во всем разобрались мы, конечно, позже, когда с Витей обсуждали, перетряхивали в уме и в разговорах детали и каждую мелочь случившегося.

А первые полчаса мы просто обалдело смотрели на экран — тот выплескивал на всю планету информацию о бедах, которые готовили людям «желтые волосатики».

Экстренные сообщения рвались в эфир, заставляя вздрагивать радио- и телеприемники всей Земли. Мы поняли это, когда включили в большой комнате телевизор. Оказалось, что Информаторий ввел в действие принудительный прием всех студий и сетей, и некуда было деваться от лавины сведений.

— Господи, жуть-то какая... — охала тетя Маруся.

Любаша была сердита: при чем тут какой-то дурацкий «Желтый волос» и вся политика, когда ей нужно готовить контрольную, а компьютерная сеть заблокирована! Это наверняка происки ново-заторских провайдеров!

— Кажется, на сей раз Регенту кранты. Он был тесно связан с этой лавочкой, — сказал пришедший на обед дядя Толя.

Хорошо, что они не знали, кто устроил такую заваруху.

Но некоторые люди знали. Следом за дядей Толей пришел Витя. Он поманил нас из большой комнаты в нашу, маленькую, и сказал как завуч, поймавший первоклассников за игрой в орлянку:

— Ну? Будем признаваться сразу или поотпираемся для порядка?

Отпираться не имело смысла: ведь телескоп с лучеметом еще не были убраны и смотрели в ту часть неба, где недавно торчал на космической высоте «Ю-2, Универсал».

— Имейте в виду, чистосердечное признание смягчает кару, —

предупредил Витя. — Если изложите все детали, нахлобучка будет не столь суровой.

— А чё мы такого сделали? — дерзко сказал Лыш.

— Да, — поддержала его Грета. — Мы сделали то, что не смогли всякие муниципальные стражи... и не только стражи. Пока они чесались и настраивали свои фильтры и защиты, мы просто сбили паршивую жестянку почти что из рогатки.

— Рогатки... Просил же я вас не экспериментировать с лучешем до поры до времени. Впрочем, учитывая текущую ситуацию в информационных сетях, можно сказать, что все сложилось очень удачно.

Монитор все выбрасывал и выбрасывал информацию. А в большой комнате уже что-то кричал из телевизора ведущий главного имперского канала. Потом кричали другие — дядя Толя переключал каналы.

А мы перебирали всякие варианты, обсуждали «технические стороны», и вот тогда-то Витя догадался, что паролем была именно песенка.

Он сказал очень серьезно:

— Твоему папе, Грин, следует поставить памятник. И тебе.

— И Грете, — вмешался Май. — Это ведь она пустила песенку в космос.

— Причем в нужной тональности, — добавила Света.

— Да ну вас, — сказала Грета и совсем не по-командирски засопела. — Если уж кому ставить, то Васильку и Лышу. За их технику. И Грину, за то, что запомнил письмо...

— Ладно, всем поставим, — решил Витя. — А лучше не надо. Чтобы не разглашать технологию. А то ею может воспользоваться кто-нибудь еще. И не со столь благородными целями.

— У кого-нибудь еще не получится, — очень серьезно сказала Поля. — У них нет сказочных шаров.

— Умница! — восхитился Витя. — Но все-таки надо помнить: молчание — золото.

...Ну, мы еще много чего обсуждали тогда. И днем, и вечером. И ночью мы с Маем говорили про то же самое.

— Теперь ты точно сможешь написать про отца книгу, — вдруг сказал Май.

Я не знал, смогу ли. Ведь я его почти не помнил. И все же теперь казалось, что вспоминаю больше и больше... Только вот песню о ёлочке я боялся повторять даже мысленно: сразу начинало щекотать в горле. Но самым главным во мне тогда было чувство победы. Проч-

ное такое, спокойно-гордое. Я знал: мой отец выполнил то, что хотел, а я с друзьями помог ему.

Спасибо добрым елочным сказкам...

На следующий день весь эфир, как и накануне, бурлил скандалами, сенсациями и разоблачениями. Где-то арестовывали тайных агентов «Желтого волоса» (и скоро выяснялось, что многие из них никакие не агенты). Партии и организации, которые назывались «оппозиция», обвиняли в связи с «желтоволосатиками» свои правительства и грозили разноцветно-фруктовыми революциями: лимонными, банановыми, вишневыми, яблочными и даже огуречными (хотя, как известно, огурец не совсем фрукт).

Выступал Регент. Говорил, что он возмущен, полон самых решительных намерений расследовать коварные планы, обвинял иностранных империалистов и внутренних врагов. Выступали противники Регента и заявляли, что он сам виноват и что у него «физиономия в желтом пуху». Опять выступал Регент и говорил о происках «так называемых республиканцев», объявлял, что спасение страны в том, чтобы все люди проявили солидарность и на всеобщем референдуме поскорее выбрали нового императора. А за всеми его словами так и прыгала одна-единственная фраза: «Я ни при чем, я ни при чем...»

Тетя Маруся сказала:

— Евгений спит, Любаша учится, отец на работе, я пошла на рынок. Оставшийся народ пусть выделит добровольцев, которые вымоют кастрюли и тарелки. Хватит заниматься политикой.

Мы бросили жребий на пальцах: кому мыть? Выпало Свете и Маю. Май сказал, что Света могла бы справиться одна, там работы — разчихнуть. А он позавчера в одиночку чистил большущий медный таз для варенья.

Света сказала, что, если Май будет спорить и плохо себя вести, мы выберем его на всеобщем референдуме обратно в императоры. Май сказал, что тогда он велит всех нас принудительно назначить пожизненными судомойками. Кроме Евгения, потому что он неисправимый лодырь... Так мы слегка позубоскалили, а потом Света вдруг посмотрела внимательней:

— Май, ты чего?

— А чего? — сказал он.

— Ты... как-то загрустил.

— Нисколько.

— Я же вижу. Обиделся на «императора»? Ну прости, я больше никогда...

— Да при чем тут это, — скомканно проговорил и правда погрузневший Май. — Я просто подумал...

— Про что? — шепотом спросили вместе Толь-Поли.

Май обвел нас глазами. Улыбнулся слабо и виновато. Мотнул головой, откидывая отросшие волосы.

— Да так... все про то же... Вот сейчас целые миллиарды людей сидят у телевизоров и ждут: наверно, что-то изменится, наверно, будет лучше. А ведь ничего не изменится, кого ни выбирай, кого ни назначай. Все так и будет, пока... — И он замолчал.

— Что «пока»? — спросил я, чтобы Май не молчал. Тревожно мне было от его молчания.

— Ну, пока все люди на Земле не станут относиться друг к другу... как люди... — выговорил он, будто делая усилие. Наверное, он хотел сказать «будут любить друг друга», но постеснялся.

— И для этого нужен Шар, — не то спросила, не то просто сказала Света.

Май шевельнул плечом и почти неслышно выговорил:

— Мне кажется, да.

Видимо, все мы разом представили висящий над землей хрустальный шар необъятных размеров. Храм-планету, в который человеческие души входят, как лучи, и делаются светлыми, очищаются от всякой хмари и мути.

Но как сделать такую громаду?.. Ну ладно, допустим, это получится. Но разве можно найти силу, которая держала бы эту великую тяжесть над поверхностью Земли, в невесомости?

«Сколько всего случилось за сутки», — подумал я.

Да, случилось столько, что отодвинуло мои прежние сомнения и страхи. Я даже перестал думать про ампулу. А сейчас вдруг вспомнил, но подумал беспечно: «А, ерунда! Еще несколько дней в запасе. Надо только напомнить Вите, чтобы принес завтра-послезавтра, не забудь». Мне теперь казалось, что все кончится легко и просто. Подумаешь! Ткну шприцем в плечо — и прощай прежние заботы. Главное, не прозевать момент, когда появится тот самый прыщик. Мерцалов говорил, что сперва должно зачесаться...

Будто в ответ на свои мысли, я ощутил на плече легкий зуд. Усмехнулся: вот как нервы откликаются на всякие страхи. Оттянул ворот футболки. Что это?.. Точно в том месте, куда однажды ткнул пальцем Мерцалов, светился алый бугорок.словно ягода-брусника...

Сразу, без всяких «а может, не то, а может, случайность, совпадение», понял я, ощутил всеми нервами, что это *оно*.

— Света... Май... вот... раньше срока... — И откинулся, уперся в кровать локтями. Замутило...

Не помню, кто звонил Вите. Но примчался он моментально. То есть минут через пять. Вместе с девушкой, которая уже в дверях начала натягивать белый халат. Славная такая девушка, темноволосая, темноглазая, похожая на Грету.

Я к этому моменту уже пришел в себя. А чего было раскисать? Ну, «начался процесс» чуть раньше срока, что страшного? Сейчас, через минуту, все будет в норме. Вот медсестра уже отломила кончик ампулы, втянула в баллон шприца прозрачную жидкость. Теперь шприц в одной руке, а в другой набухшая пахучим спиртом ватка.

— Сиди, сиди...

Но я встал. Ватка холодком прошла по коже выше локтя.

— Не напрягай руку. Не бойся, это не больно...

— Дайте, я сам! Я умею... Ну, пожалуйста...

Мне казалось, что сделать это я должен именно сам. Тогда уж точно все будет хорошо. И наверное, был в моем голосе такой отчаянный звон, что медсестра на миг растерялась, шприц оказался у меня. Игла с капелькой лекарства — вверх, большой палец — на поршне. Я посмотрел на блестящую от спирта кожу над локтем. Ну вот...

За дверью что-то стукнуло, упало. И долетел плачущий Полин голос:

— Ребята, скорее! Лыш без памяти!

Нас всех как волной вынесло из комнаты, мы оказались на кухне.

Лыш, непривычно длинный, с побелевшим лицом, лежал наискосок половиц, глаза были полузакрыты, ноги неловко согнуты, руки раскинуты. Расстегнутая безрукавка оказалась распахнута, будто крылья бабочки, лямка белой майки съехала с плеча. Под ключицей (там же, где и у меня!) расплозлось красное, похожее на раздавленного паука пятно. Куда там моему прыщу! Сразу было видно — у Лыша нет лишних минут. Он хрипло дышал сквозь зубы...

Где он подхватил эту заразу? За что его так ударила судьба?.. Как теперь быть? Нас двое, а доза одна. Как выбрать? Кому жить на свете?.. Конечно, ему! Это ведь он должен помочь Маю построить Хрустальный Храм, а я-то что?.. Но ведь лекарство — мое! По всем законам судьбы — оно мое! С самого начала ампула была моя! И жить так хочется. Особенно сейчас, когда столько радостей, когда есть свой дом и друзья!.. А ему не хочется?.. Но я же не виноват, что и с ним случилось такое же!.. Не все ли равно теперь, кто виноват!..

Такие мысли колотились во мне... Но колотились уже потом, когда я уходил, прощался с Инском. А сейчас мыслей не было, никаких. Лыш был мой брат.

Я все еще держал шприц иглой вверх. Я быстро сел, левой рукой уперся в пол, а правой воткнул иглу Лышу пониже плеча и мягко надавил поршень...

Глава 6

Кто-то выхватил у меня шприц, но я не помню кто. Что-то говорили, но я тоже не помню. Зато я увидел, как раздавленный красный паук стал вбирать лапы, уменьшаться на глазах. Съежился, превратился в коричневую коросточку — безобидную, я это понял сразу. И дышать Лыш стал ровно. Зашевелились веки...

И мне стало легко-легко. Я знал, что очень скоро со мной начнется то же, что с Лышем, и, наверное, скрутят меня боль, тошнота, потом придет беспамятство. Но все равно сейчас было легко. Потому что я сделал то, что сделал, и не надо было ничего выбирать.

Меня рванули за плечо:

— Бежим! — Это был Грета.

— Куда? — сказал я с расслабленной улыбкой.

— Бежим! Дурак!..

Ох, и сильная девчонка! Двумя рывками выволокла меня из кухни, из дома, на крыльцо. Там танцевал на тонких ножках стул.

— Садись! — приказала Грета.

— Зачем?

— Затем, что иначе умрешь! — кажется, она заплакала.

Я ничего не понимал. Подумал: «Так и так умру» (кстати, почти без страха подумал). Сказал:

— Он не поднимет двоих...

— Поднимет! Да садись же!.. Смотри, у тебя уже начинается, как у него! — Она дернула на мне ворот, я глянул на плечо. Там на месте ягоды выросал красный паук.

Тут я сильно испугался. И быстро сел на стул задом наперед, грудью к спинке (будто это могло меня спасти!). Грета оказалась сзади — я почувствовал, как металлические пуговицы ее форменной рубашки впились мне в спину. Горячий шепот Греты шевельнул мне волосы на затылке:

— Вперед...

Мы рванулись со ступеней, и первые несколько секунд я думал об одном: не полететь бы кубарем с деревянного конька.

— Куда мы? — громко спросил я.

— На Круг! Там начинается Дорога. На Дороге не умирают...

«Это хорошо, что не умирают. А что там делают?»

Мы помчались по Второй Раздельной, мелькнул знакомый дом с редакцией «Почтовой ромашки». Потом — стена Крепости. Стул

взметнул нас выше стены и снова канул вниз. Теперь мы летели над Пустошью — над проблесками воды, над осокой и тростником. Опять захлестало по ногам.

Сколько летели — не знаю. Наконец скорость уменьшилась. Деревянные ножки стула застучали по твердому. Он остановился. Грета прыгнула, потянула меня:

— Слезай...

Я неуверенно встал на ноги и оглянулся. Мы стояли на круглой площадке среди зарослей ольховника. Через площадку тянулись ржавые рельсы на кривых истлевших шпалах. «Вот он Круг», — понял я.

— Он скоро повернется... — шепотом сказала Грета. — И тогда ты иди... — Она смотрела в сторону, и щеки ее были мокрые.

— Куда? — тоже шепотом спросил я.

— Сперва по рельсам. Потом как получится... По Колее...

— Зачем?

— Чтобы не умереть... дурень. — Она всхлипнула и посмотрела мне в глаза.

— По какой колее? — пробормотал я, моргая.

— Ты почувствуешь... Колея — это часть Дороги. Она спасет...

— И долго идти? — спросил я, холодея. Потому что вплотную подступило Расставание.

— Не знаю... Наверно, долго.

— А можно будет вернуться?

— Не знаю... Говорят, что если человек очень хочет — то можно... Колея выведет сама. А ты не пытайся повернуть назад. По Дороге не ходят обратно, такой закон.

— А если я все-таки пойду назад?

Она снова глянула мне в лицо мокрыми глазами.

— Тогда... наверно, свалишься, как Лыш.

Да, Лыш... И моя тревога перекинулась от меня на него:

— А почему с ним случилось... такое? Ведь ему-то не делали прививку! Может, он заразился от меня?

— Не говори чушь, — слабо отмахнулась Грета. — Лыш сам виноват. Из-за своих опытов... Он захотел однажды сунуться назад по Времени, за твоей ампулой, ты же знаешь. Наверно, там он и схватил заразу. Обратное время опасно. В твоём этом препарате тоже ведь были частицы с обратным вращением, вот и получилось, что вы одинаково... Его ты спас, а сам... — И она заплакала уже в открытую.

— Да ладно... — пробормотал я. — Может, обойдется...

Я знал, что не обойдется. Что сейчас я уйду в какой-то другой мир. Если даже и не погибну, то все равно никогда не вернусь в город Инск. Больше не увижу тех, кого люблю. Тех, без кого я не могу (ну не могу-у-у же никак!). Но я скрутил в себе этот крик, эти слезы. Потому что было бесполезно.

Грета смотрела вниз, на доски. Я тоже. Доски вдруг шевельнулись — и будто качнулось все пространство. Я взмахнул руками, выпрямился. Круг поворачивался, ветки ольховника медленно плыли мимо нас. Между ними появился просвет, в нем лежала такая же рельсовая колея, как на Круге. Рельсы соединились, и Круг замер.

— Вот туда и шагай... — Грета слабо махнула вдоль рельсового пути.

— Уже... сейчас?

— Скорее. Через минуту рельсы разойдутся, и потом надо будет ждать сутки. Ты не протянешь...

— Ладно... — глупо сказал я.

— Грин... поцелуй меня, — тихо попросила Грета.

Я понял — так надо. Сделал короткий выдох, обнял ее за колючие плечи, ткнулся губами в мягкие мокрые губы и сразу шагнул назад. Грета улыбалась.

— Ну, иди... Грин, скорее!

Я сделал шаг с Круга на «ту сторону», на гнилую шпалу. Шпала была такая же, как на Круге, но уже в ином мире. Шагнул и сразу оглянулся.

Грета все так же улыбалась, но будто из какого-то сна или из прошлого. И я всеми нервами потянулся к ней. Ведь надо было столько спросить! Вот пойду я, а что дальше? Встречу ли кого-нибудь? Что буду есть и пить по дороге? Поворачивать нельзя, но можно ли ступить в сторону с Колеи? А можно ли послать откуда-нибудь письмо или позвонить?.. Глупые вопросы. И, конечно, Грета все равно не смогла бы ответить. К тому же я понимал: из другого мира не шлют вестей...

Круг дернулся, Грета качнулась и как-то сердито замахала мне руками. Словно требовала: не смотри! Но я, не моргая, смотрел, как уплывает в заросли ольховника длинноногая девочка в желтой рубашке с погончиками и черной пилотке... Скрылась...

А если встанет в горе вдруг

Непрошенный комок...

Я проглотил такой вот комок, вытер глаза. Толчком повернулся и зашагал по рыхлым шпалам вдоль тянувшихся через ольховник рельсов...

С Е Р Г Е Й С Л Ю С А Р Е Н К О

В НАШУ ГАВАНЬ

Иллюстрация Андрея БАДИНА

ЗАХОДИЛИ КОРАБЛИ

Пограничный катер «Внятный» находился на боевом дежурстве. Так как солярка кончилась еще несколько лет назад, то нес вахту «Внятный» на якорной стоянке в двух милях от берега. Команда, отстояв своё, спокойно возвращалась домой на веселой шлюпке. Эта же шлюпка привозила смену. Вахты давно проходили тихо и без чрезвычайных происшествий. Контрабандисты не беспокоили, обходя пограничников стороной, а шпионы перевелись за ненадобностью, так как военные тайны Крыма опубликовали в прессе. Вот и нынешняя смена для капитана Мухина и его команды подходила к концу штатно и скучновато.

Было их трое: капитан, старпом и кок. Больше для ничегонеделания не требовалось. Перед сменой капитан с коком готовили традиционный обед для новой команды. Благо, днем удалась рыбалка. Как всегда, на камбузе шел разговор о политике.

— Вот ты, Митрич, скажи, — кок, рядовой Стовбода, не очень соблюдал субординацию, впрочем, как и все остальные, — ну, сколько может такое быть? Ведь все покрали, на людей наплевать, землю нашу на части рвут. Жизни нет, а чинуши новые «мерседесы» покупают. Когда же все кончится?

— Да вот так и кончится, — капитан был не очень оптимистичен. — Крындец всем настанет...

Резкий сигнал зуммера выбросил старпома из кресла, в котором он мирно дремал на капитанском мостике. Старпом Васильев с трудом сообразил, что звук шел от локатора, на котором он сушил свою майку. Локатор орал о том, что в зоне контроля появился кто-то неожиданный. Сдернув майку с экрана, старпом не увидел ничего странного на зеленоватом поле монитора. Истеричный сигнал тоже пропал.

«Да, надо прекратить сушить так белье, — подумал Васильев. — Так можно всю технику загубить».

Мичман помнил, что в случае тревожного сигнала надо что-то делать. Но все инструкции были переписаны государственным языком. Никто этого языка не знал. Вот и лежали все уставы боевой службы заброшенные в капитанском сейфе.

Старпому, мичману предпенсионного возраста, естественней было поверить в короткое замыкание от мокрого исподнего, чем в появление какого-нибудь нарушителя. Посему в бортовой журнал он ничего не записал, но майку досушил на вентиляционной решетке. Когда над морем и привязанным сторожевиком стали опускаться ранние крымские сумерки, раздался скрип весел в уключинах — шла смена. Мухин в двух словах сообщил прибывшим, что происшествий не случилось, а

уха, наоборот, удалась. Приходилось спешить — после трехдневного сидения на корабле хотелось домой, да и со стороны Судака стал напоздать туман, явление редкое в это время года. На весла сели мичман с коком, не капитану же грести. Если для кока это было простым физическим упражнением, то старпом страдал. В свои сорок Васильев был толстоват и ленив. Стовбода, зная физические кондиции мичмана, нарочно подстраивался под него, чтобы не перегружать. Несмотря на звание, Васильев был человеком порядочным и любимым сослуживцами за веселость духа. Капитан, устроившись на кормовой банке напротив команды, хмуро смотрел в туман, уже скрывший недалёкий берег. Внезапно старпом словно поперхнулся воздухом, неловко скользнув веслом по поверхности воды, бросил его и, открыв рот, стал тыкать рукой за спину капитана. Тот обернулся и увидел, как со стороны открытого моря из тумана тревожно просвечивает черная громада. Из пелены тумана, рассеянного вечерним солнцем, выдвигался парусник. Он был гигантский, и от его черных бортов, как из погребца, тянуло тысячелетним холодом. В абсолютной тишине он рассекал воду, и также безмолвно впереди него неслась стая дельфинов. Было в этом движении что-то неестественно страшное — и бешеные прыжки дельфинов, и бурун на носу, и раздутые паруса, черные и зловещие. Но при этом расстояние между шлюпкой и парусником не сокращалось. Еще мгновение — и туман, наплывая слева, скрыл парусник и его стражу.

— Боже праведный, — кок вернул к реальности всю команду, — это что за ерунда?

— Молчи, — почти не разжимая челюстей, произнес капитан, — это ОН.

Стовбода и Васильев налегли на весла, как олимпийцы. И пока шлюпка с разгону не врезалась в гальку бухты, никто не произнес ни слова.

Пограничная застава, затерявшаяся среди трех улочек приморского поселка, располагалась в здании бывшей школы. Все пограничники были местными жителями, что упрощало обеспечение службы. А забот у местных было немного. В сезон — принимать сотни отдыхающих, в межсезонье — скука и безделье. Но никакие коллизии не меняли жизнь городка, его облика и его убогих домиков-временок. Для военных же разнообразие наступало только тогда, когда пограничный главком приезжал отдыхать на специально построенный объект — железный дом на скале недалеко от берега. Но сейчас, в начале мая, царила тишина. Сезон не наступил. Поэтому на пляже, куда причалила шлюпка, было совершенно пусто. Посидев немного в полном молчании, моряки разбрелись по домам.

С утра весь поселок обсуждал увиденное пограничниками. Как обычно, слухи летели впереди событий. Их невероятность усугублялась тем, что бухту до сих пор скрывал плотный, казалось, даже твердый туман. Он резко обрывался к берегу, как будто нарочно пряча море от любопытных глаз. В скверике у почты на бордюрах чахлого южного газона сидели тетки и живо обсуждали новости.

— К беде это! — сухошавая Галя, троюродная сестра Стовбоды, была пессимистична. — Сколько тут живу, не припомню такого.

— А чего же «к беде»? — Нюра в давние времена была заместителем парторга и по привычке пыталась вселить в народ оптимизм. — Что такого страшного? Ну, пригрезилось мужикам в тумане невесть что...

— Не грезилось такое раньше никому и никогда, — веско возразила Галя. — А все, что случается у нас в стране — к беде!

— А шо было, шо было? — Толстая Серафима, только подошедшая на традиционное место сбора сплетниц, еще была не в курсе.

— А то! — зло и веско сообщила Галя. — Морок в бухте. Скоро всему миру конец придет! Вот как туман уйдет, так он и придет! Спички покупать надо! И соль!

Сима не стала уточнять, почему именно спички и почему именно конец света, и быстро потрусила к магазинчику. Наверное, за солью. А тетки продолжали судачить. О призраке, о том, что все хуже и хуже, о том, что новые власти украли уже последнее. Они даже не заметили, как у скверика остановился лимузин сельского головы. Несмотря на то, что по узким улочкам пятнадцатиметровый свадебный лимузин мог ездить только вперед и назад, не имея возможности развернуться, председатель расставаться с ним не хотел. Купил он его за трехгодичный бюджет поселка и доставил на специальной платформе из города.

— О чем базарим, дамы? — председатель подошел к теткам. Был он по последнему велению политической моды в оранжевых штанах из кримплена и вышиванке. — Опять начальству косточки перемываем?

— Ой, Аскерович, и не говори! — Нюра по привычке поспешила отчитаться перед начальством. — Глупость одна! Грезится всякое народу, а это подрывает настрой у населения...

Председателя звали Арутюн Оскарович Акикян. Но величали его почему-то не иначе как Аскерович.

— Что грезится? Водка дешевеет? — председатель громко заржал над своей шуткой.

— Дождешься от вас! Только цены повышать можете, — Галя была не только сплетница, но и отчаянный борец за справедливость. Потому и дружила с Нюрой. — Призрак в бухте видели!

— Призрак бродит по Европе... — пробормотал начальник. Он не

помнил, откуда цитата. В школе он учился плохо. Однако политический рефлекс сработал. — Дуры вы, бабы!

Не считая достойным далее общаться с подданными, Арутюн Оскарович отправился к своему лимузину. Когда он уже уместился в салоне машины, раздался звонок сотового телефона.

Если бы тетки в скверике могли видеть сквозь тонированные стекла, то заметили бы, как председатель попытался встать по стройке «смирно» внутри машины.

— Слушаю, тов... гос... панша министр... премьер-министр! Так точно!

Поговорив с высоким начальством и хлебнув шампанского (обычного для этой местности напитка), Аскерович ринулся назад к теткам.

— Так! Прекратить сплетни! — Акиян был напуган до чрезвычайной ответственности. — Слухи не распускать! Работать!

— А рабочие места где? — в спор вступила коммунистка Нюра. — Сами безработицу устроили.

— Не будем дискутировать! Малч-а-а-а-ть! — председатель сорвался на крик. — Не было никакого призрака! Нам из-за границы спецгруз везут для развития местности, а вы тут народ мутите!

Акиян, поорав, скрылся в своем лимузине, и тот задом покати́л к бывшему сельсовету, у входа в который красовалась табличка с надписью: «Городская голова». Жители по этому поводу веселились и для смеха давали каждому официальному зданию в поселке названия дру́гих частей тела.

— Сволочь наш председатель! — веско резюмировала Галина. — Как прислали этого вора, так и пошло наперекосяк. Вон, все пансионаты закрыл, работать негде. На завод чужих возят, всю землю продал бандитам. А нам продавать нельзя по закону. Эх, быть беде!

Нюра согласно кивала головой.

Вечером, после мелких дневных забот, жители поселка собрались на небольшой площади у бывшего графского дома. В центре внимания была Нюра. Сегодня она разошлась не на шутку.

— Не верю я этой загранице! С чего это они нам помогать задумали?! — размахивая рукой, словно на броневике, вещала Нюра. — Знаем мы их помощь! Построят тут свой санаторий, назовут базой НАТО, а нам фигу покажут! Не нужно нам чужое!

Народ смотрел на нее без особого энтузиазма. В заграницу никто уже не верил. И Нюре тоже уже никто не верил. Еще со старых партийных времен. Проходящий мимо Петя Танцюра, местный дурачок, гундосо проорал:

— Милиция с народом! — Он, как и все слабые умом люди, был склонен к цитированию слоганов. Петя туманным взглядом обвел на-

род на площади и, уразумев, что ни на него, ни на его крики никто не обращает внимания, почесался и неубедительно добавил: — Так!

Стоявший рядом с ним мужик хотел по привычке послать Петю дальше, но застыл на месте и очень громко ойкнул. Только что плотный туман закрывал все непроницаемой пеленой, от кромки берега до, наверное, самой Турции. Сейчас от пелены не осталось и следа, а в самом центре бухты застыл зловещего вида бриг. Его черные, обвисшие в полном штиле паруса были под стать черному цвету бортов. Даже с берега было видно, что борта лоснились в вечернем солнце, словно бока большого жука. На палубе было пусто. Казалось, корабль мертв. И ужас, который волнами шел от этого странного гостя, был материален и холоден.

— Ни фиги себе! Это же он!!! — над замолчавшей толпой раздался голос Мухина. — Это он, сволочь!

— Попрошу без намеков! — в разговор вмешался участковый Мутятко. Был он человек скрытный и подлый. И преданный любым властям. Он не был коренным жителем поселка, а прибыл сюда сразу после назначения нового начальства. Со служебным видом Мутятко обошел столпившихся жителей поселка, словно хотел стать между ними и мрачным кораблем. Однако малый рост, толстый живот и расстегнутая до ширинки униформенная рубаша не придавали торжественности и официальности его виду. На помощь участковому пришел лимузин Аскеровича. Как большой длинный забор, он перегородил площадь, отделив толпу от вида на море. С противоположной от народа стороны открылась дверца, и миру явилась голова председателя.

— Кто дал разрешение на несанкционированный митинг? — грозно прорычал Акикян. — И почему митинг проходит на негосударственном языке? — Председатель поселкового совета был страшен в гневе. Казалось, даже завязки на его вышиванке стояли дыбом от возмущения.

— Немедленно по домам, прошу обеспечить порядок, — голосом, не допускающим возражений, призвал милиционер, пытаясь показать, что он тут тоже не хухры-мухры.

Аскерович посмотрел на стража недоуменно строго, и у того пропал дар речи. Председатель не терпел во власти никого, кроме себя.

— Вот именно. Такими митингами вы позорите не только наш прекрасный поселок, но и всю страну! — вернул себе инициативу председатель. — Мне сообщили из центра, что этот пассажирский корабль доставил нам гуманитарскую помощь для развития структуры региона.

При этом начальник ткнул пальцем в небо, показывая, видимо, что именно оттуда сообщили.

— Врешь ты все, — прозвучали веские слова. И так получилось, что слова эти повисли в полной тишине.

— Кто сказал? — прокричал участковый, обращаясь к народу.

— Я сказал, — произнес капитан Мухин. — Никакой он не пассажирский. Это Голландец Летучий. И везет он только смерть.

— Какой голландец, слушай, обидно, да, — Акиян от расстройства заговорил с акцентом. — У меня вот документы есть. Капитан — приличный человек...

— Капитана зовут Ван дер Деккенем. Я моряк и знаю, чего надо бояться в море.

Несколько секунд капитан и председатель молча смотрели друг на друга, словно на дуэли. Потом Акиян, не выдержав, ретировался в брюхо своего транспортного средства. Слишком быстро для заднего хода лимузин откатился в сторону поселкового совета. Милиционер, воспользовавшись отсутствием начальства, снова решил покомандовать.

— Всем разойтись, не мешать процессу мелиорации курортной зоны, — проорал участковый. Он даже сделал движение, как будто достает то ли пистолет, то ли дубинку. Ни того, ни другого у него не было.

Никто и не подумал расходиться, Нюра заорала не к месту: «Нет НАТО!». А над площадью разнесся недовольный ропот: «Хватит из нас быдло делать! Сколько можно измываться! Это наша страна, нам и решать! В рыло ему!». Это последнее замечание сломало тощий хребет смелости участкового, и он, тихо матерясь, скрылся в неизвестном направлении. Жители потихоньку уgomонились и окружили капитана. Он им поведал древнюю историю про Летучего Голландца, про страшный корабль мертвецов, несущий смерть каждому, кто его встретит. Сомнений у Мухина относительно нынешнего гостя не было. Он призвал всех быть бдительными и ни в коем случае не принимать ничего от команды корабля-призрака, потому что это самое плохое, что может случиться. Решили для надежности поставить пост на пляже, разместив его в будке спасателей на водах. Нюра призывала водрузить на нем красный флаг, но эту идею отвергли сразу же и повесили Андреевский: мол, знай наших! Дежурить вызвалась та же Нюра, сославшись на боевой опыт. Где она воевала, никто интересоваться не стал. Договорились о смене каждые четыре часа. «Как в армии», — сказал Стовбода непонятно почему.

Утро встретило поселок полным штилем, ласковым солнцем и черным кораблем посреди бухты. На набережной безвольно висели невесты откуда взявшиеся флаги партии «Борьбы с экологией», «Консервативной капиталистической партии» и партии «Цитрус». Полотнища, выкрашенные в цвета этих и еще непонятно каких партий, зывали: «Нет иноземным захватчикам!», «За родину от моря и до моря в грани-

цах Европы», «Да здравствует вечная дружба со странами БЕНИЛЮКС!», «Коммунизм не пройдет», «Крым — зона без мертвецов».

На спасательной вышке мирно спала Нюра, никто к ней на смену, видно, не пришел. Увидевший это мичман Васильев просто закипел от гнева. Нюру он спугнул, шарахнув по основанию вышки куском арматуры. Грохот раздался достаточный, чтобы Нюра, несмотря на возраст и длительное соблюдение неспортивного режима, спорхнула на пляж. Васильев высказал все, что думает о ней, её политическом и сексуальном прошлом и всех сухопутных вообще, и пошел разбираться, откуда взялись эти флаги и лозунги. Всю атрибутику охранял незнакомый молодой человек в темных очках и нашивкой «seguridad» на борту камуфляжной жилетки. С Васильевым тот разговаривать не стал и грубо послал на государственном языке. К сожалению, охранник не был ранее знаком с мичманом, списанным в поселок дослуживать из севастопольского десантного полка. С разбитым носом и без зуба охранник убежал в направлении поселкового совета. А мичман решительно удалился поднимать народ.

Через полчаса на берегу собрались почти все сельчане. Они стояли молчаливой цепью на берегу. Парусник не проявлял никаких признаков жизни на борту, местные власти тоже. Однако вскоре к людям явился поселковый голова. Он сопровождал важную персону. Лицо персоны было знакомо, и когда она открыла рот в ораторском порыве, её узнали все. Это был известный депутат и министр без портфеля, молодой борец за аутентичность нации и чистоту языка, а по совместительству хлебный король лично Пэтро Орестович Золотарев-Пульский. Он обвел толпу тяжелым взглядом маленьких, заплывших жиром глазок и начал речь:

— Граждане страны! Я призываю вас не поддаваться на провокации маргинальных политиков и не допустить безобразия в отношении наших бенилюксовых друзей. — В голосе министра переливалась доброта к народу и железная ненависть к врагам. — Не дайте за иностранный рубль продать отечество в интересах мировых газовых монополистов! Героям слава!

Речь не вызвала у стоящих на берегу никаких эмоций. Посчитав молчание народа за согласие, министр удалился вместе с председателем. На смену политикам моментально прикатил крытый грузовик, из него выскочили человек сорок в черной форме с короткими автоматами в руках. Они выстроились вдоль набережной. Жители поселка, еще не понимая, что происходит, хранили молчание. Было видно, как на черном паруснике началось движение. Из трюма показалось несколько фигур, которые споро опустили на воду шлюпку, уселись в нее и взялись за весла. Люди на берегу замерли в тревожном ожидании. Шлюп-

ка пристала к берегу. Жители поселка все так же безмолвно смотрели, как на берег сходят кошмарные фигуры. Из-под неживой, полуразложившейся плоти торчали белые кости. Жуткий экипаж выгрузил несколько ящиков и сложил их штабелем на пляже. Потом, не издав ни звука, они сели в шлюпку и отправились к паруснику. Там они снова загрузились и вернулись на пляж. Это повторилось несколько раз, пока на прибрежной гальке не выросла внушительная стена из ящиков. Шлюпка вернулась на корабль, и страшная команда исчезла в трюме.

Стоящие на берегу словно вышли из оцепенения. Нюра, чтобы реабилитироваться после неудачной ночной службы, ринулась, раздвигая толпу, к цепочке вооруженных. Один из них попытался перекрыть ей путь, однако не рассчитал решительности женщины, теряющей свою популярность. Нюра смела охранника, парাপет набережной и рысцой ринулась к черным ящикам. Там она остановилась и, обернувшись, прокричала: «Здесь химическое оружие, нас будут травить, чтобы захватить нашу землю!». Через мгновение скрученная крепкими руками людей в черной униформе она была водворена на набережную. При этом она пела «Интернационал» и «Не нужен нам берег турецкий...». Надо сказать, что вреда военные ей не причинили, в отличие от нее, нанесшей им значительный урон в технике, силе и моральных устоях. Сельчане тихо роптали, но постепенно успокаивались. Напряжение спадало и у военных. То там, то тут между местными и охраной завязывались сначала мелкие перепалки, а потом и просто мирные разговоры. На главный вопрос: «А вы что, в нас стрелять будете?» — был получен удовлетворительный ответ: «Патронов нам не давали». Выяснилось, что это никакие не военные, а рота почетного караула таможенной службы. И когда у них с провокационной целью спросили, давали ли они присягу на верность народу, ответили, что таможенники такой присяги не дают по этическим причинам. К обеду выяснилось, что охрана тут совсем без начальства, только рядовые. А когда таможене предложили пообедать, так как все люди — братья, те не отказались и от шампанского. Оружие, сложенное в пирамиды, охраняла Нюра. Ей почему-то обе стороны в этом вопросе полностью доверяли. На рыбалку все вместе договорились пойти на рассвете, когда у кефали самый гон.

К вечеру прибыло телевидение. К прибытию ТВ строй охраны был восстановлен, и местные, дабы не выглядеть простой толпой, стали напротив таможи, вооружившись знаменами, которые они купили в лавке национальной символики. Хитрый лавочник сбывал за копейки из-под полы символику оппозиционных партий. Кто сейчас был в оппозиции, жители поселка не знали, но поверили продавцу на слово. Вот и выстроилась на набережной в итоге грозная демонстрация, протестующая против своеволия властей. Телевизионщики живо извлекли

из своего автобуса аппаратуру и бывшую популярной лет десять назад диссидентку Новозадскую. Сейчас она работала диссиденткой в соседнем государстве и неистово любила местные власти. Новозадская перед камерой долго ругала свои власти, хвалила местные, призывала поголовно перейти на латинский алфавит и принять помощь как символ вечной дружбы. Потом пресса попыталась взять интервью у жителей поселка. Но они не хотели говорить на государственном языке, и ТВ уехало восвояси.

Жители, лишившись развлечения, вернулись к общению с таможеней. Всех беспокоило, что же находится в ящиках. Охрана этого не знала. И тут у Мухина родилась идея. Он же пограничник! А ведь нарушил границу парусник, ой, нарушил! Собрав свой экипаж и расстегнув шелковую рубашу так, чтобы была видна тельняшка, Мухин решительно направился к таможенникам, яростно резавшимся с местным бухгалтером Ивановым в нарды. За игрой бухгалтер пообещал таможенникам, если проиграет, показать настоящую летающую тарелку, которую он хранил на всякий случай в ближайшей сосновой роще.

— Так, — громко и решительно Мухин прервал мирную игру, — а разрешение пограничной службы для входа в территориальные воды у вас имеется?

Таможенники ничего такого не имели, и вообще, им уже было глубоко наплевать на события. Им хотелось остаться в этом поселке навсегда.

— А шо надо делать? — после короткого шушуканья один из таможенников взял на себя роль переговорщика.

— Ну, я, конечно, могу оформить разрешение задним числом, — начал капитан, но его сразу перебили.

— У нас нет ничего...

— Ну, мужики, мы же все на службе. Я что, изувер какой? — Мухин осторожно гнул свою линию. — Мне нужно содержание груза — и все. Я бумагу выпишу, и можете спокойно службу дальше нести.

— А откуда я знаю, что там за груз? И вообще, наше дело — маршировать на парадах в оранжевых беретах. Анкерным шагом.

— Так мы быстро все оформим, — капитан понял, что дело сделано. — Я как начальник пограничной заставы могу провести досмотр в присутствии понятых, если члены экипажа себя плохо чувствуют.

— Да, они неважно выглядели, — поддакнул старпом.

Слова старпома убедили всех, и через минуту Мухин собственноручно открывал один из ящиков заранее припасенной фомкой. Этот ящик, как и два других, оказался пустым. Остальные, судя по всему, тоже.

К вечеру на набережной оставались всего несколько манифестантов из местных и пьяные таможенники, сидевшие вокруг костра из пляж-

ных топчанов. Всю ночь они рассказывали друг другу страшилки про Летучего Голландца, одна ужаснее другой. О жестоком капитане Ван дер Деккене, убившем всю команду, о вечном Жиде, нашедшем пристанище на корабле-призраке, о фатуме, который преследует на море тех, кто свернул с праведного пути.

Утром следующего дня из центра пришел автобус с молодчиками из организации воинствующих интеллигентов «Поздно». Было их человек пятнадцать. Между собой они разговаривали нормально, но как только на набережной появились сельчане, стали громко отдавать команды на государственном языке. Интеллигентствующие боевики выстроились свиньей и ринулись в атаку на местных. Сначала, в силу того, что из жителей поселка на берегу были только Нюра, Серафима и Галина, «поздняки» получили значительное преимущество. Они оттеснили на газон теток, поломали лозунги партии Регрессивных социалистов и даже отобрали у подоспевшего Пети Танцюры его удочку, приняв её за флагшток.

На крики рассерженных дам пришли два мужика из местных, помоложе теток и порешительнее Пети. Совершенно не знакомые с правилами ведения рукопашного боя в городе и не тренированные в спецлагерях мужики накостыляли приезжим и загнали их обратно в автобус. Туда же был депортирован участковый, прибывший на помощь интеллигентствующей молодежи. Учитывая то, что участковый был лицом официальным, ему досталось больше всех.

Над поселком нависла революционная ситуация. Её усугубило радиообращение Гаранта, которое транслировалось по всем радиоточкам. Гарант был, как всегда, многословен и невнятен. Сельчане смогли только разобрать слова о приверженности западным ценностям и вечной и нерушимой дружбе с БЕНИЛЮКСОМ, в обмен на гарантии бесплатного керосина с севера.

Жители поселка вышли на берег в полной решимости. На общем собрании выбрали председателем поселкового совета капитана Мухина. А старому объявили недоверие и в знак импичмента поставили лимзин поперек улицы так, что теперь он не мог никуда ехать.

Однако беда пришла, как всегда, неожиданно. В здании погранзащиты зазвенел школьный звонок — сигнал того, что необходимо произвести смену дежурного экипажа на «Внятном». Сельчане понимали, что без руководства им не удастся сдержать напор чужаков. Поговаривали, что против митингующих уже готовится спецназ из Вашингтона. Серафима клялась, что своими глазами видела людей в скафандрах недалеко, в горном лесу, и что они даже хотели поломать тарелку бухгалтера Иванова, но не знали как.

Но с другой стороны — служба есть служба. И Мухин решился. В полной секретности на шлюпку были доставлены две канистры солярки из стратегического поселкового запаса, на всякий случай. И случай настал. Тихо, в сопровождении суровых взглядов сельчан шлюпка с экипажем отправилась к катеру. По мере того, как увеличивалось расстояние до берега, экипаж охватывал необъяснимый страх, липкий, как давешний туман. В полной тишине, нарушаемой только стуком уключин и плеском воды, экипаж двигался к своему судну. Метров за двести до цели их движение было внезапно прервано. Прямо у носа шлюпки в беззвучном прыжке взвились из воды два громадных дельфина. Не было в их движении ни радостной игры, как у обычных афалин, ни озорного свиста. Только угрожающие взлеты, словно они пытались остановить движение шлюпки. Васильев и Стовбода, стиснув зубы, не меняя ритма, неистово гребли.

Борт «Внятного» был для моряков роднее родного берега. Старпом даже похлопал рукой давно не крашеное военно-морской краской железо.

— Эй, на «Внятном», — словно и не было леденящего страха мгновение назад, проорал капитан Мухин, — смена пришла! Вахту сдавай.

В ответ он не услышал обычного «сколько ждать можно» — этой фразой его коллега по погранзаставе Забуйнов всегда встречал друзей.

С нехорошим предчувствием экипаж поднялся по штурмтрапу на борт. Палуба была пуста. Мухин отдал приказ Стовбоде и Васильеву проверить судно. Искать долго не пришлось. Дверь на камбуз была задраена изнутри. Кок по праву хозяина загремел кулаком по железу. В ответ на камбузе раздалось шуршание и звон кастрюль.

— Эй, воины, что молчите? — чуть не приложив губы к железу, прокричал старпом.

— А кто спрашивает? — даже через переборку они узнали голос Михаила Забуйного. Сменщик капитана Мухина отличался почти театральным басом.

— Смена!

Заскрипел плохо смазанный запор, и в образовавшуюся щель показался длинный нос Михаила.

— Уф, и вправду! — дверь распахнулась, и на палубу выскочил, толкаясь, весь дежурный экипаж «Внятного» и бросился обнимать сменщиков, словно сто лет людей не видели.

— Чего попрятались, славяне?

— Ты бы посидел тут! Такое было!

— А что было? Можно подумать, мы с берега не видели. — Стовбода, дождавшись освобождения своей вотчины, нырнул в камбуз. Там, к сожалению, не было традиционного борща для смены.

— Как туман этот гадкий ушел, так и началось, — начал рассказ Забуйный. — Такое, блин морской!

— Что, покойнички с брига мучили? — Мухин старался иронией успокоить друзей.

— Да ты посмотри на хрень эту! — Забуйный ткнул пальцем в сторону брига.

— А то мы его не видели! Вон народ на берегу который день на ногах, не пускает чужаков. — Стовбода, выкарабкавшись из камбуза, включился в разговор.

— На, глянь, — совсем мрачно Забуйный протянул Мухину бинокль.

Мухин и раньше смотрел в бинокль на мерзкий корабль, но не отказался. Да и с катера было намного ближе. Покрутив рифленый барабанчик, он навел резкость. И, словно от удара, дернулся назад. Что-то страшное, черное и злое метнулось к нему с парусника. Нечто неопределенное и ужасное, готовое поглотить не только капитана, его друзей, его поселок, но и весь его мир.

— О, видишь! — Забуйный забрал бинокль. — Как глянешь на него раз, так и все.

— Вот что, мужики, давайте в шлюпку и на берег. — Мухин поспешил отправить домой уставший экипаж.

Никто не стал возражать. Когда экипаж катера уже отчалил, Васильев прокричал им вдогонку: «Мужики, дельфинов не бойтесь. Это мертвяки!». Чем сильно напугал своих друзей.

Убедившись через полчаса, что шлюпка добралась до берега благополучно, Мухин собрал команду на мостике.

— Значит так, я предлагаю эту сволочь отсюда гнать, — совсем не по-уставному сообщил он друзьям.

— Метлой, что ли, гнать? — невесело поинтересовался кок.

— А хоть и метлой! Гнать чем есть! — Капитан был зол. — Сколько можно? Хватит! Молчали долго, домолчались! Сидели, хвосты поджавши, а тут понаезжало умников! И пошло поехало! Присяга моя — ложь, язык мой — чужой, предки мои — оккупанты. Я тогда молчал, и все молчали. Думал, обойдется, лишь бы семью прокормить. Не прокормил! Все! Кто не хочет, может не идти. Спаслота хватит на всех.

— Ну, ты что? — Васильев обиделся. — Думаешь, что... Сам оставайся.

Стовбода просто молча кивнул, соглашаясь с Васильевым.

— Я так и знал, — тихо сказал Мухин и радостно закричал: — Подпалим этим сволочам задницу!

Фыркнул старенький дизель. Казалось, и он заскучал от давнего бездействия. Взыла сирена, и кок, который по совместительству был

еще и стрелком, ловко снял старый парусиновый чехол со скорострельной пушки на носу катера. Клацнул затвор, и маленький снаряд легко вошел в камору. Пушка, которую по старой памяти регулярно смазывали и чистили, оказалась в полной боевой готовности. Старпом пожарным топором перерубил якорный канат и, вернувшись на мостик, стал рядом с капитаном.

— Давай, — тихо сказал он. Мухин выжал газ до упора.

Катер, истосковавшись по волне, по задорной охоте в открытом море, ринулся в сторону черной туши врага. Столпившиеся на берегу жители поняли, что сейчас произойдет нечто невероятное. Все смотрели в море. Было наплевать уже и на лозунги, и на власти, и на приближающийся горным серпантином караван военных грузовиков с вооруженными стражами порядка. Впервые за все времена люди не убегали от корабля-призрака, а неслись к нему.

— Поможем нашим! — пискнула Нюра.

И впервые её призыв нашел отклик. Сельчане кинулись к своим лодкам, моторкам, водным мотоциклам и велосипедам, на которых они катали курортников. Через мгновение, когда катер прошел половину расстояния до парусника, малая флотилия была на воде и изо всех своих хилых сил неслась на помощь пограничникам.

— За родину!!! — кричала толстая Серафима. Она отстала от всех, с трудом крутя педали водного велосипеда.

Когда в прицеле пушки уже были видны узлы на стакселе Летучего Голландца, Стовбода проорал неуставное и дал первый залп. Не было слышно ни клацания автоматики пушки, ни звона вылетающих гильз — только задорные хлопки зарядов. Но кок видел, что стрельба не приносит никакого вреда кораблю, словно снаряды пролетают сквозь него или растворяются в его корпусе. Видел это и капитан Мухин.

— Прыгай!!! — закричал он старпому. — Уходите оба!

— Хрена им! — мичман и не подумал выполнять приказ. А кок сделал неприличный жест чужим.

Через несколько секунд на всей скорости катер влетел в лоснящийся борт. Сельчане, они все были на воде, увидели, как на мгновение и парусник, и катер окутались огненной сферой, словно солнце засияло среди бухты. Потом раздался оглушительный хлопок, и огненный шар исчез. Посреди бухты гордо стоял «Внятный». Стоял как хозяин и победитель. От чужака не осталось и следа. Только с неба падали куски тряпок, истлевших костей и обрывки парусов.

Жители поселка собрали потом весь этот мусор, положили его в ящики, оставленные на берегу чужаками, и сожгли.

НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА

ХОРОШИЙ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

ПИСАТЕЛЬ

Хороший писатель — мертвый писатель. А самый лучший писатель — тот, который умер больше пятидесяти лет назад. Аккурат после этой даты прекращает действовать авторское право, и его книги становятся общественным достоянием. В противном случае приходится платить авторские отчисления вдовам (а у большинства уважающих себя писателей вдова не одна, а две-три как минимум), детям и внукам. И даже если прямых наследников у писателя нету, обязательно найдется какой-нибудь муж падчерицы двоюродного племянника, жаждущий получить с интеллектуальной собственности хоть маленькую, но наличность.

Это, в общем-то, азы издательского дела. Правда, в конце прошлого века в сие издательское дело толпой ломанулись люди, азов не знающие и в упор не понимающие, почему каким-то там авторам нужно платить.

Но годы шли, пора первоначальной дикости миновала, значительная часть ломанувшихся исчезла, отмыв денежки или полностью их потеряв. А тем, кто остался, приходилось соблюдать хотя бы внешние приличия, сбривать шерсть, стричь когти и учиться ходить на двух ногах.

А тут еще интернет появился, будь он неладен. Или слава тебе господи — это как посмотреть.

Открывались новые уголья — их нужно было осваивать. Тем более, что в этой области в российских законах об авторском праве зияли такие дыры, что через них можно было провести авианосец.

Впрочем, Виктор Шметтерлинг, редактор альманаха «Литературный Зодиак» и сетевого ресурса «Постмодерн», авторское право отлично знал. А дирекция медиа-концерна «Козьма и Дамиан» не знала его совершенно. Именно поэтому издательские прожекты Шметтерлинга лопались один за другим. А в Кид гребли выручку лопатой.

Сейчас перед Виктором на столе лежал список авторов, по которым Кид предъявлял Шметтерлингу финансовые претензии и грозил судебным процессом. Это была не просто страшилка. «Козьма и Дамиан» уже возбуждал дела против сетевых библиотек, мотивируя это тем, что действует исключительно в интересах авторов.

Какая-то сермяжная правда в их заявлениях была. Книжные новинки, особенно претендующие на популярность, сетевые пираты выбрасывают в интернет с завидной быстротой. Большинство писателей относятся к этому безразлично, как к неизбежному злу. Но не все. Некоторые этим возмущаются. И тогда в игру вступает Кид.

Виктор, однако, к пиратской братии не принадлежал. Он был своим человеком в писательской среде, и авторы передавали тексты для его ресурса, не особо надеясь на гонорары, а просто так — по дружбе. И Шметтерлинг полагал, что его библиотека вполне легитимна. Напрасно, как выяснилось.

Официальное письмо, полученное Виктором, гласило, что медиа-концерн «Козьма и Дамиан» обладает эксклюзивными правами на сетевую публикацию авторов, чьи фамилии приведены ниже. Потому как эти авторы заключили с КиД письменный, юридически заверенный договор, передав исключительные права и тэ дэ и тэ пэ...

И то бы ладно — Виктор легко мог узнать у своих знакомых: подписывали они договор с «Козьмой и Дамианом» или это блеф. Но в приложенном к письму списке значились Толстые, Лев и Алексей К., Федор Достоевский и еще дюжина авторов, чьи книги стали общественным достоянием не одно десятилетие назад. А усопли писатели, стало быть, еще раньше, и по этой причине никак не могли заключить договор с КиД.

Может, имелся в виду договор с наследниками? У большинства классиков есть в наличии здравствующие потомки... Виктор еще раз заглянул в письмо. Нет, сказано «с авторами». Бред какой-то. Может, однофамильцы? Или издательский проект? Был же прецедент — поменял мужик официально имя на «Гарри Поттер» и печет книжки за этой подписью. Вот и здесь — зарегистрировал кто-то торговую марку «Федор Достоевский» и договора заключает. Конечно, любой эксперт сразу же разберется, что тексты классиков в библиотеке «Постмодерна» и то, что под ТМ выпускается, совершенно разные, но нервы помотают изрядно.

Так Виктор и порешил, и предпочел выйти выпить кофе, отодвинув решение проблем с КиД на неопределенный срок. Как многие люди, отягощенные образованием, он склонен был приписывать противнику — в данном случае гендиректору КиД Степану Трищенко — излишнюю хитрость и склонность к многоходовым интригам. Представить, что в дирекции КиД могут просто не читать собственные договора, он был просто не в состоянии.

А в самом деле, зачем их читать? Главное — напор, способный напугать оппонента, а остальное довершат юристы концерна. Они-то договора, может, и читают, но с какой стати им помнить, когда жил Достоевский?

Редакция «Литературного Зодиака» располагалась в здании издательского холдинга «Всемирный сталкер». Здесь же находился офис

«Постмодерна», в котором Шметтерлинг был единственным штатным сотрудником. Да и в «Зодиак» со штатом было не густо, и сотрудники совмещали обязанности.

Людочка Фокина, которая читала в «Зодиак» самотек и периодически принимала на себя роль секретарши (каковой в «Зодиак» не имелось), по возвращении Шметтерлинга с кофепоя выглянула из-за компьютера и сообщила:

— Виктор Валерьевич, тут к вам пришли. Станный какой-то тип.

Среди литераторов странные типы встречаются не так чтоб редко, поэтому Шметтерлинг был не особо удивлен. Посетитель оказался еще вполне молодым человеком несколько нервного вида. Когда Виктор закрыл за собой дверь, он дернулся, точно от удара. Самым странным в посетителе был его портфель, объемистый, порыжевший, протертый по углам и явно не пустой. В таких в докомпьютерные времена таскали по редакциям романы-эпопеи из колхозной жизни. Ныне, полагал Шметтерлинг, такие портфели канули в небытие вместе с колхозами.

— Ян Альбин, научный центр практической медитации, — представился владелец портфеля. — Ударение на «а».

И снова Виктор не удивился. Действительно, после дамы, которая была новым воплощением Ленина, его женственной анимой и духовной самостью, а заодно выпускницей школы ГРУ 1985 года, посещавшей редакцию на прошлой неделе — чему тут удивляться?

— Хотите предложить для сайта свои тексты? — спросил Виктор. Про себя он решил — на сайт можно выложить, интернет медитацию выдержит. В альманах — ни за что.

— Нет... я вообще-то не из пишущих людей...

Это было хуже. Псих-графоман понятен, с такими Шметтерлинг умел справляться. Просто психами должны заниматься специалисты иного профиля.

— Тогда в чем дело? — тон Шметтерлинга стал суровым. — Здесь, знаете ли, издательский дом. Литературная деятельность...

— Но я и пришел по поводу литературной деятельности! Но не своей.

— А! — догадался Шметтерлинг. — Вы кого-то представляете!

— Ну да, ну да, — закивал Альбин.

— И кого же?

Посетитель сглотнул, стиснул портфель покрепче и решительно произнес:

— Сергея Есенина.

Прежде чем Шметтерлинг успел открыть рот и что-то произнести (возможно, ненормативное), Альбин поспешно проговорил:

- Что вы, что вы, я прекрасно знаю: он умер! И давно...
- И на том спасибо, — пробормотал Виктор.
- Понимаете, мы в нашем центре практикуем выход в астрал...
- Это многие практикуют, — сообщил опытный Шметтерлинг.
- У нас более действенные методики. Мы не мечемся по астралу,

как куры по двору, а последовательно переходим из слоя в слой, налаживая контакты с их обитателями. Мой учитель Авдон Каменистый особо отмечает мои успехи в этой области.

Имя Шметтерлиngu было знакомо. Авдон Каменистый выпустил с полдюжины эзотерических трактатов, и Виктору приходилось о них писать для какого-то гламурно-готического журнала.

- Позвольте, но он, кажется, умер несколько лет назад...
- Ну вот, потому и отмечает.
- Ах, вот в чем дело. Вы — медиум?

— Это устаревший термин, мы им не пользуемся. Я предпочитаю называть себя коннектером.

- Не контактером?

Альбин поморщился.

— Нет. Контактер имеет дело с материальными сущностями, а мы продвинулись гораздо дальше. И недавно, буквально на днях, нам удалось совершить настоящий прорыв. Я проник в тот слой, где обитают писатели.

- Души писателей, — уточнил Виктор.
- И это тоже не совсем правильный термин...
- Угу. Вы предпочитаете термин «нематериальная сущность».

— В общем, да. Мне трудно объяснить, какое это произвело сильное впечатление. Ведь хоть они ушли отсюда, но творения их продолжают обитать здесь. А что такое для них слава, вы и представить не можете.

- Почему же, очень даже могу.

— Нет... это сильнее обычных человеческих чувств. Ведь они и отсюда следят за тем, что происходит с их творениями. Не все, конечно, но следят.

— И создают новые. — Шметтерлинг заскучал. Личности, которым усопшие гении надиктовывали разные опусы, встречались в его практике не то чтоб регулярно, но не так уж редко.

— Нет, — твердо заявил Альбин. — Они не могут создавать ничего нового. В этом — особенность их нынешнего существования.

— Интересный поворот сюжета...

— Да! Да! Именно поэтому то, что происходит с их книгами, для них так важно. Ведь часть их продолжает жить в книгах. Поэтому другая часть, находящаяся в астрале, обо всем узнает... И когда они узнают, что кто-то как бы заключил с ними договор...

— Та-ак... — Виктор насторожился. Что же, из КиД наверняка присылали письма с претензиями не ему одному. И нет ничего удивительного в том, что Альбин об этом проведал. Розыгрыш? — И какова же реакция классиков? Федора Михайловича и Льва Николаевича?

— Толстой же от авторских прав еще в своем земном бытии отказался. Ему все равно и вообще ниже его достоинства. А Достоевский сказал — может быть, так надо? Унижение ведет к страданию, а страдания очищают... А вот Блок, Мандельштам, Цветаева очень недовольны... возмущены...

— Просто какое-то общество мертвых поэтов.

Альбин никак не отреагировал на эту реплику. Видимо, кинематограф не входил в сферу его интересов.

— Но больше всего — Есенин. Он всех остальных разметал, хочет права свои отстаивать.

Есенин входил в список КиД. Но Виктору было любопытно другое.

— Что же он именно к этому проекту привязался? Есенин — личность популярная, прости господи, культовая, про него романы пишут, кино снимают...

— Он сказал — там не я и даже не похож. Мало ли что актеры рожей хлопочут! А тут, говорит, от моего имени документ подписан. И дальше непечатно. Да вы сами послушайте...

— В каком смысле «послушайте»?

— Они не могут сами обращаться, им посредник нужен. И вот — они никак не могли до нас добраться, а тут я...

— В транс впадать будете? — ядовито осведомился Шметтерлинг. Розыгрыш начинал терять оригинальность. Пошел эпизод из «Привидения». Но Вупи Голдберг была колоритнее Альбина.

— У вас совершенно неверные представления о нашей работе. Транс — это для дилетантов. Все будет по-другому. Сейчас я вам покажу.

— Эй, погодите! — (Мало ли, а вдруг он гипнотизер. Усыпит — и прощай, ноутбук.) — Желательно, чтобы при вашем общении присутствовало третье лицо.

— Я не против.

Виктор выглянул за дверь.

— Люда, иди сюда!

— Что случилось?

— Похоже, будет цирк. Помнишь мужика, который в пивнухе общался с духом Высоцкого? Тот же номер, только типаж почище. Так что не исключен сюрприз.

Сюрприз уже стоял на общем обозрении. Пока Виктор договаривался с Людочкой, Альбин извлек из портфеля какой-то агрегат и водрузил на стол. Людочка по молодости лет могла и не знать, что это такое. А Шметтерлинг знал, но не видел много лет. И где теперь увидишь пишущую машинку, если даже пенсионеры нынче пользуются компьютерами.

— У ней внутри неонка? — осведомился Шметтерлинг. Это было уже не «Привидение», а нечто более родное.

— Не понял...

Очевидно, классика научной фантастики была столь же чужда Альбину, как и классика кинематографа.

— Вы будете печатать под диктовку поэта?

— Нет. Печатать будет он. Видите ли, нематериальная сущность обладает определенным количеством энергии, чтобы производить некоторые физические действия. Но для того, чтобы привести эту сущность в плотный мир, нужен проводник. Ну, как розетка нужна, чтоб включить ток. Я, конечно, мог бы воспользоваться компьютером, но тогда бы вы мне не поверили. Сказали бы — действует какая-то хитрая программа, которая реагирует на человеческий голос. Я долго ломал голову, как бы наладить связь, потом нашел вот эту машинку, она у меня на антресолях стояла — от родителей осталась...

— Очень трогательно.

Альбин не обратил внимания на иронию.

— Потом долго пришлось уговаривать Сергея Александровича. Он ведь печатать не умел, от руки писал. А от руки у меня может не получиться, совсем другой принцип...

— Ну, давайте заканчивайте, — Виктору представление уже надоело.

— Так бумага же нужна! — Альбин глянул на него недоуменно.

Люда молча вытащила из принтера пару чистых листов и протянула их коннектеру. Тот заправил их в машинку, но против ожидания отодвинул стул от стола метра на полтора и закрыл глаза.

Виктор хотел было сказать: «А обещал — транса не будет», но в этот момент послышался щелчок. Потом другой. Это стучали клави-

ши машинки. Неуверенно и не в такт. Так, словно по ним били одним пальцем.

тутядава йужеподелу

— И как это получается? — спросил Виктор.

ТАКИПОЛУЧАЕТСЯ чего УСТАВился иливморду хошь

— Не катится, уважаемый! Известно, что хотя Есенин и любил прикидываться простачком, писал он вполне грамотно.

Альбин открыл глаза, вздохнул.

— Это когда у него было материальное тело. Вы пробовали бить по клавишам одним усилием воли, да еще не умея печатать? Хотя... я так и знал, что вы мне не поверите. Можете разобрать машинку.

Если он рассчитывал на деликатность Шметтерлинга, то ошибался. Есть обстоятельства, при которых деликатность и прочие интеллигентские штучки следует задвинуть подальше.

Отвертки у Виктора не имелось. Зато имелся жизненный опыт.

— Люда, у тебя пилки для ногтей с собой нет?

Какой бы ни была Люда эмансипе и вообще филологиней, о красе ногтей она думала. И пилка у нее нашлась. С помощью этого оружия Виктор отвертел шурупы. И был изрядно удивлен. В покрытых пылью десятилетий потрохах пишмашинки никакого хитромудрого устройства не обнаружилось.

— Но как же...

Тут снятый кожух машинки поднялся и ударил нагнувшегося над столом Шметтерлинга по лбу. К счастью, Виктор был без очков, иначе удар мог повлечь серьезные последствия.

— Эй! — рыкнул Шметтерлинг. — Если вы телекинетик, думаете, у вас есть право людей калечить?

Снова защелкали клавиши — на сей раз не у машинки, находившейся в разобранном виде, а у включенного ноутбука.

На экране появились слова:

за телекинетика ответишь черт нерусский

— Сергей Александрович! — в отчаянии воскликнул Альбин. — Это он меня обозвал, а не вас! Он думает, что это я его ударил!

— Вообще-то, — глубокомысленно заметила Людочка, — великий поэт отличался буйным характером и склонностью к ненормативной лексике. И морды, извините за выражение, бить любил.

— К тому же простое направленное действие типа удара, — подхватил Альбин, — нематериальной сущности производить легче, чем сложное, такое, как воспроизведение фраз на клавиатуре.

— Не парьте мне мозги!

хватит дурью маяться не для того я сюда пришел тут моими именем мошенничество творится всуд подавать пора мне про это дело тут один объяснил умный мужик хотинемец он юристом был сказки писал

— Гофман, — догадалась Люда. — Эрнст Теодор Амадей.

Она университет закончила сравнительно недавно, и знания в ее памяти еще сохраняли упорядоченность. У Шметтерлинга знаний было больше, но пребывали они в жуткой мешанине.

— Из того, что Гофман был юрист, еще не следует, что я должен поверить в эту чушь!

Папки у стенки накренились и изобразили принцип домино в действии. Стул, на который опирался Виктор, вырвался у него из-под руки, стукнул его под коленку и покатился по полу. В довершение всего скелет пишущей машинки сорвался со стола и грянулся с размаху о половицы. Для престарелого агрегата это было чересчур — он рассыпался на составные части.

Дверь распахнулась, в комнату просунулась усатая очкастая физиономия.

— Что у вас тут творится? Упились среди бела дня? Или полтергейст разыгрался?

— Что-то вроде, — Шметтерлинг, морщась, потирал ушибленную ногу.

— Охранника позвать?

— Сами справимся, Николай Михайлович, — проникновенно сказала Люда.

Представитель соседствующей редакции удалился. Ему тоже попались разные посетители, так что особо удивлен он не был.

— Да уберите же вашего гения, куда он все здесь не порушил!

— Так вы признаете, что это — он?

— Ну, предположим.

— Так он не уйдет, пока сам не захочет, — кротко произнес Альбин.

— Предупреждать надо было! — Виктор выпрямился и задумался. — Погодите, это значит, наш гений способен причинять физические разрушения и материальный ущерб?

— В общем, да... Я как-то не задумывался об этом аспекте...

— А для этого необходимо ваше присутствие?

— Не обязательно. Я нужен, чтобы привести его сюда. Но уж если он пришел...

— И наш гений не успокоится, пока не выскажет свои претензии «Козьме и Дамиану»? — в глазах Шметтерлинга заплясал нехороший огонек.

ДА ДА ДА!!!!

— Хорошо, Сергей Александрович, я сейчас договорюсь с ним о встрече. — Виктор достал мобильник, но прежде, чем набрать номер КиД, уточнил: — Нет, пожалуй, полтергейст, как говорит господин Альбин, неправильный термин. Правильней будет не «буйный дух», а «творческий». Кунстлергейст.

* * *

Проблемы с авторским правом если не старые как мир, то не многим моложе. В давние времена за решением этих проблем обращались к правящим монархам, и монархи, надобно сказать, решением проблем не брезговали. Шметтерлинг мог бы припомнить, как в некие лохматые века ирландский король Диармайд разбирал тяжбу между монахами Финнианом и Колумбой по поводу прав на изданный, то бишь переписанный кем-то из них молитвенник. Король признал правоту Финниана, но Колумба не смирился и призвал свой клан к оружию. Повод к войне был признан достаточно веским, клан Финниана не мог оставаться в стороне, мечи ударили о щиты. После ряда кровопролитных сражений королевское решение было подкреплено воинской силой, Колумба вынужден был бежать в Шотландию, где ему ничего не оставалось делать, кроме как обратиться в христианство местных жителей, а заодно изгнать из озера Лох-Несс обитавшее там чудовище (тут, следует признать, он недоработал).

В дальнейшем, кажется, обходились без массовых кровопролитий. Но венценосные особы долго еще служили в подобных делах истиной в последней инстанции. «Своей королевскою волею объявляю, что любезный(ая) сердцу нашему имярек, оказавший(ая) Нашему Величеству множество полезных и приятных услуг, действительно является автором всех подписанных его(ее) именем стихотворений, и никто другой таковым не является». И подпись. И печать. Большая и круглая.

Теперь не так. Споры решаются не в королевском, а всего лишь в районном суде. А в таких судах, загруженных и перезагруженных, очень мало переживают из-за авторского права. И еще меньше в нем разбираются. Разумеется, чтоб это понять и этим воспользоваться, нужен толковый юрист.

В последнее десятилетие количество женщин среди юристов выросло сказочным образом. И выглядят они, как правило, тоже сказоч-

но — как гибриды куклы Барби и Мэрилин Монро в невероятно эротичных деловых костюмчиках. Что касается их познаний в профессиональной сфере... ну, кто же будет требовать знаний от блондинок? Является ли это обстоятельство тщательно продуманной стратегией и связан ли цвет волос с карьерным ростом, определить трудно. Возможно, будущие исследователи посвятят данному вопросу какие-нибудь специальные труды.

Марьяна Савватеевна Крутогор, юрист «Козьмы и Дамиана», никоим образом к этой породе не принадлежала. Она была в летах, которые дамские журналы называют «возрастом элегантности». Впрочем, элегантной ее назвать было проблематично. Любой костюм на ней, независимо от того, в каком бутике он был куплен и какому дизайнеру принадлежал, напоминал костюмы, в которых заседали в президиумах суровые дамы-общественницы советской поры. И сама она обликом была не то из профкома, не то из месткома, не то, господи сохрани и помилуй, передовик производства. Она и в самом деле была ударником труда. Капиталистического. Хватка у нее была крепче, чем у бультерьера, в крайнем случае, стаффордшира. Она умела найти общий язык с авторами и наследниками авторов, благодаря ее стараниям претензии КиД в глазах людей, мало знакомых с предметом спора, выглядели как защита попранной справедливости. Именно ей «Козьма и Дамиан» был обязан рядом выигранных процессов. И Шметтерлинг опасался ее гораздо больше, чем гендиректора КиД Степана П. Трищенко — типичного «нового русского».

Договариваясь о встрече, Виктор предполагал два варианта: Трищенко возьмет госпожу Крутогор с собой либо просто пришлет на переговоры свою консильери. Второй вариант был бы несказанно хуже. Ибо произвести впечатление на Марьяну Савватеевну было гораздо труднее, чем на Степана П.

Стрелка была забита в приличном, но не пафосном ресторане «Расстегай». После того, как Виктор узнал о месте встречи, он запоздал, что Трищенко все же явится сам.

* * *

— Классик доволен, — сообщил Виктор Люде. Как она ни просила, Шметтерлинг ее на встречу не взял, предвидя дальнейшее развитие событий. Пришлось ей довольствоваться устным отчетом. — Говорит, что не отводил так душу со времен «Москвы кабацкой».

— Интересно, как он это сказал? — Людочка все еще была недовольна, что пропустила самое интересное.

— Эсэмэску прислал. Видишь ли, он хотел знать, что такое «продажа текстов для чтения с мобильного телефона». Есть у Кид такая услуга. И я ему объяснил, что такое мобильник и как им пользуются. В общем-то, это и решило дело. Битие зеркал, метание столовых приборов себе в физиономию Трищенко бы выдержал...

— А что, имело место?

— Да, в лучшем стиле «жизнь удалась». Причем со стороны выглядело, будто посудой швыряется сам Трищенко. Что и было поставлено ему в счет. Марьяна, правда, пыталась вменить мне использование скрытых электромагнитных приборов. Я предложил вызвать милицию и обыскать меня в присутствии персонала ресторана. Выглядеть идиотами им не хотелось, и эту тему закрыли. Но вот когда произошла демонстрация того, что может вытворять кунстлергейст, вселившийся в мобильник, и что может прочесть пользователь, заказавший текст Сергея Есенина... и ведь это будет его текст! Крутогор, видимо, просчитала возможную сумму убытков в результате исков от пользователей ресурса КиД...

— И что?

— Пока все разошлись по-хорошему. Знаешь, даже если Альбин — хитрый манипулятор, гипнотизер, телекинетик и вся эта история нужна ему, чтобы самоутвердиться в эзотерических кругах, мы все равно в выигрыше, потому что свою претензию к «Постмодерну» КиД отзывает. А вот что будет дальше — не представляю. Каким образом оформить договор с умершим? Прецеденты в мировой практике отсутствуют. И кто будет получать гонорар? Наследники? Или отчисления будут идти на содержание музеев и переиздание книг? Поэтому Сергей Александрович сейчас удалился из нашего плана бытия. Ему нужно обсудить эти вопросы с Гофманом. Похоже, «Козьме и Дамину» повезло, что ни у кого из русских поэтов не было юридического образования.

— Было. У Слуцкого, например.

— А он еще и боевой офицер! Мама дорогая! — богатое воображение Шметтерлинга вмиг нарисовало последствия вмешательства некоторых поэтов в жизнь — в соответствии с их земной специализацией, и он содрогнулся.

* * *

В КиД тоже размышляли об этих последствиях. И воображение тут было ни при чем.

— Да поймите же, никакой суд не признает этот документ право-

мочным! — настаивала госпожа Крутогор. — С кем заключать договор? С призраком? Нас сочтут сумасшедшими, и правильно сделают. Ни в коем случае не следует сдавать позиции. Если кто-то вздумает предъявлять претензии, посмешищем станет он, а не мы.

— А пока суд да дело, эти буйные покойники нам такого натворят... — Степан П. дотронулся до опухшего глаза и скривился от боли.

— Уверена, что это какое-то ловкое мошенничество. Дайте время — я их выведу на чистую воду.

— Вот именно. Время нужно. И пока вы, Марьяна Савватеевна, ищите нужные ходы, этих самых... которые у нас в списке, нужно убирать.

— В каком смысле «убрать»?

— Ну, из сети. Нет писателя — нет проблемы. И нужно, конечно, обдумать новую стратегию. Потому как если этих покойников просто убрать, у нас ресурс опустеет. Нужно делать упор на тех, которые умерли давно и от всех нынешних дел далеки. Этого, например, как его... Шекспира...

— Шекспир писал по-английски, — напомнила Марьяна. — Возникнут проблемы с переводчиками.

— Ну, подпишем договора с переводчиками... или с потомками переводчиков...

Но адвокатесса, казалось, уже не слышала своего работодателя. Ее и без того суровое лицо помрачнело.

— Шекспир — это не страшно, даже если он пойдет на конфликт, — пробормотала она. — Не тот это автор, не тот, кто может нам реально угрожать. И Гомер — тоже не страшно... кто знает, какие тогда были авторские права... да и кто его сейчас читает, того Гомера...

С каждым словом утешения она мрачнела все больше.

— А что страшно? — спросил Трищенко.

Она не ответила. Сидела, молча уставясь на роскошный письменный стол с папками и глянцевыми проспектами.

Стояла поздняя весна, и окно в кабинете было приоткрыто. Поэтому звон колокола прозвучал отчетливо. Ничего странного в этом не было — на соседней улице располагалась церковь.

Но только сейчас Трищенко понял, что это и есть ответ.

Колокол продолжал звонить. И не хотелось думать, по кому.

ПО ВОЛНАМ ЖАНРОВ

Александр ГРОМОВ. «ИСЛАНДСКАЯ КАРТА». ЭКСМО.

Несколько лет назад журнал «Если» запустил проект «Новая космогония»: рецензии на несуществующие книги писали сначала известные критики, а затем и писатели-фантасты. И если критики резвились всюду, придумывая сюжеты, щедро раздаривая идеи, то писатели, как правило, втягивались в проект с большой осторожностью, стараясь не раскрывать своих будущих сюжетных идей, которые лучше потратить на роман, чем явить конкурентам в маленькой псевдорецензии.

Громов жадничать не стал. В его «рецензии» «Гуд бай, Америка!» («Если» № 2, 2002) рассказывается о романе «Транспацифик», сочиненном автором с оригинальным именем Василий Пупкин. Спустя четыре года на прилавках появился роман Александра Громова «Исландская карта», чье содержание весьма напоминает сюжет романа Пупкина.

Тем не менее если предложить даже довольно искушенному любителю фантастики прочитать роман, не называя имени создателя, то догадаться, что это новая книга Громова, сможет далеко не каждый. В «Исландской карте» писатель откровенно и даже несколько нарочито экспериментирует. Попробуем разобраться, что же тако-

го новаторского для себя применил фантаст, а что может «выдать» знакомого нам Громова.

Начнем с того, что писатель активно смешивает коктейль из новых для себя жанров. Если «альтернативную географию» он уже опробовал в «Антарктиде online» (там по земному шару бегала Антарктида, а здесь на нашей планете изначально не существует обеих Америк), то в пристрастии к альтернативной истории раньше замечен не был. Действие происходит в начале XXI века в совсем другой России с патриархально-монархическим укладом жизни — этакий сильно идеализированный, викторианский, вариант существования нашей страны в конце века XIX. А уровень технического развития на-

поминает уже начало века XX. Кроме того, стоит отметить, что в романе отчетливо прослеживаются элементы модного ныне на Западе стиля «стимпанк» (Шишков, про-сти, не знаю как перевести — па-ропанк, разве что). Подключены и более знаменитые жанры. Вам ин-тересна авантюрно-приключенче-ская книга в духе Сабатини — с пиратами, морскими битвами, ви-кингами? Пожалуйте! А хотите большой и чистой любви? Вот вам история благородного, но бедного графа, влюбленного в царскую дочку. Или, может, желаете дете-ктив? Займитесь расследованием в духе Фандорина вместе с мудрыми дореволюционными сыщиками!

Фандорин вспомнился не зря. Современного читателя, килограм-мами поедающего творения Акуни-на, стилизацией авторской речи под XIX век уже не удивишь. В фантастике тем не менее подобное — редкость. А уж в фантастике Громова — тем более. Но получи-лось удачно: архаичности в тексте ровно столько, сколько надо — она не мешает чтению и не создает впечатления натужности написан-ного. Разве что иногда, чтобы по-нять смысл фразы, ее надо пере-читать пару раз.

Но что уж откровенно ново для автора — это «игра в постмодерн». Текст полон раскавыченных цитат, отсылок, реминисценций. Многие второстепенные персонажи, фразы и эпизоды прорастают из нашей реальности — и эффект узнавания,

фундамент постмодернизма, це-ментирует нарочитый синкретизм романа.

Порою постмодернистские изы-ски пародийны и весьма смешны. Что тоже в новинку — как-то рань-ше не приходилось громко смеяться, читая книги Громова. Забавны и со-здают эффект иллюзорности про-исходящего некоторые имена и тер-мины — вроде социалистки Клары Мракс и ее последователей «мрак-систов». А уж как будут рады люби-тели фантастики еще одному пер-сонажу, боцману Зоричу!.. Хоро-ши и некоторые «авторские» имена — тот же башкирский буддист Ел-бон Топчи-Буржуев. Похоже, Гро-мов вслед за Чеховым, носившим с собой специальную книжечку, куда записывал всякие смешные фами-лии, также увлекся подобным «кол-лекционированием».

Дух Чехова вообще витает над романом. Впервые у Громова сре-ди главных героев появляется подросток. Деревенский мальчиш-ка Нил, попавший, как кур в ошип, в водоворот событий, описывает увиденное в письмах-главах, ко-торые выглядят помесью эписто-лярных творений небезызвестного Ваньки Жукова и красноармейца Сухова.

Какие же традиционные эле-менты оставил писатель в столь не-обычном для себя романе? Во-пер-вых, типаж главного героя. Граф Николай Николаевич Лопухин, ко-торому выпало охранять пьяницу-цесаревича во время опасного мор-

ского путешествия на Дальний Восток, весьма архетипичен — он гений сыска, мастер единоборств, сотрудник Третьего отделения ЕИВ Канцелярии и при этом аристократ, с высокими понятиями о долге и чести. Словом, перед нами фигура «благородного гэбэшника», столь модная в современной литературе, но ко всему прочему граф — абсолютный прагматик и неплохой аналитик, как почти все герои Громова. Хотя всех его аналитических способностей все-таки не хватило, чтобы еще до ухода в море распознать нити заговора, довольно, кстати, непрозрачные. Архетипичен и еще один ключевой персонаж — слуга Лопухина по имени Еропка. Он как будто взят целиком из классического плутовского романа — иногда ленивый, в меру циничный, хитроватый и хамоватый... Но в то же время беспредельно преданный хозяину и в нужную минуту всегда спешащий на помощь, а иногда даже вершащий судьбу человечества.

Во-вторых, политическое миростроительство. Могучая Россия с патриархальной монархией, добрым, мудрым и просвещенным императором выглядит как реализация нескрываемой имперской позиции писателя. Однако излишняя «сусальность», даже идеалистичность показанного общества, превозношение роли личности, пусть даже и императорской, в истории создают ощущение определенной искусственности политических построений. Да и само устройство

мира — где на вторых ролях остается Германия, где Австралия скоро займет нишу Америки, где в России процветает Дальний Восток еще до открытия Транссибирской магистрали, где исландские пираты строят на английских верфях броненосцы — выглядит, скорее, умозрительным.

В-третьих, Громов не был бы Громовым, одним из лидеров отечественной НФ, если бы даже в таком технически отсталом (по сравнению с нашим) мире не предался научным описаниям — не только техники, но географии, истории и т.п.

Наконец, в-четвертых, как и все остальные романы Громова, «Исландская карта» читается на одном дыхании. Если бы не еще одна новация...

Впервые Громов умышленно работает в формате романа-диалоги, который давно избрали для себя наши ведущие фантасты (кстати, этот роман изначально планировалось писать в соавторстве с Сергеем Лукьяненко, однако в силу ряда причин дуэт не сложился). И «Исландская карта» кончается на середине повествования. Учитывая, что Александр пишет не очень быстро, ждать окончания столь занимательной истории придется долго. Впрочем, самые нетерпеливые могут разыскать упоминавшуюся выше псевдорецензию и обнаружить там сюжетные наброски второй части романа.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

Рецензии

Артур КЛАРК,
Стивен БАКСТЕР

ОКО ВРЕМЕНИ

Москва — СПб.:

ЭКСМО —

Домино,

2006. — 448 с.

Пер. с англ.

Н. Сосновской.

(Серия

«Все звезды»).

5100 экз.

Первый роман из нового цикла «Одиссея во времени» Артур Кларк определил как «перпендикулярный» по отношению к событиям «Космической одиссеи». Скрытая взаимосвязь между циклами действительно присутствует — мэтра современной НФ по-прежнему занимают проблемы эволюции человечества и коллизии, возникающие при общении носителей разных, часто очень далеких культурных традиций. Однако впервые Кларк взял себе соавтора. Стивен Бакстер, безусловно, сегодня один из самых ярких британских творцов «твердой» НФ. Результат такого сотрудничества оказался более чем любопытным.

Лейтенант британской армии Бисеза Датт и ее спутники Кейси Отик и Абдыкадыр Омар — солдаты миротворческих сил ООН, расквартированные в Афганистане 2037 года. Во время патрулирования их вертолет подвергся обстрелу, и они, несомненно, погибли бы, но в тот самый момент случился пространственно-временной разрыв и... герои «вывалились» из своей Реальности на альтернативную Землю. А позже выяснилось, что подобный казус случился не только с Датт и ее экипажем. В иное измерение провалились целые фрагменты различных исторических периодов Земли — вместе с людьми, животными и строениями. По ходу действия лейтенант Датт сталкивается с экспедиционным отрядом британской армии XIX века, к которому прикомандирован молодой Редьярд Киплинг, с международным экипажем космического корабля «Союз» и даже с самкой австралопитека. А впоследствии герои окажутся вовлечены в войну между Чингисханом и Александром Македонским...

Идея соприкосновения различных эпох в одном пространстве не нова, но Кларку и Бакстеру удалось преподнести ее в столь увлекательной форме, что на вторичность исходной посылки не обращаешь внимания. В общем, соавторы лишний раз продемонстрировали, что классическая НФ не намерена сдавать позиции.

Игорь Гонтов

Максим ЖУКОВ

ОБОРОНА ТУПИКА

Москва: ЭКСМО,
2006. — 480 с.

(Серия
«Абсолютное
оружие»).
8000 экз.

Всего четыре–пять лет назад ниша конструирования ближайшего будущего была почти пуста. Теперь она стала чуть ли не самым оживленным местом на «континенте фантастики». Роман москвича Максима Жукова представляет собой жесткий боевик и в то же время «политтехнологический роман», где конструируется новый футурсценарий на период от «сейчас» до конца 20-х годов XXI века.

Несколько молодых интеллектуалов решают составить заговор, чтобы свергнуть нынешнюю правящую элиту России, заменить ее новой, построить в «одной, отдельно взятой» Православную цивилизацию, каждому гражданину страны дать любимое, настоящее дело, поправить экономику, вывести Россию из зависимости от Запада. Работа заговорщиков прописана в деталях, и роман из-за этого напоминает книгу Курцио Малапарте «Техника государственного переворота». Очевидно, такая начинка еще вызовет полемику. Можно сказать, это ноу-хау Жукова, поскольку в других романах последнего десятилетия, связанных с темой переворота («Демгородок» Ю.Полякова, «Выбраковка» О.Дивова), механизм реализации подавался бегло, расплывчато.

Автор пошел несколько дальше политтехнологического пласта. Одержав победу, бывшие заговорщики, а затем правители России столкнулись с проблемой на порядок более серьезной. Как оказалось, управление миром основывается на принципах, к людям не имеющим ни малейшего отношения, и вся человеческая социология может быть смело отправлена в корзину. Возникает вопрос: можно ли реализовывать свои планы, зная, что удача — результат поддержки манипуляторов с более высокого уровня власти? Читателю тут есть, что додумать.

И последнее: «Оборона тупика» — дебют Максима Жукова. Но при этом сюжет «завязан» профессионально, а батальная часть выполнена отлично. Последними дебютантами подобного уровня были Михаил Тырин и Андрей Плеханов... Словом, стоит присмотреться.

Дмитрий Володихин

Александр ШУБИН

**ВЕДЬМИНО
КОЛЬЦО.
СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ
XXI ВЕКА**

*Москва: Яуза —
ЭКМО,
2006. — 448 с.
(Серия «Поле
битвы Земля»).*
5000 экз.

Ближайшее будущее, изображенное в романе, выглядит географически конкретно и обескураживающе. Помимо Евросоюза присутствует Советский Союз, причем в пределах своих прежних границ; в Северной Америке всего два государства: США и Исламская Республика Америка; Латинскую целиком занимает Боливарианский Союз; на своих законных местах находятся Индийский и Китайский Союзы, а в Африке правит Халифат! И всем этим глобальным безобразием по воле автора правит Сеть. А самой Сетью управляет... случайность. Впрочем, искушенному читателю это вряд ли интересно. Любопытно другое: из каких таких паззлов писатель склеил-смонтировал свой виртуальный футурологический боевик?

Во-первых, Шубин явно неплохо знаком с пассионарными трудами Льва Гумилёва и геополитическими работами Сергея Переслегина. Во-вторых, неумеренно частое упоминание Крыма отсылает нас одновременно к Василию Аксёнову, Андрею Валентинову с его «Омегой» и к Василию Звягинцеву. В-третьих, многие техногенные сцены написаны откровенно под Василия Головачёва. И над всем романом гордо реет буреверстник Александра Проханова. А это означает, что книга, как это ни прискорбно, опять (уж сколько можно!) про Империю.

Справедливости ради нужно сказать, что в литературном плане придаться особо не к чему: не-сколько не слишком удачных диалогов да спорадические приливы типично интернетовской словоохотливости, а в остальном все крепко сшито-сбито, каждый паззл пригнан к соседнему плотно. Тогда почему роман столь неудобочитаем? Наверное, все дело в том, что он чудовищно фантастичен. Поясню. АБС завещали нам, что фантастика — это та же реальность, но только чуть-чуть искаженная фантастическими допущениями. В «Ведьмином кольце» заветный принцип равновесия беззастенчиво нарушен, и уже после первой трети романа автору откровенно не веришь.

Сергей Коротков

София
МАК-ДУГАЛЛ

ГРАЖДАНЕ РИМА

Москва — СПб.:

Амфора,

2006. — 672 с.

Пер. с англ.

В. Симонова.

(Серия «Вечная
Империя»).

3000 экз.

Развилки альтернативной истории уходят в прошлое на различные расстояния. Кто-то из авторов ограничивается легким изменением антуража современной реальности. Кто-то — меняет лицо мира, выворачивая наизнанку итоги мировых войн и революций. Кому-то же этого мало, и он творит новую историю с самых начал, с древнего мира. Так и появляются книги, в которых не умирает Александр Македонский или варвары не доходят до Рима. И сие коренным образом меняет судьбы тысячелетий. У профессиональных историков такие тексты нередко вызывают — и справедливо — ироничные улыбки. Но иногда они заставляют задуматься о действительно глубоком и важном.

Роман британской писательницы и поэтессы С.Мак-Дугалл из числа последних.

В ее варианте не было падения Римской империи. Граждане Рима открыли Америку, изобрели автомобиль — и все прочие блага цивилизации. Рим действительно стал Миром — во всяком случае, Западным Миром. На две тысячи лишних лет. В этом мире годы считают не от Рождества Христова, а от основания Города. Здесь крест — не символ Спасения, а по-прежнему орудие смертной казни. Здесь устояло классическое рабство. Здесь царствуют гордыня и интриги, не сдерживаемые ничем. Здесь само время ходит по кругу. Для всех любителей «радостной» античности, для всех ненавистников «мрачного» средневековья — мир-подарок.

И сама неестественность этого мира отвечает на простой вопрос — почему это не могло, не должно было длиться вечно. Почему пал Рим. И кресты с распятыми людьми, вынесенные на обложку русского издания, говорят об этом всем нашим современникам яснее всего. Но заставляют и мучиться иными вопросами, более актуальными для нас сегодняшних. Любая хорошая альтернативная фантастика — не просто игра ума на темы прошлого. Не ходим ли все время по кругу? Один ли Рим старался поглотить мир? И чем, в конечном счете, электрический стул лучше механизированного креста?

Сергей Алексеев

Дмитрий
ЯНКОВСКИЙ

ТЕНЬ МИРА

СПб.: Лениздат,
2006. — 352 с.
(Серия «Дракон».)
7000 экз.

Новый роман Дмитрия Янковского — своего рода ностальгия автора по тем временам, когда он работал в фэнтезийном ключе. В принципе, перед нами жанровый сплав: если начало книги — это бандитский детектив с элементами НФ, то вторая половина — типичная героическая фэнтези, где главный герой должен собрать необходимое количество магических артефактов (короткий меч Александра Македонского, тугой лук Седьмого короля эльфов и т.п.) и, заслоня собой прекрасную спутницу, совершить миссию по спасению мира. Точнее, сразу двух. Дело в том, что герой, рукастый и смекалистый автослесарь Андрей, попадает в другой мир, который является тенью нашего. Или находится в тени — здесь автор исчерпывающих объяснений не дает, полагая, что для поддержания читательского интереса вполне достаточно такой условной посылки.

Однако тяготение Янковского к «твердой» НФ дает о себе знать и там, где действуют законы магии и волшебства, а крылатые драконы и люди-рыбы являются неотъемлемой частью чудесной «теневого» быденности. Герой-автослесарь преодолевает все опасности со сноровкой, достойной находчивых жуль-верновских персонажей — на любое волшебство у него всегда в запасе пара-тройка технических приемчиков, воспринимаемых обитателями этого мира как неизвестная доселе разновидность магии. Впрочем, чудес ведь не бывает, верно? Бывают только непознанные закономерности.

Современных отечественных авторов не особо заботит чистота жанра — они предпочитают синтезировать различные направления и методы в рамках одного текста. «Тень мира» — лишнее подтверждение тому. Наверное, это все-таки science fantasy. Хотя и с энным количеством оговорок.

Итак, приключения начинаются. Автомеханик Андрей лезет под днище легкового автомобиля и обнаруживает там автоматический Стечкин, калибра 9 мм. Взять пистолет себе или вернуть на место?

Сергей Коротков

Мик ФАРРЕН

КОВБОИ ДНК

Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2006. — 286 с.

Пер. с англ.

В. Иванова.

(Серия

«Альтернатива.

Фантастика»).

3000 экз.

Время сыграло странную шутку с ранними книгами Мика Фаррена. Не слишком внимательный читатель, открыв «Ковбоев...», с усмешкой вздохнет: «Сколько же можно! Все это уже было — и сгенерированная компьютером реальность, и странные общества с нелепыми обычаями, и хипповатые герои, не способные различить явь и сложновыведенную галлюцинацию...» Однако ирония судьбы состоит в том, что эти идеи превратились в штампы спустя десятилетие после выхода романа Фаррена в 1976 году. Талантливый журналист и рок-музыкант попытался отразить дух бунтующих лет на страницах своих книг, действие которых разворачивается в самом отдаленном будущем. Это уже за создателем «Ковбоев ДНК» той же дорогой двинутся творцы киберпанка. Да, Фаррен, пожалуй, уступает Гибсону и Стерлингу в изощренности изображения виртуализированного грядущего. Но не будем забывать: он-то начал разрабатывать эти темы много раньше идолов киберпанка.

Герои романа, Билли и Рив, живут в городке Уютная Щель, где все потребности жителей обеспечивает Распределитель Материи. Большинство обитателей городка вполне довольны своим существованием; их даже не удивляет, что за пределами поселения простирается бесконечная пустота, преодолеть которую можно только при помощи «переносных стазис-генераторов», создающих реальность. И вот однажды Билли подбивает Рива на побег из Уютной Щели, и приятели начинают долгое странствие по различным областям мира, которые, скорее всего, не являются подлинными, а лишь сконструированы компьютерным механизмом «Она/Они».

Роман Фаррена — странный гибрид из раннего Вэнса и поздних текстов «Новой волны», но читается легко и с удовольствием. Одна беда — авторских ответов на возникшие в ходе чтения вопросы в конце «Ковбоев ДНК» не нашлось: все сюжетные линии провисли, а Билли-Аномалия уходит на запад, к новым приключениям.

Глеб Елисеев

**ЧЕРЕП
ШЕРЛОКА
ХОЛМСА.
Сборник
повестей
и рассказов**

*Москва: Форум,
2006. — 320 с.
(Серия «Другая
сторона»).*
4000 экз.

«...Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического музея до тех пор, пока не удастся получить самый оригинал. Не сочтите это за лесть, но я просто завидую такому черепу»... Не только доктор Мортимер завидовал черепу великого сыщика. Оказывается, тибетские монахи тоже не прочь были его заполнить, чтобы превратить в ритуальный сосуд. Так, по крайней мере, полагают Даниэль Клугер и Александр Рыбалка, придумавшие Холмсу еще одно приключение. Шерлок Холмс на Тибете? Почему бы и нет — раз уж он побывал в России. Теперь об этом мы знаем не только из мимолетного замечания доктора Ватсона, но и из рассказа Василия Щепетнева «Лето сухих гроз».

Фантасты любят детективы. Даже время от времени их пишут — в том числе и фантастические. В сборнике, который вполне можно было назвать «фантасты о Холмсе», мы найдем все, что угодно — и стилизацию под «викторианский детектив» Павла Амнузля, и мистику (тот же Василий Щепетнев), и пародию (Леонид Костюков), и «альтернативную холмсиану»... Кто только не проверял на прочность отношения знаменитой парочки «Холмс — Ватсон». Вот и Инна Кублицкая и Сергей Лифанов в своей повести «Часы доктора Ватсона» вывернули наизнанку устоявшиеся представления. Еще более неожиданный и запоминающийся ход сделал Нил Гейман в своем небьюловском рассказе «Этюд в зеленых тонах», из которого, в частности, нам будет ясно, как великий сыщик отнесся к пробуждению Ктулху.

Вариации, тексты «по мотивам» в фантастике столь обыденны, что здесь показательно одно: именно фигура Холмса оказалась культовой для фантастического сообщества — ведь, строго говоря, фантастического в этом цикле Конан Дойла нет. Но есть нечто большее — миф, универсальный, а потому многоликий и поддающийся самым неожиданным интерпретациям.

Татьяна Рудницкая

ОПАЛЯЮЩИЙ РАЗУМ

15 октября замечательному фантасту Генриху Альтову исполнилось бы 80 лет. Он ушел из жизни восемь лет назад и не успел увидеть, каким станет XXI век, о котором писатель размышлял и который приближал не только своими фантастическими идеями, но и работой над теорией решения изобретательских задач. ТРИЗ, созданная Генрихом Сауловичем Альтшуллером (Г.Альтовым), известна сейчас десяткам тысяч изобретателей.

Родился Генрих Саулович Альтшуллер в Ташкенте, но родители его были выходцами из Баку, и в Узбекистан их забросила журналистская судьба: отца пригласили работать в газету «Звезда Востока». Впрочем, ташкентский период в жизни семьи Альтшуллеров продолжался недолго. Когда Генриху исполнилось пять лет, семья вернулась в Баку, к морю, к запаху мазута и бакинскому национальному либерализму.

Генрих мечтал стать моряком и запоем читал книги о море, о путешествиях, приключения и фантастику. Закончив восьмой класс, он поступил учиться в военно-морскую спецшколу. Ему повезло, хотя в то время он не считал случившееся везением. Наступил 1941 год, началась война, и весь выпуск спецшколы был направлен на фронт. Весь — кроме Генриха, которому в то время не доставало одного года до призывного возраста. Пришлось вернуться в обычную школу.

Первое изобретение Генрих сделал, когда учился в десятом классе. Он даже получил на свой «аппарат для погружения в воду» авторское свидетельство, поскольку новизна конструкции была очевидна: кислород для дыхания впервые предлагалось получать из перекиси водорода.

В армию Генрих ушел в разгар войны, но его отправили не на фронт, а в запасной стрелковый полк, откуда он получил направление на учебу в летное училище.

Война закончилась, закончилась и учеба. Получив диплом, Генрих вернулся в Баку, был демобилизован и начал работать в патентном отделе Краснознаменной Каспийской флотилии.

* * *

Вместе со своим другом Рафаилом Шапиро Генрих увлекся изобретательством. Друзья изобрели новый тип катера и новую модель скафандра, но больше всего их интересовал принципиальный воп—

рос: можно ли научиться изобретать или этот дар — от Бога? И еще: почему в Советском Союзе так плохо относятся к изобретателям?

В Бога Генрих с Рафаилом, понятно, не верили и потому на первый вопрос ответили: да, можно. Более того, уже в те первые послевоенные годы друзья придумали несколько элементарных приемов, с помощью которых можно было если не делать изобретения с ходу, то, по крайней мере, хоть как-то систематизировать процесс обдумывания изобретательской задачи.

Ответить на второй вопрос вообще-то было проще, чем на первый, друзья не подумали только о том, в каком времени и в какой стране живут. О плачевном состоянии дел в советском изобретательстве Генрих Альтшуллер и Рафаил Шапиро написали большое аргументированное письмо и направили его в редакции сорока газет, а первый экземпляр — лучшему другу всех изобретателей, дорогому товарищу Сталину.

Результат не заставил себя долго ждать. Правда, оказался он не таким, какого ждали Генрих и Рафаил. Арестовали их в один и тот же час 28 июля 1950 года...

* * *

Познакомился я с Генрихом Сауловичем лет десять спустя, когда Альтшуллер и Шапиро уже вернулись из заключения и успели стать достаточно известными пи-

сателями: Генрих (под псевдонимом Г.Альтов) начал писать фантастику, а Рафаил (под псевдонимом Р.Бахтамов) — научно-популярные книги. Рассказы Альтова я, тогда еще ученик девятого класса, читал в журналах, а книжку «Легенды о звездных капитанах», выпущенную Детгизом в 1959 году, приобрел из-под полы. Вот были времена: стотысячные тиражи фантастики расходились еще до того, как попадали на прилавки магазинов, и «достать» фантастику можно было разве что по большому благу...

Я и сам пытался писать (интересно, был ли в те годы кто-нибудь, кто не написал хотя бы один опус о грядущих космических успехах Советской державы?) — понятно, на каком уровне, но рассказ напечатала «Техника—молодежи», и Альтов, никому и никогда не делавший скидок ни на возраст, ни на неопытность, опубликовал в «Литературной газете» статью о состоянии советской фантастики, в которой было упомянуто и мое имя. «Зачем, — спрашивал Альтов, — журнал напечатал заведомо слабый рассказ только потому, что автору всего пятнадцать лет?»

Сейчас я уже не помню, о чем мы говорили (точнее, о чем говорил Генрих Саулович, а я слушал) в вечер нашего знакомства. Альтов никогда не учил меня писать фантастику, он лишь рассказывал, какой, по его мнению, фантастика должна быть — а ты, мол, делай

свои выводы и принимай собственные решения. В памяти эти ранние разговоры о фантастике не сохранились, и первое мое яркое воспоминание о беседах с Альтовым — дождливый бакинский вечер и рассказ Генриха о том, как его и Рафика арестовали в один день и час...

Рассказ был подобен пунктиру — Альтов подробно останавливался на каких-то, возможно, не очень важных эпизодах, а важное пропускал, я не перебивал, но не уверен, что запомнил все. То есть наверняка уверен, что всего не запомнил. А больше такого случая не представилось — Генрих Саулович не любил вспоминать «то время».

* * *

Генриха привезли в Москву — в Бутырку. На первом же допросе следователь предложил сделку:

— Все равно подпишете что надо, и потому, во-первых, лучше не тратить зря времени, а во-вторых, назовите того, кто вас, молодого и неопытного, втянул в гнусную политическую интригу против советской власти. Если большая часть вины лежит на ком-то, то на вас, соответственно, меньшая. Надо только выбрать человека, которого...

— Предать?

— Это не предательство, — настаивал следователь. — Допустим, человек уже умер, ему все равно, а вам будет облегчение участи. — И уточнял: — Отец ваш скончался,

верно? Допустим, он вас в антисоветскую деятельность и втравил...

Не знаю, каким взглядом посмотрел на следователя Альтшуллер, когда услышал это предложение. Не знаю, какие в точности слова сказал. На мой вопрос Генрих Саулович ответил коротко:

— Я отказался.

И рассказал о том, как проводились допросы. Впоследствии мне много раз приходилось слышать об этой методике, впоследствии мне вообще много чего довелось читать о сталинских застенках и лагерях (от А.Солженицына до В.Шаламова и В.Разгона), но в тот вечер (еще не был опубликован даже «Один день Ивана Денисовича»!) многое я узнал впервые, и потому впечатления были подобны взгляду в неожиданно разверзшуюся под ногами пропасть.

* * *

Допросы продолжались из ночи в ночь, и несколько суток спустя усталость стала невыносимой. Человек может прожить месяц без пищи, две недели — без воды, но без сна не больше нескольких дней, в психике происходят необратимые изменения, можно сойти с ума, но прежде заключенный подпишет любую бумагу, что подсунет следователь.

Нужно было придумать способ хоть немного спать днем, но так, чтобы надзиратели этого не заметили. Лежать нельзя. Стоя не уснешь — человек все-таки не ло-

шадь. Значит, надо было спать сидя, но вертухай заглядывал в глазок каждые четверть часа и, если бы увидел заключенного, сидевшего с закрытыми глазами, немедленно его разбудил бы. Надо было спать сидя, но с открытыми глазами.

Типичная изобретательская ситуация: спать нужно, но спать нельзя. Как разрешить противоречие? Генрих придумал. Заключенным позволяли курить, и у Генриха была пачка «Беломора». Ножницы заключенным не полагались — пришлось аккуратно оторвать от пачки два кусочка, размерами и формой похожие на глазницы. Писать тоже было нечем, поэтому он воспользовался обгоревшей спичкой и изобразил в центре каждой «глазницы» черные точки—зрачки. Генрих сел на нары, прислонился к стене, закрыл глаза и приложил к каждому глазу по бумажке. Изда- лека это выглядело так, будто человек сидит на нарах и внимательно глядит перед собой. Если всмотреться, то можно было, наверное, понять: что-то не в порядке. Но надзиратель обычно бросал беглый взгляд: спит заключенный? Не спит, сидит на нарах, глаза открыты...

Шли дни, заключенный почему-то не «ломался», хотя, как докладывали надзиратели, не спал ни минуты. Ночные допросы прекратились, когда заменили следователя. Видимо, новый не любил спать днем...

* * *

Следствие завершилось, и Альтшуллера вызвали в суд.

— Я думал, — рассказывал Генрих Саулович, — точнее, надеялся на то, что будет хотя бы видимость судебного заседания: обвинитель, судья, заседатели... Без защитника, но защищать я собирался себя сам. Понимал, что получу срок — ну, сколько мне могли дать? Пять лет, семь?.. Все оказалось проще и стремительней: в маленькой комнате сидели за столом три человека в форме, меня ввели, один из них встал и огласил приговор: двадцать пять лет лагерей. Я сначала не понял и переспросил: сколько, пять? Мне все еще мерещилась эта цифра. «Двадцать пять», — повторил человек во френче. И тогда я потерял сознание...

* * *

В 1953 году умер Сталин, из лагерей выпустили уголовников, до политических очередь дошла не сразу, в 1954 году Альтшуллер все еще «руководил» шахтой в Воркутлаге, а его мать, ничего не зная о судьбе сына, продолжала — вот уже пятый год — добиваться справедливости, ездила в Москву, где получала из разных инстанций одни отписки.

Она покончила с собой за несколько месяцев до того, как дело ее сына было пересмотрено, и он вернулся домой, в Баку, после пятилетнего отсутствия.

Одновременно с Генрихом вернулся и его друг Рафаил Шапиро, также получивший свои двадцать пять.

На последний суд, отменивший приговор, Генриха Сауловича везли через всю страну: Воркута—Москва—Ростов—Баку. В родном городе на вокзале его ждал «черный ворон». Было такое же пекло, как тогда, в сорок девятом. В «воронке» оказалось две камеры, два металлических «шкафа», в один из которых посадили Альтшуллера, а в другой — беременную женщину. Женщине было плохо, она просила открыть двери, а потом, чувствуя, что больше не выдержит, начала страшно кричать...

— За все годы лагерной жизни, — вспоминал Генрих Саулович, — я ни разу не плакал. Но тогда... Я слышал ее крики и думал: «Какого черта я тратил ум и энергию, изобретая газотеплозащитный скафандр? Нужно было изобрести что-нибудь, что не позволяло бы сажать беременных женщин в шкаф и пытать жарой». И я поклялся, что, если выживу, брошу методику изобретательства, потому что все это человечеству ни к чему не нужно...

* * *

Клятвы своей Генрих не сдержал. Он занялся исследованием объективных законов изобретательского творчества, поскольку уже тогда был уверен в том, что «изобретательское творчество

связано с изменением техники, развивающейся по определенным законам. Создание новых средств труда должно, независимо от субъективного к этому отношения, подчиняться объективным закономерностям».

Эта цитата из статьи Г.С.Альтшуллера и Р.Б.Шапиро «О психологии изобретательского творчества», опубликованной в шестом выпуске журнала «Вопросы психологии» за 1956 год. Именно эта статья и эта дата открывают историю создания ТРИЗ — теории решении изобретательских задач.

Наука об изобретательстве началась, естественно, с систематизации всех изобретений: нужно было все разложить по полочкам и попытаться понять, как удалось сделать то или иное конкретное изобретение. Из этой работы (Г.С.Альтшуллер перелопатил сотни тысяч авторских свидетельств!) возник первый в истории техники «алгоритм изобретения» — набор правил, которыми должен руководствоваться изобретатель в своей работе. Первый алгоритм состоял из четырех «шагов», был прост, но достаточно эффективен. С помощью алгоритма образца 1959 года уже делались изобретения!

С помощью того же алгоритма можно было не только изобретать, но и фантазировать, придумывать идеи, за которые авторское свидетельство получить невозможно.

Идеи, которые невозможно (пока!) внедрить в производство. Что оставалось? Написать фантастический рассказ.

* * *

В 1958 году родился писатель-фантаст Генрих Альтов.

В Советском Союзе никто не писал такую фантастику, какую создавал Альтов. Рассказы его были насыщены новыми идеями и уже потому казались трудными для чтения. Только казались: достаточно было вчитаться, привыкнуть к сухому, информативному стилю, и рассказы эти оживали, персонажи переставали выглядеть ходячими энциклопедиями и становились людьми с трудной — как у автора — судьбой.

Первый фантастический рассказ Г.Альтова «Икар и Дедал» был опубликован в журнале «Знание—сила» (№ 9, 1958). Это была не просто новая версия древнегреческого мифа — небольшой рассказ стал гимном науке, астронавтике, но главное, гимном человеку-исследователю (да и написан рассказ в стиле, близком к оде или гимну).

Первым «твердым» НФ-произведением Г.Альтова стало «Подводное озеро» («Техника—молодежи», № 3, 1959). Рассказ этот можно считать своеобразной заявкой на открытие — литературная сторона осталась на втором плане, автора интересовала придуманная им идея существования

глубоко под водой огромных «пузырей» нефти, своеобразных подводных месторождений. Оставаясь по форме близким к аналогичным рассказам так называемой фантастики ближнего прицела, «Подводное озеро» отличалось отopusов Немцова или Сапарина, как реактивный истребитель — от самолетов братьев Райт. Реактивный самолет качественно отличается от винтового. Идея подводного месторождения также несла в себе новое качество — в отличие от немцовских электрических тракторов или миниатюрных телекамер.

Главная мысль Г.Альтова, которую он не устал повторять всякому, кто вступал с ним в дискуссию о принципах фантазирования, была такой: научно-фантастическая идея должна быть новой качественно, должна принципиально менять прототип, а не вводить усовершенствования вроде еще одного сервомотора в автомобиле или увеличения размеров уже существовавших в то время телевизионных систем.

В фантастике было очень мало действительно прогностических идей (сейчас их, к сожалению, больше не стало). НФ Г.Альтова, начиная уже с «Подводного озера», отличалась тем, что в ней была чрезвычайно велика доля именно таких идей — идей-изобретений, идей-открытий, в отличие от идей-рацпредложений, весьма в то время популярных.

В рассказе «Богатырская симфония» можно найти прогностическую научно-техническую идею межзвездного возвращаемого корабля-автомата, в рассказе «Полигон «Звездная река» — идею не просто прогностическую, но революционную по сути. В то время Г.С.Альтшуллер уже сформулировал главные приемы, с помощью которых алгоритм изобретений позволял устранять технические противоречия. И естественно, что писатель-фантаст Г.Альтов взял эти приемы на вооружение. В данном конкретном случае речь идет о самом простом и популярном приеме — приеме увеличения.

В качестве объекта, подлежащего увеличению, в рассказе «Полигон «Звездная река» была избрана мировая постоянная — скорость света. Скорость света неизменна в любой системе отсчета — таков основной принцип частной теории относительности. Ну и что? Увеличим эту скорость! (Таков еще один прием создания фантастических идей — изменить то, что считается неизменным.) «Если свет излучается в очень мощном импульсе, — утверждает герой рассказа, — то скорость пучка может намного превысить стандартные 300 тысяч км/сек».

В рассказах конца 50-х — начала 60-х годов Г.Альтов только нащупывал пути создания принципиально новых прогностических идей, как и путь создания собственного литературного героя. Путь

этот был пройден к середине шестидесятых.

* * *

Принято считать, что в рассказах Г.Альтова главными персонажами были научно-фантастические идеи, а люди играли роли второго плана и совершенно, в отличие от идей, не запоминались. Принято считать, что Г.Альтов утверждал: главное в фантастике — это идеи, все остальное несущественно.

Мифы живучи, но это всего лишь мифы. Г.Альтов никогда не говорил, что люди в фантастике — ничто, а идеи — все. Он утверждал, что хорошая фантастика немыслима без новых идей, и разве это не так на самом деле? Разве может запомниться персонаж, изрекающий банальности, повторяющий то, что до него уже сотни раз говорили другие, или совершающий все те же, всем известные, подвиги?

«Персонаж не может быть умнее автора, — говорил Генрих Саулович, — и сколько бы автор ни называл своего героя гениальным ученым, достаточно прочитать, что этот «гений» изрекает, и становится понятно, что «новую теорию мироздания» автор вычитал в журнале «Знание—сила»... Новая научно-фантастическая идея — это каркас, без которого невозможно построить здание рассказа. Но один лишь каркас — не дом, жить в нем невозможно. Хороший

фантастический рассказ не получится, если у автора нет сверхзадачи, если ему, как личности, нечего сказать читателю. Зачем ты взялся за перо? Чтобы рассказать о замечательной идее? Тогда пиши научно-популярную статью, при чем здесь литература?.. Если реалистическая литература — чело-вековедение, то фантастика — мироведение. Писателю-реалисту достаточно изобразить характер и отразить реальность. Фантаст должен еще и создать свой мир, свою вселенную... И еще в рассказе должна быть масса мелочей, деталей, без которых мир останется неживым, не запомнится. Детали создают ткань рассказа. А настроение рассказу придает стиль. Рассказ может быть грустным, веселым, он может ужасать, заставлять задуматься, может даже изменить жизнь читателя. Но нейтральным, безразличным рассказ не должен быть никогда... Если все это тебе удастся, то и рассказ получится».

Герои рассказов Г.Альтова были личностями, как сам автор: и звездный капитан Зорох, утверждавший, что разбегание галактик — следствие астроинженерной деятельности сверхцивилизаций («Порт Каменных Бурь»), и добрый отшельник Антенна, изобретатель универсального ферромагнитного порошка и лазерного звездолета, о возможности которого впоследствии было написано немало научных статей («Ослик и аксиома»), и

Панарин с Витовским, открывшие множественную память («Клиника Сапсан»), и Осоргины, отец с сыном, построившие уникальный корабль, использующий для движения энергию волн цунами («Создан для бури»).

Последним большим НФ-произведением Г.Альтова стала так и не дописанная до конца повесть «Третье тысячелетие» (1974). Повесть эта (а может, это был бы роман — сюжет так и остался очень далеким от завершения) должна была выйти в издательстве «Молодая гвардия», где в шестидесятых и начале семидесятых годов публиковали лучшую в СССР фантастику. Но в 1974 году старую редакцию С.Жемайтиса разогнали, а «новой поросли» научно-беспартийная фантастика Г.Альтова была не нужна. Договор расторгли, повесть осталась недописанной, книга не вышла.

К фантастике Г.Альтов больше, к сожалению, не возвращался — у автора ТРИЗ было более чем достаточно другой работы.

Свою долю критики он, однако, получить успел. Не за то, что идеи у него были «живее» людей, не за то, что для юношества он писал сложнее, нежели иные авторы для умудренных жизненным опытом читателей. Когда был опубликован рассказ «Порт Каменных Бурь», на Г.Альтова со страниц газеты «Известия» обрушился известный в те годы философ, академик В.Францев. Дело в том, что герой расска-

за космонавт Зорох, живущий, понятно, при коммунизме, имел дерзость задуматься над тем, какая общественная формация придет коммунизму на смену. Все ведь развивается — значит, и коммунизм не может быть последней точкой в истории человечества. Так что же будет потом?

Ответа Г.Альтов не дал, только вопрос поставил. Но уже и это было по тем временам кощунством. Вообще-то после критической статьи в центральной газете иным авторам вовсе закрывали дорогу в издательства. Альтов, однако, продолжал писать так, как считал нужным. Кстати, он вовсе не считал необходимым для фантастики заниматься социальной критикой и показывать властям, как он говорил, «кукиш в кармане».

— Государственный строй таким образом не изменишь, — говорил он, — а научной фантастике только навредишь. Перепугавшись намеков, начальство вообще прикроет эту область литературы — от греха подальше.

Как в воду глядел...

В Союз советских писателей фантаста Г.Альтова не приняли, хотя принимали, как известно, порой таких слабых авторов... Кто их сейчас помнит?

На заседании президиума СП Азербайджана у Альтова спросили:

— Почему вы все время о будущем пишете? Почему бы вам не поездить по республике, не написать о героях труда нашего, а не

будущего времени? Хороший роман получился бы.

— Если такой, какие пишут сидящие здесь авторы, — ответил Альтов, — то лучше не надо. Вы думаете, это — литература?

Естественно, президиум проголосовал «против»...

* * *

После 1974 года Г.Альтов написал около десятка небольших фантастических рассказов для газеты «Пионерская правда», где он в течение нескольких лет вел страничку «И тут появился изобретатель». Однако исследовать эту область литературы Г.Альтов продолжал — с иных позиций. Он собрал и систематизировал уже существовавшие НФ-идеи. Прделав работу, аналогичную той, что была сделана уже для систематизации изобретений, Г.Альтов создал «Регистр научно-фантастических идей и ситуаций», куда вошли около 10 тысяч идей (новую фантастическую ситуацию можно, в принципе, приравнять к новой идее, поскольку она выполняет аналогичную функцию в производстве). Все собранные идеи были разделены на 10 классов. Каждый класс содержал идеи, разделенные на подклассы, группы и подгруппы, что позволило впоследствии, пользуясь однородным материалом, сформулировать основные приемы создания новых НФ-идей. На Западе уже в то время существовали достаточно обширные зн-

циклопедии фантастики, однако в этих изданиях не были практически никак отражены идеи русской и советской фантастики, и кроме того, западных систематизаторов не интересовала «тонкая» градация идей, и потому популярные энциклопедии разделяют фантастическую литературу по ее поджанрам, а не по однородности идей и ситуаций. Работа же Г.Альтова, в свою очередь, имела тот (вполне естественный для шестидесятых и даже более поздних годов) недостаток, что в Регистре содержатся в большинстве идеи русской и советской фантастики.

Г.Альтов писал в статье «Для чего нужен Регистр НФ-идей»:

«Такого рода исследования — на всю жизнь (и не на одну жизнь). Эта работа требует сил большого творческого коллектива. Но кто бы ни вел такое исследование, он должен ясно себе представить цель работы и «что мы ищем». Ищем мы законы развития интеллектуальных, развивающихся систем».

Работа над Регистром была прервана в начале восьмидесятых годов — чрезвычайная занятость не позволяла автору ТРИЗ уделять классификации идей достаточного времени, и Регистр эпизодически пополнялся усилиями учеников Г.Альтова.

Даже и сейчас, когда русскоязычному читателю стали доступны практически все наиболее достойные произведения (и идеи) за-

рубежных фантастов, как прошлых лет, так и наших современников, ценность Регистра для анализа НФ-идей не уменьшилась. Собранного в Регистре материала достаточно для более углубленного анализа, чем тот, что уже был проведен, и эта работа еще ждет своего исполнителя.

В течение многих лет Регистр был доступен лишь немногим, потому что существовало всего шесть машинописных копий — на тонкой папиросной бумаге. И лишь недавно электронная версия Регистра появилась в интернете, на официальном сайте Г.С.Альтшуллера: <http://www.altshuller.ru/head.asp>.

Проанализировав идеи, собранные в Регистре, Г.Альтов выявил несколько методов, с помощью которых создаются научно-фантастические гипотезы.

Первым стал этажный метод. Вот его суть. Выберем объект, развитие которого хотим предсказать. Г.Альтов, например, писал о том, какие фантастические изменения могут произойти с объектом «космический скафандр». Выбрав объект, определим и цель его существования. Для чего нужен скафандр? Чтобы оградить человека от влияния космоса: от вакуума, жесткого излучения и т.д. Итак, мы выбрали объект и цель.

Первый этаж схемы представляет собой использование одного объекта (в нашем случае — одного скафандра). Человек в скафандре — это давно не фантастика,

это работы в открытом космосе советских и американских космонавтов.

Этаж второй — много объектов (скафандров). Это и расселение людей в космосе, и эфирные города К.Э.Циолковского, описанные, в частности, А.Беляевым в романе «Звезда КЭЦ»: люди живут в защищенных от влияния космоса помещениях, выходят в скафандрах в открытый космос. На втором этаже возможны варианты: «очень много скафандров», «небольшое число скафандров» и т.д. Скажем, настанут времена, когда выпуск скафандров будет количественно ограничен, т.е. производство скафандров свертывается, когда их число достигает 500 (или, может быть, 500 тысяч). Фантастическое допущение создает сюжетные коллизии (скафандр — редкость, за обладание им ведется жестокая борьба) и позволяет на этом воображаемом полигоне проверить те или иные тенденции реальной космонавтики.

Этаж третий — достижение тех же целей, но уже без объектов (скафандров). Человек защищен от вредных влияний космоса, но скафандра на нем нет. Если на первых двух этажах шло наращивание количества объектов, то здесь необходимо учесть возможный качественный скачок, придумать качественно новую фантастическую ситуацию, предсказать если не открытие, то, по крайней мере, изобретение будущего. В

научно-фантастической литературе можно найти предсказания и третьего этажа: это, прежде всего, так называемая киборгизация человека, создание разумных существ, в которых объединены лучшие качества человека и машины.

Этаж четвертый — ситуация, когда отпадает необходимость в достижении поставленной цели. В нашем случае — это ситуация, когда нет больше необходимости защищать человека от влияния космоса. Если на третьем этаже фантасты изменяли человека, приспособлявая его к условиям космоса, то теперь пойдет речь о том, чтобы изменить внешнюю среду: если исчезнет вредное влияние космоса, то и защищать человека не понадобится. В повести «Третье тысячелетие» Г.Альтов предложил идею Большого Диска. Вещество Юпитера распыляется и рассеивается по всей Солнечной системе, в плоскости эклиптики образуется диск из газа и пыли, плотность которого близка к плотности земной атмосферы на небольшой высоте. Дышать этим воздухом нельзя (впрочем, можно создать и Диск, насыщенный кислородом), но в такой межпланетной атмосфере летают на обычных реактивных самолетах и даже на воздушных шарах. Между планетами появляются облака и тучи, гремят грозы, и Солнечная система принимает значительно более обжитой вид.

Разумеется, рассмотренные здесь идеи третьего и четвертого этажей — вовсе не единственно возможные. Каждый автор волен придумать свой вариант ответа на вопрос, поставленный этажной схемой.

* * *

Фантастическую идею можно получить с помощью методов, используемых также и в изобретательстве. Ведь хорошая НФ-идея — это, по сути, тоже изобретение или открытие, только мысленное, но разве мысленные эксперименты не стали в свое время важным инструментом физической науки?

Неплохие результаты дает, например, морфологический метод, придуманный астрофизиком Ф.Цвикки еще в начале сороковых годов XX века. Цель морфологического анализа — систематический обзор всех мыслимых вариантов некоего явления.

Как и при работе с этажной схемой, выбираются объект или явление, которые мы хотим исследовать. Затем составляется таблица (морфологический ящик), на одной оси которой записываются все мыслимые параметры объекта, а на другой — все варианты и значения этих параметров. Из таблицы можно теперь выбрать те клетки, в которых заключены самые невероятные сочетания параметров. Сам Цвикки с помощью своих морфологических ящиков предсказал в свое время существова-

ние нейтронных звезд и черных дыр (он называл их «адскими звездами»).

Г.Альтов пошел дальше американского астрофизика — он дополнил двумерный морфологический ящик третьей осью: осью изменений. Это уже из ТРИЗ, где для разрешения технических противоречий изобретатели используют стандартные приемы, выявленные в результате анализа сотен тысяч изобретений. А в результате анализа тысяч НФ-идей удалось выявить десятка два приемов, которые не годятся для изобретательства (слишком сильны!), но помогают автору, работающему в жанре научной фантастики. Трехмерная таблица (свойства объекта + варианты свойств + изменения вариантов) была названа фантограммой. Так Г.Альтов создал еще один очень эффективный метод конструирования НФ-идей.

* * *

В шестидесятых годах в Баку активно работала Комиссия по научно-фантастической литературе при Союзе писателей Азербайджана. Председателем был Евгений Львович Войсунский. Комиссия регулярно собиралась, мы показывали друг другу свои новые вещи, ожесточенно обсуждали и осуждали, невзирая на возраст и регалии. Старшим порой доставалось не меньше, чем молодым. Старшими в то время были, кроме Е.Войсунского, И.Лукодянов,

Р.Шапиро (Бахтамов), В.Журавлева и, конечно, Г.Альтов.

В 1967 году Г.Альтов предложил провести всесоюзный опрос читателей фантастики — первый и, по-моему, последний не только в СССР, но и в постсоветской России. Конечно, опросы проводятся и сейчас — в частности, журналом «Если», — но обычно читателям задают один-два вопроса, связанные с той или иной фантастической тематикой. А универсального исследования, в ходе которого стало бы ясно отношение читателей к разным поджанрам фантастики и к целому ряду других проблем, связанных с развитием жанра, — такого исследования больше не было.

Г.Альтов составил анкету, включавшую три десятка вопросов, обращенных к читателям фантастики: какой из поджанров они предпочитают (приводился список), каких авторов (список включал все известные фамилии), нужен ли журнал фантастики, возможна ли фантастика без фантастических идей и так далее. Каждый из вопросов предусматривал несколько вариантов конкретных ответов — нужно было только подчеркнуть искомый.

Анкета содержала список из нескольких десятков книг советских писателей-фантастов — читатели должны были поставить около названия книги крестик, если книга понравилась, или минус, если не понравилась. Чтобы полу-

чить количественные оценки, Альтов придумал формулу: из числа плюсов вычиталось число минусов, а затем результат нужно было поделить на число читателей. Книгу, которую никто не читал, естественно, из рассмотрения исключали — нельзя ведь делить на нуль!

А для того, чтобы оценить «уровень шума» — иными словами, выяснить, помнят ли читатели прочитанное, — Г.Альтов предложил включить в список «контрольную книгу»: автора и название, не существующие в природе. Так появились «Долгие сумерки Марса» некоего Н.Яковлева — название и фамилия достаточно типичные. Если читатель «проглатывает» книги, не очень задумываясь над содержанием, то вполне может и Яковлева «вспомнить»...

На ротапринте анкету размножили в количестве нескольких тысяч экземпляров. Позже дома у Г.Альтова штабелем лежали заполненные анкеты, присланные из разных городов, от Владивостока до Минска, и мы переносили на отдельный лист крестики и черточки, считали и пересчитывали... Наконец стало ясно, во-первых, что читатели не отдают предпочтения ни одному из поджанров фантастики. «Фантастика нужна всякая, — был сделан вывод. — Социальная вовсе не имеет преимуществ перед научно-технической. У каждого поджанра есть свой читатель, и критики не должны гово-

рять: такая-то фантастика советскому человеку нужна, а такая-то нет».

И еще: оказалось, что многие авторы, считавшиеся популярными, пишут произведения, вовсе не запоминающиеся! Дело в том, что несуществующий Н.Яковлев неожиданно оказался не в конце списка, как следовало бы ожидать, а в самой середине. Людей, «прочитавших» это эпохальное произведение, оказалось больше, чем тех, кто помнил, например, считавшуюся классикой жанра «Планету бурь» А.Казанцева!

Ниже Яковлева в списке оказались не только Казанцев, Немцов и другие авторы фантастики ближнего прицела, но и кое-кто из писателей, очень популярных в середине шестидесятых. Я сейчас не помню конкретных фамилий, да это и не столь важно. Когда результаты анкетирования были опубликованы, обиженными посчитали себя все писатели-фантасты, оказавшиеся ниже «уровня шума». Обижались почему-то не на себя — не смогли написать упоминающихся произведений! — а на Г.Альтова, как на зачинателя и вдохновителя этого «гносного мероприятия».

Альтову было не привыкать. Незадолго до того он уже набил немало шишек, когда в течение двух лет руководимые им ребята из Клуба любителей фантастики при МГУ присуждали по итогам года премию за худшее произведе-

ние научной фантастики. Премия называлась «Гриадным крокодиллом» (по печальной памяти «Гриаде» А.Колпакова — нам казалось, что ничего хуже в фантастике написать просто невозможно). Первый «Гриадный крокодил» был присужден книге М.Емцева и Е.Парнова «Падение сверхновой», второго «крокодила» получил А.Полещук за роман «Ошибка инженера Алексеева».

На «Гриадного крокодила» смертельно обиделись не только «лауреаты», но и вся элита фантастов — ведь каждый мог оказаться следующим!

А тут еще анкета...

* * *

Масса времени уходила у Г.Альтова на переписку с изобретателями, разработку новых методик в ТРИЗ — по сути, Генрих Саулович работал как целый научно-исследовательский институт, и помогала ему в этом только его жена Валентина Николаевна Журавлева, тоже вынужденная забросить фантастику (кто в шестидесятых годах не знал Валентину Журавлеву, автора замечательных рассказов «Нахалка», «Звездная рапсодия», «Леонардо», а позднее — цикла о психологе Кире Сафрай), поскольку работа над ТРИЗ требовала полной самоотдачи.

В семидесятых годах в СССР начали работать общественные школы ТРИЗ, проводились семи-

нары; в восьмидесятих годах число школ ТРИЗ достигло нескольких сотен, и Г.Альтов составлял для преподавателей методические пособия, сам вел обучение в Азербайджанском Общественном Институте изобретательского творчества. Кроме основ ТРИЗ на курсах и в школах преподаватели учили и творческому воображению, без которого невозможно стать изобретателем. Г.Альтов попросил меня написать учебное пособие по РТВ (развитию творческого воображения), и я это сделал, а затем Генрих Саулович пришел к выводу, что слушателям трудно ориентироваться в море научной фантастики (без чтения которой невозможно развить воображение), если не снабдить их надежным «компасом» — шкалой оценки научно-фантастических идей. Такую шкалу мы и придумали в 1986 году: называлась она «Фантазия-2» (первый вариант был опробован на занятиях РТВ и оказался недостаточно эффективным).

Научно-фантастическая идея оценивалась по четырем критериям: новизне, убедительности, человековедческой ценности и художественному уровню воплощения идеи. А чтобы дать выход собственным пристрастиям «оценщика», добавлялся пятый критерий: субъективная оценка.

Оценки НФ-идей по этой шкале оказались вполне объективными — во всяком случае, самые

разные читатели, обладавшие самыми разными познаниями в фантастике и самыми разными вкусами, давали той или иной идее приблизительно одинаковые оценки по 20-балльной шкале. Разброс обычно составлял не больше 1—2 баллов.

Изобретатели и сейчас пользуются этой шкалой, оценивая фантастические идеи, а вот у большинства авторов-фантастов «Фантазия-2» вызвала активное неприятие. Повторилась ситуация «Гриадного крокодила» — идеи большинства советских фантастов, как ни старайся их поднять повыше, все равно оценивались по этой шкале невысоко, они даже у очень популярных авторов не получали и 10 баллов. Как тут не обидеться — не на себя, естественно, а на авторов шкалы...

— Разве можно, — говорили обиженные, — оценивать литературное произведение по каким-то баллам? Это же такие тонкие движения души...

— Почему, — отвечал Г.Альтов, — фигурное катание оценивать можно — и даже очень точно, а научно-фантастическую идею оценить невозможно?

Боюсь, что если оценить по этой шкале современные научно-фантастические идеи, результат окажется еще более плачевным...

* * *

В истории фантастики были авторы, которым не важны новые

идеи, авторы, использовавшие фантастику как метод, как антураж, как место действия. Но были и другие авторы, последователем которых мог считать себя Г.Альтов — писатели, для которых именно новая идея становилась побудительным стимулом в творчестве. Это Жюль Верн, Герберт Уэллс, Александр Беляев, Хьюго Гернсбек. Для исследователя эволюции фантастических идей произведения этих авторов стали таким же аналитическим полем, как для исследователя эволюции технических идей Г.Альтшуллера — тексты авторских свидетельств на изобретения и открытия.

Изучая авторские свидетельства, Г.Альтшуллер формулировал приемы изобретательства. Изучая идеи писателей-фантастов, Г.Альтов формулировал приемы создания новых идей. Поэтому вполне естественно появление очерков «Судьба предвидений Ж.Верна» («Мир приключений», Детлит, 1963), «Перечитывая Уэллса» («Эти удивительные звезды», Азернешр, 1966) «Гадкие утята фантастики» («Полюс риска», Гянджлик, 1970). Г.Альтов внимательно перечитал произведения классиков жанра и выделил конкретные научно-фантастические идеи, проследив за тем, когда и как эти идеи были (если были) реализованы.

В очерке «Гадкие утята фантастики», посвященном предвидениям А.Беляева, Г.Альтов писал:

«Когда размышляешь над собранными в таблицу идеями и потом перечитываешь написанное Беляевым, начинают вырисовываться некоторые общие принципы.

Есть три типа идей:

1. Признанные идеи.
2. Идеи, не успевшие получить признания, но еще и не отвергнутые.
3. Идеи, осуществление которых считается невозможным.

...Гадкие утята фантастики прячутся, как правило, среди идей третьего типа. В сущности, гадкий утенок и есть «невозможная» идея, которая в будущем станет возможной».

История фантастики показывает: осуществляются и остаются в памяти читателей идеи именно третьего типа — невозможные, безумные, противоречившие (казалось бы!) в момент публикации науке, технике, а порой и здравому смыслу. Почему же осуществлялись такие идеи? Конечно, не по воле случая. Автор-фантаст, прогнозируя развитие той или иной научно-технической области, не боится качественных скачков — тех самых скачков, которых не умеет предвидеть футурология, от которых шарахаются ученые-прогнозисты, да и большая часть соотечественников по перу, для коих фантастика — всего лишь сцена для разыгрывания увлекательных представлений.

Г.Альтов показал в своих очерках, что Ж.Верн, Г.Уэллс и А.Беляев

ев ошибались чаще всего именно тогда, когда пренебрегали качественными скачками, когда были недостаточно смелыми и проходили мимо безумных, как тогда казалось, идей. Безумной в свое время была идея человека-амфибии. Безумной была идея путешествий во времени. И даже идея летательного аппарата тяжелее воздуха («Властелин мира» Ж.Верна) выглядела безумной — между тем до первых самолетов оставалась всего четверть века.

* * *

В 1990 году Генрих Саулович Альтшуллер и его жена и верная помощница Валентина Николаевна Журавлева переехали из Баку в Петрозаводск. Это был естественный поступок. Баку к тому времени перестал быть прежним интернациональным городом, и романтика моря сменилась напряженным ожиданием новых боев в Карабахе, и люди начали уезжать — кто на север, кто на запад, а кто и вовсе за океан.

24 сентября 1998 года Г.С.Альтшуллера не стало. Он не успел увидеть XXI век...

* * *

В XX веке было достаточно революций — научных, технических, социальных. Одни революции принесли человечеству неисчислимые несчастья, другие сулили немислимые прежде возможности. У каждой революции была своя цель,

зачастую достойная лишь на словах, но малопривлекательная на деле.

Создав ТРИЗ, Г.С.Альтшуллер совершил революцию в мышлении — не только техническом, идеи ТРИЗ еще будут восприняты теорией научного познания и лягут в основу науки будущего: науки о том, как делать научные открытия. Революция, совершенная Г.С.Альтшуллером, имеет достойную цель, ради достижения которой создатель ТРИЗ прожил нелегкую жизнь. Цель эта — идеальность прогресса. Идеальная техника, ведомая идеальной наукой и создаваемая идеальным человеком, способным лишь на добрые дела.

Возможно, цель эта недостижима, как недостижим любой идеал. Но лишь ставя перед собой недостижимые цели, творческая личность способна преодолеть собственную инерцию, подняться над повседневностью, сыграть с жизнью не в поддавки, а в сложную, порой смертельную игру — и победить.

Любимым литературным героем Генриха Сауловича был жюльерновский капитан Немо — человек-идеал. Одной из любимых книг — «Чайка Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха. Чайка, совершившая прорыв в Неведомое, — это и сам Генрих Саулович Альтшуллер.

Чтения

памяти А.Н.Стругацкого и церемония вручения премий «Филигрань–2006» состоялись 26 августа в актовом зале Российского государственного социального университета. Присутствовали писатели, критики, переводчики и любители фантастики. С докладом об идее прогрессорства у АБС выступила Алла Кузнецова; критик Глеб Елисеев зачитал мемуары Алана Кубатиева об А.Н.Стругацком; Владимир Михановский поделился своими воспоминаниями о беседах с Аркадием Натановичем.

Во «втором акте» на присутствующих писателей–фантастов пролился дождь из разного рода литературных премий и знаков отличия. Как всегда, центральным событием вечера стала церемония награждения профессиональной литературной премией «Филигрань». Жюри в составе 15 критиков, работающих в жанре, удостоило награды Александра Громова за роман «Феодал», Геннадия Прашкевича за повесть «Золотой миллиард» и Сергея Лукьяненко за рассказ «Сердце Снарка».

Алексей Герман

наконец закончил на «Ленфильме» работу над картиной по повести братьев Стругацких «Трудно быть богом». Напомним, что съемки начались еще в 2000 году в Чехии. Дата премьеры пока не определена, нет ясности и с названием: вполне вероятно, фильм выйдет в свет под одним из рабочих вариантов — «Что сказал табачник с Табачной улицы».

Алан Дин Фостер

посетил Урал в качестве почетного гостя старейшего в СНГ фестиваля фантастики «Аэлита», проходившего в Екатеринбурге с 26 по 29 июля. Кроме встреч и пресс-конференций с заграничным мэтром, получившим на фестивале приз «Великий мастер фантастики и фэнтези», в программе конвента были представлены традиционный литературный семинар для начинающих авторов, семинар о тенденциях в современной отечественной фантастике, турнир по компьютерным играм, шоу ролевиков, автограф–сессии лауреатов и гостей фестиваля.

Лауреатами призов и премий «Аэлиты–2006» стали: премия «Аэлита» — Александр Громов; приз «Старт» — Ирина Оловянная; премия им. В.И.Бугрова — Андрей Синицын; орден «Рыцарь фантастики» им. И.Г.Халымбаджи — Юрий Натальин и Игорь Кузовлев.

Традиции

отечественного сказочного кинематографа постепенно возрождаются. Продюсерская компания Юрия Гинзбурга при поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии закончила производство фильма «Новая старая сказка». Сценарий картины написал автор «Ежика в тумане» Сергей Козлов, режиссером стала Наталия Калашникова. Главную роль Бабы-Яги, которой после изгнания из города необходимо разлучить двух детишек из деревни Мухоморовка, чтобы обрести новые силы, исполняет Елена Санаева.

Очередной

WorldCon, уже 64-й по счету, проходил в конце последнего месяца лета в Анахайме близ Лос-Анджелеса и завершился церемонией вручения премий «Хьюго». Лучшим романом назван «Спин» Роберта Чарлза Уинстона; лучшей повестью — «Внутренняя работа» Конни Уиллис; лучшей короткой повестью — «Два сердца» Питера Бигла (с ней читатели «Если» уже познакомились в предыдущем номере); лучшим рассказом — «Тк'тк'тк» Дэвида Д.Левайна.

In memoriam

24 июля на 58-м году жизни от рака крови скончался видный болгарский фантаст, хорошо известный в России, издатель НФ-журналов и популяризатор жанра Агоп Мелконян. Писатель родился в 1949 году в Бургасе в семье армянских эмигрантов. Получил два высших образования — в Политехническом университете и на факультете журналистики Софийского университета, в 1972 году дебютировал как фантаст. Первая же книга — сборник «Память о мире» (1980) — закрепила за писателем репутацию мастера психологически утонченной и стилистически безукоризненной философской фантастики с креном в притчевую форму и вывела Мелконяна в категорию ведущих и наиболее авторитетных болгарских фантастов «Новой волны». НФ-проза писателя составила содержание авторских книг «Греховно и неприкосновенно» (1983), «Via Dolorosa» (1987), «Смерть в раковине» (1994), «Тени плоти» (1999), «Беспокойство души» (2004), его рассказы и повести переведены практически на все европейские языки. За вклад в развитие болгарской фантастики А.Мелконян в 1991 году стал первым лауреатом главной национальной жанровой премии «Гравитон».

Агентство F-прессе

БЕЙН Стив (BEIN, Steve)

Начинающий фантаст Стивен Бейн живет в Рочестере (штат Миннесота), где преподает философию в университете. Рассказ «Информацид», опубликованный в журнале «Asimov's Science Fiction» в нынешнем году, стал его НФ-дебютом. В этом же году напечатан еще один рассказ автора — «Прекрасный певец».

ГАЛИНА Мария Семёновна

Писательница, поэтесса и литературный критик Мария Галина родилась в 1958 году в Твери. Окончила биологический факультет Одесского университета. Получив степень кандидата биологических наук, работала в НИИ гидробиологии, занималась проблемами окружающей среды в Бергенском университете (Норвегия). В 1990-е годы работала в «Литературной газете», редактировала книжный дайджест «Библиоглобус»; в настоящее время редактор отдела фантастики издательства «Форум». Живет в Москве.

Мария Галина автор трех поэтических сборников (последний из них, «Неземля», вышел летом 2005-го). Как фантаст выступает с 1996 года, когда вышла серия романов в жанре фантастического боевика под псевдонимом Максим Голицын. Под собственным именем выпустила несколько книг в жанрах фэнтези и сатирической НФ — «Покрывало для Аваддона» (2002), «Прощай, мой ангел» (2002), «Волчья звезда» (2003), «Гиви и Шендерович» (2004), «Глядящие из темноты. Хроники Леонарда Каганова, этнографа» (2004; под псевдонимом) и «Хомячки в Эгладоре» (2005). Критические обзоры и рецензии М.Галиной регулярно публикуются как в жанровой периодике, так и в иных изданиях.

Писательница дважды становилась дипломантом журнала «Если» (за критические выступления); она лауреат премий «Портал» и «Звездный Мост», а также двух поэтических наград — «Читательский выбор» и «Antologia».

КРАПИВИН Владислав Петрович

Мэтр отечественной детской и фантастической прозы, писатель, педагог и поэт Владислав Петрович Крапивин родился в 1938 году в Тюмени в семье учителей. С 1950-х годов живет в Екатеринбурге. Высшее образование получил на факультете журналистики Уральского госуниверситета, работал в местных периодических изданиях, с 1965 года полностью переключился на литературную деятельность.

В 1961 году В.П.Крапивин организовал знаменитый детский отряд «Каравелла». Через год вышла дебютная книга писателя — сборник «Рейс «Ориона». С тех пор В.П.Крапивин выпустил около 200 книг, переведенных на многие языки мира. Немало его произведений вошло в золотой фонд подростковой прозы: это повести «Я иду встречать брата», «В ночь большого прилива», «Дети синего фламинго», роман-трилогия «Голубятня на желтой поляне», цикл «В глубине Великого Кристалла». Целый ряд произведений писателя экранизирован, а

фильм «Колыбельная для брата» по одноименной «школьной» повести завоевал призы на нескольких всесоюзных кинофестивалях. Произведения В.Крапивина удостоены множества литературных наград; писатель — почетный гражданин Екатеринбурга.

МАКСИ Джеймс (MAXEY, James)

Молодой американский фантаст Джеймс Макси родился в 1974 году и начал публиковаться в различных фэнзинах и сетевых изданиях с конца 1990-х годов. Его профессиональным дебютом стал рассказ «На восток, к сияющей звезде» (2005). В том же году вышел и роман автора «Девушка не достанется никому».

В настоящее время Джеймс Макси проживает в Чэйпел-Хилле (штат Северная Каролина).

РЕЗАНОВА Наталья Владимировна

Нижгородская писательница, эссеист, критик и редактор Наталья Резанова родилась в 1959 году. Филолог по образованию, она работала на местном ТВ и в различных нижегородских издательствах; в настоящее время — редактор издательства «Деком». В 1980—1990 годы возглавляла городской КЛФ «Параллакс», редактировала одноименный фэнзин, издавала информационно-критический ньюслеттер «Славная подруга».

Первой прозаической публикацией стал рассказ «Вид с горы», напечатанный в 1989 году в журнале «Уральский следопыт». Спустя 10 лет состоялся и книжный дебют: в 1999 году увидели свет сразу два фантастических романа Н.Резановой «Последняя крепость» и «Открытый путь». Первый из них в 2000 году был удостоен премий «Старт» и «Большой Зилант». С тех пор писательница выпустила еще семь книг — «Удар милосердия» (2002), «Чудо и чудовище» (2003), «Ветер и меч» (2004), «Кругом одни принцессы» (2003), «Не будите спящую принцессу» (2005), «Явление хозяев» (2005; премия «Портал»), «Дети Луны» (2006).

СЛЮСАРЕНКО Сергей Сергеевич

Ученый-физик и писатель-фантаст Сергей Слюсаренко родился в 1955 году в Минске. После школы поступил на физфак Белорусского госуниверситета, но высшее образование завершил уже в Харьковском университете. В 1981 году перебрался в Киев, где живет и по сей день. Кандидат физико-математических наук, автор около 100 научных публикаций, работал в университетах многих стран мира.

Фантастику пишет с 2003 года. В 2005-м вышел роман «Тактильные ощущения», получивший поощрительную премию «Еврокона» за лучшую первую книгу европейского автора.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 55 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ** почтовых услуг.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно, начиная с того месяца,

когда квитанция поступит в издательство.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 330 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 330 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел.: 248-21-90. Факс: 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)